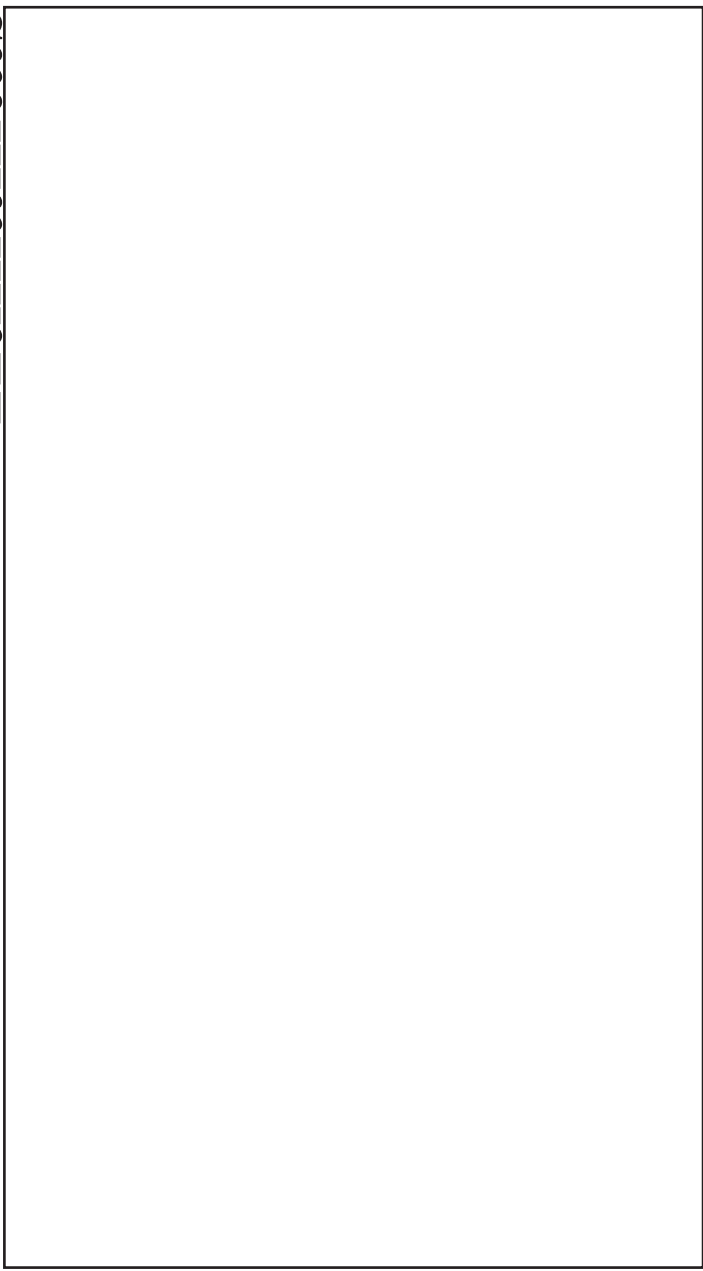

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Ф. Е. Василюк, В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков,
В. А. Петровский, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина

Методология психологии: *проблемы и перспективы*

Центр
гуманитарных
инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2011

УДК 13(082.1)
ББК 87
М54

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), П.П. Гайденко, И.Л. Галинская,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров,
И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов
Серийное оформление П.П. Ефремов

Издание рекомендовано к печати Ученым Советом Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Введение и первый раздел подготовлены при финансовой поддержке
гранта РГНФ. Проект № 11-03-00011-а

**Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г.,
Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.**

М54 Методология психологии: проблемы и перспективы. Учебное
пособие / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. — М.; СПб.: Центр
гуманитарных инициатив, 2012 — 5?? с. (Серия «Humanitas»)

ISBN 978-5-???

Монография посвящена эпистемологическим проблемам современной психологии. Авторы проводят мысль о том, что наиболее интересные и перспективные философско-методологические разработки психологической проблематики располагаются в тех ее областях, где «встречаются» теоретическая психология и ее практически ориентированные психотерапевтические направления. Здесь возникают эвристически плодотворные метафоры, разрабатываются эффективные методики, выдвигаются смелые гипотезы и складываются новые исследовательские стили, методологические ориентиры, а также закладываются основы нового концептуального аппарата современной психологии, определяются контуры новой эпистемологической стилистики ее языка. Книга имеет методическое оснащение, необходимое для преподавания курса «Методология психологии».

Книга предназначена не только для студентов и аспирантов, изучающих методологические основы психологии, но и для широкого круга философов и ученых-гуманитариев, интересующихся эпистемологическими проблемами современных гуманитарных наук.

© Левит С. Я., Осиновская И. А., составление
серии, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Центр гуманитарных инициатив, 2012

Предисловие

У авторов этой книги отсутствует намерение выбрать в качестве методологической перспективы для психологии какую-либо из существующих методологий, будь она общенаучной, относящейся к гуманитарному, социальному или естественному знанию. Слишком велико пространство выбора, предоставленное последними десятилетиями XX — началом XXI в. Наряду с позитивизмом и материалистической диалектикой возникло неправдоподобное разнообразие часто сменяющих друг друга или существующих одновременно наименований методологических подходов в философии, науке и искусстве. Приходится только удивляться, что фундаментальные и добротные выполненные научные исследования устояли под натиском *neo-*, *postneo-*, *after-post-*, *интер-*, *мета-*, *транс-*, *шизо-* и другими префиксами, предваряющими слова: наука, классика, рациональность, модернизм, анализ...

На таком фоне выглядело бы странным стремление подлаживаться под какое-либо новомодное методологическое течение. Еще более странным выглядело бы стремление изобрести или построить новое из подсобных материалов внутри методологии самой по себе. Причина подобного нежелания состоит в кризисе традиционной методологии научного знания, в том числе и психологической. Это состояние сегодня интеллигентно обозначают как «методологическая передышка» от «методологического принуждения» или добровольного «методологического ригоризма». Не без удовольствия говорится также о «методологическом либерализме», «методологическом плюрализме», даже о «методологическом анархизме». Наряду с этим есть еще и «антиметодологическая» идеология постмодернизма. Однако надо признать: свобода — это, конечно, хорошо, но сама по себе «свобода от...» ни методологии, ни метода в научном исследовании заменить не может. Причина кризиса глубже. Дело в том, что сама методология представляет собой «тип

рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности»¹. И к концу XX столетия философия, наконец, утвердилась в понимании того, что методологическое сознание всегда уже противостоящего ему объекта, в том числе или тем более «объекта» психологического исследования. С расширением понятия объективного и включением в его состав субъективно-деятельностных проработок реальности требуется поиск новых видов рефлексивности, учитывающих это важное обстоятельство.

Имеется и другая, более широкая трактовка методологического подхода: это принципиальная философская ориентация, точка зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий стратегией исследования (Э. Г. Юдин). Эта позиция представляется нам куда более плодотворной, чем понимание методологии как универсальной методики, пользуясь которой исследователь непрерывно может делать научные открытия и наращивать новое истинное знание. Однако методологические ориентиры приобретают смысл, когда определен объект исследования. Главная же проблема, стоящая перед психологом, в том, что «психическое» в значительной степени не определимо раз и навсегда для всех одинаково, и, более того, в принципе не может быть универсальным образом определено как предмет такого исследования.

Эта — философско-методологическая, по сути — позиция представлена *в первом разделе* книги. Здесь авторы обсуждают наиболее острые философские проблемы современной методологии психологических исследований. Методологическому сомнению подвергаются, казалось бы, незыблемые научные принципы: принцип объективности, детерминизма, однозначность категориального аппарата науки и др. Но критика для авторов не является самоцелью. Мы стремились показать продуктивность саморефлексивного восхождения исследователя к собственной философско-методологической позиции. Так сказать, сквозь термины к смыслу. Авторы погружают читателя в «живые метафоры смысла», с по-

мощью которых психолог может проложить свой путь к предмету исследования. В центре внимания методологический проект «органической» (культурно-исторической) психологии, открывающий психологам простор для междисциплинарных исследований. Культурно-историческая психология действительно органична культуре, культурной антропологии, образованию, психологии искусства и искусству, психологии развития, детской и возрастной психологии, психологической педагогике, физиологии активности (психологической физиологии), нейропсихологии, психолингвистике и нейролингвистике, психоанализу, патопсихологии, психотерапии, дефектологии, социальной психологии, инженерной психологии и эргономике и т. д. Даже самонадеянная на первых порах когнитивная психология в последние годы обращается к трудам Выготского и Пиаже.

В первом разделе также демонстрируется, как на междисциплинарном перекрестке культурно-историческая психология сближается с деятельностным подходом, трансформируясь фактически в широкий культурно-исторический подход к различным психологическим феноменам. Методологическим ориентиром для авторов становится здесь культурно-историческая рефлексия, т. е. постоянный «разговор» с психологами и философами прошлого: Г. Г. Шпетом, П. А. Флоренским, А. Ф. Лосевым, Л. С. Выготским, Д. Б. Элькониным, А. Н. Леонтьевым, В. В. Давыдовым, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорским и др., в котором прорисовываются контуры новой методологии, позволяющей снять дихотомию «внешнего — внутреннего» и увидеть предмет психологии за рамками традиционных методологических стереотипов. В этом «разговоре» происходит методологическая проблематизация таких, казалось бы, устоявшихся психологических понятий, как личность, понимание, сознание, деятельность, рефлексия, опосредование и др. А также раскрывается необходимость обращения к знаково-символическим системам (медиаторам смысла) для современных психологических исследований.

Такого рода «разговор» осуществляется во всех разделах данной книги. Авторы не декларируют универсальные принципы и методики, но обращаются к методологическим потребностям самой психологической науки, к конкретному методологическому запросу наиболее продвинутых и перспективных направлений психологии,

¹ Швырев В. С. Методология // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 553.

чутко отзывающихся на современную культурно-историческую ситуацию. Такие наиболее интересные и перспективные направления разработки психологической проблематики располагаются, на наш взгляд, в тех ее областях, где «встречаются» теоретическая (если угодно, общая) психология и ее практически ориентированные психотерапевтические направления. Здесь разворачиваются содержательные дискуссии, возникают эвристически плодотворные метафоры, разрабатываются эффективные методики, здесь выдвигаются смелые гипотезы и складываются новые исследовательские стили, здесь, наконец, закладываются основы нового концептуального аппарата науки о психическом, определяются контуры новой эпистемологической стилистики ее языка. И именно здесь, мы полагаем, в области взаимодействия, в области столкновения и взаимопроникновения установок прикладной и фундаментальной психологии складывается ее новый методологический инструментарий, новая методология психологии, способная сочетать в себе системность рационального взгляда на психику и открытость, способность переступать через собственные пределы.

Во втором разделе представлены методологические стили современных психологических исследований. *В первой главе* авторы рефлексивно оценивают свой собственный опыт построения психотехнической системы. Здесь методология не является предметом, о котором говорят на уровне долженствования. Она «работает» внутри конкретной области психологических исследований — понимающей психотерапии. Для описания своего исследовательского опыта авторы используют концептуальный язык классической методологии, сохраняя с ней преемственную связь. Однако сам предмет — психотерапевтические практики — в сочетании с традиционным методологическим инструментарием приводит авторов к концептуально значимым для современной психологии выводам. Читателям предлагается самим задуматься и оценить результативность авторского использования тех или иных методологических принципов, понятий и конкретных методик, с помощью которых выстраивается концептуальный каркас этой области психологического знания, работающей на стыке теоретической и прикладной науки.

Вообще говоря, в том, что именно на этом стыке сегодня формируется новая стилистика методологической рефлексии, нет ничего

необычного. Аналогичные процессы протекают в самых различных областях современной науки. Философско-методологическая рефлексия всегда была и остается ответом на ее методологические запросы. Пожалуй, лишь радикальность перемен, связанная с нарастанием массива прикладных исследований, отличает день нынешний от дня вчерашнего. Но отличает весьма существенно. Дело в том, что прикладные исследования, отесняя теоретические, вырабатывают собственные специфические мотивации и социокультурные установки, проникающие на все уровни научной деятельности, вплоть до методологических. Конечная цель прикладной науки — предписание для производства, точный и технологически эффективный рецепт, поэтому для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а технологическая эффективность знания — самодовлеющей. В случае фундаментальной науки перспективы исследований определяются главным образом задачей выявить и постигнуть еще непознанные характеристики мира, и лишь внутри этой задачи она может концентрироваться на совершенствовании технических средств и технологических возможностей общества. Прикладная наука озабочена расширением технологических возможностей, и лишь решая вполне определенные практические задачи, как правило, навязанные ей обществом, она может породить и новое знание о мире. При этом спорадически получаемое в рамках прикладных исследований новое знание отнюдь не рассматривается здесь как плацдарм для проникновения в новые, еще не познанные области мира, но выступает лишь как средство решения вполне конкретной практической задачи и потому зачастую может выступать в формах, неприемлемых для поиска нового знания (рецепт, например). Кроме того, в планировании исследований и экспертной оценке полученных в прикладной науке результатов резко возрастает роль финансирующих организаций (явного или неявного заказчика), а полученное знание превращается в товар и чаще всего оказывается собственностью соответствующих институтов, которые зачастую изымают его из научного общения. Впрочем, и субъектом познания здесь зачастую оказывается именно организация, институт, что не может не отразиться на эпистемологических параметрах получаемых результатов.

Все эти процессы имеют место и в психологии. Тем не менее авторы книги стремились показать возможности новых отношений

фундаментальных (теоретических) и прикладных компонентов. Так, во второй главе *второго раздела* «Активная неадаптивность, или Человек над ситуацией» описываются экспериментальные методики, которые послужили основанием для широких теоретических обобщений в психологии. И в этой главе авторы не вырабатывают и не обсуждают универсальные методологические принципы и приемы. Методологический пафос этой главы в том, чтобы показать принципиальную актуальную, действенную возможность самопроявления человека как субъекта в некоторой наблюдаемой ситуации. Ситуация эксперимента содержит в себе *вызов*, который ни под каким видом нельзя отождествить с *требованием* ситуации. Методология здесь, как и в первой главе, выступает в качестве «инструментария», и читателям предлагается самим оценить эффективность используемых методологических приемов в конкретных исследовательских ситуациях. Работая в таком режиме, — в режиме методологии как инструментария, а не как предмета, — мы предполагали, что педагогический смысл нашей книги состоит в том, чтобы не давать готовых форм методологического знания и не формулировать методологические нормативы, но, описав свой опыт методологической рефлексии, предоставить читателям свободу в поиске своих методологических ориентиров.

Именно в контексте этого вопроса и приобретает сегодня проблемный смысл разработка новых форм философско-методологической рефлексии над психологией. При этом подчеркиваем необходимость, прежде всего, положительной теоретической и лишь затем собственно методологической работы. На протяжении многих десятилетий значение методологии для психологических исследований явно переоценивалось, что наносило ущерб теоретической работе. Переоценивается методология и сейчас, особенно в конструктивистских направлениях, непосредственно ориентированных на прикладные разработки (см. об этом главу *б первого раздела*). Описывая реальный опыт психологических исследований с помощью концептуального языка методологии, авторы стремились показать, что в нынешней ситуации, методология, какой бы она ни была, — позитивистской, диалектической, системной и т. п., не может, минуя теорию, прямо сопрягаться с эмпирией и экспериментом, погруженным в прикладное исследование. Открытия возможны на кончике пера у теоретика, а не у методолога.

Методолог науки, по самой своей сути, осмысливает то, что и как делает теоретик, т. е. то, что извлекается фундаментальной наукой из прикладной и концептуализируется в ее языке.

При этом для авторов книги важно, что знание возможно только в сознании человека, способного *в своем сознании* с помощью рефлексивных процедур особого рода различить знание о мире и мир, как он существует как бы сам по себе; различить образ действительности (смыслообраз) и действительность, которая в этом образе как бы отображена, т. е. осмыслена; себя как познающего субъекта и познаваемый объект. Языковая выраженность знания играет в этом различении принципиальную роль. Человек может «раствориться» в потоке личных переживаний, даже если эти переживания прямо связаны с внешними обстоятельствами. Предмет веры, объекты эстетического восприятия и некоторых форм духовно-практического переживания мира могут почти до неразличимости сливаться с содержанием соответствующих смыслообразов и именно переживаться человеком как нечто целостное, нерасчленимое, присутствующее в нем непосредственно. В знании человек «раствориться» не может, тем более в знании научном. Познающий человек способен как бы отстраняться от содержания своих ментальных образов, фиксируя их с помощью рефлексии и относя их содержание к объекту. Наука как подсистема культуры (именно европейской культуры) существует постольку, поскольку способна удерживать эту отстраненность, а рефлексия над научно-познавательной деятельностью, философско-методологическая рефлексия как раз и выполняет эту роль, опираясь на язык.

Непосредственной реальностью, с которой имеет дело методологическая рефлексия над наукой, являются языковые формы бытия знания (слова-понятия, т. е. понятия, выраженные в словах), выработанные в науке. Этому посвящен *третий раздел* нашей книги «*Терминологические основания методологии психологических исследований: тематический словарь*». Опираясь на эти формы бытия знания, методология стремится зафиксировать в терминах, описывающих процедуры и нормы языковой деятельности, условия и нормы реальной познавательной деятельности в науке. При этом ее специфический ракурс исследования слов-понятий задается их особой трактовкой: эти формы бытия знания рассматриваются как способы формирования общезначимых (и в этом смысле, объек-

тивных), ориентированных на универсальное общение представлений о мире. В ориентации на выработку языка универсального общения и состоит культурно-исторический смысл науки. Именно благодаря такому ракурсу рассмотрения языка науки в методологической рефлексии проступает, с одной стороны, функциональная универсальность знания по отношению к практическим контекстам, а с другой — его всегда конкретная, прикладная природа. Этой задаче подчинена структура *третьего раздела*. Здесь последовательно раскрываются тематические понятийные гнезда современной методологии психологических исследований: подходы, направления, принципы; методы и методики в психологии; наблюдение; эксперимент; анкетирование, опрос, интервью; тестирование; измерения в психологии.

* * *

Коллектив авторов благодарит Российский гуманитарный научный фонд и Научный исследовательский университет — Высшая школа экономики за финансовую поддержку, а также выражает искреннюю признательность студентам Государственного академического университета гуманитарных наук Оксане Веселовой, Рустаму Сабанчееву, Ирине Щедриной, Анастасии Шушкиной за научно-техническую работу над изданием этой книги.

Введение, или О культурно-исторических тенденциях в методологии науки

«Открытие» античными греками рефлексии Г. Г. Шпет считал событием настолько культурно значимым, что фактически маркировал им возникновение европейской культуры: «Чистый европеизм, — писал он, — пробудился в тот момент, когда первый луч рефлексии озарил человечеству его собственные переживания»¹. В том числе, очевидно, «озарил» и когнитивное переживание ментальных образов, несущих информацию о мире, делающих его осмысленным. Собственно этим «озарением» и конституируется знание как культурный феномен. Оно определяет нормы конституирования знания как духовно-личностного феномена и удерживает знание как феномен культурный.

Стремление понять, каким образом удастся посмотреть на познание как бы со стороны, т. е. сделать его предметом рефлексии, образует одну из центральных тем философии на всем протяжении ее истории. И история эта достаточно убедительно свидетельствует: все попытки найти имманентно присущие знанию способы его бытия вне его языковых воплощений, вне Слова, оказывались в конечном счете безуспешными, а возникавшие при этом «субстанциализации» знания «самого по себе» всегда в конечном же счете оказывались мистифицированным вариантом тех языковых форм, в которых знание фактически представлено и функционирует в системе культурных коммуникаций. Знание есть феномен именно словесный (языковой). И именно в Слове рефлексия отыскивает

¹ Шпет Г. Г. Мудрость или разум // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 314.

основания для конституирования, а следовательно, и различения самого знания и того, о чем это знание, т. е. объекта знания.

Греки, впервые открывшие для себя знание как культурный феномен и создавшие науку, хорошо осознавали языковую природу познания. Они достаточно ясно отдавали себе отчет не только в том, что «выразимость» в Логосе, в Слове — принципиальная характеристика знания, но понимали также, что и само знание строится по канонам языка. Языка, разумеется, письменного — допускающего внимательное рефлексивное рассмотрение. В силу уникальных особенностей античной Греции, Слово стало для Греков мощным практическим организатором (и в политической жизни родного полиса, и в создании колоний зачастую во враждебной среде, и в ремесленном изготовлении вещей). Слово осознавалось как инструмент и принцип устройства жизни — оно организовывало жизнь полиса, войну, торговлю, мир. И потому стало предметом их пристального внимания. В результате к VI в. до н. э. появились теории стилей, каноны уместности и целесообразности употребления Слова. И впервые именно в античной Греции поиск специфических языковых канонических представлений знания о мире становится предметом рефлексивных размышлений. Глубинную связь формы слова и знания ясно осознавал уже Анаксимандр, считавший необходимым освободить Логос от стихотворной формы, чтобы оформить знание. «*Элеаты, Гераклит и Демокрит*, — писал Шпет, — по-видимому, <понимали> исследование *познания в связи с языком*»². Лосев также отмечал существующую у Греков связь познания с языком: «Мы уже знакомы с рассуждением Аристотеля об аналогии атомов Демокрита с буквами. Самое существенное сводится здесь к тому, что, по Демокриту, А от В отличается фигурой, *schemati*. Это значит, что Демокрит мыслит свой атом как фигуру, как маленькую фигуру типа буквенного образа. Более того, мы чуть ли не на каждом шагу наталкиваемся в античности на элементы, понимаемые в виде буквы. Само название “элемент” — *stoicheion* — значит “буква”»³. Так закладывались основания языковой рефлексии, конституирующей знание в науке.

² Конспект курса лекций Г. Г. Шпета по истории наук // *Шпет Г. Г.* Философия и наука. Лекционные курсы. Отв. ред.-сост. Т. Г. Шедрина. М., 2010. С. 336.

³ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. (Ч. II. Гл. 7. § 5) Т. I. М., 1963.

Достаточно эффективное, и ныне вполне «работающее», определение знания есть у Платона. Оно в принципе не бесспорно, да и сам Платон не был им удовлетворен, но тем не менее из него ясно видно — греки прекрасно осознавали, что значит знать: «... знание — это истинное мнение с объяснением, а мнение без объяснения находится за пределами знания. Что не имеет объяснения, то непознаваемо, <...> а то, что его имеет, познаваемо»⁴. И далее: «[объяснять — значит] выражать свою мысль звуками с помощью глаголов и имен, причем мнение как в зеркале или в воде отражается в потоке, изливающимся из уст»⁵.

Греки открыли знание — представление о фрагменте действительности, сознательно «сказанное», т. е. «построенное» в мысли в соответствии с определенными требованиями (с определенными нормами и стандартами) языка под контролем рефлексии. И даже сегодня, в «эпоху постмодерна», когда все классическое ставится под сомнение, эта связь языка и знания акцентируется, причем философами далеко не классическими. «Самой изначальной сущностью науки, — писал Мишель Фуко, — является ее вхождение в систему словесных связей, а сущностью языка — с его первого слова — быть познанием. В строгом смысле слова, говорить, освещать, знать — однопорядковые вещи»⁶. В современной отечественной философии эта функция языка в познании вошла в энциклопедические словари и справочники: «Язык науки — не просто форма, в которой выражается внешнее по отношению к ней научное содержание, а именно способ возникновения и бытия научного знания»⁷.

И естественно, что именно на Слово, на анализ языка науки ориентируется рефлексия, фиксирующая условия, нормы и стандарты научного познания, т. е. фиксирующая условия, нормы и стандарты различения и соотношения реальности и знания о ней. На всем протяжении истории науки и во всех когнитивных ситуациях именно анализ научных текстов был исходным пунктом такой рефлексии. Так было в античной и средневековой науке. Так

⁴ *Платон.* Теэтет 201c—206d // *Платон.* Сочинения. В 4 т. Т. 3. М., 1993. С. 263.

⁵ *Там же.* С. 269.

⁶ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 122.

⁷ *Швырев В. С.* Язык науки // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 509.

было и в Новое время, когда Декарт и Бэкон создавали первые учения о методе. Возникновение собственно методологии, конечно, изменило характер рефлексии, но не ее суть и роль в познании. На анализ концептуального языка науки опирались позитивистские и неокантианские методологические концепции XIX в., из анализа языка науки исходили программы неопозитивизма. К анализу языка возвращаются современные методологические концепции. И мы, авторы этой книги, чтобы выявить наиболее перспективные формы методологии психологии, отталкиваемся от формирующихся сегодня в теоретических областях психологии «слов-понятий». Ибо только таким образом и можно понять, в чем собственно нуждается современная психология для создания языковых форм бытия психологического знания. На что она опирается в поисках методов научно-познавательной деятельности в психологии? И весь ли значимый для рефлексии над наукой потенциал этих форм исчерпан существующими методологическими концепциями?

Методологию, таким образом, можно представить как грамматику языка науки. Это рефлексия над правилами употребления и выработки языка для выражения процессов и результатов научной деятельности. Конечно, могут возразить: методы наблюдения или эксперимента никак не относятся к языку науки, но раскрывают способы работы с самим объектом. Однако даже при наблюдении и эксперименте мы имеем дело не с объектом как таковым, но с предметом, представленным в языке, выраженным с помощью определенных слов-понятий. Если исследователь проводит эксперимент, он именно в языке его контролирует, описывает каждый шаг и удерживает его результаты. Научная деятельность это всегда работа внутри особым образом организованной языком реальности. Научное знание — это, если угодно, предельно полно выраженная в языке реальность. Значит, повторим еще раз, методология — это всегда исследование языка науки, включая все элементы способов выражения: рассуждение, описание, аргументацию и т. д.

С таким историческим самосознанием мы и обращаемся к той реальной ситуации и к тем реальным проблемам, с которыми сталкивается современная психология. Методологическое исследование форм бытия знания всегда привязано к содержанию наличного знания и никоим образом не может абстрагироваться от него. В процессе выявления особенностей языковой организации научных

текстов методолог должен определить их как структуру знания, иначе он потеряет предмет своего исследования. При этом он просто не может не опираться на те конкретные содержательные предпосылки, которые позволили реальному исследователю создать этот научный текст и рассматривать данное языковое образование как знание. Фактически методолог занимается толкованием научных текстов, совершенствуя при этом свои представления как об их формальной структуре, так и о содержательных предпосылках их понимания (осмысленности). Возникающий здесь круг по существу ничем не отличается от герменевтического и «разрывается» благодаря смещению исследования то на один, то на другой аспект текста. Ритмика этого процесса образует историю методологии, а ее «логику» задает тот факт, что, проясняя формальную структуру знания, методолог, по сути дела, проясняет содержательные условия осмысленности знания.

Эта характерная гуманитарная «двойственность» методологического исследования создает определенные предпосылки для абсолютизации того или иного его аспекта. Причем предпосылки достаточно серьезные. Так, например, привлечение методологией средств математической логики открыло в свое время столь впечатляющие перспективы, что в методологической литературе (отнюдь не только позитивистской) методологию долгое время отождествляли с формальным анализом знания. Неопозитивизм в немалой степени способствовал усугублению этой односторонней трактовки. Однако одним влиянием неопозитивистов вряд ли можно объяснить, почему методологи упустили из виду тот факт, что областью, где впервые был применен логико-математический анализ знания, является математика, а в ней представления о формальной структуре знания выступают непосредственно как конкретные *содержательные* предпосылки его осмысленности.

С другой стороны, сегодня контекстов употребления термина «методология» так много, и они столь разнообразны, что термин этот зачастую просто теряет исходную смысловую наполненность — теряет метод как объект исследования. Между тем методология есть учение именно о методе, т. е. о вполне определенном типе деятельности. Достигать осуществления своих потребностей человек может отнюдь не только методически, но и самыми различными способами, даже весьма неожиданными для

самого себя. Можно «обретать» результат, можно «получать его в дар», можно на него «наталкиваться». Но к таким способам достижения результатов научной деятельности метод никакого отношения не имеет. О методе как о конкретной методике мы можем говорить тогда, когда речь идет о сознательной и воспроизводимой последовательности действий, ведущих к достижению цели. Но такого рода методике уместны лишь в повторяющихся ситуациях и расширение такого понимания методологии на познание в целом игнорирует тот факт, что познание есть творчество. Методическое представление о методологии превращает познание в технологию, с одной стороны, и в деятельность по формальной организации научных исследований, с другой. Однако методология в ее культурно-исторической ориентации отличается от технологий прежде всего тем, что обращение к методу как способу достижения результата предполагает не только целенаправленное использования опыта достижения аналогичных результатов, но и *сознательную опору на исторический опыт творческого развития знания*.

И очень жаль, что некоторые современные исследователи, понимающие методологию в узком технологическом или менеджерианском смысле, пытаются сегодня полностью отказаться от нее и превращают термин «метод» применительно к научному типу деятельности в метафору. Конечно, такое превращение отнюдь не всегда делает эту метафору бессмысленной и неэффективной. Более того, совсем не возбраняется, а иногда и весьма эффективно можно рассуждать о таких методах познания, как «метод вживания», «метод интуитивного схватывания» или «методы творчества». Но, рассуждая о методах психологии (как, впрочем, и вообще о методах гуманитарных наук), мы не можем упускать из виду культурно-историческое определение метода. Тем более, что когнитивный потенциал языка, как обнаружилось, отнюдь не исчерпывается его логическим синтаксисом.

В истории методологии всегда, что вполне естественно, присутствовали попытки свести идею научного метода к анализу логических оснований языка науки и представить метод в виде совокупности универсальных логических процедур. Последней такой попыткой, как уже говорилось, был логический позитивизм (неопозитивизм). Сегодня в области философско-методологической рефлексии господствуют постпозитивистские представления, вы-

водящие рефлексии над научным познанием не только за пределы логики, но зачастую и за пределы языка, акцентируя внимание лишь на внеязыковом опыте общения. Что менее естественно для методологического сознания науки, но тем не менее неизбежно присутствует в нем в качестве установки, акцентирующей внимание на творческо-поисковом моменте познания и тем самым уравнивающей формализм метода. Сегодня, однако, мы можем наблюдать во многих научных областях именно абсолютизацию этой установки.

В результате господствующие ныне методологические концепции фактически отказались от выявления ориентиров познавательной деятельности в пользу ее дескрипции. Эти концепции видят свою задачу в том, чтобы лишь описывать внешние социальные аспекты деятельности ученых, и не пытаются осознать их опыт, как культурно-исторический опыт познания, прикрываясь тем, что предмет знания изменчив, а стало быть, и никакого опыта познания быть не может. Иными словами, мы имеем здесь дело с отказом философско-методологической рефлексии над наукой от своих собственно методологических функций как функций ценностно-культурных. На место философско-методологической рефлексии, в рамках этих представлений, заступают положительные науки о научном познании — социология знания (описание научных институций), научная политика (описание менеджмента в научной деятельности), когнитология (описание познавательных возможностей вообще и человека в частности) и пр.

Между тем методология в ее культурно-исторической проекции видит свою задачу в том, чтобы выявить рефлексивный запрос самой психологии, ее научные потребности и тем самым обозначить концептуальные контуры философско-методологической рефлексии, в которой нуждается эта область знания. Наличие философской составляющей в рефлексии над наукой является необходимым условием научного познания вообще, и гуманитарного познания, к которому принадлежит психология, в особенности. Нормативные функции методологии по отношению к науке истекают отнюдь не только из стандартности познавательных процедур, повторяющихся в деятельности ученых, но коренятся в должностовании ценностных оснований научно-познавательной деятельности, в статусе науки как феномена определенной культуры, в ее ориентации на выполнение своих культурных функций.

Философия проясняет культурный статус научного познания и в рамках рефлексии удерживает его культурный смысл, его ориентацию на общезначимость (объективность) добываемого знания. Она обосновывает роль познания в культуре, соотносит науку с культурным контекстом и с культурной потребностью в общезначимом, выраженном в языке представлении о мире. В этом качестве философия в рефлексии над наукой не может заменить никакой формализм и никакая положительная наука о науке. В лучшем случае наука о науке может продемонстрировать социальную роль и прагматические цели познания. Но наука, не осознающая себя культурно-историческим феноменом и не испытывающая в этом внутренней потребности, лишается целостности, а в сегодняшней ситуации и перспективы. На наш взгляд, это — важнейший аспект методологического запроса современной психологии, реализующийся в психологии культурно-исторической.

Методология может изобретать и какие-то новые методы, но, на наш взгляд, она принципиально вторична. Таким образом, наша задача состоит даже не в построении более или менее широкой или частной методологии, а в работе над *теоретическим миром* психологии в его культурно-исторической проекции. Может, более точно (и скромно!) следует определить эту задачу, как задачу нахождения психологией своего места в культурно-историческом мире научного знания. «Ты должен все узнать, — говорит сам Парменид, — и колебимое сердце совершенной Истины, и мнения смертных, в которых нет истинной достоверности»⁸. Г. Г. Шпет, приводящий эти высказывания Парменида, развивал важную не только для философии, но и для психологии идею: «...философия как знание сознается тогда, когда мы направляем мысль на самое мысль. <...> Бытие само по себе есть бытие, и только. Лишь через мысль бытие становится предметом мысли и, следовательно, предметом философии как знания. Нужно прийти к этому сознанию, что бытие философски есть через мысль, что предмет мысли и предмет бытия есть одно и то же, есть *один* предмет. “Одно и то же, — по Пармениду, — мышление и бытие”. Или он говорит еще яснее: “Одно и то же мышление и то, на что направляется мысль;

⁸ Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 316.

и без сущего, в зависимости от которого высказывается мысль, ты не найдешь мышления”. И так, не только предмет бытия для философии есть предмет мысли, но и мысль, на которую направляется философия, есть непременно мысль о предмете, и мысли “ни о чем”, следовательно, нет. Здесь у философии как знания прочное и надежное начало»⁹.

У психологии, как и у философии, такое же прочное и надежное начало: объективированная мысль. Анализируя ее, мы проникаем в психологические феномены. Здесь, по мнению авторов книги, открывается перспектива культурно-исторической психологии — расширять и дополнять наши знания о мире культурно-исторического сознания, создавать целостную картину его смыслов и сквозь нее проникать в структуру психики с ее памятью, вниманием, движением, эмоциями, сознанием и т. д. В этом состоит ее интегративная функция. Вообще, мы полагаем, что эмпирическая часть исследований в области культурно-исторической психологии состоит в том, чтобы искать и находить как можно больше пересечений в концептуальных построениях философов, поэтов, психологов, писателей, драматургов, естествоиспытателей и тем самым выявлять основания мира концептов культурно-исторической психологии. И при этом принципиально важно не упускать из виду, что эти тематические линии реализуются в разговоре, в общении. При таком понимании культурно-исторического сознания идея перестает быть только отблеском реальности, а становится вполне полноправной реальностью, которая в определенных случаях более объективна, чем объективный мир в привычном для нас смысле слова. Однако орудием ее познания является не чувственность, а мысль.

Сказанное Парменидом и прокомментированное Шпетом имеет прямое отношение к психологии в целом, в особенности к психологии мышления и сознания. Речь идет не только об их предметности, но и бытийности. Мамардашвили, излагая учение Платона об идеях, говорил, что «идея — это не абстракция, не общее, а нечто онтологическое, т. е. не то, что мы сегодня склонны понимать в чисто гносеологическом смысле слова. На самом деле, идею следует рассматривать как существующую абстракцию порядка, как

⁹ Там же. С. 316—317.

абстрактную структуру или как абстрактную ткань, обладающую свойством производить другие порядки, упорядочивание (например, в головах людей)¹⁰. «Идея есть правило интеллигибельности, т. е. правило понятности того, о чем мы говорим, это максимальный, предельно мыслимый вид предмета»¹¹.

Важно подчеркнуть, что для построения культурно-исторического мира психологического знания его «строительным материалом» является мысль, а средством его построения является мысль о мысли. Эта культурно-историческая психология и является той, так сказать, предметной сферой, на которую направлено и из которой исходит в нашей книге философско-методологическая рефлексия над психологией. Мы, таким образом, хотим, прежде всего, очертить контуры философско-методологического запроса из самой психологической науки. Это кажется авторам более важным, чем описания методологических концепций, неоднократно представленных в литературе и учебных курсах и проецируемых на реальную работу психологов.

Что же касается «встречного» движения со стороны философско-методологической рефлексии над наукой в целом, то авторы акцентируют мысль о том, что еще в прошлом столетии методология начала принимать на себя роль участника в разработке широких методологических подходов (системный, исторический, деятельностный) и в их рамках новых методологических стратегий. Эта роль как бы надстраивалась над жесткими нормативистскими логико-методологическими установками. Однако, как мы отмечали в предисловии, она предполагала изначальную определенность предмета исследования, его, так сказать, данность. К концу XX столетия ситуация в научно-познавательной деятельности стала меняться и в этом плане. И по мере того, как в науке нарастали интегративные процессы и резко интенсифицировался перенос методов и их взаимодействие, по мере того, как для решения исследовательских и прикладных задач стали все чаще формироваться сложные методологические конфигурации и складываться трансдисциплинарные подходы, в методологии

¹⁰ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 2009. С. 158.

¹¹ Там же. С. 161.

обозначились тенденции, меняющие наши представления о соотношении предмета и метода, а стало быть, меняющие и основные параметры философско-методологической рефлексии над наукой. Происходят подвижки в ее концептуальном аппарате, наметились тенденции изменения ее способов вхождения в науку, способов выполнения собственно методологических функций в познании. В этой обновляющейся методологии науки на передний план выдвигаются элементы ценностной ориентации, идеи «человекоразмерности» познавательной деятельности, антропологических параметров творчества и научного поиска и пр. Это расширяет понятие методологии, вводя в него новые эпистемологические проблемы, ориентирует ее на ценности, на проблемы ответственности, на сюжеты, связанные с экологией мышления и пр. Мы называем эти тенденции в философско-методологической рефлексии над наукой культурно-исторической эпистемологией.

Одна из важнейших особенностей этого философско-методологического подхода заключается в том, что в качестве важнейшей составляющей методологии науки культурно-историческая эпистемология рассматривает сознание самими учеными методологических параметров их деятельности. В том числе и прежде всего осознание ими их культурно-исторических координат, их местоположения в истории науки. Центральное, по сути, понятие этой философско-методологической концепции — понятие *стиля научного мышления*, было введено самими учеными (М. Борн, Л. Флек) для осмысления того, к какого рода (смысловому) периоду в истории науки принадлежит их деятельность (см. подробнее раздел III, глава 1).

Непосредственно к сознанию самих ученых, к самосознанию науки в первую очередь, а не к профессиональному осмыслению их деятельности в рамках философии науки заставляет обратиться то обстоятельство, что в нем, по существу, господствует сегодня понятие «парадигмы». Это центральное ныне понятие современной философии науки в свое время (середина XX столетия) вытеснило понятие *стиля научного мышления* и из отечественной и из западной философии науки, а вместе с ним и важнейшее методологическое измерение научно-познавательной деятельности — осознание ученым смыслового (семиотического) поля, в котором он работает. В понятии парадигмы утеряно смысловое единство, в котором рабо-

тает научное сообщество, восполняется социологизацией механизмов, обеспечивающих это единство мнений в конкретных исторических условиях. В результате, определяющим фактором научного познания становится его социокультурная детерминация, и само познание предельно релятивизируется к социальным структурам и запросам. Между тем самосознание ученых сопротивляется этому релятивизму. И философско-методологический анализ, предполагающий не только как бы внешнее, «объективное» рассмотрение науки, но и рассмотрение методологического самосознания ученых, как фактора их деятельности, ориентирует на поиск антирелятивистских установок.

Понятие стилей научного мышления открывает возможность нерелятивистского осмысления исторических этапов динамики науки. Оно содержит в себе идею *смыслового* единства (не только формального), реализованного в стиле как специфической характеристике языка науки (вероятностный стиль, синергетический стиль и пр.). И идею поливариантности как характеристики стилистического многообразия «выражения» знания об одном и том же фрагменте мира в языке науки. Эти идеи, как представляется, присутствуют в исследованиях работающих психологов, в их поиске.

Здесь еще очень много неясного, спорного, просто — сомнительного. Но нам представляется, что это выход из тупиков методологического релятивизма. Выход и для методологии науки и для самосознания самой науки. Что мы и пытаемся продемонстрировать в этой книге о новейших тенденциях в современной методологии психологии.

Раздел I. Философско-методологические проблемы психологии

Размышления о смысле «неистребимы, как сама природа», они дают шанс построить «свободу для...». Л. С. Выготский писал, что как показали Локк, Лейбниц и все языкознание, *все слова* психологии суть метафоры, взятые из пространств мира. Можно, конечно, спорить: все ли слова в психологии суть метафоры, но то, что слову «смысл» психологи не дают строгого определения — несомненно. Не дал его определения и Выготский. Своеобразное оправдание отсутствия или неудовлетворительности определения понятия «смысл» мы находим у А. Н. Леонтьева. Эпиграфом к первой в отечественной психологии монографии «Психология смысла» Д. А. Леонтьев взял его слова: «Проблема смысла — это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии». Из содержания книги следует, что понятие смысла должно было бы быть первым и без него не может быть построено ни общее учение о психике, ни система психологии, если к науке вообще применим термин система. Дело даже не в том, будет ли понятие смысла исходным или венчающим, а в том, что смысл нужно (а нужно ли?) еще сделать понятием, а там уж, как Бог даст, будет ли это понятие аналитическим или синтетическим. Это не значит, что в психологии и в гуманитарном знании в целом отсутствует понятие смысла. Напротив. Таких понятий слишком много.

Д. А. Леонтьев, проанализировав множество определений (трактовок) смысла, высказывает предположение, что за понятием (точнее было бы сказать за словом-понятием) «смысл» скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная смысловая реальность¹. Думаем, что это не предположение, а констатация положения вещей

¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. С. 105.

с определением смысла. Определение понятия — вообще задача довольно трудная (и неблагодарная), а определение понятия смысл вызывает трудности беспрецедентные. Ведь в треугольнике Г. Фреге самое понятие есть сигнификат смысла: соответственно, смысл (слово), обозначающее смысл (денотат), есть смысл (понятие).

Чтобы не путаться в этих трех соснах, не станем вдаваться в споры о понятиях, а примем, что смысл — это не столько понятие, сколько концепт культуры. Ю. С. Степанов понимает его как «явление, родственное понятию, но отличающееся от него содержанием, формой, и сферой существования: его сфера — ментальный мир, не логика, а культура в любой из ее областей; его форма — не научный термин, а слово и словосочетание общего языка; его внутреннее содержание — достояние всего общества...»². Мы полагаем, что и Л. С. Выготский был далек от понятия «смысл», тем более от понятия аналитического. Аффективно-смысловые образования были для него культурной реальностью. Его версия культурно-исторической психологии — это, скорее, путь к пониманию смысла психики и сознания. Проиллюстрируем это положение.

Научная деятельность Л. С. Выготского началась с психологии искусства (рукопись одноименной книги датирована 1925 г.). Ее предмет и задачу он видел в изучении *эстетической реакции*, одной из разновидностей которой является катарсис. Можно, конечно, рассматривать такую трактовку предмета психологии искусства как дань времени, и объяснять ее его ранними увлечениями теорией условных рефлексов И. П. Павлова и реактологией К. Н. Корнилова. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» он подтверждает, что главный предмет его исследований в психологии искусства именно эстетическая реакция. Здесь уже подчеркивается важность задачи: «найти границы и смысл самой эстетической реакции внутри искусства»³. В конце книги «Психология искусства» Л. С. Выготский пришел к смыслу, в том числе и ко «второму смыслу» «Трагедии о Гамлете»: «Не разгадать загадку, а принять тайну, ощутить, почувствовать ее»⁴. Автор заключает, что незавершенность, недосказанность характеризуют не только произведе-

ние искусства, но и его восприятие: «художественное восприятие *есть “испугавшееся”, прерванное* восприятие, не законченное; оно неизбежно приводит к иному, к восполнению слов трагедии молчанием»⁵. То есть к работе переживания — осмысления.

Ближайшие ученики Л. С. Выготского — А. В. Запорожец и Д. Б. Эльконин высоко ценили положения Выготского относительно объективности существования аффективно-смысловых образований, представленных в произведениях искусства и в других творениях людей. В свете этих положений понятно, почему Выготский утверждал, что переживание является единицей анализа сознания (точнее было бы сказать — источником сознания). С точки зрения бытующих ныне характеристик науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, Выготский был классиком современной науки. Правда, его научное творчество было лишено сути последней, т. е. всеядности, эклектики и дилетантизма. О зоне ее ближайшего развития — науке, все дальше уходящей от смысла, даже подумать страшно.

Аналогично прослеживается путь к смыслу в книге «Мышление и речь». В начале книги в качестве общей единицы анализа обоих процессов — мышления и речи — автор выдвигает значение. Последнее на протяжении почти всей книги было и главным предметом интересных исследований. По ходу развития их логики и результатов, по ходу написания книги — ближе к ее концу — этот вариант перестал удовлетворять автора и акцент (скорее всего, незаметно для него самого) сместился со значения на смысл⁶. Возможно, он почувствовал нечто подобное тому, что выразил Р. М. Рильке: *Нам вовсе не так уж уютно / В мире значений и знаков.*

В статье «Проблема умственной отсталости», писавшейся, видимо, параллельно с упомянутой книгой, Л. С. Выготский, обсуждая взаимоотношения мышления и действия, рассматривает их как два вида деятельности, каждый из которых представляет собой динамическую смысловую систему⁷. Поскольку речь тоже — вид дея-

⁵ Там же. С. 491.

⁶ Зинченко В. П. Гетерогенез мысли: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 10.

⁷ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1982. С. 250—251.

² Степанов Ю. С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004. С. 9.

³ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 405—406.

⁴ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1996. С. 485.

тельности, несомненно, эта характеристика распространяется и на нее. Эти положения связаны со скупо развернутой идеей Л. С. Выготского о смысловом строении сознания.

Итак, концепт смысла присутствует во многих построениях Л. С. Выготского, можно даже сказать, что он является центральным в его теории. А понятие смысла, если и подразумевается, то оно слишком неопределенно, что и вызывает разночтения его трудов и ощущение недосказанности. Еще раз скажем, Л. С. Выготский в этом не одинок. Такая ситуация характерна не только для психологии, но и, осмелимся утверждать, для всего гуманитарного знания.

Многие вербальные и даже по-своему логичные определения придают тайне смысла видимость понятности. Именно это и заставляет обращаться к метафорам или, простите за тавтологию, к смыслообразам смысла. Обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность, порой банальность определений, возвращает к тайне смысла, вызывает желание прикоснуться к ней, сделать ее более ощутимой. Метафоры и смыслообразы помогают оживить существующие концепты или понятия смысла. Путь к живому понятию, представляющему собой своего рода интеллигибельную материю, лежит через живую метафору. В конце концов метафора облегчает понимание, а без последнего невозможно добывание пригодного для чего-либо знания.

Чтобы понять нечто, нужно выйти за его пределы. Буквальное значение метафоры в переводе с греческого — тележка. Тележка перевозит груз из пункта А в пункт Б. В. Л. Рабинович обратил внимание на то, что в случае метафоры пункты (объекты) А и Б находятся в разных семантических пространствах. Груз, который «перевозит» метафора, есть смысл. Нечто А наделяется и обогащается смыслом некоего другого Б. Значит, метафора есть средство обмена, расширения, углубления смысла. При этом перенос смысла не нарушает целостности крайних членов, связываемых метафорой.

Значение метафор в науке неоспоримо, тем не менее специально приведем некоторые высказывания, представляющие общекультурный интерес и предназначенные не только для особо озабоченных понятийной строгостью науки читателей.

Б. Л. Пастернак: «Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа. Наше дело — понимать метафоры и, по

возможности, их расшифровывать». О. Э. Мандельштам: «Земля гудит метафорой»; «Я сравниваю, значит, я живу, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение»⁸. Конечно, метафора больше, чем сравнение. В ней присутствует и элемент озарения. Она имеет более глубокую и богатую внутреннюю форму. Об этой форме и ее основаниях говорил Г. Г. Шпет: «Метафора, сравнение, олицетворение, сопоставление привычного с непривычным и обратно и т. п. — все это имеет свои основания и также онтологические, только предмет этой онтологии — само слово»⁹. С. С. Аверинцев: «Когда философский термин уже стал философским термином, он тем более однозначен, намеренно фиксирован, стабилен — иначе он не был бы термином. Значит, как бытовое слово, так и термин — предметы малоподвижные, которые “знают свое место” и не дают сдвинуть себя с этого места. Но для рождения термина нужен сдвиг. Если вообразить, будто бытовое слово как таковое может стать термином, получается некое подобие Зеноновой апории о стреле: вот сейчас стрела находится в таком-то месте, в следующее мгновение — в другом месте, а когда же, как же она успела переместиться? Между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона, в которой слова освобождены от жесткой связи со своим жизненным “местом”, сдвинуты с него, вышли из своих берегов, из равенства себе. Иначе говоря, это зона метафоры. Ведь философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как установленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле»¹⁰.

П. Рикёр, развивавший теорию живой метафоры, располагал метафору на границе между психологией и семантикой и утверждал, что на этой границе осуществляется связь логического с сенсорным или вербального с невербальным. Он рассматривал метафору как поток образов, порожденных смыслом, как развер-

⁸ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 161.

⁹ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 447.

¹⁰ Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1979. С. 51—52.

тывание смысла в образы, в том числе в вербальные иконические знаки. Иконичность при этом предполагает контроль над образом со стороны смысла, а также использование «живописной» потенции языка. Рикёр, ссылаясь на Л. Витгенштейна, связывает метафору с феноменом «видеть как». Объяснить метафору — это значит перечислить значения, в рамках которых образ *видится как* смысл. «Видеть как» — это интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ. «Видеть как» есть действие, потому что понять — это значит нечто сделать¹¹. Точнее было бы сказать, что метафорический образ содержит в своей внутренней форме действие и слово, вместе с их смыслами, находящимися в их внутренней форме, т. е. как бы во внутренней форме второго порядка. П. Рикёр заключает свой анализ: «Таким образом, “видеть как” выполняет в точности роль схемы, объединяющей *пустой* концепт и *слепое* впечатление; будучи полумыслью, почувством, оно, это действие-чувство, соединяет ясность мысли с полнотой образа. Невербальное и вербальное, тем самым, тоже оказываются тесно связанными между собой — в рамках образной функции языка»¹². Заметим только, что «Образ, как и понятие, не воспроизведение, не репродукция и, соответственно, “воображение” — не “восприятие” и не “представление”. Оно *между* представлением и понятием. Оно должно быть сопоставляемо с “допущением” (по терминологии Мейнонга)»¹³. «Допущение», гипотеза — это и есть *видеть как*. Разъяснение Шпета весьма важно: нахождение живой метафоры — это путь к исследованию, а не замена его.

Поскольку, — по мнению Рикёра, — метафорический смысл выращивается в толще образов, интересно посмотреть, какие образы стоят за самим концептом смысл. Не является ли этот, широко используемый концепт пустым? Каковы тело, плоть и *лицо смысла* (метафоры М. М. Бахтина) в психологии? Насколько его лицо выразительно и вразумительно? Не подобно ли тело смысла звучащей и говорящей плоти русского языка, о которой писал Мандельштам? Каков фасон словесных одеяний мысли или поэтический костюм мысли (метафора Г. Г. Шпета)? Какова стилистика,

¹¹ Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 435—455.

¹² Там же. С. 452.

¹³ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 265—266.

образующая методологическую целостность психологических концепций? Насколько мысль отвечает чутью, вкусу, насколько она эстетична?

Сначала скажем о широте использования понятия смысл за пределами теории Л. С. Выготского. А. А. Ухтомский включил смысл в определение жизни: Жизнь — требование от бытия смысла и красоты. Имеется смысл поведения и деятельности. Поучительно, что для физиолога и биомеханика Н. А. Бернштейна понятие «смысл» было ключевым при создании им теории построения движений. Смысл витает над задачами: двигательными, перцептивными, мнемическими, умственными и пр. Видимо, поэтому его теория получила существенно больше распространение среди психологов, чем среди физиологов. Тем более что он, в отличие от последних, не чурался и понятия «образ».

Наряду с биологическим, жизненным, есть и личностный смысл (А. Н. Леонтьев). Есть надличностный, или сверхличностный смысл (К. Юнг). Смысл выступает в явной и скрытой формах. А. Н. Леонтьев однажды назвал смысл главной единицей анализа психики, собиравшись это аргументировать, но потом оставил эту идею, ограничившись тем, что сделал смысл одной из образующих сознания (наряду со значением и чувственной тканью).

Ф. Е. Василюк, анализирувавший преодоление критических ситуаций (потеря смысла, жизненный крах), пришел к заключению, что обретение нового смысла возможно в деятельности переживания¹⁴ (работа печали, — по З. Фрейду). Это весьма правдоподобно, тем более что переживание, — согласно Выготскому, — представляет собой единицу анализа сознания и, видимо, забытую А. Н. Леонтьевым образующую сознания. Близка к переживанию и деятельность понимания. Понимание при внешнем и внутреннем диалоге обеспечивается двумя противоположно направленными процессами — процессами означения смысла и осмысления значений¹⁵. Для изображения взаимоотношений значений и смыслов подходит лента Мёбиуса. В процессах понимания ли, мышления ли указанные процессы-действия переходят друг в друга. На внешней стороне ленты может быть значение, которое в результате

¹⁴ См.: Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

¹⁵ Зинченко В. П. Психологические основы педагогики. М., 2002.

осмысления превращается в смысл и становится внутренней стороной той же ленты. Аналогичное происходит в итоге означивания смысла: по-новому осмысленное значение становится внешней стороной ленты Мёбиуса.

В попытках определения понятия (или характеристики феномена) «смысл» его соотносят со значениями, символами, духом (порой идентифицируют с ними), а также с потребностями, мотивами, целями, ценностями, установками, позициями, ориентациями, направленностью индивида. Объективированный смысл, наряду со знаком, словом, символом, ликом, рассматривается как носитель идеальной формы, средство (медиатор) развития и личностного роста¹⁶.

Философы рассматривают смысл как «внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей»¹⁷. Разумеется, в таком общем виде эта универсальная категория может быть приложена в анализе научно-познавательной деятельности и к социокультурным детерминантам познания, т. е. также может выступать как способ осмысления научно-познавательной деятельности и, по сути, таковой и является. Смысл знания, с этой точки зрения, задается внешними социокультурными целями и внешним социокультурным «порядком вещей». Этим и исчерпывается. Однако ни о каких тогда собственных основаниях целостности знания, собственном смысле знания как такового речи быть не может. Даже если они и не отрицаются, сказать о них нечего. Апелляция же к собственным смысловым характеристикам знания ориентирует рассмотрение на его имманентные формы выражения. И лишь через призму языка как средства общения в культуре научного сообщества и, прежде всего, через его знаковую природу она обращает такое рассмотрение к учету социокультурных контекстов познания. Знание здесь рассматривается как социальный и культурный феномен в качестве выра-

¹⁶ Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.

¹⁷ Шрейдер Ю.А. Смысл / Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.3. М., 2000. С. 576.

женного в языке знания о мире, т. е. о чем-то таком, что социумом и культурой не является. Язык фиксирует в своих стилистических особенностях смысловую специфику знания как такового, как особого социального и культурного феномена — прежде всего, как знака мира. А «знак не только указывает на нечто, он еще и высказывает кое-что об этом нечто. Вот это высказывание и есть смысл знака, который вводит указываемые предмет или обстоятельства в общий порядок вещей и событий. Тем самым обозначение чего-то данным знаком из окказионального превращается в необходимое как вытекающее из смысла этого знака. Этот смысл внеположен знаковой ситуации. Он связывает акт обозначения с системой языковых смыслов — делает этот акт семантически правомочным»¹⁸.

Из этого беглого и неполного перечня следует, что смысл пронизывает, пропитывает все разделы психологии и психологам впрямую если и не сказать, вслед за поэтами-акмеистами: мы смысловики, то признать, что мы испытываем тоску по смыслу. Нам меньше всего хотелось бы иронизировать по этому поводу. Напротив, глядя на историю психологии с птичьего полета, приятно сознавать, что она постепенно переходит от таких главных своих слов, как «ассоциация», «гештальт», «установка», «операция», «поведение», «деятельность» к слову «смысл».

А. Н. Леонтьев в свое время дал операциональное определение, скорее характеристику смысла как отношения мотива к цели. Одна из первых попыток измерить это отношение была предпринята П. И. Зинченко¹⁹. В 40-х гг. XX в. он, изучая память, варьировал силу мотива и содержательность, осмысленность мнемических задач. Результаты получились вполне значимые: сильная мотивация при бессодержательной задаче дает такие же низкие показатели запоминания, как слабая мотивация при осмысленной задаче. Известны тесты, например, измерения смысловых ориентаций (Д. А. Леонтьев). Но это исчезающе мало по сравнению с продемонстрированной широтой использования культурного концепта «смысл». Обратимся к вариантам метафорической конкретизации этого концепта и некоторых соотносимых с ним психологических феноменов.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.

* * *

Метафора пропасти смысла. Эта не слишком оптимистическая метафора принадлежит Э. Гуссерлю. «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»²⁰. Хотя метафоре почти 100 лет, нельзя сказать, что эту пропасть удалось преодолеть или заполнить. Может быть не все так безнадежно, особенно если поверить О. Мандельштаму:

Это зренье пророка подошвами
Протоптало тропу в пустоте.

Такие тропы удавалось торить или проторять и ученым. Психологам лишь постепенно удается заполнять смысловые пропасти между стимулами и реакциями, знанием и действием, аффектом и интеллектом, обучением и развитием, сознанием и деятельностью. Успех в этом деле определяется тем, насколько они удаляются от механистически и статистически понятого детерминизма и приближаются к пониманию явления (концепта) свободы. Свободы, подчиняющейся внутренним или собственным смыслам и порывам. По сравнению с *пропастью смысла* более оптимистически звучит образ *мира человеческих смыслов*, который, как и всякий мир, неисчерпаем. «Облегченной» версией метафоры пропасти является хорошо известный *смысловой барьер*, возникающий при решении проблемы, в общении между людьми и т. п.

Метафора семиосферы. Принадлежит Ю. М. Лотману. Он отличал семиосферу от ноосферы В. И. Вернадского, которая имеет материально-пространственное бытие. Семиосфера, хотя и имеет в качестве первоэлемента знак или знаковый коммуникативный акт, является, — по Лотману, — абстрактной. Он понимал под семиосферой не только совокупность знаков или текстов-кирпичиков, а «то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса»²¹. Семиосфера структурно неоднородна, имеет свои границы, являющиеся областями усиленного смыслообразования. Структурные ядра на периферии семиосферы могут переме-

щаться в ее центр, а бывшие в центре — на периферию. «Внутреннее разнообразие семиосферы подразумевает ее целостность. Части входят в целое не как механические детали, а как органы в организм»²². Мы и далее будем встречаться с размышлениями об органическом бытии смысла. Важно также, что связи между частями семиосферы сложны и отличаются высокой степенью деавтоматизации, а, следовательно, непредсказуемости. И наконец, заключение Лотмана: диалог — основа всех смыслопорождающих процессов.

Поиски путей смыслового сжатия, схематизации, «оформления знаний в свою аббревиатуру» (Гегель) сопутствуют истории образования и науки. Семиосфера — один из возможных образов такого сжатия, напоминающий *globus intellectualis* Г. В. Лейбница. Своя версия «семантического глобуса» была и у Л. С. Выготского. Географическая метафора помогла ему уяснить взаимную смысловую методологическую зависимость понятий между собой. *Долготой* понятия он обозначает место, занимаемое им между полюсами крайне наглядной и крайне отвлеченной мысли о предмете. *Широтой* — место, занимаемое им среди других понятий той же долготы, но относящихся к другим точкам действительности. Долгота и широта понятия вместе дают представление о понятии с точки зрения заключенного в нем акта мысли и представленного в них предмета²³. Место (узел) понятия, определяемого его долготой и широтой, характеризует как меру общности данного понятия, так и его смысл.

Обратим внимание на то, что рассмотренные пространственные метафоры смысла: пропасть, барьер, мир, семиосфера предусматривают его объективное существование. Несмотря на соблазн, мы бы не спешили идентифицировать пространственные и рассматриваемые далее «сетевые» метафоры с Интернетом. Приведенные образы смысла действительно на все времена и превосходно подчеркивают тайну смысла и должны быть отправными для дерзающих прикоснуться к ней. От пространственных метафор перейдем к формам существования смысла.

Метафора паутины смыслов. Принадлежит Максиму Веберу: человек — это животное, находящееся в паутине смыслов, которую он сам соткал, добавим, из своего собственного бытия. Добавление

²² Там же. С. 16—17.

²³ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 274.

²⁰ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 11.

²¹ Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. 1. С. 13.

соответствует утверждению Г. Г. Шпета о том, что смысл укоренен в бытии. Смысл настолько укоренен в бытии, что с точки зрения М. М. Бахтина даже порождает его, движет жизнь и бытие. Это не противоречие между взглядами Г. Г. Шпета и М. М. Бахтина. Просто целесообразно рассматривать бытие и смысл (сознание) не как две разные вещи (сущности), а как единый континуум (М. К. Мамардашвили). Это же относится и к излюбленной проблеме психологов — взаимоотношения сознания и деятельности. На самом деле, сознание деятельно, а деятельность осмысленна, омысленна, сознательна. Другой вопрос, насколько и как они взаимопроникают друг в друга? Возможно ли вымечтанное психологами единство сознания и деятельности? Важно, что их изолированное бытие невозможно. Это понимали и С. Л. Рубинштейн, и А. Н. Леонтьев.

Вернемся к метафоре Вебера. Если прочесть ее буквально, возникает вопрос, а как смысл, представляемый как паутина, может нечто двигать? Ведь она сама, как и смысл, колеблется, трепещет, вибрирует. С чем резонируют такие вибрации? Вспомним, что Н. А. Бернштейн для характеристики живого движения и, разумеется, независимо от М. Вебера, использовал ту же метафору паутины (на ветру). Эта метафора напоминает и «парящее действие» Новалиса. Исследования Н. А. Бернштейна показали, что каждое движение неповторимо, как отпечаток пальца, что упражнение — это повторение без повторения, что движение не повторяется, а каждый раз строится. Разброс между однотипными движениями неустраним и наложенные друг на друга, они, действительно, похожи на паутину. Значит, одна и та же цель достигается разными путями (траекториями) и все они могут быть равноэффективны. Но обязательным условием эффективности является, — согласно Н. А. Бернштейну, — наличие смысла двигательной задачи. Физиолог и биомеханик постулировал необходимость наличия смысла, не уточнив, «как он выглядит».

Как паутину на ветру можно представить и образы (кинестетический, зрительный), регулирующие осуществление движений и действий. Зрительный образ как бы парит, реет, дышит, меняется, вибрирует. Его формирование, не в меньшей степени, чем построение движений, подчинено смыслу перцептивной задачи. С накоплением опыта решения двигательных задач пространство становится функциональным, образуется моторное или действенное поле. С накоплением опыта решения перцептивных задач

оптическое поле становится полем феноменальным, смысловым. Выражаясь словами В. Келера, человек перестает быть рабом зрительного поля, выходит за его пределы. Это оказывается возможным благодаря свободному намерению (К. Левин), т. е. помыслу, замыслу, возможно, умыслу.

Подвижны не только моторика и перцепция. Единственны и неповторимы эмоции во всяком отдельном случае их протекания²⁴. Столь же подвижны процессы узнавания, памяти с ее неизбежными реконструкциями при воспроизведении. Подвижно и мышление, что хорошо известно на опыте. Давно ушел в прошлое и постулат о ригидности проторенных путей (маршрутов) в нервной системе. Около 70 лет тому назад Бернштейн предположил, что и нервные процессы, обеспечивающие восприятие и действие протекают по типу нелокализуемого качественного динамизма. Близкую к паутине аналогию используют и нейрофизиологи, утверждающие, что в живом организме сеть дендритов подвижна как ветки дерева при легком ветре. И только благодаря подвижности и избытку степеней свободы, которыми обладают смысловая, моторная, перцептивная, — в широком смысле слова когнитивная, — аффективная и нервная системы, мы получаем в итоге точнейшие движения и действия. Как силовые, так и легчайшие, исполненные грации, красоты и смысла. Иное дело, что пока мы замещаем наше непонимание механизмов этого чуда символами, например, душой исполненный полет, или словами: порядок из хаоса, синергия, резонанс, гетерогенез и т. п. Но постепенно, с каждой новой колеблющейся паутиной тайна построения действия становится все более осязаемой. И все более очевидной становится ведущая роль «паутины смысла» в интеграции всех механизмов построения и регуляции актов поведения и деятельности. Было бы преувеличением сказать, что смысл с самого начала присутствует в биодинамической и в чувственной ткани живого движения и образа. Ведь смысл — искомое. Более точно сказать, что живое движение — это есть ищущий себя смысл. Именно в этом состоит главное отличие живого движения от механического. И оно порождает и определяет все остальные отличия²⁵.

²⁴ *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 94.

²⁵ *Гордеева Н. Д.* Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

Даже найденный смысл в своем чистом виде неуловим. Он тут же переливается в операциональное, перцептивное, а затем и в вербальное значение, в значение совершающихся актов поведения и деятельности. Он в них не исчезает, а скрывается под их покровом и составляет проблему для желающих понять такие акты.

Исследование процессов извлечения или придания смысла представляет собой серьезную проблему и для когнитивной психологии. Б. Спиноза когда-то сказал, что память — это ищущий себя интеллект. При микроструктурном анализе кратковременной зрительной памяти с помощью искусственной экспериментальной процедуры был обнаружен функциональный блок семантической обработки информации, находящийся после сенсорного регистра, иконической памяти, блока сканирования... Дальнейшие исследования показали, что по мере совершенствования системы переработки информации применительно к тому или иному предметному содержанию, блок семантической обработки таинственным образом перемещается на первое место и начинает определять работу всей системы. Она из мнемической превращается в интеллектуальную.

Метафора кровеносной системы смысла. Принадлежит Г. Г. Шпету, в творчестве которого понятие «смысл» было доминирующим. Он не устал подчеркивать динамичность смысловой системы. Слово у Г. Г. Шпета, как и у Л. С. Выготского, связано с разумом, с мышлением. Слово уподобляется организму (ср. с метафорой Н. А. Бернштейна: движение — живое существо), а смысл в структуре слова приобретает органическое бытие. Метафора смысла как наполнения кровеносной системы вполне может конкурировать с рассмотренной выше метафорой М. Вебера. Обе метафоры весьма продуктивны и дополняют одна другую. Если позволить себе немного пофантазировать, то можно задаться вопросом о том, как созданная человечеством паутина объективных смыслов трансформируется и наполняет смысловую кровеносную систему духовного организма отдельного индивида? Как «внешний» смысл становится внутренним или собственным смыслом индивида? Как сообщаются, взаимодействуют, взаимообогащаются обе смысловые системы? Как перцептивное поле становится полем смысловым и т. п. Кровеносная система смысла может закупориваться, склеротизироваться. Метафора открывает и другие возможности понимания.

У Шпета можно встретить еще одну важнейшую метафору смысла: смысл — *диалектический аккумулятор мыслей*. Эта метафора похожа на *трансцендентальный привод* О. Мандельштама, обеспечивающий передачу (распространение) энергии смысла. Поскольку, всякая не пустая мысль есть мысль о смысле, то справедливо и обратное: мысль есть такой же аккумулятор смыслов. От склublения смыслов недалеко до ядер семиосферы, о которой позднее писал Ю. М. Лотман.

Метафора смысловой волны. Принадлежит О. Мандельштаму. Характеризуя внутреннюю форму слова, Г. Г. Шпет большое внимание уделяет динамичности логических смысловых форм. Проиллюстрируем эту динамику описанием рождения смысла поэтической речи, имеющемуся у его *вольного или невольного (!)* единомышленника — О. Мандельштама. Общими были у них не только мысли, но и судьба. Поэт погиб в Гулаге через год после убийства Г. Г. Шпета. Характеризуя орудийную поэзию Данте и отличая ее от внешней поясняющей образности, О. Мандельштам пишет: «Смысловые волны-сигналы исчезают, исполнив свою работу: чем они сильнее, тем уступчивее, тем менее склонны задерживаться... Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками — так создается смысл поэтической речи. Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников: они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку»²⁶. В другом месте поэт говорит: *Световые волны прорезаются как зубы*. Возможно, смысловые и световые волны представляются поэтом как метафоры друг друга. И те и другие обладают порождающими свойствами. Если это действительно так, то смысл несет орудийную функцию, является средством-медиатором, разумеется, оставаясь при этом смыслом, со-мыслью и, подобно символу — тайной. Хотя поискам лежавших в основе творчества, а затем воплотившихся и рассеявшихся в его результатах свето-смысловых волн-сигналов многочисленные комментаторы великих произ-

²⁶ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 109.

ведений искусства посвящают объемистые труды, согласие между ними достигается крайне редко. Их авторы об этом лишь догадываются:

Мои слова печальны. Знаю.
Но смысла вам их не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать.

М. Лермонтов

В высказываниях поэтов мы находим мысли о главенствующей роли смысла в творчестве и при этом замечательные описания неувловимости смысла, уподобление его *невидимым волнам-сигналам*, своего рода редукцию волновой функции. Коль скоро пошла речь о физических аналогах смысла, то, наряду с волнами, должны появиться и кванты. Пока такое предположение преждевременно. В живом движении Н. Д. Гордеева, действительно, обнаружила волны и кванты, но ее данные говорят о том, что носителем смысла является волна, а не квант. Если не о квантах, то о каплях смысла говорил А. Белый.

Метафора радуги смысла. А. Белый протестовал против существования абстрактной истины и настаивал на ее динамичности: «процесс нарастания смысла непрерывен, текуч; в нем отдельные смыслы суть капли; радуга возникает из них; это — смысл. Или истины нет, или истина — жестикуляция смыслов. Учение о динамической истине предполагает ее как текучую форму, как *форму в движении*; представление *о форме в движении* — представление об организме; организм — текучее многообразие в нераздельном; элементы же ее вне ее суть пустые застылые формы...»²⁷. Об истине, как о текучей форме писал и В. Набоков в «Даре»: «Властители дум понять не могли живительную истину Гегеля: истину не стоячую, как мелкая вода, а, как кровь, струящуюся в процессе познания»²⁸. Мы вновь сталкиваемся с поисками тайны смысловой природы творчества. Существенно, что А. Белый говорит о форме в движе-

²⁷ Белый А. О смысле познания. М., 1991. С. 24.

²⁸ Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 219.

нии, о жестикуляции смыслов. Выше говорилось о живом движении, как об ищущем себя смысле. Это же относится к предметному действию, в особенности к *действию творящему* (выражение В. В. Кандинского). А. Туфанов в 1924 г., характеризуя эстетику ОБЭРИУтов (Объединение реального искусства), писал о своеобразии работы со смыслами его представителей. Их общая задача состояла в расширении и углублении смысла предмета, слова и действия. Д. Хармс сосредоточивал внимание «не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе «классический» отпечаток и в то же время — представляет широкий размах обэриутского мироощущения»²⁹. Сказанное относится и к столкновению словесных смыслов в поэзии, которое, — по словам А. Туфанова, выражает смысл предмета с точностью до механики³⁰. В том же 1924 г., когда появилась его книга, начались публикации первых исследований Н. А. Бернштейна, которого поражала удивительная точность живого движения; оно осуществляется кинематической системой, имеющей огромное число избыточных степеней свободы.

Аналогичное происходит и с образами. С. М. Эйзенштейн при киномонтаже сталкивал образы для получения не только нового, но и точного смысла. Н. Заболоцкий использовал для этого столкновение слов (та же жестикуляция смыслов). Д. Хармс почти персонифицировал смыслы: «Разбуди меня сильного к борьбе *со смыслами*». Бороться можно с равным. Персонифицировал смысл И. Северянин, без ложной скромности чувствовавший над ним свое превосходство:

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

²⁹ Туфанов А. К Зауми. Фоническая музыка и функция согласных фонем // Rosyjskie kerunki literackie przełom 19 i 20 wieku. Warszawa, 1982. С. 558.

³⁰ Там же. С. 584.

Метафора облака смысла. Принадлежит Г. П. Щедровицкому. После волны, капли, радуги смысла следует ожидать облака смысла. У Л. С. Выготского встречается облако мысли, а Г. П. Щедровицкий говорит об облаке смысла. Выготский, характеризуя внутреннюю речь, говорил об испарении речи в мысль. Такие *испарения*, в его логике, видимо, и образуют облако, которое потом *проливается дождем слов*. Щедровицкий был склонен идентифицировать смысл с полем понимания в коллективной, мыслительной деятельности, в котором он рождается. Из общего «смыслового облака» понимающей и мыслительной работы выделяются *идеальные объекты мысли*, которые затем фиксируются в материале знаковых схем³¹. По сути дела, подобное «смысловое облако», включающее в свой состав разные смыслы от ситуативных до личностных и сверхличностных витает не только над мыслительными, но и над любыми другими задачами, решаемыми человеком. Джон Апдайк восхищался тонким приемом возгонки, с помощью которого И. Бродский из жизненного опыта добывает драгоценный смысл. Образ возгонки точнее, чем образ испарения и тоже наводит на мысль об облаке, *ауре смысла*.

Обратим внимание на то, что некоторые метафоры смысла, приведенные выше, хорошо корреспондируют между собой. Мы их можем «видеть как»: над пропастью смысла, благодаря то ли испарениям, то ли возгонке, поднимается облако смысла, которое проливается каплями смысла. Внезапное озарение порождает и радугу смысла, соединяющую края пропасти. Мир воспринимается индивидом сквозь сотканную им собственную паутину смыслов. Дело происходит так, как изображено на картине К. Хокусаи «Фудзи сквозь паутину». Художник для изображения восприятия священной горы использовал паутину то ли как символ смысловой сферы наблюдателя, то ли как символ духовной ауры, окутывающей Фудзиюму. А может быть в паутине сходятся оба возможные смысла.

Все вместе можно назвать собирательным образом жизни смысла или его различных воплощений. Этот динамический собирательный образ смысла соответствует его текучей, динамической природе.

³¹ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 281.

Метафора растения-смысла. Принадлежит А. Белому. Хотя он сформулировал ее в контексте проблемы смысла познания, она имеет непосредственное отношение к тайне творчества: «Учение о динамической истине нам меняет и самое представление о мысли: смыслы истин — растения; учение о статической истине уподобляемо отношению к зерну: зерно истины, данное как понятие, преждевременно потребляется нами; если бы мы посадили его, то оно — проросло бы ростком многозернистого колоса; зерна колоса проросли бы пучком; от пучка всколосилось бы поле; бескорыстное отношение к истине множит круг ее жизни; определение ее не в зерне, а во множестве зерен. Истина “А” не в зерне: в ритме зреющих зерен...»³²

Метафора растения близка К. Юнгу, который уподоблял произведение, находящееся *in statu nascendi*, живому существу, дереву, забирающему из почвы нужные ему соки, ребенку в материнской утробе, автономному комплексу души и т. п. В основе замысла произведения лежат праслово, праобраз или архетип, которые К. Юнг наделяет стихийными силами. Иногда он идентифицирует эти образования со *сверхличностным смыслом*, который бывает выше художника, его способности осмысления и чувствования. Да и под символом К. Юнг понимает возможность какого-то еще более широкого, более высокого смысла за пределами нашей сиюминутной способности восприятия и намек на такой³³. Аналогичную гипотезу образа-ростка, «образа-организатора» (в биологическом смысле) интересно развивали Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдер³⁴. Но в отличие от А. Белого и К. Юнга, авторы, следуя за Л. С. Выготским, наделяют эти образы значением, а не смыслом.

Метафора пути и поиска горизонта по вертикали. Что касается метафоры смысла, как пути, его ориентации, направленности, то она широко распространена, как говорится, «слова народные». К этой метафоре следует добавить неременное требование М. Бахтина. Поиск смысла бытия может быть эффективным лишь тогда, когда признается мое единственное место в бытии: «Смысл бытия, для которого признано не существенным мое единственное ме-

³² Белый А. О смысле познания. М., 1991. С. 24.

³³ Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. С. 108—120.

³⁴ Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 79—91.

сто в бытии никогда не сможет меня осмыслить, да это и не смысл бытия-сознания»³⁵.

Удивительно точный образ поиска *горизонта по вертикали* принадлежит И. Бродскому. Поэт как-то обронил фразу, что жизнь есть сумма мелких движений. Если заменить слово жизнь практически эквивалентным ему словом смысл, то можно сказать, что и смысл есть сумма мелких движений. Движений, ищущих смысл и движений, реализующих найденный смысл. Не являются исключением и движения души. Живое движение замечательно тем, что его характеризует не только перемещение в пространстве и времени. Его характеризует претерпевание, ощущение собственной, в том числе порождающей активности. Живое движение — это творящее движение, творящее собственное пространство, время и смысл (активный хронотоп, — по А. А. Ухтомскому и М. М. Бахтину). Живое движение, благодаря найденному смыслу, преодолевает пространство и время, овладевает этими суровыми определениями бытия. И. Бродский подметил замечательную особенность живого движения:

по плоскости прокладывая путь,
я пользуюсь альтиметром гордыни...

и таким образом его я отыскивает свой *горизонт по вертикали*. Найденный смысл становится вертикальным измерением психологического времени, а, соответственно, и бытия. Некоторые его называли четвертым, некоторые — пятым измерением бытия. Хотя его должно назвать первым. Повторим, что акт открытия, обретения, *впадения в понимание* (М. К. Мамардашвили) смысла остается таинственным. Настолько таинственным, что Т. Элиот связывает его с *мигом времени не из времени*. Но это такой *миг времени*, «*которым сотворено время то, что зовут историей*». Такими мигами творится и время, которое зовут личной историей, или биографией: *Моя душа — мгновений след*, — сказала М. Цветаева. *Мгновений, становящихся откровениями* (Р. М. Рильке).

Метафора лица смысла. Принадлежит М. М. Бахтину. Она как и предыдущая тесно связана с будущим временем: «Мое определение

³⁵ Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 19.

самого себя дано мне (вернее, дано — как заданность, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем. Быть для себя самого значит еще предстоять себе (перестать предстоять себе, оказаться здесь уже всем — значит духовно умереть)»³⁶. М. М. Бахтин настойчиво отодвигает смысл в будущее: «Мир моего смыслового будущего чужероден миру моего прошлого и настоящего <...> Я — в своем смысле и ценности для себя самого — отброшен в мир бесконечно требовательного смысла»³⁷. Лицо смысла — это противостоящий и предстоящий бытию смысл. Если внутреннее бытие противопоставляет себя смыслу как самостоятельную ценность, становится самодовлеющим и самодовольным перед лицом смысла, то этим оно впадает в глубокое противоречие с самим собою, в самоотрицание, становится ложью: бытием лжи или ложью бытия»³⁸.

Не углубляясь далее в учение М. М. Бахтина о смысле, можно сказать, что его пафос в необходимости выработать доминанту души на лицо смысла. У М. М. Бахтина мы встречаем отождествление смысла и духа. А согласно А. А. Ухтомскому, одной из главных доминант души является внимание духу. Еще один императив Ухтомского — доминанта на лицо другого. Объединяя взгляды двух мыслителей — А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина, можно сказать: с того момента, как открывается лицо другого и лицо смысла (иногда они совпадают), сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице.

* * *

Мы не ставили задачи исчерпать все имеющиеся метафоры смысла. Это столь же трудно, как исчерпать все имеющиеся трактовки понятия «смысл». Да это и не нужно. Исчерпать понятия и метафоры смысла — значит убить его. Ибо «сказанное слово — смертная плоть смысла»³⁹. Его оживляет живая метафора. Поэтому

³⁶ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 2003. С. 194.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 202.

метафоричность — неотъемлемое свойство любого речевого мышления, в том числе научного, а не только поэтического.

Наряду с перечисленными мягкими, живыми, прозрачными, имеются и метафоры твердые, жесткие, например, смысловой стержень, смысловой каркас, смысловой конструкт, упомянутый выше смысловой барьер, смысловой фундамент, которые заслуживают отдельного разговора. Из этого класса метафор остановимся лишь на одной. Это метафора смысла-камня, который презрели строители и который должен стать во главу угла (Л. С. Выготский во главу угла поставил практику и философию). Для смысловиков-акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов, — писал О. Мандельштам. Для него смысл выступал как поэтическая материя; Д. А. Леонтьев говорит о смысловой ткани (еще одна «мягкая» метафора), которую он ставит в один ряд с биодинамической и чувственной тканью. О. Мандельштам говорил об акмеистах: «...Мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке». Поэт вспоминает Владимира Соловьева, которого волновало «немое красноречие гранитной глыбы» и дает свое понимание известных строк Ф. Тютчева: «Но камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой, иль был низвергнут мыслящей рукой”, — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь... Акмеисты с благодарностью поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания.

Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем способность динамики — как бы попросился в “крестовый свод” — участвовать в радостном взаимодействии себе подобных»⁴⁰.

Не последовать ли психологии примеру акмеистов и не положить ли камень — камень-смысл в «крестовый свод» своего вечно строящегося здания? Надеемся, что мир как воздух *бескорыстного смысла* (Б. Пастернак), открывающийся в его словообразах и метафорах будет способствовать этой уже ведущейся работе.

Проект «органической» психологии: от культурно-исторической психологии к культурно-историческому подходу

Первым, кто обратил внимание на то, что Выготский создал основы совершенно новой неклассической психологии, был Д. Б. Эльконин. Он усматривал ее истоки в «Психологии искусства» Выготского. «Продланное Львом Семеновичем — писал он — имеет глубокий психологический смысл: разрабатывая свой подход к анализу художественных произведений, Выготский вместе с тем создал основы совершенно новой, я бы сказал, неклассической психологии, сущность которой состоит в следующем. Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования... Я называю это неклассическим подходом к психологии... Только вполне ориентируясь в сути такой психологии, можно по-настоящему понять и оценить подлинный вклад Л. С. Выготского в постановку и разработку проблем, связанных с ролью символа-знаковых систем в становлении человеческого сознания, с определением содержания и функций знаковых операций в этом процессе»¹. Именно эта идея Эльконина заставила нас задуматься о том, как одним словом выразить «неклассичность» культурно-исторической психологии. Речь идет не о переименовании этого привычного и устоявшегося названия. С языком не поспоришь, да у нас и нет такой претензии. Но использование эпистемологической метафоры может оказаться эвристически полезным для выявления продуктивности культурно-

⁴⁰ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 169.

¹ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 477—478.

исторической психологии как методологического подхода к гуманитарному знанию о психике и для выделения специфического гуманитарного ядра всей психологии. Не знаем, насколько удачно (об этом судить читателю) мы выбрали для сохранения стилового методологического единства эпистемологическую метафору «органическая» психология.

Культурно-историческая психология действительно органична на культуре, культурной антропологии, образованию, психологии искусства и искусству, психологии развития, детской и возрастной психологии, психологической педагогике, физиологии активности (психологической физиологии), нейропсихологии, психолингвистике и нейролингвистике, психоанализу, патопсихологии, психотерапии, дефектологии, социальной психологии, инженерной психологии и эргономике и т. д. Даже самонадеянная на первых порах когнитивная психология в последние годы обращается к трудам Выготского и Пиаже. Пожалуй, лишь гуманистическая психология продолжает не замечать культурно-историческую, хотя проблематика свободного действия, о которой речь впереди, непосредственно связана с проблематикой личностного роста человека. Во всех перечисленных и не перечисленных областях психологии и смежных наук используются достижения культурно-исторической психологии, что само по себе беспрецедентно. Возникает вопрос: в чем истоки этой универсальности культурно-исторической психологии. Нам представляется, что они заключены в том аспекте понятия культуры, на котором базируется культурно-историческая психология. Как известно, существует более 600 определений этого понятия, но в этом «безбрежном океане» определений есть аспект важный для нас. Он присутствует практически во всех областях знания о человеке. Культурой мы будем называть то, что составляет суть человеческой психики, т. е. исторический опыт бытия человека как человека, или, иначе говоря, идеальное пространство для интеллектуального, этического и эстетического саморазвития.

Не лишен смысла вопрос о том, органично ли вписывается культурно-историческая психология в вышеперечисленные научные направления или, наоборот, многие из них органично вписываются в имеющую восьмидесятилетний стаж культурно-историческую психологию? Последняя сегодня начинает занимать место классической общей психологии, хотя несомненно таковой

не является, на что обратил внимание проницательный Д. Б. Эльконин.

Это внешнее оправдание введения эпистемологической метафоры «органическая» психология. К этому оправданию может быть добавлена ссылка на традицию положительной философии на русской почве, как «цельного и конкретного знания о действительности»². Обратимся к идеям Н. О. Лосского, который рассматривал мир как органическое целое и развивал идеи целостного *органического* миропонимания, противопоставляя его атомистическому, механистическому миропониманию. Лосский приводит хороший пример В. С. Соловьева: «целое (линия) способно быть *основанием* бесконечной множественности (точек), но не способно *возникать* из нее»³. Внутреннее и содержательное оправдание этой метафоры представляет проблему и для нас.

Как мы уже говорили, новизна неклассической психологии, согласно Эльконину, состоит в том, что первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют *объективно* вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства или в каких-либо других материальных творениях людей. Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Б. Д. Эльконин называют эти объективные аффективно-смысловые образования, существующие до и вне развивающегося индивида, идеальной формой, которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, т. е. становится реальной формой психики и сознания индивида. В первом приближении процесс развития в культурно-исторической психологии можно охарактеризовать как драму, разыгрывающуюся по поводу соотношения реальной и идеальной форм, их трансформации и взаимопереходов одной в другую. Актером, а порой, и драматургом является субъект развития. Сцена — его жизнь в мире, или мир его жизни. Идеальную форму можно определить как культуру, которую человек застает при своем рождении. Он либо входит в нее (или она входит в него), либо остается вне ее. Не будем говорить о вандализме, т. е. о прямом

² См.: Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрин Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М., 2010. С. 111–112, 143–144.

³ Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 341.

разрушении культуры, примеров которого в истории человечества слишком много. Культура весьма чувствительна и неучастие в ней даже отдельного индивида тоже есть форма ее разрушения.

В выделенном нами аспекте гуманитарного знания культура это не просто среда, растящая и питающая личность. Здесь нет автоматизма. Культура — это и не движущая сила, не детерминанта развития. Здесь нет (во всяком случае не должно быть) насилия, нередко встречающегося, например, в образовании. Иначе это не культура, а культ насилия. Иное дело, что культура, как заметил М. К. Мамардашвили, это усилие человека быть человеком. Если воспользоваться образом О. Манделштама, культура — это приглашающая сила, не столько оболочка, сколько вызов, а субъект для нее есть вероятность, желаемость и ожидаемость. Она захватывает человека, но может и оттолкнуть.

Субъект волен принять или отвергнуть приглашение, вызов. Вызов состоит в том, что между идеальной и реальной формами есть разность потенциалов. Если субъект принимает вызов, то может случиться акт, событие развития. При этом акте субъект овладевает идеальной формой, присваивает ее себе или превосходит ее. Она становится его собственной субъективной реальной формой. Последняя, в свою очередь, может и должна быть способной к порождению новых форм (в пределах памятников человеческого духа), которые входят в «тело» идеальной формы. Иначе прекратится развитие культуры.

Пока остановимся на этом. Объективация аффективно-смысловых образований в «теле» идеальной формы — это, конечно, новый ход по сравнению с классической психологией, для которой объективность эквивалентна материальности. Однако при всей «неклассичности» этого хода не очевидно, что с его помощью устраняется вполне классическая для психологии и философии проблема превращения объективного (пусть трижды идеального) в субъективное (пусть трижды реальное). Едва ли следует специально аргументировать, что эта проблема не имеет (и, видимо, не может иметь) решения «классическими» средствами⁴. Значит,

⁴ *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // *Вопросы философии.* 1977. № 7. С. 109—125; *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

признавая тезис Д. Б. Эльконина о неклассичности культурно-исторической психологии, следует продолжить начатую ею работу понимания. Она должна состоять в снятии жесткого внешнего противопоставления объективного и субъективного не только в гносеологии, но и в онтологии человеческой жизни. Попробуем пойти по этому пути.

Первый шаг должен состоять в том, чтобы понять, насколько объективна идеальная форма существования аффективно-смысловых образований. Утрачивает ли она, будучи порождением — творением индивида, свою субъективную природу? Обратимся к высказыванию В. В. Кандинского: «Истинное произведение возникает таинственным, загадочным, мистическим образом “из художника”. Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь; оно становится существом. Итак, оно не есть безразлично и случайно возникшее явление, пребывающее безразлично в духовной жизни: оно, как каждое существо, обладает дальнейшими созидательными активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы»⁵.

Для такого участия произведения искусства должны обладать энергичностью, в наличии которой не сомневался Вяч. Иванов: «Энергия, имя которой — Искусство, является нам или собранной и кристаллизованной в устойчивых и готовых формах своей объективации, которые мы эстетически воспринимаем, как бы расплавляя и сызнавая воссоздавая их в нашем сознании, — или же текучей и развивающейся перед нами и впервые объективирующейся в нашем восприятии. Полус статика в искусстве представлен зодчеством, динамики — музыкой»⁶.

Далее Иванов замечает, что есть статика в музыке и в пластике — динамика. Трудно удержаться, чтобы не привести потрясающего описания — свидетельства Иванова о живости произведения искусства: «Сикстинская Мадонна идет. Складки ее одежд выдают ритм ее шагов. Мы сопутствуем ей в облаках. Сфера, ее окружающая, — ско-

⁵ *Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. М., 1992. С. 99.

⁶ *Иванов Вяч.* Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // *Иванов Вяч.* Собр. соч. В 4 т. Т. II. Брюссель, 1974. С. 92.

пление действующих жизней: весь воздух переполнен ангельскими обличьями. Все живет и несет ее; пред нами — гармония небесных сил, и в ней, как движущаяся мелодия, — она сама; а на руках ее — Младенец, с устремленным в мир взором, исполненным воли и гениальной решимости, — Младенец, которого она сама отдает миру, или, скорее, который сам влечет в мир ее, свою плоть, и с нею стремится за собой всю сферу, где она блуждает»⁷. Подобными идеями был пропитан воздух Серебряного века русской культуры и философии⁸.

Полезно попытаться отнестись к словам Кандинского и Иванова не как к художественным метафорам, а как к реальности, вспомнив свой опыт восприятия и общения с искусством, в частности с книгой. Борис Пастернак в те же годы называл книгу «куском дымящейся совести», «живым существом». Теперь спустимся с высот искусства на землю и прислушаемся к языку. Утварь (не путать с ширпотребом) — это ведь тоже живое, тварное, поскольку в нее вложены труд и душа ее творца-создателя. Дополнительный аспект раскрывается в понятии органопроекции. П. А. Флоренский заимствовал термин «органопроекция» у Э. Каппа, который предложил его в 1877 г. в книге «Философия техники»: «Суть мысли Каппа уподобить искусственные произведения техники естественным выросшим орудиям. Техника есть сколок с живого тела или, точнее, с жизненного тело-образующего начала; живое тело... есть первообраз всякой техники»⁹.

Флоренский анализировал с этой точки зрения огромное число орудий труда. Он не ограничился установлением внешнего очевидного сходства, а рассматривал наши органы и наши орудия в их возникновении: «Глаз, например, есть изнутри не что иное, как *влечение к свету*; но это самое влечение, в другом порядке, однако, внешнем, как и самый орган, создает камеру-обскуру, телескоп и микроскоп... И, следовательно, камера-обскура может рассматриваться как символ того внутреннего движения жизни, которое мы имеем при себе, в непрерывном органическом усилии осуществления, как глаз»¹⁰.

⁷ Там же.

⁸ Давыдов В. В., Зинченко В. П. Вклад Л. С. Выготского в развитие психологической науки // Советская педагогика. 1986. № 11.

⁹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Символ. Париж, Июль. 1992. Т. 28. Ч. 2. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 171.

Впоследствии работы Каппа и Флоренского были забыты. Слабое подобие этих идей можно найти в модной некоторое время тому назад бионике. Особо однако подчеркнем, что Флоренский, развивая идеи органопроекции, показывал на множестве примеров, что орудия труда созданы по образу и подобию человека как его телесного, так и духовного организма. Наконец, «живость» орудий усиливается тем, что человек называет их живым словом, дает им имя.

Другими словами, орудия имеют не только назначение, но и значение. Выготский в работе «Орудие и знак» отошел от резкого противопоставления орудия и знака, что было характерно для первых этапов развития его взглядов. Он специально обращал внимание на *внутреннее сплетение знака и орудия*, которое находит материальное символическое выражение в самом начале развития человеческого труда¹¹. Психологический анализ знаково-символических и собственно орудийных функций первобытной палки для копания, приводимый Выготским, весьма поучителен сегодня для понимания (и проектирования) деятельности человека с компьютерной техникой.

Значит аффективно-смысловые, равно как и знаково-символические образования, — идеальная форма, — взятые на полюсе культуры в связке «культура—индивид», столь же объективны, сколь и субъективны (субъектны, личностны) не только по своему происхождению, но и по способу своего существования и действия, а не только воздействия. Они полноправные участники духовного и материального производства, питают его идеями и энергией. Конечно, для того чтобы понять и принять это, нужно иначе посмотреть на то, что есть живое, жизнь и отказаться от столь же бесспорного, сколь и бессмысленного определения жизни как «способа существования белковых тел». В советской науке странным образом не замечалась удивительно точная характеристика (не определение) жизни, данная современником Выготского и Шпета А. А. Ухтомским, который, как и Н. А. Бернштейн, развивал неклассическую физиологию — физиологию активности, нередко называемую психологической физиологией: «Жизнь — асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удержива-

¹¹ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1984. С. 84.

ющаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении. Энергический химический агент ставит живое существо перед дилеммой: если задержаться на накоплении этого вещества, то — смерть, а если тотчас использовать его активно, то — вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь»¹².

Чтобы убедиться в емкости этой характеристики, можно заменить в ней «химический агент» на информацию или — лучше — на знания, опыт, а живое вещество — на живое существо (человека). Тогда мы получим характеристику жизни как асимметрию (а не гомеостаз), с постоянным колебанием на острие меча между мыслью и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием, аффектом и интеллектом и т. д. Произведения искусства (не все!) также объемлются этим определением. В них есть энергия, устремление, постоянное движение, строительство, синтез, сама жизнь. Есть и асимметрия между динамикой и статикой, между вечным и временным, между добром и злом, между жизнью и смертью...

Обратимся к полюсу индивида. Столь ли уж субъективны аффективно-смысловые образования на этом полюсе? Ухтомский писал, что «с самого начала формирующийся образ предмета есть некоторый проект реальности, и именно эвристический проект реальности, подвергающийся затем многократной проверке и перестраиванию на основании практического слияния с реальностью»¹³. Приглашаем читателя вникнуть в то, как Выготский объясняет возникновение *эвристического проекта реальности*: «Именно включение символических операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, но набрасывающего эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации»¹⁴. Примерно в те же годы М. М. Бахтин характеризовал мир действия как мир внутреннего предвосхищенного будущего.

Напомним, что лишь несколько десятилетий спустя, в психологии и физиологии появились понятия «образа потребного

будущего», «акцептора результатов действия», «оперативного образа», «образа-регулятора действия», «плана поведения», «образа-манипулятора», «сенсорного эталона», «перцептивной модели», «образно-концептуальной модели», «перцептивной гипотезы», близкие по смыслу к понятиям «эвристический проект реальности», «эскиз будущего». Для того чтобы проект мог быть реализован или перцептивная гипотеза могла быть верифицирована, образ должен быть объективирован, то есть находиться там, где находится реальность, оригинал.

А. А. Ухтомский объективировал субъективное, психическое в «теле» функциональных органов индивида, которые столь же реальны, как морфологически сложившиеся образования. Он определял функциональный орган как «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»¹⁵, или как распределение активностей в пространстве и времени (хронотоп). Он уподоблял его динамическому подвижному деятелю. Ухтомский к числу функциональных органов относил не только парабриоз, доминанту, но и психологическое воспоминание, желание, интегральный образ мира. Он подчеркивал, что это — новообразования, возникающие во взаимодействии со средой, в активности индивида, который сам деятельно идет навстречу среде. В соответствии с определением органа образ должен обладать *силами*. Это кажется странным, непривычным. Над этим стоит задуматься и вспомнить давние представления об «эйдетической энергии», т. е. об энергии образа, развивавшиеся, например, А. Ф. Лосевым, о «живом знании» С. Л. Франка. Подобное пояснение излишне по отношению к другим видам функциональных органов: живое движение (Н. А. Бернштейн), аффект (А. В. Запорожец), энергетика которых очевидна.

Любопытно отметить, что А. А. Ухтомский, аргументируя положение о реальности функциональных органов, в числе прочих ссылаясь и на работы З. Фрейда. При всей натуралистичности трактовки сознания и бессознательного З. Фрейдом, несомненная его заслуга состоит в признании их объективности. Он уподоблял работу психоаналитика работе хирургического скальпеля, оперирующего подсознание.

¹⁵ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 95.

¹² Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 235.

¹³ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 274.

¹⁴ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1984. С. 50.

Вполне возможно, что на А. А. Ухтомского оказали влияние труды П. А. Флоренского, который определял разум как орган человека: «Что бы мы не думали о человеческом разуме, но для нас загодя есть возможность утверждать, что он — орган человека, его живая деятельность, его реальная сила, логос»¹⁶. Далее Флоренский пишет о причастности разума бытию и бытия разумности: «А если — так, то акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный»¹⁷.

Понятие функциональных органов — новообразований индивида — затем широко использовали и развивали Н. А. Бернштейн, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Они наделяли их телесными свойствами и качествами, например, биодинамической, чувственной, аффективной тканью, исследовали их развитие, инволюцию, реактивность, чувствительность и т. п. Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого в конце концов конституируется духовный организм. Они действительно могут рассматриваться как анатомия и физиология духа. Более того, система разнообразных связей внутри органа и между органами представляет собой кровеносную систему, которая может закупориваться (склеротизироваться), вызывать ступор, шок¹⁸. (Заметим, что понятие «органическая» психология может рассматриваться и как производное от понятия «функциональный орган». Это еще один, правда, тоже внешний аргумент, подчеркивающий органичность культурно-исторической психологии. Аналогом понятия «функциональный орган» в теории Выготского является понятие «психологическая функциональная система».)

Для Выготского понятие «психологическая функциональная система», эквивалентное понятию способности, было единицей анализа «душевного организма, обладающего деятельностями»¹⁹. Можно, конечно, предположить, что для Ухтомского понятие «функционального органа» играло роль эпистемологической метафоры для анализа духовного «организма», познание анато-

¹⁶ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Ч. 1. М., 1990. С. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

¹⁹ Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 157.

мии которого было главнейшей целью его жизни. Напомним, что для стиля его научного мышления характерны смелые переносы понятийных слоев из одной научной области в другую, которые оказались весьма продуктивными и для естественных, и для гуманитарных наук. Одним из первых он обратился к идее хронотопа, актуализировал идеи Г. Минковского и А. Эйнштейна и развил их применительно к проблемам физиологии и биологии. Результатом такого подхода стал перенос в биологическую науку идеи пространственно-временных относительностей, которые Ухтомский удачным образом именовал «хронотопом», т. е. «пространство-временем». Его основная идея состояла в том, что, говоря современным языком, феномен (в данном случае, физиологический) существует только внутри какого-то контекста, внутри сферы, которая придает этому феномену смысловую основу, и только эта связка «явление — сфера его существования» позволяет исследовать «бытие в его текучести». «Мы живем в хронотопе. Законы его инвариантны лишь при условии, что существует максимальная скорость распространения влияний = скорости света. Если вообще существует безотносительная, инвариантная величина, то это интервал в хронотопе, интервал между событиями»²⁰. Вот почему, мы полагаем, что Ухтомского сегодня можно рассматривать в качестве одного из «медиаторов», сохраняющих целостность русской интеллектуальной культуры, благодаря которым мы можем осваивать наследие русской философии в контексте культурно-исторической психологии.

Вернемся к идеальной и реальной формам. Приведенные выше размышления дают основания для того, чтобы не проводить границу между ними по линии объективное — субъективное, внешнее — внутреннее, тело — душа. Обе формы объективны и субъективны, хотя, видимо, в разной степени и в разных контекстах по-разному, что дает возможность корректно ставить вопрос о переходе одной формы в другую, об органичности их взаимодействия. В этом Д. Б. Эльконин видел неклассичность подхода культурно-исторической психологии, в которой преодолевается психофизическая проблема. Идеальная и реальная формы — это

²⁰ Ухтомский А. А. О хронотопе // Ухтомский А. А. Доминанта души (из гуманитарного наследия). Рыбинск, 2000. С. 79.

живые формы. Наличие у них общих свойств делает их потенциально и актуально совместимыми. Поэтому, если «неклассичность» культурно-исторического подхода характеризовать не отрицанием, а позитивным «словом-понятием», то для этого ближе всего подходит выбранная нами метафора «органическая» психология. При всей совместимости реальной и идеальной форм переход одной в другую не может совершаться автоматически. Проблема перехода остается. И на первых порах она разрешалась в парадигме классической психологии, в оппозиционных понятиях внешнего — внутреннего, объективного — субъективного, души — тела, интериоризации — экстериоризации и т. п., о чем мы подробнее будем говорить далее.

* * *

Следующий шаг состоит в том, чтобы понять, как в культурно-исторической психологии оказывается возможным переход от идеальной формы к реальной. Идеальная форма имеет своих вполне реальных носителей, выступающих посредниками-медиаторами развития реальной формы. Выготский в качестве таковых рассматривал роль трех медиаторов: *взрослый* (в паре интериндивидуальной деятельности), *знак* и *слово*. За рамками его анализа остался символ, роль которого в развитии человеческого сознания отмечалась А. Ф. Лосевым. Тем не менее Выготский достаточно часто говорил о знаково-символической и символической деятельности. К этому ряду медиаторов может быть добавлен и смысл, который существует как бы сам по себе (Л. Витгенштейн) и может быть отождествлен с неким возможным фактом. Говоря словами Шпета, смысл может рассматриваться как нечто объективное наряду со знаком, символом и т. д. Впрочем, этот ряд медиаторов остается открытым. Полифонии медиаторов отвечает полифония сознания. На одном знаке или знаковом действии полифоническое сознание не построить. Только рефлексорное.

Когда субъект в ходе развития символической деятельности овладевает медиаторами, его реальная (по Выготскому — прежде натуральная) форма становится идеальной как минимум идеализированной, культурной.

В опосредствовании состоит пафос культурно-исторической психологии. В посредническом акте, который сейчас интенсивно изуча-

ет Б. Д. Эльконин с сотрудниками, заключена тайна развития, тайна превращения реальной формы в идеальную и идеальной формы в реальную. Включение в натуральные формы психических функций (сохраним пока это многократно критиковавшееся понятие Выготского) предмета, орудия, знака трансформирует эти формы в идеальные, культурные. Последние приобретают вид предметных, орудийных, знаковых, вербальных, символических — в широком смысле инструментальных психических операций, действий, деятельности.

Что означает трансформация? Это и есть строительство, формирование функциональных органов-новообразований, осуществляемое с помощью медиаторов, посредников, средств, которые Выготский называл «психологическими орудиями», или «психологическими инструментами». Остановимся на них подробнее. Выготский различал (возможно, нарочито категорично) материальное и психологическое орудие: «Существеннейшим отличием знака от орудия... является различная направленность того или другого. Орудие служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы. Знак ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение — чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь. Обе деятельности столь различны, что и природа применяемых средств не может быть одной и той же в обоих случаях»²¹.

Сказанное относится не только к знаку, но и к символу, слову, о чем также писал Выготский: «Слово, направленное на разрешение проблемы, относится не только к объектам, принадлежащим внешнему миру, но также и к собственному поведению ребенка, его действиям и намерениям. С помощью речи ребенок впервые оказывается способным обратиться на самого себя, как бы со стороны рассматривая себя как некоторый объект»²².

Вот здесь-то и проявляется замечательная особенность психологических орудий, будь то знак, слово, символ. Они выступают не только в роли стимулов, способных вызвать те или иные ответы,

²¹ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. С. 90.

²² Цит. по: Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994. С. 14.

реакции, поведенческие акты. Они вызывают к жизни внутренние формы деятельности, определяющие, помимо всего прочего, непредсказуемость внешнего поведения. Обращение на самого себя, взгляд на себя со стороны — это начало способности или сама способность заглядывания внутрь самого себя, начало формирования образа себя и вынесения его в целом или отдельных свойств вовне. Это объективация самого себя, своей собственной субъективности, формирование самосознания. Хотя сказанного уже достаточно, но это еще не все. В этом тайна и первое условие формирования себя, условие самостроительства человека, культурного формирования личности.

Б. Д. Эльконин приводит слова Выготского о том, что направленность знака извне внутрь, во-первых, и связанная с этим реконструкция, объективация, экстериоризация внутреннего, во-вторых, являются центром «работы» знака: «Если вдуматься глубоко в этот факт, что человек в узелке, завязанном на память, в сущности контролирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напомнить ему, то есть напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что здесь происходит, то один этот факт может раскрыть перед нами все глубокое своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в другом — человек напоминает нечто»²³. Действие знака простирается еще более глубоко: «Когда вы изучаете опосредованное запоминание, т. е. то, как человек запоминает, опираясь на известные знаки или приемы, то вы видите, что меняется место памяти в системе психических функций. То, что при непосредственном запоминании берется непосредственно памятью, то при опосредованном запоминании берется с помощью ряда психических операций, которые могут не иметь ничего общего с памятью; происходит, следовательно, как бы замещение одних психических функций другими»²⁴. Таких примеров множество и в ранней работе А. Н. Леонтьева о развитии памяти, и в работах П. И. Зинченко, посвященных динамике произвольного и произвольного запоминания²⁵.

²³ Там же. С. 14—15.

²⁴ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. С. 392.

²⁵ Зинченко П. И. Произвольное запоминание. М., 1961.

Что же это за мистические свойства знака, слова, других медиаторов, которые не просто воспринимаются, усваиваются, запоминаются, но и пробуждают дремлющие или содействуют формированию новых психических операций, перестраивают их самих и взаимоотношения между ними?

Попробуем ответить на этот вопрос, хотя это и не легко. Причина не в недостатке, а в избытке материала. Обратимся вновь к памяти и посмотрим, как П. И. Зинченко почти семьдесят лет тому назад интерпретировал положение об ее опосредованности: «Основным в развитии человеческой памяти с этой точки зрения является овладение употреблением средств-знаков запоминания. Но знак — средство с внутренней, конкретно-психологической стороны — есть значение. Значение же есть не что иное, как обобщение действительности. Это значение-обобщение развивается как со стороны характера тех связей и отношений, которые обобщаются в знаке (в основном в слове, как знаке), так и со стороны изменения структуры, строения этого обобщения, т. е. со стороны характера интеллектуальных операций. Овладение знаком-средством и связано с развитием его внутренней стороны, с развитием обобщения. Таким образом, развитие памяти прежде всего определяется развитием мышления, ибо развитие всякого значения-обобщения предполагает развитие мышления. <...> В этих основных положениях... запоминание впервые в психологии начинает рассматриваться не как содержание сознания, замкнутого в субъекте, являющееся его феноменальным субъективным миром, и не как абстрактная метафизическая способность. Запоминание впервые выступает здесь как активный процесс, как конкретное психическое действие. В связи с этим впервые становится возможным и реальное исследование развития памяти как процесса, исследование строения процессов запоминания на разных этапах их развития»²⁶.

Обратим внимание на слово «*впервые*», трижды употребленное в этом отрывке. Согласно П. И. Зинченко, — теория опосредствования *впервые* позволила исследовать память как *психическое действие*, а развитие памяти как *процесс*. Здесь отчетливо выступает

²⁶ Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского пед. ин-та иностранных языков. 1939. Т. I. С. 153.

органическая связь между культурно-исторической психологией и еще только зарождающейся психологической теорией деятельности. Последняя в качестве своей онтологии взяла опосредствованное, т. е. культурное действие, отказавшись от изучения натуральных психических функций — главного предмета исследований классической психологии. Мы полагаем, что приведенный фрагмент из работы Зинченко, написанной между 1936—1937 гг., — это бесспорный аргумент против повторяющихся время от времени попыток оторвать одно психологическое направление от другого, противопоставить их. В более поздней работе Зинченко приводит по этому поводу весьма категорическое высказывание самого Выготского, относящееся к 1926 г.: «...память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении, с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции, и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в точном смысле этого слова»²⁷. В этом контексте полезно напомнить положение Выготского о том, что «связь деятельностей — это центральный пункт в изучении всякой системы». И далее автор разъясняет: «Проблема связи должна быть с самого начала противопоставлена атомистической проблеме. *Сознание изначально есть нечто целое* — это мы постулируем. *Сознание определяет судьбу системы, как организм функции*»²⁸. Выготский не только настаивает на том, что сознание — это связь деятельностей, но и обращает этот постулат в проблему, считая эту связь переменной и делая ее предметом психологического исследования.

Напомним, что П. И. Зинченко — ученик А. Н. Леонтьева — был одним из активных участников «леонтьевского *деятельностного похода*» на психологию. Справедливости ради нужно сказать, что это одновременно был «поход» и на культурно-историческую психологию. П. И. Зинченко так высказывался об ошибочности культурно-исторической психологии в целом: «Неправильно решен основной вопрос о понимании природы психического. Специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики было признано *овладение* психикой натуральной, естественной, биологической через использование

²⁷ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961. С. 117.

²⁸ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. С. 157—158.

вспомогательных психологических средств. В этом положении заключена основная ошибка учения Выготского. Марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически. Общественно-историческая обусловленность психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким образом, рассматривалось не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограниченное общением сознания субъекта с культурной, идеальной действительностью»²⁹.

Проще всего по поводу этой критики сказать, что она огульна и несправедлива, приведя при этом «ответ» Выготского, написанный до критики: «За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей»³⁰. Но все дело в том, что этот ответ был впервые опубликован спустя четверть века после написания статьи П. И. Зинченко.

Подобная критика была еще мягкой в сравнении с разнузданной критикой, статьями-доносами в адрес Выготского, появлявшимися еще при его жизни. Следует учитывать, что ко времени написания и публикации статьи Зинченко труды Выготского были уже запрещены, не говоря уже о том, что при его жизни была опубликована лишь их малая часть. До выхода собрания сочинений Выготского в шести томах (и все еще неполного) посчастливилось дожить только П. Я. Гальперину и Д. Б. Эльконину. А. В. Запорожцу и А. Р. Лурии, усилиями которых оно было издано, не довелось его увидеть.

Это историческое отступление важно для нас, как описание культурно-исторической ситуации, которая влияла на продвижение идей культурно-исторической психологии. Но так или иначе в этот период традиция психологических исследований, берущая свое начало в гуманитарных идеях русских философов была прервана и это семиотическое по своей сути направление развития культурно-исторической психологии, могло существовать только на периферии деятельностного подхода. Необходимо также иметь в виду, что история науки — всей науки, а не только

²⁹ Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961. С. 117.

³⁰ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. С. 145.

гуманитарной, — движется в определенных экзистенциальных контекстах, поэтому, говоря об истории идей всегда необходимо учитывать судьбу (трагическую или счастливую) их носителей. С этой позиции можно сказать, что историческая судьба культурно-исторической психологии была куда более счастливой, чем судьбы многих других современных ей научных направлений.

Возвращаясь к статье П. И. Зинченко, легче всего предположить, что после приведенного панегирика в адрес Л. С. Выготского эта критика носила «дежурный», принудительный характер. Ведь панегирик и критика уживаются на одной странице. Однако не будем упрощать дело, тем более что последующие критики Выготского ссылаются лишь на критический пассаж П. И. Зинченко и не замечают главного. Конечно, с нашей сегодняшней точки зрения в этом пассаже основное достоинство культурно-исторической психологии превращено в ее недостаток. Но следует обратить внимание на то, что здесь наметилась смена, если не предмета исследования, то его акцентов. Не внутренняя сторона психологического орудия — значение, а опосредованное психическое действие. Напомним, что в 30-е гг. участники Харьковской группы (название *школа* появилось много позже) приступили к изучению разных форм «психических действий»: простейшие орудийные действия у ребенка (П. Я. Гальперин), сенсорные действия (А. В. Запорожец), мнемические действия (П. И. Зинченко), интеллектуальные действия (А. В. Запорожец). Начал складываться действительно *деятельностный подход* к психике, а затем и психологическая теория деятельности. Значение, которое для Выготского было исходной единицей анализа психики, отступило на второй-третий план³¹. Значение слишком тесно связано с культурой, с идеальной деятельностью, с сознанием.

В нашей историко-психологической литературе до сих пор странным образом уживаются адресованные Выготскому упреки и идеализме и адресованные Леонтьеву упреки в отходе от Выготского, т. е. от идеализма (?!). Методологически корректно столкновение культурно-исторически и деятельностно ориентированных психологических концепций осмысливалось Г. П. Щедровицким, что представляет особый сюжет для историков психологии.

³¹ Зинченко В. П. Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. 1981. № 2. С. 118—133.

Вообще, по поводу критики в адрес культурно-исторической психологии следует сказать, что практически вся критика, опубликованная до 1982—1984 гг., т. е. до выхода в свет собрания сочинений Л. С. Выготского представляет собой с исторической точки зрения *недоразумение*. Ее авторы просто не могли знать многих фундаментальных работ Выготского, среди которых, например, «Исторический смысл психологического кризиса», «Орудие и знак в развитии ребенка», «Учение об эмоциях».

Последуем за Выготским и попробуем понять, что же такое внутренняя сторона слова, знака, символа. В дальнейшем мы будем говорить не о внутренней стороне, а об их внутренней форме. Итак, психологические орудия имеют внешнюю и внутреннюю форму. Внешняя чаще всего чрезвычайно проста, но тем не менее она совершенно непонятна, если неизвестна внутренняя форма. Внутренняя форма слова как психологического орудия необычайно богата прежде всего в сравнении с директивным знаком. Внутренняя форма последнего достаточно проста и не допускает альтернативного толкования. «Знак есть такой способ использования предмета, что само предметное содержание, указуемое знаком, полностью исчерпывается актом использования знака», — писал М. К. Мамардашвили³².

По сравнению со знаком и даже со словом символ вообще допускает множество интерпретаций. Его внешняя, видимая форма может быть элементарной, а внутренняя — бесконечной. Проблема состоит в том, чтобы открыть, увидеть внутреннюю форму, проникнув за внешнюю оболочку символа, научиться ориентироваться во внутренней форме. Здесь не должно быть иллюзий. Ориентация в бездонных глубинах скрытого за символом смысла — дело чрезвычайно трудное. Приведем до боли знакомый пример столкновения двух хорошо известных символов, порождающих неожиданные смыслы. По словам Мамардашвили, невидимая вторая половина символа, в отличие от вещественной, видной всем, прорастает в какие-то глубины сознательной жизни. Об этом же говорил П. А. Флоренский: «Вживаясь в символ, мы находим себя самих, а стараясь проникнуть в себя открываем тут символы»³³. Ча-

³² Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1996. С. 373.

³³ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Символ. Париж, Июль. 1992. Т. 28. Ч. 2. С. 174.

сто такое прорастание символа или вживание в него происходит помимо воли и желания субъекта, и не он овладевает символом, а символ захватывает его и овладевает им. В последнем случае не символ — орудие человека, а человек становится орудием символа, становится «человекоорудием» (термин Даниила Андреева).

Разумеется, такое «прорастание» происходит не в физическое, а в символическое «тело» человека, в его духовный организм, в «тело» его желаний, мотивов, сознания. Но если такое прорастание не происходит, человек, по словам Ф. Ницше, оказывается полым. Аналогичные метаморфозы происходят и с языком. И. Бродский настойчиво повторял, что не язык — орудие поэта, а поэт — орудие, «средство существования» языка. Открытие внутренней формы медиаторов, точнее, бесконечное число открытий начинается в совместной деятельности ребенка со взрослым и продолжается самостоятельно всю жизнь. К исследованиям работы психологических орудий-медиаторов психология только прикоснулась во время жизни Выготского. Он сам предупреждал против упрощенного понимания связи между знаком и значением: «Отнести овладение связью между знаком и значением к самому началу культурного развития ребенка, значит игнорировать сложнейшую, растянутую более чем на целое десятилетие историю внутреннего построения этой связи»³⁴. После слишком длительного перерыва эти исследования возобновил Б. Д. Эльконин³⁵.

Из того немногого, что сказано о психологических орудиях, вытекает, что они сродни, совместимы, внутренне органичны как идеальной форме, так и реальной форме. В них также имеются объективная и субъективная составляющие. Они могут выполнять посредническую функцию между реальной и идеальной формами, так как обнаруживают глубинное сходство с последними. Психологические орудия, средства, инструменты нередко уподобляются органам человека, или органам человеческой деятельности. Поскольку они представляют собой искусственные средства деятельности, их нередко называют артефактами³⁶. Так же называют и функциональные органы, что иногда создает трудности для по-

³⁴ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. С. 15.

³⁵ *Эльконин Б. Д.* Введение в психологию развития. М., 1994.

³⁶ *Верч Дж.* Голоса разума. М., 1996.

нимания. Но это лишний раз подчеркивает потенциальную совместимость и возможность слияния, соединения (единства), установления органической связи между психологическими орудиями и идеальной формой, с одной стороны, и реальной формой — с другой. Психологические орудия: слово, знак, символ — это «живые», деятельные формы. Они, как и все живое, смертны. Есть мертвые символы, мертвые слова, даже мертвые языки.

Приведенный выше анализ идеальной, реальной и медиативной форм позволяет сделать еще одно заключение. При всей своей целостности это — гетерогенные формы. Такой ход мысли вполне соответствует идеям культурно-исторической психологии о свойствах единиц анализа психики. Последние представляют собой живые, целостные и гетерогенные образования³⁷.

Многие годы спустя после кончины Выготского М. К. Мамардашвили, развивавший философскую проблематику формы превращенной, в поисках иллюстраций для своих размышлений постоянно обращался к психологической реальности, в том числе и к реальности сознания. Он искал адекватные ей наименования и термины: сращения субъективного и объективного, кентаврические образования, артефакты, артеакты, функциональные органы, амплификаторы-усилители наших естественных способностей, новообразования и т. п. Все эти искусственные образования он называл «третьими вещами», «понимательными вещами», «интеллигибельной материей». К этому списку можно добавить и известные психологам понятия установок, доминант, предметных рецепторов, органов чувств теоретиков, акцентуаций и пр. Продолжающийся поиск наименований психологической реальности представляет собой уход от картезианской дихотомии души и тела, в том числе и уход от натуралистической трактовки внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного), с которой связана столь же натуралистическая трактовка процессов интериоризации и экстериоризации. На наш взгляд перечисленные попытки именования «психологической реальности» можно сегодня интерпретировать как поиск путей возвращения к гуманитарным основаниям культурно-исторической психологии, заложенным в традиции русской философии начала XX в.

³⁷ *Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.

Глава 3

Духовный организм и его функциональные органы

(опыт интегративной работы в психологии)

Если всерьез отнестись к декларациям о необходимости построения целостной, холистической, интегральной психологии, то необходимым условием такой работы должно быть установление ее начального и конечного пунктов. Несомненно, что в истории психологии начальным пунктом ее развития было целое, т. е. душа, ее смыслообраз, заданный Платоном: соединенная сила окрыленной пары коней и возницы, т. е. познание, чувство и воля. Реальная работа по анализу сил души была начата Аристотелем. В аналитической работе психология преуспела, отсюда и тоска по целостности. Но для того чтобы ее удовлетворить, необходимо либо вспомнить добрый старый смыслообраз души, либо предложить новый вариант душевного целого. Так как память не самая сильная сторона психологического сообщества, то оно предпочитало идти по второму пути. На место души предлагалось поставить машину, компьютер, мозг, рассматриваемый то как телефонная станция, то как тот же компьютер. Предлагался и бездушный организм — тело, умное само по себе, и другие формы редукции души к тому, чем она не является. Подобные эрзацы язык не поворачивается назвать смыслообразом и по отношению к такому «целому» синтетическая, интегративная работа не может быть продуктивной: хотя бы потому, что ее давным-давно уже проделали.

Остается лишь одна надежда на память. На память души, которой, к счастью, не все лишились. В нашем Отечестве продолжали думать о душе и искать путь к ее изучению Г. И. Челпанов, Г. Г. Шпет, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский, А. А. Ухтомский и др. На примере последнего попытаемся показать, что психология может быть наукой о душе, а не только наукой об ее отсутствии, и что воз-

можно не только декларация о целостности психологии, но и работа по достижению целостности, конечно, при том условии, что осмысленное целое будет присутствовать в сознании исследователя.

* * *

А. А. Ухтомский еще в начале XX в. поставил перед собой задачу: познать анатомию и физиологию человеческого духа. Вспоминая об этом периоде своей жизни, он писал: «Когда Розен говорил мне: “С физиологией вы все равно до души не доберетесь, займитесь-ка лучше Упанишадами — там больше глубины и ближе душа”, — тут выразилась старая борьба классицизма с его надеждами и убеждениями и нашего математического реализма с его верой. Я — верующий реалист и решительный антагонист всевозможного классицизма. Пойдем далее, будем мучениками нашей веры, бодро вступим в жизнь мысли, тут созидания еще впереди»¹. Прогноз Ухтомского оправдался благодаря тому, что он сумел посмотреть на нервно-мышечный препарат лягушки духовным взором. А нежадуемые им классицисты до сих пор смотрят на человека, т. е. на духовное существо (это не большой комплимент, чем *homo sapiens*), глазом телесным. Если попытаться кратко сформулировать итоги его исследований и размышлений, то он наметил пути понимания «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа», которые объемлются понятием «духовный организм».

Конечно, это понятие и до Ухтомского было широко распространено в теологии, в философии, в искусстве, в науках о человеке. Он дал его естественно-научную интерпретацию, выдвинув идею функциональных (не анатомических!) органов духовного организма. Согласно А. А. Ухтомскому, функциональный орган это — всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. (Еще раз вспомним соединенную силу в метафоре души Платона.) Такими органами являются движение, действие, образ мира, психологическое воспоминание, творческий разум, состояния человека, например, сон, бодрствование, аффект, даже личность. К ним могут быть отнесены «взгляд», «плоть», в понимании Сартра и «тело желаний», в понимании Мамардашвили.

¹ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 80.

Ухтомскому принадлежит весьма категорическое суждение относительно Я, которое должно быть слугой и органом духа.

Духовный организм строится из функциональных органов и вместе с тем строит их. В исследованиях Ухтомского показано (и предсказано), что активность живых существ представляет собой не только зависимую от тех или иных обстоятельств переменную, но и задающую. Активность порождает, формирует, оттачивает механизмы своего собственного осуществления, своих собственных органов-новообразований (ср. О. Мандельштам: Я слепой и поводырь; Я и садовник, / Я же и цветок). Такие органы-новообразования, например доминанты, становятся между нами и реальностью. Можно предположить, что это одно из «мест», где располагается душа. Согласно А. А. Ухтомскому, внимание есть одна из доминант души.

Функциональные органы и сами представляют собой реальность, хотя совершенно особого рода. Реальность, называемую психикой, которую современник А. А. Ухтомского А. Н. Северцов признал фактором эволюции. Кто знает, может быть, если бы Северцов писал свою статью «Эволюция и психика» не в 1922 г., а до 1917 г., то он бы назвал ее «Эволюция и душа»? Ведь только душе (психике?) одновременно доступно прошлое, настоящее и будущее. Поэтому душа — такой фактор эволюции, без которого ее движение слепо. Аналогичным образом, сознание является фактором истории.

Функциональный орган — это не морфологическое, а энергетическое образование. Ухтомский уподоблял сочетание сил «вихревому движению Декарта». Близкий термин, например, «поток всемирного становления» используется в контексте размышлений о феноменологии тела. О. Мандельштам, видимо, не без влияния А. Бергсона, писал, что «единый виталистический поток создает для себя органы: слух, глаз, сердце, [кровеносную систему, а в дантовском понимании человеческого тела не только создает, но в них и через них буквально протекает, поскольку органы являются соподчиненными потоками в едином потоке и только через них может осуществляться виталистический порыв]»². В понимании Мандельштама порыв от потока отличается своей членораздельностью, благодаря которой порывы превращаются в текст. Поэт указывает существенную особенность создаваемых органов:

² Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 163.

«Поэтическая речь создает свои орудия на ходу и на ходу же их уничтожает»³. Позже мы увидим, что это характерно и для функциональных органов, которые существуют только в исполнении, когда силы лишь временно сочетаются и после решения той или иной жизненной задачи — рассеиваются, чтобы вновь объединиться для решения другой задачи. Вяч. Иванов в эссе, посвященном Прометею, «О действии и действе» так описывает рождение, смерть и новое рождение действия-деяния: «В каждом деянии, как и в каждом обособленном возникновении, таится обращенное внутрь его жало смерти. Смерть действия — его разложение: оно обращается в свое противоположное, — “само кует свой плен”, — между тем, как первоначальная воля возрождается в другом действии, которое в свою очередь проходит тот же круг. Каждое действие подобно жезлу, обвитому четою ехидн: змеи взаимно уязвляют одна другую насмерть, — жезл выскальзывает из их колец. Крылатым надлежит ему быть, — т. е. стремиться, хотя бы и титаническим усилием, к безусловному, к совершенству чистой Идеи, — чтобы не кануть в нижнюю бездну, тогда обовьет его новая яростная чета, и вознесение действия будет продолжено»⁴. Это патетическое описание может служить прекрасной иллюстрацией не только к сочетанию сил в функциональном органе, но и к соединенным силам души Платона. Оно же иллюстрирует чувство активности порождения М. М. Бахтина или чувство деятельности. Человеческие силы далеко не всегда находятся в гармонии. Ведь человек, согласно Паскалю, не только мыслящий, но и ропщущий тростник. Образ тростника замечателен, он еще и поэт. Сравним у А. С. Пушкина:

Тростник был оживлен божественным дыханьем
И душу наполнял святым очарованьем.

Но это еще не полная характеристика человека. В нем, как у героини баллады Гёте «Пария» сочетаются мудрое духовное воление и дикое действие.

Поясним этот, действительно, трудный для понимания сюжет о силах, обратившись к размышлениям Б. Пастернака: «...в отличие от

³ Там же. С. 143.

⁴ Иванов Вяч. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 159.

науки, берущей природу в разрезе светового столба, искусство интересуется жизнью при прохождении сквозь нее луча силового. Понятие силы я взял бы в том же широчайшем смысле, в каком берет его теоретическая физика, с той лишь разницей, что речь шла бы не о принципе силы, а о ее голосе, о ее присутствии. Я пояснил бы, что в рамках сознания сила называется чувством»⁵. И далее поэт пишет: «Собственно сила только и нуждается в языке вещественных доказательств. Остальные стороны сознания долговечны без замет. У них прямая дорога к воззрительным аналогиям света: к числу, к точно-му понятию, к идее. Но ничем, кроме движущегося языка образов, то есть языка сопроводительных признаков не выразить себя силе, факту силы, силе, длительной лишь в момент явления»⁶.

Приведенные размышления Пастернака относятся не к психологии, а к творческой эстетике. Однако, по его словам, особенности жизни становятся особенностями творчества. Справедливо и обратное, поэтому перенос этих идей на поле психологии вполне оправдан. Этот вариант одухотворения силы в чувстве и материализации чувства в силе был предложен Б. Пастернаком в начале 1930-х гг. К этому времени О. Мандельштам высказал идею о том, что средством сосредоточения или аккумуляции силы является не только чувство, но также образ и представление. Он называл их (функциональными) органами и признавал в них наличие энергетики, позволяющей им разворачиваться в действие, воплощаться.

После приведенных пояснений, свидетельствующих о том, что и чувства, и образ могут подлежать энергийной трактовке, вернемся к трагическому образу Прометея, в котором Вяч. Иванов изобразил практически всю палитру амбивалентных человеческих чувств: «Чтобы отдохнуть и закрыться от неумолимого света мысли, для которой нет завес и преград, Прометей алчет деятельности, несущей с собою подобие самозабвения. “Мне недосуг страдать”, — презрительно бросает он своей мучительнице, Эринии; и все же страдает непрестанно. Титаническое начало, облагоустроенное страданием, как начало божественное, свидетельствуется соприродным ему блаженством, не иссякающим в недрах его радованием. Прометей-страдальца переполняет, вместе с тем негнущим

светом сознания, такой избыток мощно пылающей любви и глупимой презрением ненависти, что ему одно остается: перед самим собой притвориться бесчувственным.

Душа — что склеп глухой; большое сердце —
Как чаша горечи... Дрема долит»⁷.

Прометей обуреваем всеми перечисленными чувствами, мыслями, сознанием, деятельностью («он кует, кует, кует...») и парадоксальным всему этому подобием самозабвения. Притом все это не последовательно, а одновременно. Это превосходная иллюстрация бахтинской вневходимости автора — Вяч. Иванова и его симпатического сопереживания своему герою, его душевному состоянию.

Вернемся от героической патетики к психологической прозе. Особую роль в формировании функциональных органов играет живое движение (термин и предмет исследований Н. А. Бернштейна), которое реактивно, чувствительно, эволюционирует и инволюционирует. Не забудем и поэтических характеристик живых движений: мелкие, пререкающиеся, членораздельные. Ухтомский резонно замечает, что действия воли предшествуют разуму: «если бы разум разговаривал до действий воли, то не было бы и жизни; поэтому, с одной стороны, жизнь предполагает санкцию разума после санкции воли, с другой — вряд ли достижимо для смертного “самодовольство”, которое справедливо считается высшим и единственным его счастьем»⁸. Автор ясно выразил мысль, что до действий воли разум не имеет предмета разговора. Так или иначе, но, приводя эти размышления, я хотел подчеркнуть роль активности живого существа в создании функциональных органов.

С активностью, с живым движением и действием можно связать и обсуждение проблемы онтологии души, по крайней мере, проблемы ее «овнешнения». Аристоксен — ученик Аристотеля — утверждал, что душа есть не что иное, как напряженность, ритмическая настроенность телесных вибраций. В этом же духе рассуждал Плотин. Отвечая на вопрос, почему красота живого тела ослепительна,

⁷ Иванов Вяч. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 158.

⁸ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 15.

⁵ Пастернак Б. Л. Избранное. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 174.

⁶ Там же. С. 174—175.

а на мертвом лице остается лишь след ее, он писал, что в нем нет того, что притягивает взгляд: красоты с грацией. А. Бергсон по этому поводу замечает: «Не зря называют одним словом очарование, которое проявляется в движении и акт великодушия, свойственный Божественной добродетели, — оба смысла слова “grace” составляли одно»⁹. Любители и знатоки В. Высоцкого непременно вспомнят его перечисление: Бодрость духа, грация и пластика.

Близкие мысли высказывали естествоиспытатели. А. Ф. Самойлов, оценивая научные заслуги И. М. Сеченова, говорил, что наш известный ботаник К. А. Тимирязев, анализируя соотношение и значение различных частей растения, воскликнул: «лист — это есть растение». Мне кажется, продолжал Самойлов, что мы с таким же правом могли бы сказать: «мышца — это есть животное». Мышца сделала животное животным, мышца сделала человека человеком¹⁰. К сказанному Самойловым можно добавить, что Сеченов относил к элементам мысли не только чувственные ряды, но и ряды личного действия, т. е. те же движения. Продолжим и мы логику рассуждений Самойлова. Что есть душа? Телесный организм занят. Может быть живое движение, если не душа, то ее удачная метафора или душа души, ее энергийное ядро? Ее плоть?

Живое движение иначе, чем механическое, связано с пространством и временем. Механическое движение есть перемещение какого-либо тела в пространстве, а живое — преодоление «мыслящим телом» (термин Спинозы) пространства, претерпевание такого преодоления и построение собственного пространства. Поскольку живое движение направлено на решение жизненных задач, имеющих смысл для живого существа, создаваемое с его помощью субъектное или живое пространство имеет, наряду с метрическими и топологическими категориями, также и смысловое измерение.

Механическое движение пожирает, убивает время, а живое, напротив, осмысливает оживляет, создает, строит живое время. Механическое движение только тратит, расходует энергию, а живое движение накапливает ее, дает ее приращение. Остановка, активный покой — это накопленное движение. Живое движение души

⁹ Адо П. Плотин или простота взгляда. М., 1991. С. 51—53.

¹⁰ См.: Самойлов А. Ф. И. М. Сеченов и его мысли о роли мышления в нашем познании природы // И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. Физиология нервной системы. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 2. Вып. 2. М., 1952.

одухотворяет индивидуальное и историческое время, членит, ритмизирует его, образует в нем зазоры, периоды активного покоя, соединяет его с пространством.

Имеется еще одна возможная линия аргументации, скажем острожно, связи живого движения и предметного действия с душой. В психологии (без души) эта связь выступает как связь движения и психики, рассматриваемая в более широком контексте проблемы единиц анализа последней. Ни одно уважающее себя психологическое направление не прошло мимо этой проблемы. В качестве исходной единицы анализа психики — «неразвитого начала развитого целого» — предлагались ассоциации, гештальты, реакции, рефлексy, установки, обратимые операции, переживания и в том числе движения и действия. Нельзя сказать, что это проблема новая:

Написано: «Вначале было Слово»
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало,
Я напишу, что Мысль всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была не далека.
Ведь мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли начало всех начал?
Пишу, — и вновь я колебаться стал,
Но свет блеснул, и выход вижу я:
В Деянии начало бытия.

И. В. Гёте

Строго говоря, психологов трудно упрекнуть в том, что они не заметили древнего решения, так как Логос — это и слово, и дело, и мысль, и сила-энергия. Поэтому путь к признанию действия единицей анализа психики оказался очень длинным и долгим. Не углубляясь слишком далеко, начнем с Ч. Шеррингтона: «Мы можем предположить, что в осуществлении действий, направленных на окончательный, завершающий акт, в процессе отбора открывается возможность элемента памяти (хотя и рудиментарной) и элементам предварения (хотя и незначительным) развиться в

психическую способность к “развертыванию” настоящего назад, в прошлое и вперед, в будущее, которая у высших животных является непременным признаком более высокого умственного развития»¹¹. Заметим, что это рассуждение великого физиолога находится внутри раздела, который называется «Выраженная аффективная окраска — непременная особенность завершающих реакций». К этому, впрочем, можно добавить давнее утверждение Декарта: действие и страсть — одно. Таким образом, Ч. Шеррингтон локализует важнейшие атрибуты души — чувство, память, предварение и даже зачатки умственного развития не в нервной системе, не в мозге, а в действии, на его завершающих актах. Вспомним А. А. Ухтомского: сначала воля, потом разум. А. Валлон не менее решительно говорил: от действия к мысли. Хотя для живого существа различия между причиной и следствием, априорным и апостериорным, началом и концом весьма относительны. Почти как для поэзии, философии и современной науки.

Замечательные наблюдения относительно предпосылок к порождению действием мышления, в том числе даже теоретического были в 1930-е гг. сделаны А. В. Запорожцем и А. Н. Леонтьевым. А. В. Запорожец следующим образом описывал переход от интеллектуальных операций к интеллектуальным действиям: «Действие, бывшее раньше единым, как бы раскалывается на две части — теоретическую и практическую: осмысление задачи и ее практическое решение...»¹² В «Методологических тетрадах» А. Н. Леонтьева мы читаем: «Как разумное содержание (действие в отношениях межпредметных) приводит к возникновению интеллектуального действия? Действие отделяется от субъекта как вещь, как орудие, или понятие. Разделяется собственно подготовка действия и само действие. Подготовка = приведение ситуации в соответствие со способом действия — орудием, понятием. Это теоретический интеллектуальный акт, который, становясь особым действием (разделение труда), становится теоретическим мышлением»¹³. Как мы видим, А. В. Запорожец и А. Н. Леонтьев, в отличие от Ч. Шеррингтона (или в дополнение к нему) локализуют элементы мышления на начальных стадиях разверты-

¹¹ Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. М., 1969. С. 314.

¹² Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 189.

¹³ Леонтьев А. Н. Философия психологии. М., 1994. С. 191.

вания действия. Значит, последователи Л. С. Выготского изучали не только субъективацию объективного (мышления), но и объективацию субъективного (рождение того же мышления в действии).

Здесь мы подходим к проблеме объективности мира деятельности и действий. Д. Б. Эльконин пишет, что у ребенка уже к трем годам появляется умение отделять самого себя от своих действий, на которое указывал еще И. М. Сеченов: «Когда ребенок на вопрос “Что делает Петя?” отвечает от себя совершенно правильно, т. е. соответственно действительности: “Петя сидит, играет, бегаёт”, анализ собственной особы ушел у него уже на степень отделения себя от своих действий»¹⁴. А. В. Запорожец по поводу аналогичных ситуаций в 1938 г. писал, что действие становится как бы внешним объектом, даже внешним субъектом: «Каким образом может действие сделаться целью для другого действия? Каким образом действие может быть так отчуждено, что субъект начинает стремиться к нему, как к известной внешней вещи, внешнему предмету? ...Единственная возможность этого заключается в том, что действие опредмечивается, приобретает предметный характер. Тогда действие выступает перед ним, как внешний субъект, в котором действие овеществлено»¹⁵. Значит, действие, подобно аффективно-смысловым образованиям, объективируется, не утрачивая при этом своей субъектности.

Субъектность действия есть нечто большее, чем его предметность. Именно на этом настаивал Д. Б. Эльконин, вводя понятие «совокупного действия» — именно действия, осуществляемого ребенком со взрослым — именно совокупного, а не просто совместного действия. Он пишет, что на самых ранних этапах взрослый действует вместе с ребенком: «Здесь у ребенка вообще самостоятельных действий нет, так как взрослый действует руками ребенка (лишь постепенно вычлняются отдельные звенья, производимые собственно ребенком). Взрослый начинает действие, потом младенец его продолжает и вновь действует взрослый»¹⁶. На основе идей Д. Б. Эльконина о совокупном действии В.П. Зинченко в 1983 г. предположил, что в качестве исходной единицы развития психики следует полагать не просто орудийное действие, а совокупную

¹⁴ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 143.

¹⁵ Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 190.

¹⁶ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 501.

деятельность: «Совокупная деятельность “лепит” форму и содержание социальных и предметных действий индивида, — она становится базой для последующего развития и формирования как многообразных форм предметной деятельности, так и многообразных форм социальных действий и общения»¹⁷. Б. Г. Мещеряков сравнил совокупную деятельность с онтогенетической Пангеей, из которой дифференцировались все континенты человеческого сознания и деятельности¹⁸.

Д. Б. Эльконина волновала не столько интериоризация интерпсихического действия, сколько строение и порождающие свойства совокупного действия. В нем он видел искомое Л. С. Выготским единство аффекта и интеллекта: «Аффект — это ориентация на другого, социальный смысл. Интеллект — ориентация на реальные предметные условия осуществления действия»¹⁹. Благодаря этому действие ребенка, выделяясь и относительно автономизируясь от совокупного действия, приобретает рефлексивные черты, что дает дополнительные основания считать его не только единицей анализа психики, но и единицей ее развития.

В цитированной выше работе В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков подчеркивали, что совокупная деятельность включает предметы, а нередко и орудия. Поэтому уже здесь встречается специфически человеческая среда развития если еще не деятельности, то предметности (ср. «празык» у Л. С. Выготского). Последняя (помимо предмета деятельности) объективно оказывается троюко опосредствованной: взрослым (медиатором, посредником), знаком (семиотическим артефактом) и орудием (техническим артефактом). Эта «святая троица» составляет фундамент исходной генетической единицы развития²⁰. Последний аспект изучения совокупного действия интересно развивает Б. Д. Эльконин²¹. Здесь уместно сделать

¹⁷ См.: Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983. С. 139.

¹⁸ Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 87.

¹⁹ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 518.

²⁰ Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 92.

²¹ Эльконин Б. Д. Действие как единица развития // Вопросы психологии. 2004. № 1.

одно дополнение. Функциональные органы могут быть сложносоставными. Человек — орудие, например, д'Артаньян и его шпага — тоже функциональный орган, равно как и человек — машина. Все это есть временное сочетание сил. На этом же основании знаково и орудийно опосредствованное совокупное действие вполне может рассматриваться как более или менее совершенный функциональный орган. На их базе впоследствии могут складываться и формироваться различные формы социальной и предметной деятельности.

Многоликость действия, его субъектность, предметность, аффективность, рефлексивность представляют собой условия включения действия в осмысленную человеческую деятельность в качестве ее органического компонента. В контексте деятельности индивид, предмет, действие, слово, также рассматриваемое как действие, смыкаются в единое социокультурное и психофизическое образование. Впрочем, все сказанное не снимает проблематики анализа живого движения и условий его превращения в формы действия, каким бы последнее ни было: индивидуальным или совокупным, а, возможно, играет не последнюю роль в том, что культура называет живыми движениями души.

Как минимум можно заключить, что живое движение выступает в качестве неистощимого источника функциональных органов, своего рода «строительного материала», на первых порах, для совокупных действий, а затем — для действий перцептивных, мнемических, интеллектуальных, аффективных... Заметим, что это не только философские измышления, к которым (в значительной мере несправедливо) испытывается недоверие. Это размышления естествоиспытателей и психологов, к которым можно добавить утверждение П. Я. Гальперина: «Как не идет балету служить изображением некоторого либретного содержания. Танец имеет собственную логику движений, изменений, переходов, прекрасных форм. Он должен быть выразителен — не для того, чтобы выражать переживания, а для того, чтобы выражать жизнь самого движения. Но ни в коем случае не изображать! Он должен выражать ту эмоцию, которая рождается в телодвижении»²². В балете жизнь самого движения совпадает с жизнью души танцора. Впрочем, не нужно пре-

²² «Психология как главная наука о психике», или Выводы П. Я. Гальперина // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 14—15.

небрегать и философскими размышлениями. Н. Н. Ланге выделяет Б. Спинозу из «семейства» психофизических параллелистов и следующим образом характеризует его взгляд на соотношение души и тела (а по сути — движения): «У Б. Спинозы параллелизм соединяется с монизмом: для него мир протяженных вещей и мир сознания есть единая мировая субстанция в ее разных атрибутах, их соответствие есть соответствие предмета и представления о нем (душа человека совокупность представлений о теле его, порядок и связь представлений соответствует поэтому порядку и связи движений)»²³. Обобщить сказанное о живом движении и действии можно с помощью давнего положения С. Л. Рубинштейна, признавшего действие основной «клеточкой» или «ячейкой» психологии. Он писал, что такое признание означает, «что в действии психологический анализ может вскрыть зачатки всех элементов психологии»²⁴. За истекшие десятилетия этот прогноз полностью оправдался. Обнаружена не только гетерогенность живого движения (зачатки всех элементов психологии), но и его порождающие свойства, способность к дифференциации и трансформации в различные формы действий: знаково-коммуникативные, экспрессивные, когнитивные (перцептивные, мнемические, умственные) и т. д. Весьма существенно, что, благодаря гетерогенности действия, порождение действием высших психических функций (используем, наконец, и этот термин), новообразований, функциональных органов и т. п. происходит не по законам интериоризации, а по законам относительной дифференциации, предсказанной Фехнером. Интериоризация — не закон, а бесспорное эмпирическое наблюдение.

В своей совокупности функциональные органы составляют (строят!) духовный организм. Мысли Ухтомского о духовном организме близки к разработанной в православной патристике энергийной проекции человека (сочетание сил): «Энергия же есть движение деятельное. Деятельным же называется то, что движется по собственному побуждению», — цитирует Св. Иоанна Дамаскина С. С. Хоружий²⁵. Собственное побуждение или свобода самоопределения, реализации себя, своей траектории движения и развития

²³ Ланге Н. Н. Психический мир. Москва—Воронеж, 1996. С. 110.

²⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 143.

²⁵ Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995. С. 53.

обеспечивается создаваемыми индивидом функциональными органами — новообразованиями.

Возможно, замысел Ухтомского имел своим источником, несомненно, хорошо знакомую ему, благодаря богословскому образованию, традицию православной патристики и исихастской антропологии. В последней не только была проработана своего рода энергийная проекция человеческого существа, но и создан интереснейший концептуальный аппарат для ее описания. В него входили понятия свободы, динамических и этических установок, телесной, душевной и умственной доминант, их упорядоченного энергийного единства и др. С. С. Хоружий следующим образом суммирует представление о человеке, развитое в аскетической антропологии:

«Итак, энергия — первый импульс и актуальный почин движения; и тварь всегда обладает целым множеством разнородных и разнонаправленных энергий. Следует различать энергии телесные и душевные. Анализ сознания приводит к дальнейшим подразделениям; выделяются также различные виды душевных энергий. Уже у Григория Нисского, а затем у Евгария возникает трехчастное деление души, на части мыслительную, (по) желательную и раздражительную (она же яростная, включающая эмоции); отсюда можно говорить и о соответствующих видах энергий...

Все в целом множество энергий человека, непрерывно меняющееся, образует своего рода энергийную проекцию человеческого существа. Человек — (само)деятельный центр, энергии — разнонаправленные, разнородные, а также взаимосвязанные, взаимодействующие выступления, “ростки деятельностей” этого центра, в совокупности образующие подвижную систему, меняющуюся конфигурацию — проекцию человека в план энергии, которую естественно назвать энергийным образом человека...

Можно выделить различные типы энергийных образов. Любая цель человека предполагает, вообще говоря, комплексную деятельность, включающую ряд различных энергий. Поэтому обычно энергии объединяются в группы, собранные вокруг некоторой центральной энергии, которая связана с определенной целью, стремлением. Такую энергию, объединяющую и подчиняющую себе некоторую группу энергий, будем называть доминантой. Порождаясь определенными стихиями тварного бытия, энергии — в том числе, доминанты — могут быть телесны, душевны, умственны. Соответ-

ственно, можно говорить о таких же типах энергийных образов: если в образе заведомо преобладают доминанты данного типа»²⁶.

Из этого описания видно, что «трехчастное деление души» эквивалентно античному: мыслительная — это познание, (по)желательная — воля, а раздражительная — чувство. Более интересно, что частям души придаются энергийные характеристики и последние рассматриваются как «ростки деятельности». Это поучительно для «психологической теории деятельности» или «деятельностного подхода» к психологии, согласно которому ее истоки, причины, детерминанты (как и в бихевиоризме — истоки поведения) лежат вовне — в мотивах, трактуемых как предмет, или в опредмеченных потребностях. Это обнаруживается в любых, начиная с А. Н. Леонтьева, попытках структурного представления деятельности. Полагание источника активности в душе (независимо от того помещаем ли мы душу вне живого существа, внутри него или между ним и миром) делает его не внешним по отношению к живому существу, а его собственным. Для философии и психологии, рассматривающих психические процессы и функции как силы души, ее энергийность не должна быть неожиданной. Подобная трактовка души имеет сильное этимологическое подтверждение. А. Ю. Милитарев показал, что в реконструированной форме праязыка всего семейства семитских языков слово «*napîš*» обозначало существительные «душа, дух, жизненные силы»²⁷. В этом смысле принесение души в дар есть одновременно и прибавление жизненных сил. Сказанное важно для понимания, природы спонтанной активности и явлений свободы, будь то свободная деятельность или свободное действие.

Создатель антропологии исихазма Григорий Палама считал, что человеческий дух богоподобен в силу своей способности «животворить» плоть. Не будем вдаваться в философско-теологические споры о сущности движения и энергии, о том, дух ли порождает движение, движение ли порождает духовную энергию. Важнее обратить внимание на то, что сходство психологических наблюдений и построений Паламы с учением о доминанте А. А. Ухтомского поразительно. Хотя факты, давшие основания будущему учению о доминанте, были обнаружены Ухтомским в эксперименте еще в

1904 г., оно получило свое оформление и развитие в 1920-е гг. Совершенно ясно, что в условиях уже возникшего в то время советского «идеологического общежития» Ухтомский не мог сослаться на предшествующую традицию. Более того, он, делая доклад о доминанте (в 1927 г.), видимо, лукавил, говоря, что он заимствовал термин «доминанта» из книги Р. Авенариуса «Критика чистого опыта». (Такое лукавство вполне объяснимо: ведь А. А. Ухтомский имел не только предосудительное, с точки зрения советской власти, богословское образование, но был к тому же князем и старообрядцем.) Правда, он подробно оговаривает, что заимствовал лишь термин, а сходство между явлениями, которые он обозначает, у Авенариуса и у него самого весьма поверхностное.

Справедливости ради нужно сказать, что идеи близкие к тому, что названо энергийным образом человека, артикулировал В. фон Гумбольдт, он одним из первых поставил задачу разработки философской теории образования и развития человека. Ж. Кильен следующим образом излагает его взгляды: «Действительно, человек в сущности является силой, энергией: именно последняя образует подлинно априорное в человеке, которое есть в нем истинно первоначальное; человек — это изначально активное существо, существо действующее, и эта сила (эти силы) должна экстериирироваться, объективизироваться; место этих объективаций называется миром, не-Я, благодаря которому Я полагает себя как Я, то есть как объективирующая сила»²⁸.

По сути дела любая энергийная проекция образа человека неминуемо ведет к представлениям о его деятельности. И здесь не должны смущать термины экстерииризация, объективация, которые вполне могут (и должны) рассматриваться как синонимы деятельности. Вернемся к Ухтомскому. Существенным в учении о доминанте Ухтомского является то, что «здесь организм мыслится как некая единица, реагирующая целиком, как некое интегральное целое»²⁹. Что же это за единица, интегральное целое, реагирующее целиком? Не есть ли это «человек собранный»? А может быть личность, по поводу которой Ухтомский как-то обронил фразу, что

²⁸ Кильен Ж. Культура (Bildung) и Разум у В. фон Гумбольдта // Разум и культура. М., 1983. С. 160.

²⁹ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 73—75.

²⁶ Там же. С. 54—55.

²⁷ Милитарев А. Ю. Воплощенный миф. М., 2003. С. 55.

личность — это состояние. Но ведь не состояние же организма, скажем осторожнее, не только состояние организма, а, видимо, состояние духа. Если согласиться с тем, что мы вычитываем из Ухтомского (или вчитываем в него?), то он действительно сделал шаг от функционального органа к духовному организму.

Разумеется, функциональные органы существуют виртуально и наблюдаемы лишь в исполнении, т. е. в действии, в поступке. Виртуальность их бытия прекрасно выразил О. Мандельштам в стихотворении «Автопортрет»:

В закрытыи глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый.

Виртуальность, в смысле А. А. Ухтомского, или тайник, в смысле О. Мандельштама, есть надеяние, представляющее собой активный покой, зазор длящегося опыта. Все это есть своего рода точки развития и роста, т. е. — внутреннее деяние. Здесь нет противоречия, поскольку остановку, покой можно рассматривать как накопленное движение. Из таких точек (периодов, пауз, зазоров) произрастают деяния и действия, они в них же и возвращаются. Возможно, это близко к тому, что в даосизме называется «возвращением к истокам», а в европейской культуре — внутренним планом, рефлексией. Крайне редко либо во внешнем плане, либо во внутреннем плане действия и деятельности происходят мгновенные вспышки — озарения, инсайты. Ф. Петрарка даже оценил их длительность:

И, плачучи твержу: вся прелесть мира
Ресничного недолговечней взмаха.

(перевод О. Мандельштама)

«Ресничный взмах» — самая быстрая реакция человека длится ≈70 мс (простите за прозаизм). Это, видимо, и прекрасное мгновенье В. Гёте, и неповторимое мгновенье И. Бродского, и дуговая растяжка О. Мандельштама. Это и точка интенсивности Г. Г. Шпета, и вневременное зияние М. М. Бахтина. М. К. Мамардашвили называл такие состояния зазорами длящегося опыта. Зазор — это намек на то, что сквозь него можно проникнуть либо внутрь мира,

либо внутрь самого себя. Гёте называл подобные состояния видением изнутри, которому, вопреки М. М. Бахтину, доступна душа. К их возможной интерпретации мы будем возвращаться далее, а сейчас продолжим сюжет о функциональных органах.

Убедительную иллюстрацию наличия функциональных органов можно встретить у — В. В. Набокова в рассказе «Лик». Писатель, сам проживший большую часть жизни вне России, так описывал память эмигрантов: «...память о России, которая у людей пожилых, застрявших за границей собственной жизни, превращается либо в необыкновенно сильно развитый орган, работающий постоянно и своей секрецией возмещающий все исторические убытки, либо в раковую опухоль души, мешающую дышать, спать, общаться с беспечными иностранцами»³⁰. На эту же тему у В. Набокова встречается почти сюрреалистическое описание состояния повышенной восприимчивости, которая преображала все существо (описываемого персонажа) в одно огромное око, вращавшееся в глазнице мира. Это похоже, на полностью отделившийся от героя гоголевский Нос. Наконец, Набоков использует еще одну не слишком эстетическую метафору: ум — желудок души, то есть тот же орган.

Совершенствование функциональных органов не знает отчетливых границ. И. Бродский говорил: Взгляд острее, чем игла. Спиноза был прав: «То, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил»³¹.

Дм. Пригов в книге «Только моя Япония» пишет, что ему для восприятия Японии пришлось отрачивать новые временные росточки чувствительности, экзистенциальные щупальца, чтобы присосаться к новой, полюбившейся ему культуре. Говоря словами О. Мандельштама, индивида к созданию новых органов влечет стесненная свобода одушевляющего недостатка. Близок по смыслу прозаический термин Ж. Батая: «избыток недостатка» — непременное свойство человеческого существа. Избыток недостатка есть неутолимость «тела» человеческих желаний: «руки загребущие», «глаза завидующие», в том числе и духовных: духовной жаждой томим! И об этом же: Я знаю только то, что ничего не знаю.

³⁰ Набоков В. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 366.

³¹ Спиноза Б. Этика. Ч. 3. Теорема 2. Схолия // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. М., 1998. С. 685.

С. С. Хоружий говорит об этом более торжественно: «Это называлось по-разному, но это было всегда. Точней — гнездились. В человеке гнездились, глодало его, не всегда заявляло о себе громко, но всегда присутствовало на заднем плане сознания — ощущение фундаментального неблагополучия: не в конкретных обстоятельствах, а в самой ситуации человека»³². Не будем, вслед за автором драматизировать ситуацию. Скажем лишь, что это ощущение есть импульс к действию, которое должно изменить ситуацию за обозримое время, называемое Хоружим временем бытийной Альтернативы. В нашем контексте последний термин более адекватен, чем фундаментальное неблагополучие. Фундаментальное неблагополучие есть следствие того, что человек существо недостаточное. Он, действительно, рождается «гол как сокол» и до поры до времени это неблагополучие восполняется Другим, его любовью, заботой. При таком восполнении появляется альтернатива, источник которой по своей сути есть избыточность. Самостоятельное преодоление избытка недостатка возможно лишь тогда, когда имеется избыток возможностей и, конечно же, при наличии энергии достижений, условием которых является преодоление избытка возможностей, выбор альтернативы или создание новой.

Преодоление избытка недостатка требует от человеческого существа создания соответствующего оснащения телесным и духовным оборудованием, порождающим очередной избыток возможностей. Избыток недостатка и избыток возможностей принципиально асимметричны. Именно в их асимметрии заключены источники и движущие силы развития. А. А. Ухтомский приводит слова М. Горького о том, что «не бессилие, а избыток сил в человеке творил в его уме и сердце представление о божественном»³³. Благодаря избытку возможностей и сил, благодаря энергии преодоления, человек строит новые органы и функции, душой и сознанием назначенные (И. Г. Фихте). Замечание философа очень точно. В нем подчеркивается наличие разницы не только между функциональным и анатомическим органами, но также между функциональным органом и душой. Но это же замечание

³² Хоружий С. С. Шесть интенций на бытийную альтернативу // Журнал наблюдений. Альманах. 2001. № 1 («Из наблюдений домашних»). С. 57.

³³ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 448.

можно прочесть и иначе. При всем их различии и сложном строении каждый функциональный орган несет на себе печать души и сознания. Не будет ли правильным рассмотрение их как душевных интегралов или душевных доминант, что, впрочем, соответствует традиции рассмотрения психических процессов как сил души.

Функциональные органы нужно сформировать. Альбрехт Дюрер, например, говорил, что у художника, после усвоения правил и мер в работе, в глазу должен появиться циркуль и угольник, а в руках — рассудительность и навык. Они могут оказаться и вне души. Душа — это иное. Ее нужно обогатить. Она выполняет формообразующую функцию и, в конце концов, сама становится формой форм. Душа не формируется извне, по заказу, а выявляется, раскрывается, приводится в движение, оформляется или закрывается, освобождается от внешних влияний.

Оставим в стороне вопрос о принадлежности функциональных органов. Не столь важно, принадлежат ли они индивиду или его душе. Если верить А. А. Ухтомскому душа создает свои доминанты. Одна из них — внимание духу. Важно еще раз подчеркнуть, что функциональные органы индивида ли, души ли участвуют в создании духовного организма, увеличивают силы и способности самой души.

Формирование функциональных органов — трудная задача. Приведем суждение об этом русского актера Михаила Чехова: «Как чужого, я должен учиться себя наблюдать и рассматривать тело свое, как чужое, как инструмент. Пока я не знаю тело свое, как чужое, оно мной управляет на сцене, а не я им.

То же и с голосом. То же и со словом. <...> Пусть узнает актер, что тело его, его голос и мимика, слово его, все это в целом — его инструмент. Пусть он слушает голос свой со стороны, и тогда он узнает его и им овладеет; пусть он внимательно смотрит со стороны на себя, и он овладеет своими движениями; пусть произносит (и слушает) слово, как музыку, — он научит себя говорить.

Пусть наслаждается легким движением руки, корпуса, ног, пусть движения «бесцельные» сделаются радостью творческой. Пусть оценит, полюбит движение как таковое. Он поймет, что движения, как буквы, как люди, бывают различны и носят в себе и особый характер, и силу, и мягкость, вдумчивость, действенность, могут выразить и симпатию и антипатию — и все это без головного, мертвящего смысла, но все из себя, то есть движение как вдумчивость

или движение как антипатия или симпатия. Пусть полюбит не тело свое, но движение, которое он совершает при помощи тела, ставшего инструментом и объективным орудием для совершения движений. Это пробудит в актере способность играть все всем телом»³⁴. Е. Б. Вахтангов говорил М. Чехову, что исполнитель должен быть преображен через внутреннее побуждение. Произвольное, свободное управление своим телом, голосом — это результат концентрации душевных сил, духовной энергии, концентрации, требующей усилий и труда. Нельзя не обратить внимания на то, что понятия свободы, духа, личности нередко выступают как синонимы.

Близкие по смыслу описания преобразования, претворения движений встречаются у режиссеров В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, Л. С. Курбаса и у ученых Г. Г. Шпета, Н. А. Бернштейна, А. В. Запорожца. Живое движение в результате подобных преобразований достигает такой степени свободы, одухотворенности и совершенства, что их телесная биомеханика как бы исчезает. Например, в балете остается пушкинский Душой исполненный полет. В. В. Катанян в контексте воспоминаний о Майе Плисецкой приводит высказывание Ж. Ж. Новера: «Жест есть второй орган речи, который дала природа человеку. Но его можно услышать только тогда, когда душа приказывает ему говорить»³⁵. «Этот “приказ души”, — продолжает Катанян, — всегда составлял силу и обаяние танца Плисецкой, она — художник идеи... Закон ее искусства — крайность, предельность: если поза — так выразительнее не бывает, если прыжок — то зачеркивающий само понятие земного притяжения»³⁶.

Сказанное Михаилом Чеховым и другими мастерами относится к актеру. Но аналогичные требования нужно предъявить и к зрителям. Эстетическое восприятие это, конечно, тоже функциональный орган, который должен сформироваться в том числе и для того, чтобы уметь читать движения актера. Но к нему должен быть прибавлен элемент искусства. Глаз телесный должен стать глазом духовным или оком души. То же происходит и с восприятием музыки и других форм искусства.

³⁴ Чехов М. А. Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. Воспоминания. М., 1996.

³⁵ Катанян В. В. Прикосновение к идолам. М., 2002. С. 193.

³⁶ Там же.

Возможно, этот не слишком систематический рассказ о функциональных органах (некоторые предпочитают говорить о психологических системах) для неподготовленного читателя несколько сложноват, а для подготовленного — непривычен. Главную мысль этого рассказа можно выразить словами А.А. Ухтомского, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное³⁷. Он говорил это в контексте размышлений о функциональных состояниях человека, которые всем нам слишком хорошо известны, и которые, порой, действительно, выступают значительно более объективно, чем весь окружающий нас мир. Они наступают, исчезают, вновь случаются с нами и мало подвластны нам. Мы можем предвидеть и ожидать их, мечтать об избавлении от них, но не можем произвольно управлять ими. Симптомокомплексы утомления, напряжения, тревожности, стресса достаточно хорошо известны нам по своим эффектам, меньше — по составу входящих в них компонентов-симптомов и их комбинаций. Находясь в болезненном состоянии, А. Белый писал: «<...> я наблюдал: психология оплотнела во мне в физиологию...»³⁸. В таких случаях произвольность весьма относительна, а реальность — налицо. Хотя задача управления своими состояниями не безнадежна.

В функциональных состояниях, рассматриваемых как соответствующие органы, отчетливо выступает не только их реальность, но и их поддающаяся измерению телесность. Во всяком случае последняя более очевидна, чем например, в архетипах, о которых К. Юнг говорил, что они представляют собой нечто вроде органов дорациональной психики.

А сейчас приведем пример телесности или плоти одного из высших человеческих чувств, а именно — любви. Пример принадлежит Л. Н. Толстому: «То, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желанье его жизни, заменившее ему все прочие желанья; то, что для Анны было невозможною, ужас-

³⁷ Ср. «Я лично думаю, — писал Шпет, — что здесь, действительно, отношение взаимное: социальное есть объективированная субъективность, но и субъективированная объективность; слово “субъект” просто повторяю за другими, а думаю, что “единство сознания” может быть как субъективным, так и коллективным». Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 298.

³⁸ Белый А. Между двух революций. Л., 1934.

ною и тем более обворожительною мечтою счастья, — это желание было удовлетворено. Бледный, с дрожащей нижней челюстью, он стоял над нею и умолял успокоиться, сам не зная в чем и чем.

— Анна! Анна — говорил он дрожащим голосом... Он чувствовал то, что должен был чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни была их любовь, первый период их любви...»

У Л. Н. Толстого любящий уподобляется убийце. У М. А. Булгакова сама любовь выступает в такой роли. Вот как описывает ее Мастер: «Любовь выскочила перед нами, как выскакивает убийца в переулке, и поразила нас обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож».

Трудно уподобить любовь функциональному органу. Но мы это делаем вслед за Гегелем, Ухтомским, Фрейдом. Да и с Толстым спорить трудно! В отрывке из «Анны Карениной» спрессовано и возникновение, и развитие, и убийство любви, их совместного тела любви.

Зададимся вопросом, а где находится, пусть и символическое, но в высшей степени реальное «тело» наших страстей? Ведь страсти могут бушевать в душе, или мы сами можем находиться в окружении наших страстей. Это типичная ситуация не только в художественной литературе, но и в реальной жизни, когда на человека идут, наступают извне его же собственные чувства. Если верить М. Цветаевой, она в шестилетнем возрасте полюбила... Любовь! А. Ахматова писала об объяснении в любви еще до первой встречи. У Ф. И. Тютчева: страсть — буйная слепота, хаос, ночь. Примерам нет числа. Невозможно яснее оплотнить, овнешнить, придать телесную форму страстям души, чем это делают большие писатели и поэты. Они, действительно, создают объективный мир аффективно-смысловых образований, палитру человеческих чувств. Прав А. С. Пушкин, говоривший: Любви нас не природа учит... Мы должны взрастить ее сами. Не копируя, а припоминая, т. е. творя ее на свой страх и риск, когда приходит соответствующая пора:

Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,

Алкало пиши роковой,
Давно сердечное волнение
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь...
И дождалась! Открылись очи.

А вот дантовская, так сказать, генеалогия любви, нарисованная в Пятой песне «Ада». Данте обращается к Франческа:

...Но Расскажи: меж вздохов нежных дней
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?
И Франческа ему отвечает:
Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелотте сладостный рассказ
Одни мы были, был беспечен каждый

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас...

И очаровательный конец исповеди о возникновении любви Франчески и Паоло:

Никто из нас не дочитал листа.

Зерно любви заронила книга, а расцвела она сама. Об этом же и пушкинское:

Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.

Столь же реальны и объективны когнитивные функциональные органы индивида, о которых шла речь выше. Для их характеристи-

ки Ухтомский также использовал понятие «симптомокомплекс». Будучи сформированы, они меньше сопротивляются нашей воле, становятся произвольными, например, восприятие (наблюдение), внимание, память. Если мы не признаем объективность образа, разума, будем считать их чем-то эфемерным, ирреальным, то будем «неизбежно обречены на столь же бесспорное, предрешенное отрицание знания. Ведь, если разум непричастен бытию, то и бытие непричастно разуму, т. е. алогично»³⁹.

Итак, мы, как минимум, можем утверждать, что если атрибуты души — познание, чувство и воля есть реальность, то и душа и дух не менее объективны, чем, например, материя (в философском смысле).

Функциональные органы, — согласно А. А. Ухтомскому это — не механизмы первичной конструкции. Они представляют собой новообразования, возникающие в жизни, деятельности индивида, в процессе его развития и обучения. В реальном поведении и деятельности многочисленные функциональные органы работают не изолированно, они вступают во взаимодействие не только с миром, но и друг с другом. В своей совокупности они составляют труднодифференцируемый организм — одновременно предметный, телесный и духовный. Особенность этого организма, назовем его духовным или одухотворенным, состоит в активности, действенности, направленности не только вовне — на созидание, творчество, но и вовнутрь — на самосозидание.

Настоящий текст — всего лишь попытка реконструкции замысла А. А. Ухтомского. Его замысел, как минимум, не противоречит целому ряду концептуальных схем, развитых в российской психологии: физиологии активности Н. А. Бернштейна, культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, нейропсихологии А. Р. Лурии, психологической теории деятельности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, психологии действия А. В. Запорожца. На его основе возможно не только более органическое объединение перечисленных направлений, но и создание некоторого целого.

О структурном представлении и уровнях анализа деятельности

Едва ли следует подчеркивать, что деятельностная трактовка психики не является общепринятой. Она ближе к европейской, чем к американской традиции. В последней относительно независимо друг от друга исследуются когнитивная и деятельностная сферы. Это мощные и разветвленные направления Cognition Psychology, Performance и Motor Control, к сожалению, слабо взаимодействующие одно с другим.

В недостаточной распространенности деятельностной трактовки психики повинна и сама психологическая теория деятельности. В ней значительно большее внимание уделялось ее внешним формам по сравнению с внутренними, преобладало описание ее оперативно-технических по сравнению с интимно-личностными аксиологическими свойствами. Задача настоящего изложения состоит в обогащении ее исходных определений и в поиске зоны ближайшего развития не только этой теории.

Вариант психологической теории деятельности, развитый А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией и их коллегами, неразрывно связан с культурно-исторической психологией. Он, конечно, имеет корни в немецкой философии, включая Маркса. В 1960-е гг. теория деятельности вернулась к культурно-исторической проблематике, на какое-то время запрещенной, потом подзабытой, но всегда существовавшей в ее подтексте. Поэтому в настоящем тексте мы не будем дифференцировать культурно-историческую психологию и психологическую теорию деятельности. Они трудно различимы.

Среди разнообразных форм активности живых существ наукой выделены оппозиции: реакция — акция, поведение — деятельность. Особняком стоят поступок и деяние. В характеристиках реакций и поведения подчеркивается их детерминированность, иногда предо-

³⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 73.

пределенность, либо полное отсутствие, либо минимум свободы, прежде всего свободы воли. Напротив, в характеристиках действия, деятельности, поступка, деяния подчеркивается наличие свободы, вплоть до отождествления этих форм активности с ней. Следствием такого отождествления являются и характеристики человека, с одной стороны, как свободного, а с другой, как деятельного существа. Приведем высказывание Шеллинга: «Именно сама внутренняя необходимость умопостигаемой сущности и есть свобода; сущность человека есть его собственное деяние, необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с различных сторон и потому являющаяся то одним, то другим»¹.

Здесь интересно не только отождествление деяния и свободы, но и несводимость свободы к необходимости, как это было у стоиков, у Спинозы и в значительной мере также у Канта и Фихте. Это означает, в частности, что различия между реакцией и действием, поведением и деятельностью, несмотря на всю их фундаментальность, не являются абсолютными. Абсолютизация этих различий — дело значительно более позднее. Оно принадлежит науке, в том числе и психологии, которая, видимо, шла за социальной практикой. Реакция и действие (также как и свобода, и необходимость) могут представлять одну и ту же сущность, существовать одна в другой, и когда эта сущность (в нашем случае активность) рассматривается с разных сторон, она и является то реакцией, то акцией. Поэтому в психологии столь сложно их различение и введение по отношению к ним строгих дефиниций.

Конечно, человеческая свобода связана не только с действием, деянием, но и с сознанием, с человеческим Я, но все же, если говорить о сущности человека, о генезисе свободы в психологическом смысле, то на передний план выступает не реакция, не рефлекс, а действие. Если деятельна сущность человека, то деятельным должно быть и его существование, бытие. Видимо, об этом писал Гёте: «Деяние — основа бытия». Более четкую формулировку дал Гегель: «Истинное бытие человека... есть его действие; в нем индивидуальность действительна»². Это не случайная для него фраза, поскольку

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908. С. 48.

² Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа. М., 1959. С. 172.

ку он связывал с движениями и свободный дух: «...сам дух не есть нечто абстрактно-простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но в самом этом различении остается свободным»³.

В высказывании Гегеля осталась непроявленной ключевая для нас мысль о различении человеком себя в моментах. Не ясны ответы на вопросы: Что это за моменты? Где они хронологически и содержательно находятся? Наиболее простая гипотеза на этот счет может состоять в том, что Гегель под моментами свободы имел в виду то, что на современном психологическом языке именуется латентными периодами в выполнении действия, периодами внутреннего выбора и принятия решений. Внутри них вполне может происходить рефлексивная работа по доопределению человеком самого себя, своего Я, проявлению имплицитных потребностей и мотивов. В этом случае основное внимание при исследовании, например, поступка могло бы быть уделено не столько его совершению, сколько подготовке.

Но возникает вполне оправданное сомнение. Только ли этим периодам присуща свобода? Неужели она теряется на других этапах совершения поступка?! Неужели он похож на так называемое баллистическое движение, все параметры которого уже подготовлены, запрограммированы еще до начала выполнения? И совершая поступок, человек уже теряет свободу, становится ограниченным в своих возможностях. А поступком начинает править жестокая необходимость. На наш взгляд, так действительно может показаться, если рассматривать отдельный поступок как единственный акт, не имеющий предыстории и продолжения. На самом же деле связь поступка с психической жизнью человека и его развитием диктует другие пути исследования его характеристик.

Приведенные выше реминисценции являются своего рода оправданием того огромного внимания, которое в традиционной и в современной психологии уделялось и уделяется изучению движений, действий, деятельности вплоть до конструирования общепсихологических теорий деятельности, моделей действия, изучения живого движения и т. п. Более того, некоторые авторы предлагали признать действие в качестве единицы анализа всей психики, де-

³ Там же. С. 175.

лались попытки как выведения ее функций из действия и живого движения, так и сведения этих функций к ним⁴.

Движение, действие, деятельность в психологии выступали и выступают не только в качестве предмета исследования, но и в своих порождающих свойствах и функциях. С. Л. Рубинштейн писал, что «В действии психологический анализ может вскрыть зачатки всех элементов психологии»⁵. Подобное понимание с необходимостью приводит к тому, что действие и деятельность начинают выступать в качестве объяснительного принципа всей психической жизни человека. Это одно из основных положений, развивавшееся А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном, их сотрудниками и последователями в рамках психологической теории деятельности. В этой теории восприятие, опознание, внимание, память, воображение, мышление, эмоции не только выводились из действия, но и сами, как таковые, рассматривались как формы действия. Именно как формы, а не как части или элементы действия. В этом состоит своеобразие и оригинальность деятельностной трактовки психики, развитой П. Я. Гальпериним, В. В. Давыдовым, А. В. Запорожцем, П. И. Зинченко, Д. Б. Элькониним и др. В настоящем тексте невозможно аргументировать основательность такой трактовки психики. Ее аргументация, в том числе эмпирическая и экспериментальная, потребовала бы многотомного изложения.

Понятие деятельности и действия — это наиболее фундаментальные понятия в науке о человеке, поскольку за ними скрыта онтология человеческой жизни. Они же и наиболее трудноопределимые понятия, поскольку выступают в многочисленных ипостасях, как и их субъект — человек. Для человека равно применимы, хотя, возможно, и преждевременны, определения — эпитеты-авансы: умелый, разумный, играющий, работающий, экономический, политический, гуманный, учащийся, самотворящий, наконец, универсальный. Философия и наука эффективно используют понятие деятельности для объяснения самых различных явлений социального мира, в том числе и для объяснения свойств человека, скрывающихся за перечисленными и неперечисленными его определениями.

⁴ См. анализ подобных высказываний в книге: *Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии*. М., 1983. С. 81—152.

⁵ *Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии*. М., 1940. С. 143.

Но, как заметил Э. Г. Юдин, «ситуация резко меняется, когда объяснения требует сама деятельность, когда она из орудия объяснения превращается в то, что само должно быть определенным образом исследовано. Здесь мы уже не можем ограничиться указанием на эмпирически очевидный факт активности человека, но должны перевести эту очевидность в систему теоретических понятий, которые позволяют представить деятельность, как особую действительность, с особыми качествами и специфической структурой»⁶.

Бесспорно, что деятельность представляет собой специфический способ освоения действительности человеком, который есть в то же время способ становления самого человека, способ его самореализации. Сказано «в то же время», что интуитивно приемлемо, но на деле эти способы оказываются принципиально различными видами деятельности.

Отсюда и большое разнообразие более или менее правдоподобных попыток структурного представления деятельности. Общим в них является только слово деятельность. Кстати, это слово довольно поздно появилось в философии как конкретизация или содержательное раскрытие связи субъекта и объекта, что привело к основной триаде: «субъект — деятельность — объект»⁷. Назначение диады «субъект — объект», как и назначение триады «субъект — деятельность — объект» — это описание взаимодействия человека с миром. Когда речь идет о деятельности *per se*, то проявляется другая триада: «цель — средство — результат». Когда речь идет о психологической характеристике деятельности, появляется еще одна триада: «деятельность — действие — операция».

При философском анализе деятельности и действия субъект рассматривается как иницирующая сторона, объект — как иницируемая. Субъект — это носитель деятельностной способности. Его атрибутивными свойствами являются потребности, мотивы, цели, интересы, ценности и пр. Для психологии все это само собой разумеется; пожалуй, важно лишь включение объекта в структуру, что, впрочем, тоже для нее не новость. Он включался под видом

⁶ *Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности*. М., 1978. С. 6—7.

⁷ Философский анализ этого феномена, выполненный в эпистемологическом ключе см.: *Лекторский В. А. Субъект, объект, познание*. М., 1980; *Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая*. М., 2001.

стимула и в старые стимульно-реактивные схемы описания поведения. Однако в них иницилирующей стороной был стимул, а реакция субъекта была иницилируемой.

Обратимся к представлениям о структуре деятельности, существующим в психологии. Известно эвристически полезное представление о ее структуре, принадлежащее А. Н. Леонтьеву. О выделял три уровня анализа деятельности и соответствующие этим уровням единицы анализа:

Мотив — деятельность

Цель — действие

Условие — операция

В методологическом плане такой подход оказался весьма продуктивным. Но сейчас при его оценке следует учитывать, что практика психологических исследований потребовала дальнейшего совершенствования и развертывания леонтьевской схемы единиц анализа. Ее модифицированный вариант⁸ выглядит следующим образом:

Мотив — деятельность

Цель — действие

Функциональное свойство — операция

Предметное свойство — функциональный блок

Выделенные типы единиц анализа и их детерминанты составляют в своей совокупности четыре уровня анализа.

Деятельность всегда интенциональна. Строение деятельности может быть раскрыто в терминах конституирующих действий, каждое из которых направлено на достижение той или иной предметной цели, связанной (или совпадающей) с мотивом деятельности.

Действие — процесс, подчиненный представлению о результате, который должен быть достигнут, т. е. процесс, подчиненный сознательной цели (А. Н. Леонтьев). Помимо интенционального (и идеального) аспекта, действие имеет и операциональный аспект, который определяется не целью самой по себе, а функционально значимыми свойствами реальности. Задачи, связанные с выделением таких свойств, задают подбор и осуществление операций, конституирующих действие. Таким образом, действие может

⁸ Зинченко В. П., Мунипов В. М. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10. М., 1976.

быть раскрыто в терминах функциональной структуры конституирующих его операций. Каждая из операций вносит определенный вклад в достижение результата действия. В зависимости от возможности выделения в реальной ситуации функционально значимых свойств одно и то же действие может иметь различную функциональную структуру, т. е. осуществляться с помощью различного состава операций или различных вариантов их координации. Подобное понимание операций несколько отличается от трактовки, предложенной А. Н. Леонтьевым. Отличие состоит в том, что операции вызываются к жизни и детерминируются не условиями осуществления действия как таковыми, а лишь функционально значимыми свойствами, входящими в условия. Ведь условия даны в предметных свойствах реальности, число которых неизмеримо больше числа функционально значимых свойств.

Расчленение условий на функциональные и предметные (может быть, даже лучше сказать — объектные) свойства приводит к изменению трактовки операции как единицы анализа деятельности и введению еще одного уровня анализа, определяемого предметными свойствами ситуации. Психологическая единица анализа, отвечающая предметным свойствам реальности, есть функциональный блок. Операция может быть раскрыта в терминах потенциальной структуры блоков, выполняющих те или иные трансформации входной информации, которые заданы целью, задачей и предметным содержанием деятельности. Точно так же, как нередко можно наблюдать взаимопереходы действия и операции, при перекрытии или совпадении функциональных и предметных свойств реальности операции и функциональные блоки могут совпадать или переходить друг в друга.

Выделенные четыре уровня анализа деятельности образуют ее функциональную структуру. Микроструктурный уровень анализа выступает как существенное дополнение макроанализа деятельности. Микроструктурные исследования, зародившиеся первоначально в русле информационно-кибернетического подхода, наполняются, таким образом, реальным психологическим содержанием. Изучение исходных уровней познавательной деятельности средствами микроструктурного анализа по существу представляет собой изучение закономерностей психики в зависимости от реальных, предметных свойств ситуации. Без такого изучения

останутся непонятными процессы извлечения из ситуации функционально важных свойств, процессы наполнения деятельности реальным предметным содержанием, т. е. в конечном счете останутся непонятными процессы целеполагания и формирования мотивов деятельности.

В перспективе возможно выделение в рамках психологического исследования еще более дробных единиц и уровней анализа, в частности уровня анализа, с помощью которого возможно раскрыть структуру функциональных блоков, дополнить микроструктуру микродинамикой. Ее решение, по-видимому, потребует дальнейшей модификации рассмотренной схемы анализа деятельности, откуда следует, что предложенная схема с таксономической точки зрения является открытой, как и вся проблема таксономии в психологическом анализе деятельности. Заметим, что схема анализа деятельности обладает характеристиками «открытой структуры». «Выражение “открытая структура,” — размышляет Н. С. Автономова, — неопределенно и многозначно, однако оно устраивает меня тем, что порождаемые им ассоциации ведут нас в ту сторону, куда я хочу двигаться. Открытая — значит незамкнутая, не предопределенная, разомкнутая ко всему, что не структурно (а ипостасей неструктурного может быть бесчисленное множество). Слово “открытая” имеет и еще один ценный смысл: оно предполагает, что структура не есть чистое изобретение, не имеющее отношения к реальности: скорее она “открывается” нам в предмете или, по крайней мере, соотносится — сколь угодно сложным образом — с тем, что имеет отношение к предмету, а не является чистым порождением фантазии. Структура — это, по сути, главное понятие нацеленного на научность гуманитарного познания XX века, это способ организации любого гуманитарного материала, это, наконец, реальный предмет (предметы), на котором (которых) я изучаю вопрос о гуманитарном познании. <...> Эта структура не исключает неструктурное — ни в объекте, ни в способе исследования»⁹. И если для Автономовой, исследующей «открытую структуру» на материале филологического знания, центром таксономии становится слово, то для нас таким центром является действие, имеющее

свою собственную «открытую структуру». Более того, все больше оправдывается соображение Э. Г. Юдина о том, что понятие действия представляет собой квинтэссенцию психологической теории деятельности.

Мало кто сомневается, что предметно-практические действия составляют фундамент, на котором строятся и развиваются когнитивные действия. Р. Стернбергу принадлежит прекрасный образ: интеллект в некотором смысле представляет собой конспект человеческой деятельности. Правда, прочесть этот конспект довольно трудно, о чем речь впереди.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что основное значение психологической теории деятельности для науки состоит не в выдвигании принципа деятельности, объясняющего всю психологическую реальность. Эта претензия оказалась чрезмерной и преждевременной, что к концу жизни признали и ее авторы. Важнее то, что в ее рамках проводились фундаментальные исследования предметно-практических (исполнительных), перцептивных, мнемических, умственных, знаково-символических действий. Более того, именно благодаря понятию предметного психического действия и благодаря полученной в рамках психологической теории деятельности внешней и внутренней картине действия, сама эта теория стала широко распространенной и признается не только в отечественной психологии. Частично в рамках теории деятельности, частично за ее пределами начинает складываться специальная наука о действии, которая имеет для будущего психологии не меньшее значение, чем наука о зрении или наука о памяти, мышлении и т. д.

Огромный потенциал развития и сопутствующая ему поразительная глубина дифференциации живого движения являлись главным предметом многолетних исследований Н. Д. Гордеевой с коллегами¹⁰. Основной пафос этих исследований направлен против чисто механической трактовки движения и действия. Издавна принятое в психологии разделение компонентов или фаз действия: когнитивная, исполнительная и коррекционно-контролирующая, конечно, принимается. Но логика построения исследований и их

⁹ Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 12.

¹⁰ Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

результаты показывают размытость временных и функциональных границ между ними. В более широких структурах деятельности трудно однозначно локализовать тот или иной компонент. Они непрерывно соприсутствуют, дополняют друг друга, обмениваются своими функциями и временем. Их цементирует общая цель и единый путь. Микроструктурный и микродинамический анализ — основной методический прием, на котором построены излагаемые в книге исследования — позволил на каждой фазе выделить волны и кванты действия, сохраняющие свойства целого. Это дало основания Н. Д. Гордеевой заключить, что не только молярная, но и молекулярная единица действия *гетерогенна* и содержит в себе когнитивные, исполнительные и оценочные компоненты.

«Дыхание» микроструктуры и микродинамики живого движения и инструментального действия подобно тому, что происходит при порождении речевого высказывания или наблюдается в поэтической речи. Сошлемся на авторитетный анализ Мандельштама: «Распределение времени по желобам глагола, существительного и эпитета составляет автономную внутреннюю жизнь александрийского стиха, регулирует его дыхание, его напряженность и насыщенность. При этом происходит как бы “борьба за время” между элементами стиха, причем каждый из них подобно губке старается впитать в себя возможно большее количество времени, встречаясь в этом стремлении с притязаниями прочих. Триада существительного, глагола и эпитета в александрийском стихе не есть нечто незыблемое, потому что они впитывают в себя другое содержание, и нередко глагол является со значением и весом существительного, эпитет со значением действия, то есть глагола и т. д. Вот эта зыбкость соотношения отдельных частей речи, их плавкость, способность к химическому превращению при абсолютной ясности и прозрачности синтаксиса чрезвычайно характерны для стиля Шенье»¹¹.

Поставим на место глагола — исполнение, на место существительного — когницию — образ ситуации, на место эпитета — оценку и получим «борьбу за время», «обмен функциями», «плавкость и способность к химическим превращениям», обнаруженные при изучении формирования и реализации действия. Это говорит о

¹¹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 93—94.

внутреннем или, точнее, сущностном сходстве слова и дела. Действие ведь тоже текст, который нужно научиться не только исполнять, но и читать, понимая смысл. Путь к установлению такого сходства далеко не прост. Изучение движений требует не меньшей методической изощренности, чем филологическое и лингвистическое исследование¹². Не исключено, что дальнейшее проникновение в микроструктуру и микродинамику действия позволит обнаружить еще более элементарные единицы по сравнению с волнами и квантами.

Н. Д. Гордеевой потребовались тонкие методические средства, чтобы разделить чувствительность движения к ситуации и к возможностям его осуществления. Чередование обеих форм чувствительности происходит несколько раз в секунду с интервалом 125—250 мс. Важно понять, что речь идет не просто об обратных связях, с помощью которых поступает информация о мере соответствия движения инициировавшей его программе, хотя это, конечно, тоже существенно. Главное в том, что посредством действия не только достигается «потребное будущее», о чем писал Н. А. Бернштейн. Каждый шаг действия, уменьшая неопределенность ситуации или доопределяя ее, создает новую неопределенность, порой разрушает, видоизменяет, перестраивает ситуацию. Аналогичным образом с каждым шагом действия меняются необходимые для его выполнения ресурсы. Они не только уменьшаются, часто прирастают. В действии рождаются порывы-смыслоносители. Обнаруженные формы чувствительности и их реципрокность необходимы для улавливания этой двойной динамики. Но этого мало. Показания, даваемые обеими формами чувствительности, должны быть сопоставлены друг с другом и со стоящей перед субъектом двигательной задачей. Значит, от него требуется решение *рефлексивной задачи* в микроинтервалы времени, за которые нужно принять решение о сохранении или изменении способа управления и организации движения. Применительно к таким интервалам не может быть и речи о сознательной координации этих сложных процессов. Тем не менее координация происходит и осуществляется не извне,

¹² Примечательно, что М. Л. Гаспаров называл филологию «точной наукой». См. об этом: Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 269.

а средствами самого действия, которое *становится из реактивного чувствительным и рефлексивным*.

Подавляющее большинство исследований исполнительных действий было стимулировано задачами психологии труда, инженерной психологии, эргономики, психологии спорта. Что касается общей и экспериментальной психологии, то предметно-практическое, исполнительное действие претерпевало в ней странную судьбу. Оно очень редко выступало перед исследователем в своей самоценности. В большинстве случаев оно изучалось не как таковое, а в своей функциональной, служебной роли.

Действию как бы задавались прагматические вопросы: зачем, для чего? Исследователи будто бы сомневались в его самодостаточности и рассматривали не как фундамент, а как трамплин, облегчающий прыжок к восприятию, памяти, мышлению, эмоциям. А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн даже выстраивали систему аргументов в пользу трактовки действия как такого же полноценного предмета психологического изучения, каким являются восприятие, внимание, память, мышление. Но им (пожалуй, кроме А. В. Запорожца) не терпелось перейти, прыгнуть от действия к высшим психическим функциям, к числу которых действие они все же не относили.

Внешняя и внутренняя формы действия

Поиск, ориентировка, запоминание, выбор, решение — это высшее, а исполнение — оно и есть исполнение, оно служебное, само собой разумеющееся, элементарное, почти низшее. Хотя это последнее слово не произносилось, но оно подразумевалось. А от низшего, естественно, хочется быстрее перейти к высшему. И переходили, выстроив «теорию интериоризации», согласно которой практическое действие с весомыми, грубыми, зримыми предметами «вращивается», постепенно переходит в тонкую идеальную материю собственно психического, во внутренний план умственной деятельности. Такая логика кажется бесспорной, самоочевидной, эмпирически оправданной. И в самом деле, ребенок сначала считает палочки пальцами и громким голосом, потом только глазами и голосом, потом «про себя», наконец, в уме. Очень наглядно и даже кажутся излишними экспериментальные исследования, которые, впрочем, вскрыли не только удивительно интересные детали обучения, но и уроки предметности, которые сохраняют высшие психические функции, несмотря на свою автономизацию от предметного действия.

Внешнее предметное действие реализует (экстериоризирует) идеальный замысел и умирает в продукте. С другой стороны, и интериоризация — это своего рода похороны внешней предметной деятельности. А раз у предметной деятельности все равно такая судьба, то зачем ее исследовать? Достаточно признать действие исходной единицей анализа всей психики, неразвитым началом развития целого, а затем найти или выбрать такое действие, которое скорее бы «скончалось», куда-то вросло, будь-то голова, мозг, внутренний идеальный план и т. д.

После этого можно красиво порассуждать относительно левого и правого полушария или о межнейронных взаимодействиях при запоминании, решении задач или о том, что в процессах интерио-

ризации внутренний план впервые рождается, а потом он развивается и способен экстерииоризоваться, выйти наружу либо в той форме, в какой он вошел, либо в какой-то другой форме. Возможностей много, а верифицировать (или фальсифицировать в смысле К. Поппера) их невозможно. Сказанное не означает, что гипотеза интериоризации, вращения неверна. Но пора бы понять, а что собственно вращивается? Неужели так: вросло предметное действие, а из него выросло перцептивное, мнемическое или умственное.

Ведь для того чтобы нечто вросло куда бы то ни было, а тем более было способно что-то породить, это нечто само должно уже быть. Оно должно появиться, родиться, как-то оформиться, хотя бы подрасти, приобрести порождающие способности.

Простая двигательная реакция в ответ на стимул тоже представляет собой предметное действие. Реакция может повторяться бесконечно, но она ничего не породит и никуда не «взрастет». Она или выполняется, или не выполняется. Если же взять сложные формы предметной деятельности и попробовать их формировать, то окажется, что такие формы представляют собой особую территорию, поле, на котором при соответствующей обработке можно выращивать образы, программы, схемы памяти, интеллектуальные операции и т. д. Дело не в сокращениях и редукции (кстати, этот принятый в контексте исследований интериоризации термин вполне двусмыслен), а в совершенствовании внешней исполняющей формы действия, *в рождении и развитии его внутренней или внутренних форм*. Последние могут быть весьма разнообразны и функционально различны. Важно отметить, что внутренние формы представляют собой реальность субъективного и не поддаются тем не менее «языку внутреннего», ускользают от него, отличаются от него и упорно сопротивляются любым своим концептуализациям. Это похоже на невозможность концептуализировать множество оттенков широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков цвета, запахов и т. п.

Проблема интериоризации тесно переплетена с проблемой границы между внешним и внутренним в традиционном психологическом и более широко — гуманитарном смысле разделения *психического мира* на внешний и внутренний. Правда, обе границы стоят друг друга, о чем не без иронии писал все понимавший Гёте:

Мирозданье постигая,
Все познай, не отбирая:
Что — внутри, во внешнем сыщешь;
Что — вовне, внутри отыщешь.
Так примите без оглядки.
Мира внятные загадки.

А вот из его «Максим и рефлексий»: «Поэзия, которая изображает только внутренний мир, не воплощая его во внешнем, или только внешнее, не давая прочувствовать его изнутри, в равной степени попадает на ту последнюю ступень, с которой она сходит в обыденную жизнь»¹. Психология не раз сходила с этой последней ступени, вновь поднималась... и до сего времени не нашла удовлетворительного решения проблемы внешнего и внутреннего². В дальнейшем мы будем говорить о внешней и внутренней формах существования психического, т. е. психической деятельности.

А. М. Пятигорский обратил внимание на то, что и понятие «предметная деятельность» теоретически не построено в психологии. Заимствованные из философии понятия предметной деятельности, внешнего и внутреннего используются в психологии вполне натуралистически. Резонно задаться вопросом: почему взято именно понятие предметной деятельности, а не близкое ему в философии Гегеля и Маркса понятие духовно-практической деятельности? Почему С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев предпочли первое понятие? После введения понятия предметной деятельности из него постепенно вытравились не только духовность, идеальное, принадлежащее субъекту деятельности, но и душа ее предмета, которая вкладывалась в него при его создании. Предмет стал материальной вещью, утратил знаково-символические функции, свойства утвари-тварности. Деятельность получила странные эпитеты: не духовная, а материальная, у П. Я. Гальперина часто — материализованная. Кстати, последний термин весьма разумен и был, видимо, введен не без свойственного ему остроумного ехидства. Ведь материализоваться может лишь идеальное, духовное.

¹ Гёте И. В. Об искусстве. М., 1975. С. 586.

² См.: Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.

По отношению к материальному термин *материализация* не имеет смысла.

Перейдем к собственно понятиям интериоризации и экстериоризации. Первый процесс — это «вращивание» внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. От длительного употребления терминов *интериоризация* и *экстериоризация*, стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологического сознания, а стоящие за ними процессы как бы уподобились «водопроводной логике», как в задачках 5-го класса о «бассейнах и портвейнах». Столько-то куда-то втекает и столько-то оттуда вытекает...

Но главное даже не в этом. Если мы хоть как-то представляем себе «оттуда», то есть из «предметной деятельности», то уже совершенно смутно представляем себе «куда». Зачем нужно понятие интериоризации? Выращивание — еще куда ни шло, а вращивание в никуда — это же мистика. Начнем с первого хода Л. С. Выготского. Психическая функция рождается дважды. Сначала в совместной (по Д. Б. Эльконину — в совокупной) деятельности, а затем в индивидуальной. Развитие идет от интерсубъективной деятельности к интрасубъективной. Один субъект делится своей предметной деятельностью и ее средствами-медиаторами с другим. В этом смысл понятия интериоризации у Выготского. Не телепатия, а передача деятельности, и *второе*, а не первое *рождение* высших психических функций. Позднее, в концептуальной схеме П. Я. Гальперина передача предметной деятельности и первое рождение высших психических функций остались за скобками. Он убрал посредника, который был у Л. С. Выготского. Интериоризация стала связываться лишь со вторым рождением.

Альтернативой теории интериоризации может служить идея дифференциации. Целое действие не складывается, не составляется из готовых частей. Их просто еще нет. Наоборот, оно органически развивается, дифференцируется на части, которые впоследствии отрываются от целого, автономизируются. (Мандельштам сказал бы выпархивают из целого.) Это другой взгляд на интериоризацию, взгляд, делающий, возможно, излишним само понятие, которое исчерпывает свой объяснительный потенциал. Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое

движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними; если, наконец, признать что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним. Его место уже начинает занимать понятие дифференциации живого ли движения, предметного ли (или социального) действия³.

Предметное действие не интериоризуется, оно сохраняется как таковое или бесконечно совершенствуется, или разрушается от неупотребления. Оно остается самим собой. Другое дело, что рожденные и выращенные в предметном действии плоды могут автономизироваться от него, использоваться в другой констелляции с другими родственными плодами и по другому поводу. Это можно сравнить с восприятием предмета, который будучи воспринят останется самим собой. Но ведь и предметное действие в случае так называемой интериоризации остается самим собой, оно продолжает храниться в памяти, в моторных программах и актуализируется вновь и вновь. Иную судьбу могут иметь сложившиеся в нем и обогатившие его внутреннюю форму новообразования. Их собственное развитие заключается в пока еще не названном сложнейшем, порой мучительном процессе, скорее деятельности духа по поиску своего истинного предмета-материала, предмета-призвания, предмета-действия, предмета-поступка, предмета-себя, предмета-свободы, предмета-потребности. Если возврат к предметной деятельности затруднен или невозможен, недолго сойти с ума.

Сказанное не означает, что богатейшая эмпирия, порожденная теорией интериоризации, — например, обнаруженные факты возникновения и редукции различных форм внимания, получивших почему-то наименование ориентировки в материале и контроля результатов, онтогенетическая хронология развития различных психических действий (от сенсорных до умственных) и т. д. — обречена на забвение. Эту эмпирию можно и нужно рассмотреть не с точки зрения интериоризации, погружения, вращивания, не с точки зрения инволюции предметного действия. Ее нужно рассмотреть с точки зрения эволюции интрасубъектных форм предметной деятельности, роста, выращивания на поле деятельности

³ См.: Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

высших психических функций, ментальных образований, артефактов, функциональных органов, амплификаторов, форм превращенных и т. п. Психология все еще не нашла адекватные термины для их обозначения.

Подобная смена фокуса внимания с интериоризации на экстериоризацию позволит освободиться от многих псевдопроблем, например, что происходит с самой предметной деятельностью после ее интериоризации? Смена фокуса внимания позволит найти аналоги и прототипы предметной деятельности не только для счета в уме, чтения про себя, а для всего богатства нашего душевного мира. Она позволит найти подходящее место и разнообразным формам внимания на всех этапах большого пути, который проходит развитие высших психических функций, постепенно автономизирующихся от внешней предметной деятельности, но сохраняющих на себе ее следы.

Эмансипация мышления от внешнего предметного действия, трансформация его в вербальный интеллект уменьшает его возможности непосредственно руководить предметно-практическим действием. Это своеобразная расплата субъекта за свободу мышления. К счастью, развитие формально-логического мышления не уничтожает его предметно-практических корней. Это замечательно описал М. Булгаков в «Белой гвардии»: «Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт». Простим писателю ссылку на инстинкт. Она ничуть не хуже более привычных психологам ссылок на интуицию, иррациональное или бессознательное. Все они не более чем метафоры и будут оставаться таковыми, пока мы не поймем, что собой представляет знание до знания, каким образом оно добывается и обеспечивает регуляцию предметно-практических действий. Это и есть объективная реальность субъективного, которая не может быть сведена к актам, действиям какой-либо «знающей» сущности, к ее умственным построениям. Иначе необъяснимым и даже скандальным «чудом» для естественно-научной картины мира была бы, например, превосходно описанная М. Булгаковым точность свободного действия и обеспечивающих его структур (превосходящая, как известно, и точность инстинкта, и точность мышления).

Когда мышление, рефлексия автономизируются от действия или становятся действиями слишком умственными, практическое действие и его субъект могут завязнуть в них, утратить имя действия:

Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиися мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!

В. Шекспир

Автономизация высших психических функций предполагает увеличение степеней свободы в оперировании предметностями мира, позволяет осуществлять его дальнейшее опредмечивание и распределенное. Высшие психические функции автономизируются не только от внешней предметной деятельности, но и от воли породившего их субъекта. Его увлекает поток внимания, сознания, мысли, на него накатывает и захлестывает волна чувств. Он подчиняется потоку, из которого не всегда легко выбраться.

В конце концов происходит рождение не просто образа мира, а нового мира, как бы мы его не называли: пневмосферой, образно-концептуальной моделью, духовным организмом, ноосферой, миром сознания, хронотопом, семиосферой... Он оказывается настолько сложным, что многие науки и в их числе психология прилагают огромные усилия, чтобы приоткрыть его тайны, построить его образ. Нелепо прятать этот мир внутри, в себе. Да и не спрячешь при всем желании. Мир своей души можно передать другому, подарить только в слове (ср. М. М. Бахтин: «Душа — это дар моего духа другому»). И от этого дара душа не оскудевает. Наоборот, чем больше даришь, тем больше остается.

Мы полагаем, что питательное для психологии поле исследований действия еще мало распаханно. Его культурно-историческая обработка дает богатый урожай. Ведь в конце концов и «умное делание» (не только в теологическом смысле) произрастает на поле действия. А будучи опосредствовано сознанием, действие трансформируется в поступок, который является результатом и условием познания человеком самого себя. Здесь мы сталкиваемся с совер-

шенно новой проблемой. Каким образом автономизировавшиеся от предметного действия мысль, мышление, сознание вновь «вращаются» в него на следующем витке формирования и развития?

Внутренняя дифференциация действия связана с тем, что оно носит опосредствованный характер. Действие опосредствовано многими внешними и внутренними обстоятельствами. Поэтому его сложность соизмерима со сложностью мира, в котором оно осуществляется. Здесь действие выступает, так сказать, в страдательной роли, в своей зависимости от мира. Но одновременно с этим действие ведь выполняет и активную, творческую роль. Оно само опосредствует отношения человека с миром, с другими людьми, т. е. является не только опосредствованным, но и опосредующим. Для того чтобы опосредствованное действие стало активным посредником в отношениях человека с миром, оно само должно стать как бы непосредственным, естественным и свободным, как полет Терпсихоры. Это не мешает тому, чтобы на следующем витке развития непосредственное действие вновь стало опосредствованным.

Ссылка на философию, на диалектику развития не снимает психологической проблемы механизмов взаимной трансформации непосредственного и опосредствованного. Здесь более пригоден, во всяком случае — более понятен парафраз уже известной нам мандельштамовской метафоры: действие — садовник, оно же — и цветок. Это особый и специальный сюжет о посредническом действии или о действии-посреднике — главной движущей (толкающей, вызывающей) силе и главном механизме психического развития.

Психология в анализе действия шла от простейших стимульно-реактивных схем, от дурно понятой приписываемой Декарту рефлекторной дуги. Постепенно дуга трансформировалась. В нее включались промежуточные, привходящие переменные, внутренние процессы, которые должны были преодолевать реальную неопределенность стимулов и неопределенность реакций. Такое преодоление сохраняло поведение адаптивным, несмотря на усложнение ситуации. Затем дуга превратилась в кольцо, в котором, как известно, не так легко указать начало и конец, что в нем — стимул, а что — реакция. Они как бы вовсе исчезают. Точнее, стимулы создаются субъектом действия. Парадигма реактивности уступила место парадигме активности. Мертвая реакция, линейная стимульно-реактивная схема стала живым кольцом. Но даже если в кольце

действительно происходит вихревое движение Декарта, оно не может вечно оставаться кольцом. Оно разрывается или взрывается, но не по внешней, а по своей собственной логике (и психологии), итогом чего является превращение замкнутого кольца в бесконечную спираль развития действия, деятельности, сознания...

Как в культурно-исторической психологии (в варианте Л. С. Выготского), так и в психологической теории деятельности (в варианте А. Н. Леонтьева) функционирование и развитие психики предполагает наличие тех или иных средств.

Последние могут быть либо внешними (вещными), либо внутренними (идеальными, ментальными). Сам акт развития в этих направлениях психологии часто трактовался как акт интериоризации, т. е. превращения внешнего средства деятельности во внутреннее, точнее, внешнего средства во внутренний способ ее осуществления. Идея спиралеобразного развития требует ввести дополнительные расчленения и различия.

Движение и действие выступают в роли не только материала, средства, но цели развития (цели, которая не оправдывает средства, а опробывается ими). Акт развития в собственном смысле этого слова состоит в превращении форм: внешняя форма может трансформироваться во внутреннюю, внутренняя — во внешнюю. Конечно, имеется совершенствование и трансформация в пределах каждой из этих форм. В любом случае совершенствование и трансформация предполагает наличие каких-то средств, поэтому развитие носит опосредствованный характер.

В этом пункте размышлений следует отметить одну принципиальную и вместе с тем терминологическую трудность. Она связана с понятием медиатора. В логике культурно-исторической психологии (в варианте Л. С. Выготского) медиаторами развития называются *внешние* по отношению к человеку средства: орудие труда, детская игрушка, знак, слово, символ, миф и т. д.

С другой стороны, движение, действие, деятельность в логике психологической теории деятельности тоже являются медиаторами, средствами развития. Проще всего их можно было бы назвать *внутренними*, собственными средствами развития. Однако по отношению к орудийным (знаковым, вербальным, символическим) действиям медиаторы типа знака, слова, символа из внешних становятся внутренними, собственными орудиями человека.

Получается какая-то сложная для исследования «физическая метафизика». С этой трудностью мы будем постоянно сталкиваться в дальнейшем. Ее причина в бедности нашего психологического словаря. Помощь может прийти из концептуального языка современной философии, где проблема соотношения внешнего-внутреннего интерпретируется, в частности как проблема отношения «слово как знак — смысл». И мы полагаем, что перенос этого концептуального новообразования в культурно-историческую психологию поможет нам наиболее адекватно осознать ее преемственность с традицией положительной философии на русской почве и раскрыть психологический потенциал последней.

Действия осуществляются с внешними орудиями или с орудиями ментальными, имеющими квазивещественный характер (знак, слово, символ). Конечно, интериоризируются не внешние (вещные) орудия, а их значения и смыслы.

Сложность проблемы развития функциональных органов связана с тем, что объективно функциональные органы полифункциональны, полифоничны. Например, движение и действие могут выступать в роли материала, средства (формы активности или формы оперирования с медиатором) и цели развития. Это справедливо как по отношению к внешним, так и по отношению к внутренним формам. Когда акт развития состоялся, т. е. когда цель достигнута и одна форма трансформировалась в другую, последняя может превратиться в материал и средство для формирования нового функционального органа-новообразования в следующем акте функционирования и развития. По существу мы имеем дело с саморазвитием, понимаемым как открытый процесс. Он открыт к усвоению все новых и новых медиаторов и их разновидностей.

В процессе развития совершенствуются не только внешние формы, но и обогащаются внутренние формы. Необходимым условием развития является произвольная экстерииоризация внутренних форм. Произвольность движений по аналогии с произвольностью речи — это наиболее очевидное свидетельство наличия не только собственной, не навязанной извне цели, но и наличия внутренней формы, внутренней картины, зрительного, кинетического или интегрального образа желаемого и требуемого действия. Столь же очевидны (хотя часто недостаточно точны) наши представления об имеющихся у нас моторных способностях и возможностях,

например, о величине шага, прыжка, скорости бега, возможности развития усилия и т. п. Другими словами, нет сомнений в том, что существует не только внешняя форма движений, но и их внутренняя репрезентация в форме слов, образов, планов, схем, правил, программ, команд исполнения. Нет сомнений и в том, что обе эти формы как-то связаны друг с другом. Но как они связаны?

Умозрительных конструкций этой связи было предложено немало. Движение действительно регулируется чувствованиями, образами, аффектами, страстями. Столь же верно, что чувствования, внимание, образы, страсти невозможны без движения, действия. Движения в не меньшей степени, чем электромагнитные колебания оптического диапазона, чем свет и цвет, представляют собой строительный материал зрительных и иных образов. Успешные и неуспешные действия порождают аффекты, эмоции, потребности. Поэтому нелепо звучат старые вопросы о том, что первично, что чем детерминируется. В реальной жизни все первично и все вторично, имеется взаимная детерминация как случайного, так и телеологического характера, детерминация по внешней или внутренней, собственной цели. Детерминация внешними средствами и обстоятельствами столь же реальна, сколь детерминация собственными средствами и состояниями субъекта.

Внешняя и внутренняя формы движения и действия появляются сразу, одновременно, хотя обе они, конечно же, при своем появлении могут быть трижды несовершенными. Но все равно трижды был прав Г. Г. Шпет, говоря, что нет ни одного атома внутреннего без внешности. Однако и это не решение проблемы, поскольку внутреннее, как, впрочем, и внешнее, могут быть в зачаточном состоянии. По-прежнему свежо звучит вопрос, поставленный И. Ньютоном: «Каким образом тела животных устроены с таким искусством, и для какой цели служат их различные части? Каким образом движения следуют воле, и откуда инстинкт у животных?»⁴ Можно было бы, вслед за И. Р. Пригожиным, «упростить» этот вопрос: «Как образуется порядок из хаоса?», если бы мы твердо знали, что такое порядок и что такое хаос, чем они концептуально и практически отличаются друг от друга? Возможен ли в живой системе полностью беспорядочный хаос и достигим ли полный без

⁴ *Ньютон И.* Оптика. М.-Л., 1927. С. 287.

следов хаоса порядок? Между прочим, не менее осмысленна постановка вопроса, как образуется хаос из установившегося или кем-то установленного порядка? И наконец, вовсе не праздный вопрос: где локализована свобода — в хаосе или в порядке? Без вразумительных ответов на эти вопросы едва ли целесообразно исследование понятий хаоса и порядка в исследованиях живого.

И. Р. Пригожин, обсуждая диссипативные структуры или открытые системы потокового типа, говорит об их способности создавать и сохранять определенный уровень порядка в своей организации⁵. Вводимое понятие «уровень порядка» должно быть опредмечено, тогда оно может быть и операционализировано применительно к изучению живого, в частности живого движения. В контексте физиологии активности (психологической физиологии) продуктивно используется понятие «степени свободы» живых организмов. Способность к их развитию или, что не менее важно, способность к их обузданию и преодолению вполне предметно могут характеризовать то, что И. Р. Пригожин называет уровнем порядка.

Не будем умножать сущности. Однако обратим внимание на идею взаимоперехода концептуальных новообразований и проблемных пунктов из одной области психологии в другую. Ведь сферы культурно-исторической психологии и психологии поступка (включающей и движения, и действия, и поведение, и деятельность, и деяния) соотносимы друг с другом, поскольку и слово и действие (деяние, поступок и т. д.) есть знак, символ или медиатор человеческого общения и понимания. Или, если перевести это на язык психологии развития — «узел развития». «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия». В этих строчках Мандельштама удивительно точно характеризуется ситуация развития, которая представляет собой не только завязывание узлов, но и их развязывание. Последнее не менее важно и, порой, представляет собой значительно большие трудности. Невозможность развязать узел нередко означает конец развития, а то и смерть. Трудности же в развязывании жизненных узлов сопровождаются духовными кризисами роста и развития.

Конструктивизм как умонастроение и как методология

Любое научно-исследовательское направление, выполняющее в научной культуре интегративную функцию, очень часто сравнивают с кораблем Одиссея, движущимся между Сциллой и Харибдой. Частота употребления этой метафоры указывает на реальное положение дел в науке. Интегративное научное направление всегда вынуждено лавировать между сложившимися научными крайностями интерпретаций, подходов, точек зрения. В случае с культурно-исторической психологией — этот образ оправдан: с одной стороны, она вынуждена противостоять давлению физиологизма, пытающегося объяснить все психические феномены через физиологические явления, в том числе через их редукцию к физиологии высшей нервной деятельности, а с другой — пытается избежать конструктивистских тенденций, абсолютизирующих познавательную активность субъекта. Нас в данном случае будут интересовать исследовательские риски, связанные с внедрением конструктивистских методологических подходов в психологические изыскания. И прежде всего потому, что анализ рисков физиологизма в психологии уже имеет длительную методологическую традицию.

Термин «конструктивизм» используется обычно для обозначения целого ряда похожих друг на друга идейных тенденций, обнаруживающих себя в весьма различных областях культурной деятельности. От математики до живописи, от психологии до архитектуры. В общем, это более или менее ясно осознаваемое умонастроение, представляющее конструирующую способность человека в любом типе деятельности как выражение самой сути этой деятельности, как исчерпывающее выражение самой специфики данного типа деятельности.

⁵ Пригожин И. Р. От существующего к возникающему. М., 1985.

Современная психологическая наука испытала мощное влияние конструктивизма. В течение последних двадцати лет в ее рамках возникает «социально-конструкционистский подход», ключевые особенности которого: релятивизм, критическая позиция, внимание к проблемам языка, социальных процессов и власти. Это направление актуализируется сегодня с учетом двух тенденций: 1) прагматизации психологии, ориентации ее на прикладные (терапевтические) задачи, 2) релятивизации эпистемологической проблематики в философских и методологических исследованиях.

В свете сказанного нам представляется, что релевантные аспекты конструкционистской психологии могут быть прояснены при обращении к современной ситуации в области философско-гносеологической проблематики. Именно здесь образуется эпистемологический фон, позволяющий нам понять истоки методологического «негативизма» и прикладной ориентированности социального конструкционизма в психологии¹.

Для эпистемологии, особенно для ее логико-методологических направлений, это умонастроение в принципе не ново. Оно проникло в эту область вместе с идеей активности научно-познавательной деятельности, так или иначе обнаруживая себя у Беркли, Юма, Канта и неокантианцев, у Шопенгауэра и Больцано, у Витгенштейна, Куайна, Поппера... В прошлом столетии мощные импульсы, поддерживающие это умонастроение, пришли в эпистемологию и логику от математики, затем и от физики, что стимулировало становление таких философско-методологических направлений, как инструментализм, конвенциализм и пр. Но тем не менее собственно конструктивизм как методология находил себе тогда лишь локальное выражение. Первоначально такое положение дел не изменил даже постпозитивистский переворот в философии и методологии науки. С недавних пор, однако, конструктивизм приобрел статус особого философско-методологического направления и сфера действия конструктивистских идей уже в качестве вполне определенной философско-методологической программы стала расширяться буквально на глазах. Конструктивизм сегодня ставится во главу угла методологами психологии, мето-

¹ Пружинин Б. И. Ratio serviens. Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009.

дологами социологии, его методологическая экспансия на другие науки социально-гуманитарного цикла (и, заметим, прежде всего социально-гуманитарного) весьма значительна.

Естественно возникает вопрос: что собственно послужило основанием для такого расширения? А самое главное, что стало причиной кристаллизации конструктивизма как особого методологического направления? В середине 1960-х гг. в методологии социальных наук возникло представление, что реальность — это набор мыслительных конструкций, что она в конечном счете есть текст (П. Бергер, Н. Лукман). К началу 1980-х складывается уже особое философско-методологическое течение — «радикальный конструктивизм» (П. Ватцлавик, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Фёрстер и др.). Усиливая трактовку реальности как системы значений, представители этого течения подчеркивают аспект «сделанности» этой реальности. «Изобретенная действительность» — название сборника, подготовленного этими авторами в 1981 г., — говорит о сути их позиции. Х. фон Фёрстер утверждает, например, что окружающая среда в том виде, как мы ее воспринимаем, — это наше изобретение. По мнению П. Ватцлавика, единственное, что существует — это множество различных версий реальности, которые могут входить в противоречие друг с другом.

Почему сегодня именно эта сторона познания и этот набор идей приобрел эпистемологическую актуальность? Почему сегодня радикальный конструктивизм считается более современным, чем, скажем, операционализм Н. Кэмпбелла и У. П. Бриджмена или инструментализм Дж. Дьюи?

Ведь, строго говоря, никто из перечисленных выше философов, в принципе принимавших некоторые конструктивистские идеи, радикальным конструктивистом не являлся. И хотя фон Глазерсфельд, один из лидеров современного конструктивизма в эпистемологии, зачисляет, скажем, Бриджмена в радикальные конструктивисты, но при этом не сложно разглядеть, что делает он это главным образом для того, чтобы придать радикальному конструктивизму культурно-историческую основательность. Не сложно показать, что для тех же целей и с той же степенью основательности фон Глазерсфельд апеллирует, скажем, к Джамбатиста Вико как к предтече радикального конструктивизма.

Действительно, набор философско-методологических идей современного «радикального конструктивизма» соотносим с кон-

структивистскими умонастроениями, существовавшими в совсем иное время и в абсолютно иных по своим целям областях деятельности. При этом подчеркнем еще раз. Нас интересует конструктивизм как умонастроение, как та интеллектуальная среда, внутри которой становится возможным самоопределение вполне конкретных конструктивистских направлений в различных областях культуры и в частности, в таких специализированных ее областях, как наука. Поэтому, обращаясь к тематике исторических версий конструктивизма, мы не ограничимся рассмотрением этого феномена как направления в искусстве русского авангарда 20-х гг. XX в., обладающего рядом характерных черт. Хотя в узком смысле это понятие именно таким образом и определяется в словарях по философской эстетике, причем не только сегодняшних, но и исторически существующих. В словаре художественных терминов (1923—1929) конструктивизм определяется как «течение в искусстве XX века, нашедшее себе распространение главным образом в России»². Мы же предлагаем посмотреть на «конструктивизм» как на одно из умонастроений эпохи, реализовавшееся в соответствующем направлении искусства того времени. Это умонастроение мы можем реконструировать в процессе анализа культурно-исторического сознания 20-х гг. XX в., ибо нас интересует та реальность человеческой деятельности, которая стоит за идейными течениями и по сути является жизненным контекстом, в котором умонастроения кристаллизуются в конкретные идейные направления. Мы полагаем, что только с учетом этого контекста и могут оцениваться эти направления — с точки зрения реальной жизни человека. Только так и следует оценивать даже самые абстрактные концептуальные построения, в том числе и в области философско-методологической рефлексии над познанием. В последнем случае — с точки зрения реальных проблем научно-познавательной деятельности. Такое понимание конструктивизма требует осмысления его философских оснований. Этот взгляд позволяет кое-что прояснить в вопросе, почему это «исторически ушедшее» умонастроение вызывает сегодня в эпистемологическом сообществе значительный исследовательский интерес.

² Яворская Н. В. Конструктивизм // Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923—1929. Под ред. И. М. Чубарова. М., 2005. С. 241.

Иными словами, нас в данном случае интересует в истории, в прошлом именно то, что созвучно с сегодняшним днем. Где, в каком интеллектуальном диапазоне современности можно искать и находить это созвучие? Интеллектуальный консонанс конструктивистского умонастроения эпохи модерна и современного «радикального конструктивизма», постмодерного по своей сути, наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении основных принципов конструктивизма в контексте проблем прикладного знания, прикладной науки. И это созвучие становится очевидным, когда мы осуществляем эпистемологический анализ манифестов, провозглашенных конструктивистами в 1920-е гг., в контексте специфических установок современного прикладного исследования.

Прикладное исследование задается решением конкретных практических задач и оценивается лишь с этой точки зрения. В прикладной науке как самостоятельном структурном образовании приращение знания вообще, приращение знания как общая цель, безотносительная к решению той или иной частной задачи, во внимание не принимается или воспринимается как побочный результат собственно прикладных исследований. Между тем, такая ориентация прикладной науки имеет для реализующейся внутри нее познавательной деятельности последствия эпистемологического характера. Мы фактически получаем здесь иной тип информации о мире, с иными, отличными от научного знания когнитивными параметрами, даже если эта информация внешне совпадает с научным знанием как таковым. Впрочем, чаще и не совпадает. Прикладное исследование ориентировано на получение инструментального знания, на получение знания, которое оценивается, прежде всего, по его практической эффективности, а не с точки зрения его истинности. Здесь задачи ставятся извне — клиентом, заказчиком. И результат оценивается ими же. А их интересует прежде всего технологическое решение задачи, воплощаемое решение, а не объективное представление о мире. Рациональное обоснование полученного эффекта на базе уже существующей системы знания оказывается вне мотивационной структуры прикладной науки, так что полученное знание как бы изымается из познавательного процесса и продолжает свое существование в формах, зачастую просто исключаящих его дальнейшее участие в развитии целостной системы рационального знания. Именно так и теряется

важнейший признак научного знания — возможность его использования для производства нового знания. Так, прикладное знание может представлять в виде рецептурных списков или инструкций, уместных лишь в данном конкретном (локальном) случае. Отсюда — принципиальная локальность и утилитарность инструментального знания и прикладной науки вообще.

Когда мы читаем статью-манифест Ольги Чичаговой «Конструктивизм», опубликованную в журнале «Корабль»³, мы видим, что в принципах самоидентификации конструктивистов отчетливо проявляется идеологическая составляющая, как стержень этого направления. Об этом свидетельствуют следующие аргументы конструктивистов: 1) апелляция к потребителю, а не нацеленность на объективное представление действительности, 2) замена реальной действительности конструкцией («трехмерной вещью из комбинации абстрактных плоскостей»), 3) провозглашение принципа целесообразности, эффективности, как приоритетного по отношению к поиску истины, 4) провозглашение самодовлеющей ценности техники и технологии. Эти аргументы четко фиксируют идеологическую направленность конструктивизма и его включенность в систему прагматического отношения к действительности и к человеку⁴. Заметим, что идеологию, как элемент культурно-исторического сознания, следует в данном контексте отличать от утопии, поскольку в основании идеологии лежит прагматически-конструктивный принцип (для утопии нехарактерный).

Обращение к аргументам конструктивистов от искусства не только фиксирует ушедшую историческую ситуацию, не только показывает «как это было», но позволяет соотнести их с исследовательской ситуацией, сложившейся в современной эпистемологии.

³ Чичагова О. Конструктивизм // Корабль. № 1—2 (7—8). 1923.

⁴ Конструктивисты хотели создать «нового Человека», что, в известном смысле можно расценивать как форму манипуляции. И это очень ясно выражено не только в манифестах конструктивистов, но и в психологических и психоаналитических концепциях того времени. См., например, републикацию статьи А. Б. Залкинда «О язвах Р.К.П.» (1925 г.) в журнале «Вопросы философии» 1991. № 7. С. 109—114. Мы явно апеллируем здесь к русским психоаналитическим концепциям 1920-х гг. Ведь и они, так же как и конструктивисты, «лепили» нового человека, создавая под эту задачу психоаналитические научные школы и методологические учения. И эта направленность на манипуляцию была явной в конструктивизме, как основной его принцип.

Идеологическая составляющая конструктивистской аргументации начала 1920-х гг. вполне соотносится с характером современной эпистемологической тематики (о чем свидетельствуют вызвавшие широкий читательский резонанс материалы круглого стола «Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре», проведенного в журнале «Вопросы философии»⁵). В процессе поиска интеллектуального созвучия конструктивизма начала XX в. с современной эпистемологической ситуацией мы, конечно, не осуществляем полного переноса и не отождествляем конструктивизм в искусстве начала XX в. с современным нам эпистемологическим конструктивизмом. Мы ищем некоторые идейные элементы, имеющие реальное продолжение в современной эпистемологии. В этом смысле нам интересно посмотреть в историю и оценить эти элементы.

Напомним читателю общеизвестные факты из истории конструктивизма в советском искусстве 1920-х гг. (от архитектуры до плаката, от театра до книжной графики)⁶. Выдвинув задачу «конструирования» окружающей среды, конструктивисты претендовали на то, чтобы активно направлять жизненные процессы. Они пытались сотворить «нового Человека», активно конструируя новую среду его обитания (от кухни до цеха и улицы). С этой целью они стремились максимально использовать возможности новой техники и новых материалов для формирования целесообразных конструкций. Архитекторы-конструктивисты обращались к новым строительным технологиям, способным воплотить простоту и подчеркнуть утилитаризм новых предметных форм. В этом они видели принципы построения быта «нового» общества и жизни

⁵ См.: Вопросы философии. 2003. № 12.

⁶ Применительно к зарубежному искусству термин «конструктивизм» в значительной мере условен: в архитектуре он обозначает течение внутри функционализма, стремившееся подчеркнуть экспрессию современных конструкций. Конструктивизм здесь — художественное направление в искусстве начала XX в., провозгласившее основной художественного образа не композицию, а конструкцию. Соотношение конструктивизма и функционализма было характерно и для поэзии того времени. См.: Алексей Николаевич Чичерин. Кан-Фун (Кан[нструктивизм] — Фун[нкционализм]). М.: Московский цех поэтов, 1926; Мена всех. Конструктивисты поэты. М., 1924; Госплан литературы. Статьи. Стихи. Борис Агапов, И. А. Аксенов, Корнелий Зелинский, Вера Инбер, Илья Сельвинский, Д. Туманный. Литературный центр конструктивистов.

«нового» человека⁷. Те же самые принципы утилитаризма и простоты составляли основание конструктивистских направлений в живописи и скульптуре. Во всех сферах искусства как советского, так и западного, наблюдалась одна и та же характерная тенденция: отказ от «копирования», «отражения» реального мира ради поиска новых методов (в основном технических) его конструктивно-эстетического выражения.

Приведенные нами факты отнюдь не были единичными. Конструктивистское умонастроение в начале XX в. приобретает массовый характер. Его «омассовлению» способствовала та индустриальная среда, в которой деятельному преобразованию подвергается уже «вторая природа», и разрыв между человеком и объективным, т. е. независимым от него, миром⁸ становится все глубже и рельефнее. Мир «первой природы», порождающий не технические задачи, а проблемы и тем самым демонстрирующий свое противостояние человеку-субъекту, как бы вообще выпадает из поля зрения конструктивистов. На переднем плане оказывается историческая реальность, понимаемая конструктивистами не столько как духовно-культурное целое, но как технический конгломерат, легко поддающийся тотальной реорганизации. При этом граница между миром и исторической (в данном случае — сконструированной) реальностью становится размытой, едва заметной, а иногда — просто неразличимой. И человек оказывается как бы вне мира — в реальности, где, чтобы достигнуть успеха, надо действовать по правилам, где эти правила можно менять или достраивать недостающие звенья, где человек становится создателем, творцом, конструктором этой реальности и т. д.

Все эти характеристики конструктивистского умонастроения 20-х гг. XX в. сегодня, как это ни странно, оказались в центре внимания методологов, обсуждающих перспективы и когнитивную эффективность радикального конструктивизма. Радикальные конструктивисты заимствуют свои общие принципы из современных

⁷ Воплощением теоретических принципов конструктивизма в архитектуре, сформулированных А. А. Весниным и М. Я. Гинзбургом, стал проект Дворца труда для Москвы (братья Веснины, 1923). Конструктивизм сыграл заметную роль и в развитии плакатной графики.

⁸ Для современного сознания объективный мир обнаруживает себя, как правило, лишь в природных катастрофах.

умонастроений, которые, так же как и конструктивизм 20-х гг., отрицают какую-либо данность объекта субъекту познания (субъекту конструирования). Все они, так или иначе, утверждают, что данная нам реальность располагается внутри нашего опыта, т. е. является как бы «реальностью второго порядка», ибо ее описание как бы входит в нее, и она, будучи сконструированной по нашему же проекту, как бы создана нами и не имеет никакого отношения к объективной онтологии. Между прочим, очевидно, что ссылка на «вторичность» этой реальности, так сказать, условна, ибо такой же в конечном счете оказывается и «первая», т. е. вполне физическая реальность (у Г. Рота, например).

Но что фактически дает нам сегодня подобная радикализация достаточно старой философской идеи? В качестве общей эпистемологической концепции — ничего нового, ибо перед нами просто радикальная формулировка скептицизма. В качестве общего методологического ориентира (познавательная деятельность есть, по сути, лишь осмысление свойств конструкций, построенных познающим же субъектом) радикальный конструктивизм более содержателен, хотя его содержание и носит скорее негативный характер. Конструктивизм здесь как бы высвобождает субъекта познания от ориентации на истинность знания, на соответствие знания чему-либо, находящемуся вне его конструктивной активности и тем самым создает благоприятный психологический фон для свободного научного творчества. Иными словами, радикальный конструктивизм как бы высвобождает творческую энергию ученого, освобождая его от «иллюзии» господствующей над ним реальности. Мы думаем, однако, что эпистемологическая цена такого освобождения весьма велика — познание просто теряет свои границы, ибо познанием в этом случае оказывается все, что вообще происходит внутри субъекта (в его телесной и духовной сферах). И тем не менее мы полагаем, что именно апелляция к психологическому фону познания, апелляция к психологическому состоянию познающего как к фактически единственной реальности, с которой соотнобразуется его познавательная активность (даже точнее, апелляция к психофизиологической подоснове познания), и позволяет специфицировать радикальный конструктивизм в качестве особой методологической программы и указать на те положительные, на наш взгляд, перспективы, которые она в себе несет.

Всякий набор общих соображений по поводу природы познания обретает статус конкретной методологической программы лишь постольку, поскольку на основе этих соображений об имманентных свойствах познания удастся конкретно представить структуру познавательной деятельности и наметить для нее хоть какие-то ориентиры. Логико-методологические программы трактуют познание прежде всего как логическую организацию опыта и, соответственно, строят логико-методологические модели познавательной деятельности. Культурно-исторические программы представляют познание как деятельность социокультурную по своей природе и, исходя из этого, формулируют соответствующие методологические ориентиры. Радикальный конструктивизм, коль скоро он претендует на статус философско-методологической программы, так же сталкивается с необходимостью строить свои методологические рекомендации исходя из имманентных характеристик познания как конструирования. В противном случае перед нами не методология, а просто красивая и неузвямая, но методологически совершенно бесплодная позиция — этакое скептическое умонастроение. Вот в этом плане конкретизации умонастроения как раз и оказывается весьма перспективным для радикального конструктивизма его обращение к психофизиологическим состояниям познающего субъекта как к имманентной характеристике познавательно-конструирующей деятельности. Это обращение открывает перед конструктивизмом перспективу методологической конкретизации, отличную и от нереализуемых логико-методологических программ позитивизма, и от релятивистских тупиков постпозитивистской философии науки.

Таким образом, «возвращение» радикального конструктивизма к «психологизму» в методологии науки в значительной мере связано с положением дел в современной философско-методологической рефлексии над наукой и эпистемологии вообще. Эмпирические логико-методологические претензии неопозитивизма потерпели «крах» к середине прошлого столетия. Пришедшие им на смену культурно-исторические и социально-исторические программы социологизированной методологии, самым ярким примером которых является концепция Т. Куна, продемонстрировали полную методологическую бесплодность релятивистских историко-культурных реконструкций науки. Построенные на их базе исторические реконструкции не имеют практически никако-

го методологического смысла, т. е. бесполезны в плане методологических рекомендаций для науки. «Дескриптивная методология» постпозитивизма просто отказалась от выполнения нормативно-ориентирующих функций. На этом фоне радикальный конструктивизм «развернул» разработку методологической тематики в ином, до недавних пор, вообще говоря, запретном для философии науки направлении — к психологизму и натурализму.

С точки зрения радикального конструктивизма в эпистемологии, формулировать требования к научно-познавательной деятельности, сведенной к конструированию, следует не из исторически релятивных характеристик социокультурного субъекта познания, но представляя познавательно-конструктивную деятельность как универсальную форму адаптивной активности всего живого (а может быть и вообще всего того сущего, о котором говорит, скажем, синергетика). Так или иначе, радикальный конструктивизм обращается к анализу конструктивных способностей человека, используя для обоснования своих методологических программ широко понятую натуралистическую аргументацию (биологического, нейрофизиологического, кибернетического и когнитологического характера). И если в форме конструктивистской социологии конструктивизм еще акцентирует право каждого на свое уникальное видение мира, то в качестве методологической программы в нейробиологии он уже выдвигает вполне определенные требования к познанию — в чем ему, заметим, отнюдь не мешает радикальное отрицание какой бы то ни было данности объекта субъекту⁹.

С этой точки зрения, в качестве предшественников радикального конструктивизма мы бы указали скорее на позитивистов и позитивистски ориентированных мыслителей — на принцип экономии мышления, на идеи Германа Гельмгольца и Йоганнеса Мюллера, например. Мы думаем, принадлежность к этой методологической традиции характеризует радикальный конструктивизм в эпистемологии точнее, чем ссылки на Вико. Что же касается его специфики в рамках этой традиции, то, на наш взгляд, здесь важно отметить следующее.

⁹ См. об этом работы С. А. Цоколова, в частности «Конструктивистский дискурс как философско-методологическая основа изучения когнитивных функций головного мозга (Нейробиологический конструктивизм Герхарда Рота)» // <http://www.fund-intent.ru/science/fils005.shtml>

В радикальном эпистемологическом конструктивизме концептуальные акценты смещаются на познавательные операции описания, на нарративные операции, конструирующие мир, в котором мы живем. Иными словами, эпистемологический интерес смещается на процедуры познавательного конструирования, которые напрямую затрагивают нас. Каким мы видим мир, так мы себя в нем и чувствуем — психологически (даже биологически) комфортно или дискомфортно. Описание конструируем мы, и оно нас удовлетворяет или нет, поскольку мы не просто достигаем внутри него каких-то практических целей, но еще и переживаем пребывание в нем. В описании мира мы выживаем. В этом и заключается, на наш взгляд, смысл тезиса радикальных конструктивистов о том, что познание ничего не отображает, но тем не менее имеет адаптивный характер. Познание как переживание — вот что является реальностью с этой точки зрения. Так что, если следовать логике конструктивистов, на базе интуиции переживания как раз и может осуществляться направленное конструирование и отбор адапционно значимых нарративов. Но ведь «может же осуществляться», и потому, возможна наука.

Какого рода процессы в современной науке, в современной научно-познавательной деятельности простираются за такой эпистемологической установкой? Мы полагаем, можно вполне определенно ответить на этот вопрос: нарастание массива инструментального знания и смещение фундаментальных исследований на периферию научно-познавательной деятельности. По ходу этих процессов нарративное конструирование и переживание его адаптивной значимости как основания для его когнитивной оценки выходят на передний план. Ибо речь в инструментально-прикладном исследовании идет всегда о выполнении некоторого заказа-цели: такое исследование изначально ориентировано на то, «чего хотелось бы», и корректируется ощущением внепознавательной эффективности результатов. Вот почему, мы думаем, радикальный конструктивизм и сформировался, прежде всего, в рамках направлений психологии и социологии терапевтически ориентированных, т. е. по сути прикладных. Познание как таковое в этих направлениях имеет служебный смысл, и место истинности знания занимает его эффективность. Яркой демонстрацией нарастания подобных процессов является появление так называемой

мой техно-науки, непосредственно подчиненной задачам совершенствования технологий. В технологически ориентированной познавательной деятельности реальность, которую мы познаем, действительно включает в себя собственный проект — предстает, например, как «техно-ландшафт».

Надо сказать, что доводы конструктивизма против эпистемологического представления о данности объекта субъекту познания достаточно убедительны лишь тогда, когда речь идет о довольно примитивных эпистемологических представлениях. Отказ от данности объекта в принципе превращает познание в произвольное самовыражение индивида, которое ограничивается лишь натуралистическим переживанием прикладных мотивов познавательного конструирования. В этой «прагматизации» теории познания заключается одна из причин популярности конструктивизма в век нарастания массива прикладных исследований.

Вместе с тем превращение познавательной деятельности в почти психо-биологический в любом случае в техно-натуралистический процесс, и растворение человека познающего, так сказать, в ткани этого процесса, открывает перспективы положительного исследования ряда важных аспектов процесса познания. Что, на наш взгляд, является бесспорно сильной стороной радикального конструктивизма. И к тому же, надо полагать, ведет как раз к выявлению форм укорененности человека в мире, т. е. в том числе и к выявлению форм данности объекта субъекту познания.

Принципы современного радикального конструктивизма вполне соотносимы, как мы стремились показать, с конструктивистскими умонастроениями 20-х гг. XX в. Но одной констатации возможности их соотнесения недостаточно для понимания специфики современного конструктивизма (и как умонастроения, и как методологии). Конструктивистское умонастроение (никогда не исчезавшее из европейской культуры) кристаллизовалось сегодня в методологическую программу. И причины этой кристаллизации мы видим в нарастании массива прикладной науки и быстром распространении коммуникативных систем, вытесняющих реальное общение, заменяющих его виртуальным. Конструктивизм сегодня и как умонастроение, и как методология приобрел радикальный характер. Но именно эта радикализация конструктивизма толкает его к поиску «первой природы» внутри самого человека. И это от-

личает конструктивизм сегодняшнего дня от умонастроения 1920-х гг. Конструктивистское умонастроение (как контекст) раскрывает для нас сегодня те неявные предпосылки, так сказать, тайну «радикального конструктивизма». Если конструктивисты начала XX в. стремились формировать новую среду обитания, чтобы в ней постепенно менялся Человек (абстрактный), то современные конструктивисты не ставят себе такой масштабной задачи. Они работают на «микроуровне», на уровне изменения сознательного и бессознательного отношения конкретного человека к окружающей реальности. Конструктивисты 1920-х гг. меняли мир вещей для того, чтобы изменить человека, строили вокруг него «вторую» природу для того, чтобы в ней изменился он сам. Именно на это были направлены исследования Выготского и его последователей. Сегодняшние конструктивистские установки связаны с попытками изменить самого человека, поскольку граница между миром и человеком, между «первой» и «второй» природой переместилась в сознание. И попытки сконструировать «мягкий» и «удобный» мир связаны с манипулированием сознанием человека. Поэтому и роль культурно-исторической психологии как интегрирующей психологическую проблематику меняется. Перед ней встают иного типа интегративные задачи, в осмыслении которых нам может помочь обращение к ее общегуманитарным истокам. Актуальной и острой задачей культурно-исторической психологии в современной нам культуре становится защита человека от манипулирования через понимание гуманитарных аспектов общения, не сводимых к коммуникации.

Глава 7

Парадоксы психологии: свобода и ответственность

Нам союзно лишь то, что избыточно.
О. Мандельштам

Понятие «свобода» едва ли поддается определению. С одной стороны, это предельная абстракция, с другой — вполне конкретная, осязаемая реальность или мечта о ней. Свобода — это потребность, мотив, цель, средство, результат поведения и деятельности. Однако в их структуре свободе трудно найти какое-либо определенное место. Тем более что она далеко не всегда там присутствует. Свобода — это невыносимый дар и тяжкий труд. Притом такой труд, который ничего не производит, кроме... еще большей свободы. Не вдаваясь в ее дефиниции и различие ее видов, перейдем к примерам и парадоксам. Пока для понимания последних достаточно только одной ее размерности — числа степеней свободы живого ли, мыслящего ли тела.

Ясно, что увеличение числа степеней свободы есть расширение возможностей поведения и действия живого существа. Однако такие возможности не используются автоматически. Для этого должны быть соответствующие стимулы. Их роль выполняет нужда в чем-то, недостаток, потребность, мотив, желание, мечта и т. д. и т. п. Общеизвестно, что живое существо — существо недостаточное. Напомним принцип Ж. Батая: «В основе каждого существа лежит принцип недостаточности». Соотечественник Батая М. Бланшо, развивая его идею, сказал, что человек обременен избытком недостатка, недостатком и обусловленный, — это вечно неутолимое стремление к человеческой недостаточности¹. Действительно, «самодостаточность» — редчайшее явление в человеческом обществе. К тому же до нее нужно еще дожить. Но избыток

¹ Бланшо М. Неопишемое сообщество. М., 1998. С. 16.

недостатка может иметь смысл лишь в том случае, если имеется избыток возможностей, которые хотя бы в малой степени могут утолить испытываемую недостаточность.

Мы вновь возвращаемся к избытку степеней свободы и можем предположить, что в основе развития человека, в основе его поведения и деятельности лежит избыток недостатка, помноженный на избыток свободы. Оба избытка обеспечивают бесконечное разнообразие траекторий развития, поведения, деятельности человека. Бланшо, несомненно, прав, считая, что недостаточность не определяется моделью достаточности. Она стремится не к тому, чтобы положить ей конец, а, скорее, к избытку неполноценности, только усугубляющемуся по мере его нарастания. Поэтому-то при всем избытке возможностей человек — существо принципиально незавершенное и незавершимое.

Главная мысль, которая будет иллюстрироваться далее, состоит в том, что получение строгого, в пределе — единственного, результата (практического, когнитивного или аффективно-личностного) достижимо лишь при условии огромного числа возможных путей к нему. Иначе, свобода есть условие развития, творчества, да и не только творчества. Рассмотрим это на, казалось бы, простейшем, примере осуществления свободного и целесообразного человеческого действия. Условимся, что закон свободного действия находится «внутри нас». Приведем одно из лучших его описаний: «Представим себе, что действие есть некое сочетание разных шагов, например, сочленение нескольких шарниров, и оно происходит таким образом, что ни один из шарниров не производит никакого спонтанного неконтролируемого движения, не порожаемого самим действием. То есть внутри действия не только нет никакой “пляски святого Витта”, но и вообще не порождаются никакие движения, кроме одного. Такое действие, внутри которого нет никаких элементов, имеющих зависимое происхождение, и называется свободным, и такое действие безошибочно»².

Так, Мамардашвили любил повторять античную сентенцию (как максимум) о том, что свободный человек не совершает ошибок. Но ведь реальность осуществления наших действий совершенно иная. Какой необходим труд для того, чтобы «наши шарниры» не производили никакого спонтанного, неконтролируемого движения?

² Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993. С. 252.

Анализируя анатомический аппарат произвольных движений, Ухтомский подчеркивал необычайную его сложность, намного превосходящую сложность самых хитроумных искусственных механизмов, контролируемых человеком. Эта сложность создается, во-первых, благодаря чрезвычайной подвижности кинематических цепей человеческого тела, которая исчисляется десятками степеней свободы. Число степеней свободы, характеризующих, например, подвижность кончика человеческого пальца относительно грудной клетки, достигает шестнадцати. Это означает, что в пределах диапазона вытянутой руки палец может двигаться любым образом и в любом направлении так, как если бы он совершенно не был связан с остальным телом, и может занимать любые положения по отношению к другим звеньям руки.

К этому следует добавить многозначность эффектов мышечных напряжений при непрерывно меняющемся исходном состоянии мышц, а также то, что в динамике двигательного акта большую роль играют внемышечные, неподвластные организму внешние и реактивные силы. Задача построения движения в предметной ситуации является фантастической по своей сложности. Чтобы решить ее, тело, обладающее психикой, вынуждено каким-то нерациональным, нерассудочным путем постичь сложнейшую физику (статику, динамику, кинематику, сопротивление материалов) конкретной предметной ситуации и согласовать ее с телесной биомеханикой.

Ученые многих психологических лабораторий мира пытаются ответить на вопрос, поставленный когда-то Ньютоном: «Каким образом движения тел следуют воле?..» Не лучше обстоит дело и с другой стороной этого вопроса, отмеченной Спинозой: «То, к чему способно тело, никто еще не определил». Способности действительно безграничны, и их источник в огромном и избыточном по отношению к каждому исполнительному акту числу степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Таким образом, можно сформулировать *первый парадокс*: избыточное число степеней свободы представляет собой необходимое условие осуществления необыкновенных и далеко еще не раскрытых возможностей человеческого действия, а способы их преодоления составляют тайну механизма построения свободного целесообразного, точного действия.

Неоценимый (и пока недостаточно оцененный) вклад в раскрытие этой тайны внесли исследования Н. А. Бернштейна о по-

строении движений и А. В. Запорожца о развитии произвольных движений. Без учета их результатов невозможно понимание природы человеческих умений и навыков.

Не случайно возможности человеческого действия описываются в таких терминах, как сенсомоторный, или практический, наглядно-действенный интеллект. Эта первая (не смешивать с низшей) форма интеллекта является основой и «учителем» других, более поздних его форм. Подчеркнем, что эта необходимая форма интеллекта непосредственно вплетена в предметную деятельность, в ее пространственно-временные формы, и она не утрачивает своего значения при появлении более поздних форм. Уже на ранних стадиях развития интеллекта возникает детерминизм по цели, когда цель как идеальный образ будущего, образ должного детерминирует настоящее, определяет собой реальное действие и состояние субъекта.

Второй парадокс относится к формированию образа мира и его свойствам. В психологии много усилий было направлено на решение классической проблемы: «как мы видим вещи такими, какие они есть в действительности?» Известно, что, для того чтобы правильно воспринимать мир, необходим период сенсорного и перцептивного научения. В специальных исследованиях демонстрируется существование манипулятивной способности зрительной системы; она может вращать образы (это так называемое умственное вращение), трансформировать и комбинировать их. Другими словами, образ также обладает избыточным числом степеней свободы по отношению к оригиналу. Хорошо известно, что такое свободное течение образов, полет фантазии, поток сознания, в котором присутствуют образы, сновидения, богатое (или больное) воображение, порождающее самые невероятные сочетания, трансформации и деформации образов.

Образ мира, создаваемый человеком, не только полнее, шире, глубже, чем требуется для решения сиюминутных жизненных задач. Он принципиально иной, чем отраженный в нем мир Человеку мало того, что мир сам по себе неисчерпаем для познания, что создание его образа требует всей жизни (к тому же при негарантированном успехе). Человек строит образ не только реального, но и вымышленного мира (возможных миров), а иногда и поселяется в нем. Ведь фантазия дискриминирует настоящее. В раю она не

нужна. Поэтому образ мира избыточен в том смысле, что содержит в себе то, чего в реальном мире нет, еще не случилось, даже то, чего не может быть никогда. Образ мира имеет в своем составе не только прошлое (часто ложно истолкованное), а хорошо или плохо предвидимое будущее. Без этого за образом настоящего, реального, случившегося была бы пропасть.

Образ будущего — это «промер». Хотя он крайне сложен, но зато избавляет человека от страшно неудобного положения «над пропастью». Впрочем, некоторых она влечет.

Точно так же, как и при построении движения, при построении образа задача состоит в том, чтобы преодолеть избыточные и неадекватные образы и построить один, нередко единственно верный. Следовательно, *второй парадокс* может быть сформулирован так: избыточное число степеней свободы образа по отношению к оригиналу представляет собой необходимое условие однозначного восприятия действительности, верного отражения ее пространственных и предметно-временных форм. Этот процесс настолько сложен, что его характеризуют как перцептивное действие, так и образный, или визуальный, интеллект. Отсюда и распространенные метафоры: «живописное соображение», «разумный глаз», «глазастый разум», хорошо поясняющие, что такое «визуальное мышление». Операциональная сторона образного мышления двояка: с одной стороны, образ обеспечивает целостное видение сложной ситуации, с другой — благодаря манипулятивной способности зрительной системы он перестраивается в интересах решаемой задачи. В образном плане возможно неоднократное проигрывание действия до действия.

Этот интеллект представляет собой следующую форму развития, которая, в свою очередь, вслед за предметным действием не только выступает в качестве основы и «учителя» его более поздних форм, но и не утрачивает своего самостоятельного значения. В своих ответах на анкету Ж. Адамара Эйнштейн писал, что в качестве элементов мышления у него выступают более или менее ясные образы и знаки физических реальностей. Эти образы и знаки как бы произвольно порождаются и комбинируются сознанием.

Третий парадокс относится к вниманию. Мир безграничен и бесконечен. Погрузиться в него можно, а погрузить его весь в себя — затруднительно. Нельзя сказать, что в мире много лишне-

го, но он несомненно избыточен. Это предполагает наличие механизма преодоления избыточной информации, селекции того, что необходимо для жизни, для дела. Значит, между миром и живым существом должен находиться селективный механизм, своего рода мембрана, которая пропускает лишь необходимое. А что необходимо, заранее знают лишь косные инстинкты и близорукие рефлекссы, которых у человека маловато, что не случайно. Человеческий мир динамичен, неопределен, скверно предсказуем.

Устройство этого механизма должно быть соизмеримо со сложностью непредсказуемого мира и со сложностью еще менее предсказуемого Другого, с которым приходится общаться, сотрудничать, соперничать... Это нештучные требования, которым не могут удовлетворять никакие инстинкты и рефлекссы, какие бы мы в них мыслимые и немыслимые усложнения ни вводили. Таким требованиям удовлетворяет наше избыточное и свободное внимание³, которое можно назвать селекторным механизмом, мембраной, ситом и дырявым решетом. Внимание обладает целой палитрой, на первый взгляд, противоречащих друг другу свойств, а на самом деле дополняющих одно другое: активное — пассивное; произвольное — непроизвольное (послепроизвольное); пристальное — рассеянное; концентрированное — диффузное; фокусированное — распределенное; избирательное — случайное; устойчивое — подвижное и т. д. Особо выделим свойство переключаемости внимания как возможный механизм управления самим вниманием, механизм, с помощью которого оно переходит, например, от непроизвольного к произвольному или от сосредоточенности к рассеянности. Этот таинственный механизм способен одновременно держать две, казалось бы, несовместимые вещи: свободу и закон. Поясним это. Всем известна, например, команда: «На старт! Внимание! Марш!» Тренеры учат своих подопечных собраться в паузе не только физически, но и морально, если угодно — духовно. Они прельщают «вкусом победы». Собраться перед стартом — это одно, правда, растянутое, но мгновение. В это мгновение максимально обострена чувствительность (внимание) к ситуации (необходимо быть готовым к выстрелу стартового пистолета) и столь же обострена чувствительность (внимание) к самому себе, к телу, к теле-

³ См.: Дормашев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. М., 1995.

сной биомеханике (нельзя упредить команду или задержаться на старте). В таком предстартовом состоянии обе формы чувствительности, т. е. внимание к ситуации и к себе, как бы слиты воедино. Это и есть одновременное держание двух несовместимых вещей.

Значит, внимание — не просто флегматично-умная мембрана, которая заранее знает, что, когда и куда допустить или презреть. Приставка-мембрана, видимо, есть, но не сама она внимание, а необходимое условие возникновения состояния внимания, состояния, которое может быть перцептивным, интеллектуальным, эмоциональным, даже страстным. Внимательный читатель может возразить, что пример с предстартовым состоянием — это экзотика, а внимание — вещь постоянная, обыденная. Обратимся к Ухтомскому, на основании учения о доминанте которого может быть построена полноценная теория внимания: «Научиться часами сохранять неподвижную позу для того, чтобы рассматривать предмет “вполне объективно”, как будто тебя самого тут и нет, это прежде всего достижение в области двигательного аппарата и его иннервационной дисциплины»⁴. Значит, внимание — это, по Ухтомскому, не суета сует, а прежде всего торможение, причем не только в физиологическом смысле: «Процесс возбуждения оформляется и направляется торможением. Сам по себе он есть слепое ширение, дикий камень, ожидающий скульптора»⁵. Торможение обычно понимается как прекращение действия или недействие. В свете размышлений Ухтомского, это сложнейшее действие по выбору направления, по оформлению — формированию действия. Скульптор действия — лишь одна из ипостасей внимания.

Таким образом, внимание — это состояние всего организма, как доминанта, как установка, это его целостная модификация, как сказал бы Д. Н. Узнадзе. И такая модификация может длиться часами. Соответственно, собирание себя может длиться не мгновение, даже не часы, а всю человеческую жизнь. Такое ведомо было еще Декарту. М. К. Мамардашвили называл это усилием человека *быть*.

Следовательно, *третий парадокс* состоит в том, что наличие избыточных степеней свободы внимания, обеспечивающего индивиду практически неограниченное пространство выбора, является

⁴ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 253.

⁵ Там же. С. 132.

необходимым условием его избирательности и предельной концентрации. Внимание не только допускает мир в человека, но и отгораживает его от мира. Отстранение от мира бывает условием выживания. «А вот еще превосходная картина того, как могущественна доминанта в своем господствовании над текущими раздражениями. Пьер Безухов, тащившийся на изъязвленных босых ногах по холодной октябрьской грязи в числе пленных за французской армией и не замечавший того, что представлялось ему ужасным впоследствии: “Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, подобно тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму”»⁶.

Внимание-мембрана локализована не в организме и не вне его, это пограничье (как у М. М. Бахтина — культура). Мембрана обладает двусторонней проводимостью, а когда человек в «горячем» состоянии, то и сверхпроводимостью (он может кожей чувствовать аффективные смыслы), как керамика в «холодном» состоянии. Мембрана может что-то допустить из внешнего мира в свой, может что-то отфильтровать, почти «ослепнуть». Равным образом, мембрана может быть более или менее проницаемой для того, чтобы отпустить нечто, рвущееся изнутри живого существа вовне, на волю.

Вернемся к избыточности мира. Чтобы ее преодолеть, нужно уже иметь образ искомого, притом не расплывчатый, а при всей его собственной избыточности определенный. Ранее мы сравнивали работу внимания с работой скульптора, который отсекает от «дикого камня» все лишнее, кроме того, что он видит внутри него. Когда же скульптор ошибается, отсекая что-то от своего образа, он испытывает физическую боль. Значит, в глыбе мрамора находится искомый образ, а в этом образе — сам скульптор. Он не ищет образ в глыбе, а освобождает его (и себя) из нее. Внимание — это усилие по удержанию своего образа, по держанию себя в вынесенном из себя образе. Удержать такое видение можно лишь на гребне возобновляемого усилия.

Внимание — это усилие по сохранению себя и своего образа (или маски?) в мире. Без него слишком велик риск утратить, потерять свое лицо. Внимание — это и усилие по удержанию пред-

⁶ Там же. С. 100.

мета собственной деятельности и *переживание усилия*: «Откуда оно берется при произвольном внимании? Нам представляется, что оно берется из добавочной сложной деятельности, которую мы называем *овладением вниманием*. Совершенно естественно, что это усилие должно отсутствовать там, где механизм внимания начинает работать автоматически. Здесь есть автоматические процессы, есть конфликт и борьба, есть попытка направить процессы внимания по другой линии, и было бы чудом, если бы все это совершалось без серьезной внутренней работы субъекта, работы, которую можно измерить сопротивлением, встречаемым произвольным вниманием»⁷. Подобное переживание усилия при произвольном внимании хорошо известно каждому.

Итак, внимание, будучи само сложной формой деятельности и одновременно состоянием индивида, выступает в качестве стержня всех других видов и форм деятельности. Это кажется странным, но лучше переоценить его значение, чем потерять себя или предмет деятельности и ее саму.

Четвертый парадокс относится к человеческой памяти, для которой характерны не только забывание, но и вытеснение, *включающее трансформацию и переосмысление (часто произвольное)* ранее случившегося, а также реконструкции при воспроизведении и многое другое. Исследователи все больше приходят к убеждению, что динамические (свободные) свойства памяти преобладают над ее консервативными свойствами. Избыточное число степеней свободы ассоциативных (по сходству, смежности и контрасту) и смысловых связей обеспечивает не только удивительную емкость, но и готовность к отклику, доступность человеческой памяти. В этом и заключается *четвертый парадокс*.

Во многих исследованиях памяти было показано, что не память является детерминантой деятельности, а, наоборот, последняя определяет процессы памяти, влияет на объем, скорость, точность процессов запоминания, хранения, извлечения и воспроизведения материала. Действие не только представляет собой средство, соединяющее прошедшее с будущим, но и содержит элементы предвидения и памяти в своей собственной фактуре. Через действие память включается в жизнедеятельность индивида, а не яв-

⁷ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 202—203.

ляется внешней силой по отношению к ней. Вплетенность памяти в жизнедеятельность, как это ни странно, делает ее относительно независимой от индивида. «Освобождаясь» от него, память наполняется бытийными характеристиками, приобретает вневременные свойства и тем самым обеспечивает удивительную свободу действия в реальной предметной ситуации и не менее удивительную свободу познания мира⁸.

Подобное освобождение может иметь и гипертрофированные формы. Тогда память оказывается главным центром не только личности человека, но и всей его жизни. А. Р. Лурия более тридцати лет наблюдал и изучал память, личность, судьбу замечательного мнемониста Ш., что нашло отражение в его «Маленькой книжке о большой памяти» (1968). Он назвал память выдающимся «экспериментом природы». Его память не имела *ясных границ* не только в объеме, но и в прочности удержания заложенного материала. Приведем лишь два эксперимента над Ш., характеризующих сильные и слабые стороны его памяти (оба не вошли в книгу).

В первом эксперименте А. Р. Лурия привел Ш. в студенческую аудиторию, рассказал о нем и его памяти, потом неожиданно для Ш. попросил его вспомнить список слов, предложенный ему для запоминания двадцать пять лет назад на одном из первых испытаний его памяти. После непродолжительной паузы Ш. воспроизвел... 300 слов. Между его рядом слов и рядом слов в протоколе было лишь одно расхождение: Ш. сказал «знание», а в протоколе было «знамя» (или наоборот?). Это слово было написано на сгибе листа, а за четверть века протокол порядком обветшал. Студенты, конечно, поверили мнемонисту, а не протоколу. Это и означает отсутствие *ясных границ* объема памяти и прочности сохранения. Следует учесть, что Ш. сделал свою память профессией, демонстрируя ее на эстраде. На упомянутый список слов наслоились тысячи других.

Одним из приемов запоминания Ш. было расположение предьявляемого материала на хорошо известных ему пустынных (как, например, ранним утром) улицах. Мысленно, гуляя по ним, он читал и воспроизводил увиденное.

⁸ См.: Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание, М., Воронеж, 1996; Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г. Г. Функциональная структура памяти. М., 1980.

Для большей убедительности памяти Ш. приведем конкретный пример запоминания им длинного ряда, состоящего из бессмысленного чередования одних и тех же слогов:

МАВАНАСАНАВА
НАСАНАМАВА
САНАМАВАНА
ВАСАНАВАНАМА
НАВАНАВАСАМ
НАМАСАВАНА
САМАСАВАНА
НАСАМАВАНА и т. д.

Ш. воспроизвел этот ряд. *Через четыре года* он по просьбе Лурия восстановил путь, который привел его к запоминанию.

Второй эксперимент с Ш. провел А. Н. Леонтьев. По просьбе московских актеров (для которых память особенно значима) Леонтьев прочел им лекцию о памяти и продемонстрировал возможности памяти Ш. Когда удивление и восхищение достигло апогея, Леонтьев неожиданно для Ш. провел с ним небольшой эксперимент, показавший актерам, что их память не столь безнадежна, как им показалось. Ш. было предъявлено всего 50 слов. Он воспроизвел их с начала до конца и в обратном порядке. Затем Леонтьев попросил Ш. и публику вспомнить лишь одно слово из списка, обозначавшее заразную болезнь. Ш. он просил назвать это слово, а тех, кто вспомнит, поднять руку. Мгновенно все подняли руки, а Ш. «отправился на улицу» и более трех минут вспоминал слово «тиф». По нашему мнению, этот блистательный эксперимент показал различие между живой — человеческой и мертвой — машинной памятью, устроенной даже не по ассоциативному, не говоря уже о смысловом, а по адресному принципу. Кстати, ассоциативная и смысловая организация вовсе не исключает адресности, как и избыток степеней свободы кинематических цепей человеческого тела вовсе не исключает монолитности и жесткости целесообразных действий, не исключает и мертвых, машинообразных движений. Мы часто несправедливо, а еще чаще — лукаво грешим по поводу недостатков своей памяти. Ларошфуко тонко заметил, что «все жалуются на свою память, и никто не жалуется на свой ум».

Между прочим, память любого человека характеризуется отсутствием *ясных границ* относительно объема и прочности. Все знают

десятки тысяч слов родного языка (активный словарь, разумеется, меньше), многие владеют иностранными языками, а Анна Ахматова и Иосиф Бродский (по словам последнего) знали еще и все рифмы русского языка. Так что по поводу объема и прочности памяти любой человек может поспорить с Ш. Что касается точности буквального воспроизведения, то за нее великому мнемонисту приходилось расплачиваться свободой оперирования хранимым в его памяти содержанием. И не только этим.

Многие годы спустя, после вышеописанных экспериментов Лурии и Леонтьева, одному из авторов этой книги пришлось изучать процессы хранения и переработки информации в зрительной кратковременной памяти. Оказалось, что Ш. «сидит» в каждом человеке. Первые уровни (блоки) хранения, получившие названия сенсорного регистра и иконической памяти, имеют, как и память Ш., неограниченный объем, но очень малое время хранения: соответственно, 70 и 700 мс. Этого времени достаточно для первичной обработки, выбора полезной информации и передачи ее на другие уровни обработки или хранения, например для передачи в слуховую память. После всех этих процедур первые уровни зрительной кратковременной памяти освобождаются для приема новой информации. Если представить себе, что на этих уровнях время хранения существенно больше, то мы окажемся слепы к изменениям, происходящим в нашем окружении. Срочная информация не сможет пробиться сквозь следы первичной памяти. Нечто подобное происходило и с Ш.

Гипертрофия развития памяти у Ш. привела к тому, что не он владел памятью, а она им. Нечто подобное предполагал К. Юнг относительно неполноценных функций, лежащих полностью в бессознательном. Пример Ш. подтверждает то, что такое может происходить и с высшими психическими функциями. А. Р. Лурия высказал надежду, что психологи, прочитавшие книгу, попытаются открыть другие психологические синдромы и изучить особенности личности, возникающие при необычном развитии чувствительности или воображения, наблюдательности или отвлеченного мышления, волевого усилия и следования одной идее, так как подобные случаи помогут лучше понять целое. Кажется, что этому последовал лишь Владимир Набоков, который едва ли знал об этом. Романы «Защита Лужина», «Камера обскура» и другие на-

поминают маленькие книжки Лурии о великом мнемонисте Ш. и о пациенте З., утратившем по причине травмы собственный мир (автобиографическую память) и с помощью Лурия восстанавливавшим его более тридцати лет. Если сравнивать не художественные достоинства, а отношение Лурии к героям его «невыводимых историй» и отношение Набокова к героям своих романов, то, по нашему мнению, выигрывает Лурия. Набоков, коллекционировавший причуды человеческой психики, относился к своим героям как ученый-энтомолог, разглядывающий редкие виды наколотых на булавку бабочек, а Лурия — как писатель, сопереживающий своим героям.

Вернемся к парадоксам психологии. Следующий парадокс относится к интеллекту в собственном (общепринятом) смысле этого слова. И здесь мы встречаемся с аналогичной ситуацией. Интеллект — это свободное действие. Это следует понимать в том смысле, что человек может решать задачу, пользуясь языком действий, языком образов, практических обобщений («ручных понятий»), предметных и операционных значений, языком знаков, символов.

Исследователи пытаются расшифровать также язык внутренней речи, глубинных семантических структур. Следовательно, одна и та же реальность может быть описана избыточным числом языков. Индивид обладает также избыточным числом способов оперирования предметным (или формальным) содержанием, отображенным в этих описаниях. При решении задачи необходимо найти, а иногда и сконструировать язык описания, на котором задача имеет решение, найти адекватные задаче (и языку) способы преобразования условий, в которых задача дана. Значит, интеллект в общепринятом смысле слова, а на самом деле — дискурсивный, вербальный, знаково-символический, представляет собой как бы суперпозицию всех его предшествующих форм: практического «мышления предметами», сенсомоторного, образного. Это еще один шаг в направлении свободы от наличной ситуации к ее перестройке, к конструированию нового. Следовательно, *пятый парадокс* состоит в том, что получение нетривиального порой единственного результата в интеллектуальной деятельности возможно благодаря ее свободе, которая приближается к абсолютной, хотя, конечно, таковой не становится. Здесь также имеются свои способы укрощения избыточных степеней свободы, возмож-

ных описаний реальности и возможных способов оперирования в пределах каждого из таких описаний. Важную роль в этом преодолении играют движения и образы, которые связывают мышление и мысль с предметной действительностью, с ее реальными пространственно-временными формами, отягощают их, выражаясь словами К. Маркса, проклятием материи.

Рассмотрим подробнее некоторые механизмы или способы преодоления избыточных степеней свободы в мыслительной деятельности на примере достаточно противоречивых и сложных для анализа взаимоотношений, складывающихся между значением и смыслом тех или иных ситуаций.

Известно, что одного описания ситуации в системе значений (на каком бы из языков такое описание ни было осуществлено) недостаточно для решения задачи. Из этого описания должно быть извлечено (или «вчитано» в него) смысловое содержание ситуации. Без этого не начинается даже сенсомоторное действие, важнейшей характеристикой которого, согласно Н. А. Бернштейну, является *смысл двигательной задачи*, решаемой посредством такого действия.

При решении мыслительной задачи индивид строит образно-концептуальную модель условий, в которых она дана, используя для этого ранее освоенные языки их описания. Он перемещается в «мир» образов и значений, рефлектирует по поводу этого построенного «мира», оперирует предметными образами, значениями, символами и т. д. Результатом этого процесса должна быть трансформация образно-концептуальной модели в модель проблемной ситуации. Решающим в такой трансформации как раз и является установление смысла. Если на этапе построения образно-концептуальной модели фиксируется неопределенность или чрезмерно большое число степеней свободы в ситуации, то на этапе формирования модели проблемной ситуации происходит понимание, осознание и означение смысла, т. е. выделенного главного противоречия или конфликта, порождающего эту неопределенность⁹.

Смысл, в отличие от значений, складывается (извлекается) не последовательно, линейно из различных уровней языка (языков), в котором описана, дана ситуация, а схватывается нами комплекс-

сно, симультанно. Поэтому-то нередко ситуация сразу воспринимается и понимается как проблемная без предварительного построения ее образно-концептуальной модели. В таких случаях извлечение смысла, в том числе и оценка сложной ситуации, происходит прежде детального ее восприятия и без кропотливого анализа значений. Превосходной иллюстрацией такой возможности является эксперимент физиолога В. Б. Малкина, который он провел с шахматистом-гроссмейстером Т. Испытуемому на 0,5 с была предъявлена сложная шахматная позиция с инструкцией запомнить фигуры и их местоположение. После предъявления шахматист ответил, что он не помнит, какие были фигуры и на каких местах они стояли. Но он твердо знает, что позиция белых слабее.

Необходимым условием извлечения смысла и адекватной смысловой оценки ситуации является предметная отнесенность языковых и символических значений. При оперировании предметными значениями такая отнесенность дана как бы в них самих и не требует промежуточных преобразований и опосредствований. Представим себе, что шахматисту была предъявлена та же позиция, но в шахматной нотации. Можно быть уверенным, что в этом случае ее оценка заняла бы существенно больше времени.

Смысл, извлекаемый из ситуации, — это средство связи значений с бытием, с предметной действительностью и предметной деятельностью.

При решении сложных задач наблюдаются противоположные и циклически совершающиеся процессы, состоящие в осмысливании значений (в том числе — и в их обесмысливании) и в означении смыслов. Именно в этом заключается важнейшая функция сознания (рефлексии). При «голом» смысле оно не нужно, так же как оно не нужно при «абсолютной разумности». Имеется существенное различие между значением и смыслом. Значение находится в сфере языка, а смысл в сфере предметной и коммуникативной деятельности, в том числе и в сфере речи. Осмысленное (не номинальное) значение как бы переходит из сферы языка (перестает быть лишь ассоциацией между вещью и словом, ее обозначающим) в сферу мысли, становится номинативным, значением-смыслом, смысловой предметностью. Поэтому при извлечении смысла из вербальных значений индивид привлекает внелингвистическую информацию, к которой относятся образы предметной реальности, а также действия с ней.

⁹ См.: Зинченко В. П., Мунипов В. М., Гордон В. М. Исследование визуального мышления // Вопросы психологии. 1973. № 1.

Предметность — это важнейшая категория психологической науки и одновременно важнейшее свойство психической жизни человека. Предметность не совпадает с образностью, целостностью и конкретностью. «Беспредметный мир» (в смысле К. Малевича) может быть и образным, и целостным, и конкретным, но он остается при этом беспредметным, и в этом отношении он может быть и бессмысленным, если отвлечься от абстрактного художественного смысла. Смысл рождается не из слов, а из действий с предметами, из представляемых (т. е. идеальных) действий, из ценностных и творческих переживаний. При извлечении его из значений, в том числе из высказываний, предложений, сквозь последние действительно симульганно «просвечивают» предметное содержание, образы, представления, предметные значения. Словом, сквозь значения просвечивает предметный мир или пространство возможных предметных действий в этом мире, имеющих смысл для индивида.

Известно, что извлеченный человеком смысл не дан постороннему наблюдателю, он не всегда дан и субъекту познания и действия. Но тем не менее смысл — это объективная, бытийная категория: Шпет неоднократно указывал, что смысл укоренен в бытии. Соответственно, важным элементом внутренней формы слова является его предметный остов. Об этом же позднее писал Леонтьев: «Смысл порождается не значением, а жизнью»¹⁰. Можно было бы сказать, что смысл — это бытие для себя. Именно поэтому так называемое извлечение смысла из значений — это прежде всего средство связи значений с бытием, с предметной действительностью и предметной деятельностью как со своеобразными труднорасчленимыми целостностями. От характеристики смысла как бытийного и ненаблюдаемого образования имеется ход к проблеме смысла жизни (бытия), который полностью невыразим в значениях. Ср. с лермонтовским:

Мои слова печальны, знаю,
Но смысла Вам их не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать.

В противном случае мы бы его лишились. В то же время, каждая не пустая мысль, если таковая возможна, есть, по словам Шпета, мысль о смысле. Поэтому-то и мысль предметна, бытийна.

Не менее интересен и сложен для анализа противоположный процесс — процесс означения смысла, трансформации или перевода смысла в значения. Такой перевод, если он осуществлен полностью, является своего рода «убийством» смысла как такового. Означение смысла или его понимание — это вовлечение чего-то из сферы бытия в сферу языка. Не с этим ли связаны трудности выражения бытия в языке? Многие в предметной действительности и предметной деятельности упорно сопротивляются попыткам концептуализации. К тому же, как говорят писатели, в недоназванном (неозначенном) мире имеется своя прелесть.

Необходим совместный анализ циклических и противоположно направленных процессов осмысления значений и означения смыслов. Они не только ограничивают степени свободы мыслительной деятельности. На стыке этих процессов рождаются новые образы, несущие определенную смысловую нагрузку и делающие значение видимым (визуальное мышление), и новые вербальные значащие формы, объективирующие смысл предметной деятельности и предметной действительности. Оба эти процесса теснейшим образом связаны с деятельностью индивида. Означить смысл — значит задержать осуществление программы действия, мысленно проиграть ее, продумать. Осмыслить значение, наоборот, значит запустить программу действия или отказаться от нее, начать искать новый смысл и в соответствии с ним строить программу нового действия. Эти процессы не осуществляются внутри самого мышления, сознания и лишь его силами. Через деятельность и действие они связаны с предметной (социальной) и субъективной реальностью, сопротивляющейся не только концептуализации, но и произвольному (свободному) обращению с ней.

Психологический анализ мышления не исчерпывается изложенным выше. Он предполагает учет человеческой субъективности, например мотивационной сферы, в том числе и борьбы мотивов (существо которой также может быть представлено как преодоление степеней свободы в побудительных силах человеческих действий и поступков). Необходимо также анализ процессов целеполагания, изучение субъективной представленности целей

¹⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 279.

и их смены в процессах мышления. Влияние субъективности на процесс и результаты мышления настолько велико, что Выготский говорил о единстве аффекта и интеллекта. Иногда это единство выражается в таких терминах, как «познавательное отношение» (Лекторский В. А.), «личностное знание» (Полани М.). Интересные соображения на этот счет имеются в рукописном наследии А. В. Запорожца, который развивал идеи Выготского об эмоциях: «Обычно люди сетуют на то, что разумные намерения и решения не реализуются вследствие того, что они подавляются аффектом. Однако при этом забывают, что при чрезвычайной подвижности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно то, что, прежде чем приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого решения для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов»¹¹.

При всех ограничениях степеней свободы мыслительной деятельности, о которых уже упоминалось ранее, она представляет собой наиболее свободную форму деятельности и именно в том понимании свободы, которое выражали Гегель и Маркс.

Любая деятельность, в том числе и интеллектуальная, должна включать в себя цель, средство, результат. Наличие свободы в выборе и полагании целей с неизбежностью влечет за собой свободу в выборе средств и способов достижения результата. Отсутствие какого-либо из этих компонентов или их жесткая фиксация трансформирует интеллектуальную (и любую другую) деятельность человека в нечто иное, например в ограниченный или искусственный интеллект. Это означает, что интеллектуальную, умственную деятельность человека в принципе нельзя рассматривать вне сенсорной, перцептивной, мнемической и других ее форм. Интеллектуальную деятельность человека нельзя понять и вне анализа его мотивационной и эмоционально-волевой сферы.

Деятельность в целом — это органическая система, где, как в живом организме, каждое звено связано со всеми другими, где

все отражается в другом и это другое отражает в себе все. Но этого мало. Деятельность, имеющая столь сложное строение, к тому же непрерывно развивается. Непременным признаком органической развивающейся системы является то, что она в процессе своего развития способна к созданию недостающих ей органов.

В качестве таковых индивид в своей деятельности порождает огромное пространство новообразований: новые образы, новые языки описания проблемных ситуаций, новые способы действия и принятия решения, новые цели, программы и средства их достижения, новые формы контроля за протеканием деятельности и критерии оценки ее эффективности.

А теперь обратимся к основному парадоксу психологии и сформируем исследовательские задачи, которые необходимо решить для его преодоления. Что собой должна представлять система, которая могла бы управлять перечисленными сложнейшими подсистемами сенсорного, перцептивного, мнемического, интеллектуального, эмоционально-оценочного действия, каждая из которых обладает избыточным числом степеней свободы? Каким образом направляется их активность, концентрируются и координируются их усилия на достижении поставленных целей? При этом следует помнить, что достигаемые цели и решаемые задачи являются не только адаптационно-гомеостатическими, но и продуктивными, конструктивными, творческими.

Ответ на вопрос, что представляет собой творческая, самоорганизующаяся порождающая система, имеет не только научный, но и практический смысл. Этот вопрос можно поставить в несколько иной форме. Каким образом свободная система (или семейство свободных систем) превращается в детерминированную, в пределе — жесткую систему, позволяющую получить наперед заданный, ожидаемый результат?

Известно, что успешная координация усилий жестких и даже самонастраивающихся систем недостижима при решении творческих задач. Наличие в каждой из подсистем избыточных степеней свободы оставляет пространство (и время) для координации, поисков точки приложения усилий и вместе с тем превращает их из свободных в детерминированные. Система становится детерминированной, когда она способна к активному преодолению всех степеней свободы, кроме одной. Рассмотрим некоторые общие

¹¹ Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 70.

условия и средства преодоления избыточных степеней свободы интеллектуальной деятельности, представляющей собой суперпозицию свободных систем.

Во-первых, перечисленные подсистемы работают не изолированно. Каждая из них представляет собой функциональный орган, но вместе они составляют единую функциональную систему (организм). При решении каждой задачи это единство не дано, а задано. Соответственно и способы координации их деятельности даны не наперед, а строятся по ходу осуществления этой деятельности.

Во-вторых, каждая отдельная подсистема не может сама ограничить число своих степеней свободы. Это ограничение достигается усилиями других подсистем. Так, степени свободы кинематических цепей человеческого тела ограничиваются за счет сенсорной коррекции, за счет формирования образа ситуации и образа действий, которые должны быть в ней осуществлены. Соответственно, избыточные степени свободы образа по отношению к оригиналу ограничиваются за счет двигательной системы, за счет «обследовательского тура», поиска положения головы, глаз, при которых возможно однозначное восприятие. Следовательно, координация состоит во взаимном ограничении степеней свободы каждой из подсистем. Отсюда и термины: сенсорная коррекция движения; моторная коррекция восприятия, образа; когнитивная коррекция поведения, действия; эмоциональная коррекция мотивационной сферы и интеллектуальной активности и т. д. Перечисленные формы взаимной коррекции достаточно интенсивно изучаются в современной психологии.

В-третьих, человечество вырабатывает различные системы эталонов, норм, правил, которые усваиваются индивидом и которыми он руководствуется в своей деятельности. К ним относятся сенсорные эталоны, перцептивные и мнемические схемы, архетипы культуры, схематизмы сознания, различные табу, этические правила, моральные и нравственные нормы, социальные установки, персональные конструкты, стереотипы поведения. Все эти образования также выполняют функцию ограничения степеней свободы поведения и деятельности индивида.

В-четвертых, управление отдельными подсистемами и их взаимодействием между собой и с окружением осуществляется по типу полифонического или гетерархического объединения иерар-

хий, подчас весьма тесно связанных друг с другом, но не имеющих фиксированного центра управления. Приведенные размышления соответствуют тенденциям развития системного подхода, для которого неприменим способ оценки систем через весомость отдельных показателей: система характеризуется наличием нескольких равнозначных переменных, связанных между собой по типу динамического равновесия. Для описания последнего все меньше оказывается пригодным традиционное понимание части и целого, причины и следствия. Системная связь построена таким образом, что каждая смысловая точка системы может быть рассмотрена как ее центр. Примером такой полицентрической системы является функциональная модель предметного действия¹². В ней отсутствует самостоятельный блок принятия решения, поскольку на разных этапах работы системы эту функцию выполняют различные компоненты.

В такой полицентричности, отражающей реальную сложность развития и функционирования системы, заключается ее способность не только к ограничению степеней свободы, к перераспределению связей внутри нее, но и к умножению смыслов. Эта способность есть неперемное условие (и критерий) ее жизнестойкости.

И наконец, решающими условиями преодоления избыточных степеней свободы в поведении или в интеллектуальной деятельности являются ее предметное содержание и цель. О роли предметности речь шла выше. Относительно цели напомним слова Маркса о том, что сознательная цель, как закон, определяет способ и характер действий человека.

Рассмотренные способы укрощения свободных систем, в свою очередь, представляют собой результат становления разнообразных форм активности индивида. Их становление ведет, с одной стороны, к укрощению степеней свободы моторной, перцептивной, мнемической и т. д. систем, с другой — к возникновению новых степеней свободы поведения, действия, интеллекта. Остановимся на этом трудном для понимания факте. Прежде всего следует различать несотворенную и сотворенную свободу. Примерами первой могут служить избыток степеней свободы кинематических

¹² Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

цепей тела, избыток степеней свободы зрительного образа по отношению к оригиналу, буйство ориентировочно-исследовательских реакций (непроизвольного внимания), игра аффектов и т. д. Это своеобразный «бэби-хаос», который со временем превращается в произвольно управляемое поведение. Заметим: произвольно — значит свободно управляемое поведение. Эту новую свободу необходимо построить, сотворить, что представляет собой огромный труд.

Читатель, надемся, догадался, что несотворенная свобода — это Природа, а сотворенная — это Культура. Понятие несотворенной свободы встречается у Н. А. Бердяева. Она существует еще до Бога, где-то за Богом, с чем, разумеется, не соглашаются теологи. Используем лишь термин «несотворенная свобода», не вдаваясь в теологические споры. Для нас несотворенность свободы означает ее нерукотворность, естественность, натуральность. Строгая дифференциация несотворенной и сотворенной свободы чрезвычайно трудна, если вообще возможна. Об этом свидетельствует условность границ, которые проводились между натуральными и культурными психологическими функциями в школе Выготского. Да и в приведенных выше примерах свободных систем не преследовалась цель их строгой дифференциации. Причина трудностей здесь принципиальна. Замечательное свойство сотворенной свободы состоит в том, что она, укрощая избыточные степени несотворенной свободы, не уничтожает ее. Равным образом, в логике Выготского культурная функция, перестраивая натуральную, не уничтожает ее вовсе.

Сотворенная свобода черпает из несотворенной энергию, жизненные силы и материю (биодинамическая ткань движения, чувственная ткань образа, эмоциональная ткань аффекта) для самосозидания, для приобретения все новых и новых степеней свободы. Сотворенная свобода не только учит несотворенную, придает ей новые смыслы, перестраивает ее, ставит себе на службу, но и учится у нее. И как это ни странно, учится у нее прежде всего той же свободе и непосредственности. Перефразируя Федора Тютчева, можно сказать: при разладе с природой, в том числе и со своей собственной, сотворенная нами свобода оказывается призрачной. У поэта есть и более пессимистические строки, которые, впрочем, можно воспринять как предупреждение против человеческой заносчивости и гордыни:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Самих себя лишь грезю природы.

Так или иначе, но чрезвычайно трудно, если вообще возможно в каждом произвольно выбранном акте отделить сотворенную свободу от несотворенной. Строго говоря, задача преодоления избыточных степеней свободы сохраняется и для построенных, культурных функций (действий, функциональных органов), для сотворенной свободы как таковой.

Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу о том, как это возможно? Поставим его несколько иначе. Есть ли в нашем доме, т. е. в нашем телесном и духовном организме, состоящем из многочисленного семейства свободных систем, хозяин? Кто главный «укротитель» этой полицентрической системы? Это довольно своеобразный укротитель, ибо результатом укрощения свободных систем является его собственное свободное действие.

Воспользуюсь одной из любимых аналогий М. М. Бахтина. Как из отдельных систем образуется полифония? «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии». И далее: «Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волей, воля к событию»¹³. Что это за воля, которая собирает отдельные автономные системы в то, что называлось выше: «человек собранный»? Если говорить в терминах избытка степеней свободы, то собранность означает способность укротить все степени свободы кроме необходимых, порожденных самим индивидом. Собранный человек — это свободный человек, который, по Мамардашвили, «сам становится в начало причин своих собственных поступков», называется «сам в начале самого себя». Понять подобное поведение, действие, деятельность неизмеримо сложнее, чем понять ситуативное, стимульно-реактивное, рефлекторное поведение, причины которого находятся вовне и которое психология худо-бедно научилась изучать и объяснять. О свободном действии можно говорить

¹³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 25.

тогда, когда появляется внутренняя или собственная система отсчета. Она, согласно Мамардашвили, составляет самоосновное, бытийное и событийное явление: «Таковым является, например, совесть. Понятие совести описывает те моральные акты и явления, которые для своего существования и свершения не имеют причин вне себя. Они беспричинны. Совесть — причина самой себя»¹⁴.

Таким образом, вопрос о том, кто хозяин нашего телесного и духовного организма, не такой простой. Хочу только предупредить относительно иллюзорности простых, казалось бы, само собой разумеющихся ответов на этот вопрос. Едва ли на роль хозяина может претендовать сознание. Оно многослойно, полицентрично, полифонично, абсолютно свободно. Оно легко преодолевает самые суровые определения бытия, такие, как пространство, время, социум, но оно преодолевает их в себя и для себя, что далеко не всегда совпадает с их преодолением для носителя сознания, для его собственного Я.

Столь же сомнительна претензия на роль хозяина инстанции Я. Резонно возникает вопрос, о каком Я идет речь? О первом, о втором? Или об одном из многих (ср.: у В. С. Библера есть термин «многаяйность», у Марселя Пруста — «роистое Я»)? Даже если какое-то из них побеждает, оно мечется в поисках смысла между бытием и сознанием: кем быть, как быть, быть или не быть?.. Хочет, но не может, как Иван Карамазов, «полюбить жизнь больше, чем смысл».

Не будем спешить с ответом, на этот вопрос. Будем идти к нему постепенно. И если он имеет смысл, попробуем на него ответить, а если не удастся, то у читателя останется знание о незнании или он найдет свой ответ.

¹⁴ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1976. С. 28.

Глава 8 Личность, бессознательное, творчество

И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «Я».

О. Мандельштам

Я один, все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить — не поле перейти.

Б. Пастернак

Проблематизация фрейдовской топологии сознания и личности

Проблема личности (как и проблема Я) не является специально психологической, это проблема всего гуманитарного знания. Всякий, кто прикасается к ней, ставит задачи преодоления атомизма в подходах к психике и сознанию, динамического изучения строения и проявлений целостной (цельной) личности, ее сознательной и бессознательной жизни. К такому заключению пришел А. Р. Лурия в 1923 г. в статье «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии»¹. Видимо, подобные, широко распространенные в начале XX в. интенции побудили О. Шпенглера заявить, что XX в. будет веком психологии. Прогноз не сбился. Зато он стал веком психоанализа, основной заботой которого были невротизированные люди. Однако психоанализ прославился не столько терапевтическими достижениями, сколько открытием «царского пути» к бессознательному, а соответственно, и пробуждением интереса к сознанию. Именно этим объясняется беспрецедентное влияние психоанализа на культуру XX в. (Пожалуй, вне сферы этого влияния осталась только психология.)

¹ Лурия А. Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М., 2003. С. 11—29.

П. А. Флоренский писал о невозможности дать определение личности, аргументируя это тем, что личность, как и деятельность, — это нарушение закона тождества. Он ограничился указанием на то, что личность, «разумеемая в смысле чистой личности, есть для каждого Я лишь идеал, — предел стремлений и само-построения <...> Личный характер личности — это живое единство ее само-созидающей деятельности, творческое выхождение из своей само-замкнутости <...> Победа над законом тождества — вот что подымает личность над безжизненной вещью и что делает ее живым центром деятельности. Но понятно, что деятельность по самому существу ее для рационализма непостижима, ибо деятельность есть творчество, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества»². Далее Флоренский пишет о невозможности дать понятие личности, ибо она выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна всякому понятию. «Можно лишь создать символ коренной характеристики личности или же знаков, слово, и, не определяя его, ввести формально в систему других слов и распорядиться так, чтобы оно подлежало общим операциям над символами “как если бы” в самом деле было знаком понятия. Что же касается до содержания этого символа, то оно не может быть рассудочным, но — лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельном само-построении личности, в тождестве духовного само-сознания»³. О. Павел как бы благословил гуманистичнее, и в их числе психологов, на продолжающиеся до сих пор языковые игры со словом «личность». Под символом Флоренский понимал: «Бытие, которое больше самого себя, — таково основное определение символа. Символ — это нечто являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно через него объявляющееся. Раскрываем это формальное определение: символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении энергией сущности, несет таким образом в себе эту энергию»⁴.

² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 79—80.

³ Там же. С. 83.

⁴ Флоренский П. А. Имена: очерки, эссе. Кострома, 1993. С. 306.

Вторя Флоренскому, А. Ф. Лосев называл личность мифом, чудом, тайной. Психологи воспользовались марксовым определением человека как ансамбля всех общественных отношений, подставив в него вместо человека личность. При этом они не заметили (кроме С. Л. Рубинштейна), что согласно Марксу, сами общественные отношения строятся из отношений индивидуальных. Растворения личности в общественных отношениях, а затем в деятельности, как ее всего лишь внутреннего момента, оказалось мало. Ее опустили ниже индивида, поставив его над личностью, и, наконец, уравнивали с субъектом («субъектность личности», «личностный субъект» и т. п.), т. е. с *подлежащим*, с функциями субъекта. Психологам хорошо бы воспользоваться опытом психоанализа: «Установленный Фрейдом порядок доказывает, что осевая реальность субъекта лежит вне его Я»⁵. Далее Лакан говорит, что Фрейд преследовал цель «восстановить точную картину эксцентричности субъекта по отношению к Я»⁶. Сказанное справедливо и для личности, *осевая реальность* которой эксцентрична по отношению к субъекту. Иначе остается загадкой, каким образом «безличный субъект», «незнакомый субъект», а то и «подозрительный субъект» сопрягается с личностью. Здесь, кроме всего прочего, сказывается и нечувствительность к русскому языку.

В характеристике взаимоотношений деятельности и личности упускается такая малость, что личность не только внутри, но и над деятельностью. Она может подняться над пространством деятельностей, отказаться от той или иной деятельности, выбрать другую, построить новую деятельность, даже изменить свою жизненную траекторию. Справедливости ради следует сказать, что М. М. Бахтин, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев подчеркивали решающую роль не просто деятельности, а поступка на пути становления личности, приобретения *разных степеней личностности*.

Не прошла бесследно демагогия относительно формирования личности в коллективе: личность — продукт (субпродукт) коллектива. О том, что личность — основание коллектива мало кто вспоминает. Сегодня личность тонет не только в фарисействе, но и в по-

⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 64.

⁶ Там же. С. 66.

треблении, или мечтах о нем. Реализация человеческих сущностных сил в созидании, в творчестве подменена и подавлена сомнительным удовлетворением сомнительных потребностей. И все же, хотя личность, а вместе с ней и сознание истаявали как предмет психологического исследования, в середине XX в. Ж. Пиаже, Б. М. Кедров, позднее, А. А. Брудный выражали уверенность в том, что XXI в. наверняка будет веком психологии. Возможно, эта уверенность была основана на надежде, что психология сможет своими психотерапевтическими средствами подлечить больное человечество. Пока успехи психологии в этом благородном деле довольно скромны. К сожалению, такое нельзя сказать о собирающемся «Около ноля» племени субъектов-манипуляторов личностью и сознанием, имиджеймейкеров, харизмейкеров, торговцев смыслом жизни и т. п.

Похожа, хотя и не столь печальна, судьба личности в психоанализе. Его претензии построить теорию личности оказались неосновательными. Постулировав положение о том, что Я — это сердцевина, ядро, главная инстанция личности, психоаналитики сосредоточили внимание именно на нем. Постулировалось немало конкурентов «на звание» средоточия, ядра личности. Среди них: имя, потребности, иерархия мотивов, смыслы, эмоции, творчество и др. Не приходила в голову простая мысль: может быть, сама личность — это ядро всего перечисленного? В психоанализе Я как бы заместило фантом «психологического субъекта», что, впрочем, оказалось более продуктивным не только для психоаналитической и психотерапевтической практики, но и для развития представлений (не теории) о личности.

Проблема Я была поставлена задолго до возникновения психоанализа и обсуждалась параллельно с его развитием. Ее постановка связана с восстановлением интереса к диалогу, практиковавшемуся в античной философии, и с повышением внимания к таким формам общения, которые условно можно назвать коммуникативно-центробежными, идущими от Я к Ты и от Ты к Я, а также к диалогу, разговору. Это отношения «Я — Ты», «Я — значимый другой», «Я — мы», «Я — они», «Совокупное Я», «Коллективное Я», «Я — второе Я» и т. п. Благодаря М. Буберу, Г. Г. Шпету, М. М. Бахтину, Д. Б. Эльконину, Ф. Д. Горбову, Ю. Хабермасу отношения Я, в отличие от просто «общественных отношений», все же конкретизированы и персонифицированы, а главное — дефис (или тире)

обозначил место живого плодотворного (иногда губительного) пространства *Между*, в котором рождается Я и несет на себе груз далеко не второстепенных функций. Ему свойственны созидательные (авторские) порождающие способности и функции. Я, порой, даже мыслит, а не просто «паразитирует на теле бессубъектного мышления» (Г. П. Щедровицкий), обладает человеческим достоинством. В пространстве *Между* рождается не только Я. Это событийное пространство и время (хронотоп), рождающее сознание либо со всеми фрейдовскими расчленениями на бессознательное, предсознательное и сознательное, либо с иными представлениями об уровнях и о компонентах, образующих его структуру (А. Н. Леонтьев, Ф. Е. Василюк, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев).

М. М. Бахтин писал, что «само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться. <...> У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»⁷. Сказанное относится и к человеческому сознанию: «не другой человек, остающийся предметом моего сознания, а другое полноправное сознание, стоящее рядом с моим и в отношении к которому мое собственное сознание только и может существовать»⁸.

Способности и функции рождающегося на границе или в пространстве *Между* Я скрываются за метафорами, действительно, многоликого Я: «Роистое Я» (М. Пруст), «Многояйность» (В. С. Библер), «Единомножие Я» (В. А. Петровский), «Я — многоглавный субъект, субъект — поликефал» (Ж. Лакан). Лакан писал, что Фрейд в своих работах тысячи раз твердит нам, что Я представляет собой сумму идентификаций субъекта со всем принципиально случайным, что таким в него привносится. Лакан уподобляет собственное Я нескольким надетым одно на другое пальто, позаимствованным из захлапленного реквизита⁹. Еще одной лакановской метафорой является спектральное разложение функции Я. «Метафоризм, по словам Б. Пастернака, — стенография большой

⁷ Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 344.

⁸ Там же. С. 345.

⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 222.

личности, скоропись ее духа», но метафора не заменяет и не отменяет задачи ее расшифровки, выявления и анализа структуры скрывающегося за ней феномена.

В деле расшифровки или построения структуры Я психологи и психотерапевты не слишком преуспели. Они переключаются проблему Я на плечи своих подопечных — пациентов и испытуемых, предлагая им на ходу придумывать свои «Я-концепции». Психоаналитики, значительно лучше, чем психологи, осознают неправдоподобную сложность структуры Эго. В отличие от философско-психологического, подход психоаналитиков к проблеме Я столь же условно можно назвать эгоцентрическим или центростремительным. Здесь существенна безграничная дифференциация самого Я. Коммуникативные аспекты проблемы Я волнуют психоаналитиков преимущественно в связи с практикой организации соответствующих сессий. Разделение двух подходов — центробежного и центростремительного не является строгим. Между ними имеются точки пересечения, о которых будет сказано далее. Главная трудность анализа Эго для обоих подходов состоит в том, что оно, как, впрочем, и многое в психике, существует не только в своей наблюдаемой внешней форме, но и во внутренней, виртуальной, однако не менее действенной форме.

Обратимся к опыту и размышлениям психоаналитиков. Вначале они рассматривали Я как психическую *инстанцию*, затем как главную *инстанцию* или подструктуру личности. При этом более широкую структуру личности они оставили вне поля своего внимания и анализа, видимо, считая личность само собой разумеющимся феноменом обыденной жизни¹⁰. Психоанализ (как и любая другая терапия) далек от идеала свободного самораскрытия личности. Забегая вперед, скажем, что, равным образом, психоаналитики пренебрегли (или вытеснили?) понятие индивидуальности.

Для психопатологии обыденной жизни понятие Я оказалось главным и самодостаточным. З. Фрейд уподоблял Я *настоящему органу* (хотелось бы добавить — функциональному). Этот орган, несмотря на все неудачи, в принципе способен, как репрезентант реальности, постепенно овладевать влечениями. Более того,

¹⁰ З. Фрейд даже великих личностей опускал до уровня своих пациентов-невротиков.

Фрейд сравнивал Я с организмом, «простейшим живым существом», считал, что модификация Я подобна поражению тканей организма. Отсюда его уподобление психоанализа ножу хирурга. Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в «Словаре по психоанализу», вслед за З. Фрейдом, увидели в Я нечто вроде воплощенной метафоры организма в целом¹¹. Вначале в 1922 г. Фрейд вполне натуралистически характеризовал «организм Я»: «Я — это в первую очередь нечто телесное: оно выступает не только как поверхностное образование, но и как проекция некоей поверхности». Затем он к этому утверждению сделал противоречащее ему примечание: «В конечном счете, Я возникает из телесных ощущений, преимущественно тех, что рождаются на поверхности тела. Следовательно, Я может рассматриваться одновременно и как психическая поверхность психического аппарата»¹². Здесь Я отчетливо выступает как внешняя форма либо тела, либо психического аппарата. Видимо, говоря о телесности Я, Фрейд хотел подчеркнуть его реальность, а не иллюзорность, на чем настаивал, например, Д. Юм, отрицавший эмпирические основания причинности и субстанциональности Я. Аналогичным образом, А. Н. Леонтьев утверждал, что анализ деятельности и индивидуального сознания исходит из существования реального телесного субъекта. Хотя *вне* такого анализа субъект выступает лишь как некая абстрактная, психологически «не наполненная» целостность¹³, т. е. как пустота. Лакан также считал, что первоначально субъект — это никто. Затем он обрывает функциями (нынешние адепты субъектного подхода говорят о «сборке субъекта»), умножается путем раскрытия, развертывания различных *эго*. Наконец, субъект вообще упраздняется, разрушается как таковой. Субъект, преобразенный в поликефала, приобретает черты акефала, субъекта обезглавленного¹⁴.

О заполнении или одевании «голового» Я поговорим позже. Уподобление психики органам, организму и его тканям — не новость. В предыдущих параграфах уже шла об этом речь. Напомним, что ду-

¹¹ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер с франц. Н. С. Автономовой. СПб., 2010. С. 656.

¹² Там же. С. 664.

¹³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 157—158.

¹⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 239.

ховный организм строится из функциональных органов, обладающих биодинамической, чувственной, эмоциональной и социальной тканью. Примечательно, что Ухтомский говорил о функциональных органах и тканях как о виртуальной (а не телесной) реальности, подчеркивал, что они наблюдаемы лишь в исполнении. А Я наблюдаемо лишь в *проявлении*. И в этом смысле Я столь же реально, как и виртуальные функциональные органы, а вовсе не продукт нашего воображения, не «поразительно *устойчивая* иллюзия», как это утверждал Д. Юм¹⁵. Разумеется, актуализироваться, «выныривать» из виртуального пространства могут различные Я. Актуализироваться, «выныривать» из виртуального пространства могут различные Я. Разумеется, нужно согласиться с Лаканом, что собственное Я — это образ, являющийся воображаемой функцией и вместе с тем Я — это символ, и как таковой он участвует в психической жизни. Утверждение А. А. Ухтомского: Я — слуга и орган духа, много сильнее, точнее.

Итак, личность, а, соответственно, и Я, как ее инстанция (или ее конституент), в понимании Фрейда имеют собственную онтологию. Однако уподобление личности и Я функциональным органам заставляет задуматься над парадоксом, как уживаются постоянная необратимая динамика, развитие личности и Я, метаморфозы последнего и очевидная тождественность их самим себе, их внутреннее единство. И это при том, что человек никогда не равен самому себе. Мы, несмотря на кризисы, постоянно меняясь внешне и внутренне, сохраняем свою идентичность годами и десятилетиями. Чем больше мы меняемся, тем больше остаемся самими собой. Философы и психологи даже утверждали, что человек должен постоянно превосходить себя, чтобы оставаться самим собой. Как совместить необратимость, неповторимость с тождеством? Мы ведь, действительно, не можем совершенно одинаково совершить одно и то же движение, произвести одно и то же слово. При осуществлении самых элементарных актов неустраним разброс, обнаруженный Н. А. Бернштейном и его последователями. И. Бродский писал о гётевском мгновении:

*Ты не столь прекрасно,
Сколько ты неповторимо...*

¹⁵ См.: Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 27—35.

Указанный парадокс или проблема не новы. Их обсуждению посвящены недавние работы В. А. Петровского¹⁶ и В. Н. Поруса¹⁷. Ведь именно нерешенность (некоторые говорят — неразрешимость) парадокса необратимости изменений, с одной стороны, и единство и тождество меняющегося актора самому себе, с другой, служило и служит основанием для сомнений в реальности существования Я, а заодно и личности¹⁸.

Интересен опыт снятия этой проблемы Флоренским, который не сомневался в существовании личности (счастливый человек!) и в ее самоидентичности. Он переносит эту проблему в план обсуждения противоположности вещи и лица и самого понятия «тождества». «Вещь характеризуется через свое внешнее сходство, т. е. через единство суммы признаков, тогда как лицо имеет свой существенный характер в единстве внутреннем, т. е. в единстве деятельности само-построения, в том самом самоположении, о котором говорит Фихте. Следовательно, тождество вещей устанавливается через тождество понятий, а тождество личностей через единство само-построяющей или самополагающей деятельности»¹⁹. Тождество вещей, с точки зрения Флоренского, может быть родовым, генерическим, по роду, или видовым, специфическим, по виду, одним словом, признаком по тому или иному числу признаков, даже по всем признакам, но все же — не нумерическим, не числовым, не по числу. Вещь может быть лишь «такая же» или «не такая же», но никогда «та же» или «не та же». Напротив, о двух личностях нельзя говорить, что они «сходны», а лишь «та же» или «не та же»²⁰. Вспоминается мандельштамовское: *Не сравнивай: живущий несравним*. Согласно Флоренскому, только нумерическое или индивидуальное единство есть реальное единство. Этот тезис подкрепляется тем, что конкретная особь (индивид, личность) владеет творчеством,

¹⁶ Петровский В. А. Мыслью? — да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 12—26.

¹⁷ Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 27—35.

¹⁸ Лекторский В. А. Я // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 1184—1190.

¹⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 78.

²⁰ Там же. С. 79.

способна создать абсолютные, непредвиденные отношения, которые превышают всякое заранее составленное о ней понятие.

Близка к изложенному логика Г. Г. Шпета, писавшего, что для «того же» (по смыслу можно было бы написать «такого же») — «большой простор и всяческие правила в области “рода” и “вида”, но в области единичного только “то же нумерическое”»²¹. Постулируя существование числового, нумерического тождества, Флоренский признает, что попытки его определения ограничивались пояснением этого термина или указанием на то, что источник его идеи должно искать в само-тождестве сознания. При этом он ссылается на Аристотеля, описательно определявшего тождество как род единства в существовании независимо от того, идет ли дело о нескольких различных существах (бытиях), или об одном единственном, которое рассматривается, как несколько. Например, таким образом говорят, что единственное и одно и то же существо тождественно самому себе, и тогда рассматривают это существо как если бы оно было двумя существами вместо одного²². Проще говоря, если одно и то же существо рассматривать в разное время, то это и будет искомое единство, тождество личности. Флоренский решительно заключает, что нумерическое тождество есть глубочайшая и, можно сказать, единственная характеристика живой личности. Она противостоит ее признаку определению, смешению психофизиологических свойств и механизмов человека, которые хотя и в личности, — но — не личность. Столь же невозможно определить и нумерическое тождество, оно есть лишь символ, а не понятие²³.

Итак, что в остатке? Личность — символ. Нумерическое тождество — тоже символ. И совет Флоренского: оперировать этими символами, как словами, «как если бы» они в самом деле были знаками понятия. Против этого трудно возразить. Лучшее, что можно сделать, — держать это продуктивное противоречие (парадокс) в сознании. Или: вернуть в сознание, которое его породило, что, впрочем, одно и то же.

²¹ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 269.

²² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 81—82.

²³ Там же. С. 79.

Сходные проблемы, связанные с уникальностью, единственностью Я, возникали и перед психоанализом. Лакан ставит вопрос, насколько безоговорочно мы пользуемся понятием о типичных этапах *эго*, с его фазами, развитием и характеризующими это развитие нормами. Отвечая на него, автор пишет: «Надо признать, что при настоящем положении дел мы категорически не вправе вводить понятие о типичном, стилизованном развитии Я. Ведь тогда нужно было бы, чтобы любой механизм защиты, с которым связан некий симптом, уже по самой природе своей указывал бы нам, на каком этапе психического развития Я он фигурирует. Но, никакой таблицы — вроде тех, что составляются, и, пожалуй, слишком часто, для характеристики отношений инстинктуальных, — мы на сей счет представить не можем»²⁴. Над этим утверждением хорошо бы поразмыслить представителям возрастной психологии, нередко, злоупотребляющим стилизованными схемами, например, смены ведущей деятельности, этапами развития личности и пр. Поучительно также приводимое Лаканом высказывание Фрейда, что в анализе каждого конкретного случая вся аналитическая наука должна ставиться под сомнение. Аналогична рекомендация английского психоаналитика В. Биона — идти к пациенту без памяти и желания, т. е. без предвзятых схем и без самонадеянной установки на быстрый прогресс в терапии.

Вернемся к логике Флоренского. Для понимания самотождественности индивида, личности, Я он вводит время, т. е. добавляет к двум символам (личность и нумерическое тождество) третий — время (от мгновения до вечности), которое и символ, и *действующее лицо* (Л. Кэрролл). Обратимся к аргументам от поэзии. *Моя душа — мгновений след* (М. Цветаева). Видимо, не всяких, а особенных. *Меновенье длился этот миг, / Но он и вечность бы затмил; И дольше века длится день* (Б. Пастернак). В приведенных строках речь идет о живом, содержательном, психологическом, автобиографическом времени, в каждом миге которого присутствуют все три цвета времени, т. е. настоящее, прошедшее и будущее. В живом времени каждый миг представляет собой элементарную единицу вечности. Благодаря этому кванты и волны живого движения, пер-

²⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 235.

цепции, аффектов, независимо от того, доступны или недоступны они наблюдению актора, образуют доступное его самонаблюдению явление и, в конце концов, ощущение и переживание непрерывности его психической, сознательной и духовной жизни. Получаем и нарратив (рассказанное Я), в котором В. Н. Порус видит полномочного представителя Я и которому препоручена охрана моего тождества с самим собой²⁵. Такая охрана возможна, если нарратив, действительно, нарратив, а не грезы «Я-концепции».

К сказанному следует добавить утверждение Шпета о возможности *сжимания* в идею временной длительности каждой вещи. Тем самым образуются «единичные идеи», и каждая личность или Я вполне поддается такой трансформации в «идею». Поэтому, заключает Шпет, нет нелепости, наряду с реальным эмпирическим Я, ставить вопрос о его идее: «Идеальное я, как всякий предмет существенного рассмотрения, характеризуется констатированием “того же” в смене текущего и неустойчивого содержания. Тождество я, определяющее сущность эмпирического я, не является, следовательно, противоречивым понятием, но зато, наоборот, было бы противоречием поставить эмпирическое я вне смены времени и приписать ему “реальное тождество”»²⁶.

Таким образом, в устройстве нашей памяти заложена возможность построения прямой и обратной временной перспективы — в пределе — перспективы вечности, возможность построения собственного жизненного пути, траектории развития.

Обратимся к фрейдовской топологической структуре Оно, Я, Сверх-Я. Перед Фрейдом не стояла проблема реальности Я. Не стояла и проблема его самотождества. Его цель состояла в терапевтической модификации Я, для которой положение о его тождестве служило бы препятствием. Более сложен вопрос с единственностью каждого Я, а, соответственно, и с невозможностью его обобщения, на чем настаивал Г. Г. Шпет: «“Человек вообще” есть» прообраз человеческого “экземпляра”, но не “каждого” в его бесконечном разнообразии, — это уже вовсе не нумерическое толь-

²⁵ Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 30.

²⁶ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 270.

ко тождество»²⁷. С одной стороны, Фрейд и его коллеги, конечно, имели дело с единичными Я и проблема их единственности могла перед ними просто не возникать. С другой — Фрейд достаточно широко обобщал свои результаты, в том числе и относящиеся к проблематике Я. Будем рассматривать то, что есть.

Начнем с предположений Фрейда о свойствах и функциях Оно, которые вполне резонны, хотя и не бесспорны. Оно — это полюс влечений в личности и в то же время их бессубъектный хаос, имеющий свои истоки и заимствующий энергию в биологических потребностях. Оно постепенно расчленяется и на его основе образуются Я и Сверх-Я. Я — это представитель интересов личности в целом, и в этом своем качестве Я получает нарциссическую, либидинальную нагрузку. Лапланш и Понталис разъясняют: «Я должно рассматриваться как обширный резервуар либидо, устремляющийся оттуда к объектам: оно всегда готово вновь принять в себя либидо, когда оно отхлынет от объектов. Этот образ резервуара означает, что Я — это не просто место, через которое проходят энергетические нагрузки, но постоянное место их хранения, а также что сама форма Я конституируется этим энергетическим зарядом»²⁸. Видимо, для объяснения природы энергии Фрейд выделил в качестве первого свойства Я его телесность, связал энергию с биологическими потребностями и либидинальными устремлениями. В отличие от библейской последовательности энергия у Фрейда заземлена, она поднимается снизу, от тела, а не снисходит от духа к душе и от нее к телу. Сверх-Я — это не только результат расчленения Оно. Сверх-Я рассматривается как инстанция суда и критики, сложившаяся в результате интериоризации родительских требований и запретов и идентификации с образами Я других людей.

Фрейд не ограничился энергетической характеристикой Я. По образу собственной топологической (уровневой) системы сознания (сознание, предсознательное, бессознательное) он наделяет каждый из уровней топологической системы Я своими, правда, аморфными функциями и своей энергией. Оказывается, что система Я, как и другие психические системы, например, перцепции, внимания, памяти, мышления, обладает большим числом избы-

²⁷ Там же. С. 274.

²⁸ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 659.

точных степеней свободы. И для того, чтобы Я в нужный момент стало дееспособным, необходимо преодоление этого избытка, прежде всего хаоса Оно, и сохранение лишь тех степеней свободы, которые обеспечивают осуществление требуемого акта. Например, для осуществления разумного действия необходимо преодоление влечений и страстей Оно, защита интересов Я, преодоление, сопротивление, торможения, цензуры Сверх-Я. Тогда отпущенное на волю Я перестает (временно) быть держателем, собственником той или иной виртуальной совокупности действий, само становясь действием, актом: я весь — внимание, наблюдение; я весь — напряжение, воля. Или я весь — чувство, страсть:

<...> ибо я сам

Любовь. Ибо я сам — поверхность!

И. Бродский

В строках поэта отчетливо выражено, что Я — это, прежде всего, чувство (доверия, недоверия, любви, фрустрации и т. п.) близкое или даже сливающееся с чувством идентичности. Я может поместиться в больном зубе, как в тесном ботинке. Незадолго до кончины страдающий от болезни Фрейд писал Мари Бонапарт: Мой мир опять превратился в маленький островок боли, блуждающий в океане безразличия.

Нарисованная картинка — это, конечно, сильное упрощение. На деле же преодоление невероятно избыточных отношений Я к действительности (реальной, воображаемой, вымышленной) и трансформация их в действительные отношения (отношения в действительности) нередко представляют собой драму, а то и трагедию. Психоаналитики приводят примеры, когда Эго невротика остается беззащитным, с одной стороны, перед давлением беспощадного Ид, а, с другой — под давлением не менее беспощадного Супер-Эго²⁹. Автор пишет, что и то и другое давление образуют порочный круг и мешают полноценным контактам Эго с реальностью. По поводу Фрейдовской триады невольно вспоминаются лебедь, рак и щука И. А. Крылова.

²⁹ Стрэчи Дж. Характер психотерапевтической работы в психоанализе // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 88—89.

Сложность взаимоотношений Я с Оно и Сверх-Я приводит к неожиданному, на первый взгляд, вопросу: Свободно ли Я? Или: Свободна ли вся триада — Оно, Я и Сверх-Я? Другими словами, имеет ли Я отношение к свободе воли, к организации свободного действия, будь последнее поведенческим или ментальным? Подобная постановка вопроса не чужда психоанализу. Фрейд сравнивал модификации Эго с «вывихами или ограничениями подвижности». Но метапсихология этих модификаций так и не была создана³⁰. Такой же вопрос правомерно поставить и по отношению к личности, якобы слагающейся из трех взаимозависимых и ограниченных в свободе инстанций. Ведь свобода, по крайней мере, внутренняя есть синоним личности. Искусственность подобного решения ощущал Фрейд, оставивший личность вне или над топикой Я.

Какие бы упреки в недостаточной определенности свойств каждого из элементов триады Я и четкости распределения функций между ними не делались, она явно выигрывает в сравнении с бытующей в психологии триадой — субъект, индивид, личность. В последней элементы либо изолированы, либо неоправданно сливаются один с другим. В любом случае, их трудно представить как некую уровневую структуру. разве что поставить индивида в центре и прочертить от него путь вверх, к личности, и путь вниз, к субъекту-функции. Обратимся к вопросу, как уровневая структура Я связана с регуляцией поведения, деятельности, психики индивида?

Выше шла речь о том, что психические функции, согласно А. А. Ухтомскому, — это функциональные органы индивида или, согласно А. Бергсону, П. А. Флоренскому, Л. С. Выготскому, психологические орудия. Поэтому остается вопрос, кто их создает, строит, владеет ими, координирует их работу? Можно, конечно, согласиться с утверждением И. Г. Фихте, что человек создает себе органы души и сознанием назначенные. Однако психология (вместе с психоанализом) человека давно обездушила, да и место человека в ней заняли субъекты, индивиды, личности, многочисленные ипостаси Я, персоны и т. п. Поэтому наш вопрос: есть ли у семейства свободных систем хозяин, препятствующий хаосу и организующий порядок, остается в силе. У. Джеймс назвал лич-

³⁰ См. Айслер К. Р. Влияние структуры на развитие психоаналитической техники // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 179.

ность «хозяином» психических функций. З. Фрейд эту роль доверил сознанию. Он придал Я целый спектр различных функций: контроль за движением и восприятием, испытание реальности, предвосхищение, упорядочивание психических процессов во времени, рациональное мышление, и выделил такие разные свойства, как упорное непонимание, рационализация, навязчивая защита от влечений³¹. Тут же возникает новый вопрос: какое из многочисленных Я? Как мы помним, предложенная Фрейдом топика ограничивает свободу Я и снизу и сверху. Снизу — влечения, сверху — цензура. Но не только.

У самого Фрейда, как и у его последователей, помимо трехуровневой системы Я, встречается большое число его разнообразных персонификаций, носящих как эгоцентрический, центростремительный, так и центробежный характер, которые далеко не все распределены по уровням системы: «Я — идеальное», «Идеал — Я», «Я — либидо», «Я — наблюдатель», «Я — наблюдаемое», «Я — удовольствие», «Я — реальность», «Я — влечение», «Я — любовь», «Я — интерес», «Я — посредник», «Я — объект», «Я — нарцисс», «Я — энергия» и т. п. Следуя фрейдовской логике расчленения когда-то единого и устойчивого Я, можно множить Я и далее: «Я — творец, создатель», «Я — воля», «Я — действие», «Я — внимание», «Я — мышление», «Я — сознание». У Шпета: «Я — единство сознания» или «Я — единство переживаний». Все это есть результат расчленения Я и группа представлений о нем и о свойственных ему разнородных действиях, влечениях, переживаниях, что не удивительно, так как З. Фрейд подчеркивал то гетерономность Я, зависимость его от других психических инстанций и от внешнего мира, то говорил о его возможной автономии. Разумеется, перечисленные ипостаси Я существуют не одновременно. Отождествлению Я с чем-то, с кем-то сопутствует разотождествление, разочарование, смена предметов интереса, внимания, чувства. А. А. Ухтомский сказал бы, смена доминанты (не только Я, личности, но и души).

Итак, мы сталкиваемся с парадоксом, о котором частично упоминалось выше. Мы наивно думаем, что Я является хозяином нашей духовно-телесной организации. Однако всемогущество нашего Я оказывается в далеком прошлом, в младенчестве, да и то,

³¹ Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 661.

оно относится, скорее, не к Я, а к «прото-Я», к описанной Д. Винником омнипотентности младенца, порождающего ощущения Эдема (или Аида). Да и это всеислие — его иллюзия, впрочем, весьма полезная для дальнейшего развития. А на деле взрослое Я, по Фрейду, «слуга трех господ», подвергающийся опасностям с трех сторон — внешнего мира, либидинальных побуждений *Оно* и сурового *Сверх-Я*. И все же индивидуальному поднадзорному, подцензурному Я иногда удается защититься и преодолеть грозящие с разных сторон опасности и стать хозяином положения.

В. А. Шкуратов связывает все новые средства разделения и синтеза Я с фундаментальным антропологическим дуализмом души и тела, возникающим в исторической диссоциации человеческого существа³². С разделением Я дела обстоят более чем благополучно, а вот с синтезом — неважно. Автор, правда, ставит старый вопрос, как диссоциация личности связана с генезисом сознания? Ф. М. Достоевский ответил бы на него: через связанное с ней страдание. Как бы вторя ему, Л. С. Выготский утверждал, что единицей личности и сознания является переживание.

Сделаем предварительный вывод. Хотя Фрейд называл Я главной инстанцией личности и исключал его отождествление с внутренним миром субъекта в целом, при перечисленных множественных функциях и зависимостях Я его вряд ли можно представить хозяином семейства свободных систем, да и хозяином вообще: «Идеально — тут социальная тема, разрешению которой больше всего препятствий поставил именно субъективизм, так как вместо перехода к анализу смысла идеального я, идеального имрека, как создаваемого, он переходил к Я прописному, владыке, законодателю и собственнику всяческого сознания и всего создаваемого»³³. Дай Бог Я разобраться со своими двойниками. По сути, мы имеем дело с собранием, коллективом, парламентом Я (настоящим, в котором есть место для дискуссий). Значит, потенциально «государство Я» может иметь диалогическое, М. М. Бахтин сказал бы — полифоническое, как и сознание, устройство. Бу-

³² Шкуратов В. А. Протей, Психей и осел (к антропоисторике европейского Я) // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Самара, 2007. С. 181.

³³ Шпем Г. Г. Сознание и его собственник // Шпем Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 303.

дем ли мы рассматривать это множество как множество отдельных Я, или как «единомножие», полифонию и многослойность одного Я — это ничего не изменит. И в первом и во втором случае между разными Я или между уровнями одного Я едва ли возможна иерархия, скорее, гетерархия и гетерономия, которую подчеркивал Фрейд. Субъективно же мы отчетливо ощущаем согласие, дискуссию, борьбу (у некоторых с летальным исходом) между первым и вторым Я, причем победитель и побежденный меняются местами, и мы сами даже не всегда можем сообразить, какое Я первое, какое — второе. М. М. Бахтин говорит о втором Я как о *личности* или «человеке в человеке»: «“Человек в человеке” это не вещь, не безгласный объект, — это другой субъект, другое равноправное “я”, которое должно свободно раскрыть себя самого со стороны же видящего, понимающего, открывающего это другое “я”, т. е. человека в человеке. Требуется особый подход к нему — диалогический подход»³⁴. Возможна и «однойность», т. е. монологическое устройство, когда не с кем спорить. Такому одинокому Я все ясно без дискуссий. Вспоминается В. Маяковский: «*Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп*».

Бессознательно ли творчество?

Попробуем еще раз обратиться к весьма существенному вопросу о происхождении Я и его топике. Может быть, нам удастся найти другую кандидатуру на роль хозяина, координатора семейства свободных систем. Или, по крайней мере, на роль исполнителя, возможно, преобразователя их работы. Ведь в конце концов мыслит не мышление, запоминает не память, действует не действие. Психологи обычно говорят, что все это делает человек, тем самым обесценивая собственную работу, а также работу философов, психоаналитиков и др. по бесконечной дифференциации человеческих функций на субъектные, индивидуальные, личностные, функции Я, персоны и т. д.

Вопрос о происхождении Я не был обойден психоаналитиками. Вначале Фрейд шел к Я как бы «снизу». Оно старше Я. Я развилось

³⁴ Бахтин М. М. Достоевский. 1961 год // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 365.

из него наподобие коркового слоя под влиянием внешнего мира. Позднее, внутри Я отграничивается особая область — область Сверх-Я. Затем Фрейд признал, что Я — это не результат постепенной дифференциации психики. Для возникновения Я требуется новое психическое действие. Я — это и не порождение Оно, не просто результат его расщепления с последующей автономизацией. Цитированные выше Лапланш и Понталис пишут: «Я — это не столько аппарат, сложившийся на основе системы Восприятие — Сознание, сколько внутреннее образование, порожденное рядом особенно значимых восприятий — только не внешнего мира в целом, но мира межсубъектных отношений»³⁵. Становление Я не происходит автоматически. Психоаналитики описывают особые психические операции, посредством которых черты, образы, формы Я заимствуются у другого человека. Это (Само) идентификация, интроекция, нарциссизм, «хороший» объект — «плохой» и т. д. Наиболее подробно изучена специфика идентификации, порождающая в Я глубокие изменения, превращая его во внутрисубъектный остаток межсубъектных отношений³⁶. Между прочим, это такой «остаток», который может заполнить все «пространство» (воспользуясь термином фрейдовской топологии) Я. Подлинное Я — это, скорее, избыток межсубъектных отношений: собственный вклад Я в становление собственного Я (простите за полезную для понимания тавтологию). Нам важно подчеркнуть, что психоаналитики преодолевают фрейдовский натурализм и вносят вклад в понимание живого пространства *Между*, в котором происходят главные события человеческой жизни.

Таким образом, психоаналитики нащупывают свои пути «сверху», которые уже продумывались и прочерчивались философами и психологами. Напомню, что писал М. Бубер: в плоскости Я — Ты образуется «тонкое пространство личного Я, которое требует наполнения другим Я». Бубер присоединяется к классическому сюжету, в соответствии с которым жизнь человека повторяет бытие мирового целого в качестве человеческого становления. Не прошел Бубер мимо мира «Оно», однако он противопоставлял ему мир «Ты», а не Я. Хотя человек не может жить без «Оно», тот,

³⁵ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 664.

³⁶ Там же. С. 659.

кто живет лишь «Оно», — не человек, утверждал Бубер. Сходные мысли звучали и у Г. Г. Шпета: «Само я, как единство множества других “единств сознания”, есть коллектив и собрание»³⁷. В логике Д. Б. Эльконина Я — Ты первоначально выступает как совокупное Я, являющееся агентом, актором «совокупного действия», «слиянного общения» (термины Шпета). В этой логике Я автономизируется не от Оно, а от совокупного Я. Прислушаемся к Шпету, отвечавшему солипсисту Каспару Шмиту, представлявшему мир «за нечто *мое*, мою собственность»: «Если я пожелает укрепить за собою права собственности, захочет указать своих наследников и найти своих предков, указать свою мать и детей: если захочет найти самого себя и назвать свое имя, захочет найти себе место в среде своей же собственности, ему не обойтись без обращения на “ты” и без признания “мы”»³⁸.

Если же принять положение о том, что Я берет начало от совокупного Я, то неминуемо возникает вопрос, зачем нужно в структуре Я Оно? Общеизвестно высказывание Фрейда: «Где было *Оно*, там должно стать *Я*». Ведь мы ведем внутренний разговор, иногда ссору не с Оно, а со своим вторым Я. В таком разговоре, споре не поможет и Сверх-Я. Если последнее будет присутствовать, то и разговор окажется праздным, Я не сможет от него защититься и подчинится авторитету Сверх-Я. Подобное возможно, когда в качестве Сверх-Я выступит авторитетный Другой, хотя он, конечно, не всемогущ. Казалось бы схема или структура «Я — второе Я», подробно рассмотренная Ф. Д. Горбовым³⁹, самодостаточна. Она подлинно культурно-исторична, а не натуралистична. Напомню «антинатуралистический протест» Б. Пастернака: «А что вы такое? <...> Чем вы себя помните, какую часть сознавали из своего состава? Свои почки, печень, сосуды? Сколько ни припомните, вы всегда заставляли себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, в семье, в других <...> Человек в других людях есть душа человека <...> В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это буде-

³⁷ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 306.

³⁸ Там же. С. 304.

³⁹ Горбов Ф. Д. Я — второе Я. Москва; Воронеж, 2000.

те вы, вошедшая в состав будущего»⁴⁰. Если слово «вы» заменить на слово «Я», то это и будет культурно-историческая психология Я, которую афористически очертил Вяч. Иванов:

Друг друга отражают зеркала
Взаимно умножая отраженья.

Возвращаясь к вопросу, зачем Оно, ответим, что Оно нужно не только психоанализу и его практике, Оно необходимо и в концептуальном аппарате психологии, не только в психоаналитическом, но и более широком собственно психологическом значении и смысле. Использование методов микроструктурного и микродинамического анализа при изучении исполнительных актов (построение движений, формирование двигательных навыков) и при изучении ментальных актов (формирования и опознания образов, внимания, кратковременной памяти), показало, что мы имеем дело с категориями (времени, пространства, уровней, их иерархии, гетерархии, целого и т. п.), размеренность которых не совпадает с размерностью актов *сознательной* координации соответствующих процессов, репрезентированных в блоковых моделях, на которые столь щедры когнитивная психология и психология действия.

Проблема размерности возникает не только в экспериментальной психологии, но и при анализе ситуаций, возникающих в реальной жизни. Например, по отзывам опытных пилотов и специалистов, выясняющих причины авиационных катастроф, в сложных условиях полета человек оказывается как бы вне времени, и именно это дает шанс на спасение (имеется в виду время сознательно контролируемых решений и действий). Но где же это спасение происходит? Или в подобных случаях мы должны допустить, как минимум, двойной отсчет времени: реального, ситуативного (физического) времени и времени, протекающего в пространстве деятельности, а не объектов. Его можно было бы назвать надситуативным. При этом обе оси времени должны быть точно скоординированы — но кем? Есть ли у этого акта координации субъект? Видимым условием здесь является как раз потеря субъектом контроля над собой (выключение собственного Я из ситуации

⁴⁰ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М., 2008. С. 75.

и, следовательно, не только времени объектов, но и времени субъектов). Таким образом, мы оказываемся здесь перед лицом свободного действия или свободного явления. Как говорили древние, свободный человек не делает ошибок. А что делать психологии и психологам? В каких научных терминах и понятиях описывать подобные явления, нейтрализовав при этом почти обязательную для обыденного человеческого языка манию персонификаций. Это не могут быть понятия, описывающие работу Я (ни Я испытуемого, ни Я наблюдателя, исследователя). Скорее, это оно работает, а не Я. Пишем «оно» со строчной буквы, чтобы не смешивать его с Оно в психоаналитическом значении и смысле. Язык не поворачивается назвать такую работу бессознательной. Разумеется, когда мы говорим о языке описания, то имеем в виду не только приведенный выше достаточно экзотический пример, связанный с летной деятельностью. Л. Витгенштейн утверждал, что «так же как никакой физический глаз не вовлечен в факт смотрения, так и никакое это не вовлечено в факт мышления или зубной боли». Он цитирует Лихтенберга, который заявил: «вместо того, чтобы говорить *Ich denke* (“Я мыслю”), нужно говорить *Es denkt* (“оно мыслит”), где *es*, “оно” следует использовать так же, как в словосочетании *es blitzt*, “сверкает”. Это самое *es* неизбежно напоминает фрейдовское *das Es* (“Оно”): несубъективный субъект бессознательного»⁴¹. Итак, мы приходим к весьма «оптимистическому» заключению. Есть акты, называемые к тому же высшими психическими функциями, в которых не принимают участия ни Я, ни субъект, ни сознание, ни личность. И это не единичные акты. В детской, педагогической, инженерной, экспериментальной психологии изучено множество исполнительных и ментальных актов, которые как бы самоустраиваются и саморазвиваются без видимого участия Я и сознания. Что касается субъекта, то психологи, вслед за философами, «вчитывают» в подобные акты «метафизического субъекта».

В ходе затянувшихся отступлений, казалось бы, ушла в тень проблема хозяина семейства свободных систем. На самом деле, она еще больше усложнилась, поскольку была дополнена тайнами свободного действия в экстремальных ситуациях, поступка, творческого акта, проблемой simultaneity психических актов. С

⁴¹ См.: Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С. 61—62.

одной стороны, что-то мешает признать все эти в высшей степени продуктивные акты бессубъектными и бессознательными. Да и сам Фрейд в своих эссе о художниках интересовался и реконструировал не только их бессознательную основу. Сальвадору Дали он прямо говорил, что в произведениях реалистов он ищет бессознательное, а в произведениях сюрреалистов — сознание. Что уж говорить об искусствоведах, литературоведах и психологах, размышляющих об искусстве и пытающихся проникнуть в сознание их авторов, исследовать их личность, как минимум, биографию.

Продуктивные акты заслуживают не только отрицательной характеристики, но и положительной, намеки на которую были сделаны выше. Попытаюсь выразить это яснее, воспользовавшись эвристически полезной, хотя и не слишком определенной логикой взаимоотношений двух топологических систем. Рассмотрим два утверждения Фрейда: 1) где было Оно, там должно быть Я; 2) бессознательное там, где было сознание. Если, сопоставив эти утверждения, задать не слишком оригинальный вопрос, что раньше, а что позже, то окажется, что первично порождающее бессознательное сознание, которое само рождается в пространстве *Между Я — Ты*, т. е. первичен духовный слой сознания⁴². Это соответствует и положению Ж. Лакана о том, что бессознательное имеется лишь у существ, обладающих сознанием. Мы помним, что Фрейд, пытаясь слить обе топологические системы в одну, отождествлял бессознательное и Оно. Последнее в итоге расчленения порождает Я, ядром которого становится сознание. Однако на этом метаморфозы не оканчиваются. Обладаящее сознанием Я занимает место Оно. Как минимум, проникает в него, делится с ним своим избытком, как художник делится с нами своим избытком видения (М. М. Бахтин). Что касается Сверх-Я, то сознание проникает в него снизу от Я и со стороны — от Ты, от Другого. Наконец, все три инстанции — Оно, Я и Сверх-Я прорастают в личность, а возможно, в соответствии с логикой Фрейда конституируют ее. Значит, всем трем инстанциям не чужды как сознание, так и бессознательное. Да и Оно оказывается не таким уж бессубъектным.

Однако можно усомниться в том, верно ли поставлен вопрос о хозяине, координаторе семейства свободных систем? Или, другими словами, об эффективности управляющей вертикали? А. А. Ухтом-

⁴² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

ский в свое время не без иронии писал, что судьба реакции (т. е. поведенческого или другого акта) решается не на станции отправления, а на станции назначения. Едва ли поезд целесообразно отправлять на пятый путь, если их всего четыре. Необходимо знание, сознание, разговор, дискуссия. А между тем у Фрейда остается неясным взаимодействие двух топологических структур — сознания и Я. С одной стороны, он характеризовал сознание не как независимую систему, а как «ядро Я». К Я переходят и функции предсознания, элементы которого обнаруживаются даже в Сверх-Я. Однако, с другой стороны, Фрейд настаивал на том, что Я ведет себя как вытесненная, т. е. преимущественно бессознательная инстанция — и для его осознания требуется специальная работа. Думаю, что это противоречие относится к продуктивным, в нем интересно и важно то, что Я, сохраняющее сознание, вытесняется в Оно. Обе топологические структуры — структура Я и структура сознания, как минимум, взаимодействуют и даже проникают одна в другую. Однако создание на их основе единой структуры у Фрейда не получилось. Возможная причина неудачи состоит в том, что Фрейд не выделил некоторого критерия, по которому сознание можно было бы отличить от других психических процессов. Он даже представил Восприятие-Сознание как единую систему, хотя в других случаях он ставил сознание над психикой. Со своей стороны Лакан сожалел о том, что наш печальный социальный опыт не позволяет ставить проблему «восприятие — сознание» в центр Я и рассматривать это последнее как организованное «принципом реальности».

Согласимся с распространенной точкой зрения, что самым общим и важнейшим свойством сознания является рефлексия. Если это действительно так, то рефлексия должна быть свойственна всему сознанию, включающему предсознание и бессознательное. Выше говорилось, что вездесущее бессознательное пронизывает не только Оно, но и всю топику Я. Если верить Лакану, то бессознательное имеет онтологический смысл и является «ядром нашего бытия», и в то же время, бессознательное — случайно (лучше — спонтанно) и стоит у каждого из нас за спиной.

Не ясно, сознательно или бессознательно (возможно, во сне) исследователи локализовали в бессознательном творческие акты, симультанные целостности гештальта и многое другое. Конечно, можно согласиться с тем, что сновидение — это «царский путь» к

бессознательному, но из этого автоматически вовсе не следует, что бессознательное — это «царский путь» к творчеству. Слишком много ухабов на этом пути и каждый из них требует внимания, осознания, рефлексии. Мы давно и хорошо усвоили, что вне интуиции (интеллектуальной, чувственной, интеллектуальной, хорошо бы и интуиции совести) невозможно никакое мышление и никакое творчество. Но то же самое нужно сказать и о рефлексии, будь она осознаваемой или неосознаваемой. Характеризуя литературное творчество, Г. Г. Шпет писал: «Начиная с момента выбора сюжета и до последнего момента творческой работы, стилизующая фантазия действует спонтанно, однако, каждый шаг здесь есть вместе и рефлексия, раскрывающая формальные и идеальные законы, методы, внутренние формы и пр. усвоенного образца»⁴³. Рефлексию в контексте спонтанного, но не случайного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент, подобный мандельштамовской семантической удовлетворенности, равной чувству исполненного приказа.

Слово «бессознательное» настолько впиталось в культуру (или культура впитала его в себя), что исследователи, столкнувшись с явно неосознаваемыми формами рефлексии (заглядыванием внутрь самого себя), стали расширять само понятие «рефлексия», называя ее быстрой или фоновой. В противном случае им пришлось бы вводить понятия «сознательного бессознательного» и «бессознательного сознательного». Проведенные в последние десятилетия исследования показали, что в предметном действии, равно как и в других актах, в которых «растворилось» Я, присутствует неосознаваемая фоновая рефлексия⁴⁴. В. А. Лефевр писал о быстрой и тоже неосознаваемой рефлексии в умственных действиях⁴⁵. А. М. Пятигорский ввел понятие «рефлексии без Я»⁴⁶. Хотя Пятигорский понятие

⁴³ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 497.

⁴⁴ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26—41.

⁴⁵ Лефевр В. А., Вебер Д. А. Функция быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлективные процессы и управление. 2001. 31. С. 34—46.

⁴⁶ Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Riga, 2002.

«рефлексия» (прочтем его как «рефлекс—и—Я») лишил Я, назвав «рефлексом Z», это не рефлекс в павловском смысле слова. Можно предположить, что Я не просто растворяется в перечисленных выше актах (Я весь...), а становится их внутренней формой, оставаясь при этом носителем сознания, сохраняет его в качестве своего ядра. Однако, это такое ядро, которое не проще атомного, оно ведь может взрываться поступком. Над его структурой многие годы работают психологи и психоаналитики. Какова бы ни была его структура, важно подчеркнуть, что индивидуальное сознание может рассматриваться как внутренняя форма Я. Если это предположение справедливо, то мощное воздействие на поведение, деятельность оказывает не бессознательное Я, а Я, обладающее сознанием. Но ведь и Я не только может быть, а является предметом сознания.

Сказанное не должно удивлять. Мы ведь далеко не всегда осознаем, что внутренней формой слова являются образ и действие; внутренней формой действия являются образ и слово; наконец, внутренней формой образа являются действие и слово. Без своих внутренних форм полое слово — всего лишь слово, звук пустой. Речь идет о расширении наших представлений о внутренних формах. Трудно сказать, существуют ли они рядоположно, или они вписаны одна в другую и имеют «матрешечное» строение. Встречаются оба варианта. Например, в версии Фрейда структура личности в качестве подструктур включает в свой состав все три «инстанции»: Оно, Я и Сверх-Я. В этой же структуре вычлняются более дробные образования, что создает в ней условия не только для межсистемных, но и для внутрисистемных отношений и напряжений. Подобные подструктуры и дробные образования иногда называют субличностью внутри личности. Лапланш и Понталис пишут, что рассматриваемая структура личности пронизана антропоморфизмом: внутрисубъектная область мыслится по образцу межличностных отношений, а системы предстают как относительно независимые субличности внутри личности. Например, говорится, что Сверх-Я по-садистски относится к Я⁴⁷. Примем условно спорный тезис о том, что структура личности исчерпывается подструктурами Я или субличностью и продолжим обсуждение.

За структурой личности и составляющими ее подструктурами Я следует сознание, являющееся ядром Я, и представленное также

⁴⁷ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 588.

в Оно и в Сверх-Я. Это ядро само по себе неоднородно, оно состоит из светлой и темной «материи» (ткани), а также из промежуточного пространства (предсознания), являющегося посредником (согласно В. Биону — контактным барьером) между этими двумя видами ткани. Под всеми этими структурными образованиями находится рассмотренное выше семейство систем, степени свободы которых нуждаются в укрощении. Следуя антропоморфической метафоре, можно продолжить размышления (фантазии) Фрейда. То ли личность, то ли Я, то ли сознание или все вместе, становясь бессознательными, тем не менее, продолжают вплетаться в ткань всей психической системы (семейство свободных систем) или ее отдельных подсистем и «личным примером» организуют, координируют их (ее) систему. В логике Фрейда Я вписывается в восприятие, внимание, в действие. Об этом же говорят широко используемые Фрейдом термины: «интериоризация», «интроспекция», «интеллектуализация», как будто взятые им из тезауруса культурно-исторической психологии⁴⁸. Например, парадоксальное обладающее сознанием бессознательное Я «разряжается» (или «разражается») поступком. М. К. Мамардашвили несомненно был прав, говоря, что проблема бессознательного есть прежде всего проблема сознания. Бессознательное там, где было сознание, говорил Фрейд. В лингвоцентрической концепции Ж. Лакана бессознательное говорит, зависит от языка и бывает только у существа говорящего. Бессознательное — это дискурс другого: «Но дискурс другого — это не дискурс абстрактного другого, другого члена двоицы со мною связанного или даже мною поработанного, это дискурс контура цепи, в который я оказался включенным»⁴⁹. Бессознательное кто-то выслушивает. У бессознательного есть субъект, он выступает в метафизическом облике. Бессознательное структурировано как язык, хотя оно и вне-существует дискурсу, порой в облике субъекта-акефала, представляющего собой бессознательное, является его условием. Его многочисленные переплетения с языком, речью, говорением убеждают в том, что оно не только поро-

⁴⁸ Фрейд говорил и об исторической обусловленности психических актов. Психоанализ поддается культурно-исторической интерпретации, многие его идеи опередили культурно-историческую психологию и обогащают ее.

⁴⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 131.

дено сознанием, но в сознание и возвращается. Поэтому многие философы и психологи не от хорошей жизни говорят о едином континууме бытия—сознания, размышляют об уровнях строения сознания, игнорируя понятие «бессознательного».

Резюмируем попытку перевода взаимоотношений топологических структур Фрейда на язык внешних и внутренних форм Гумбольдта и Шпета. (Это не более чем попытка понимания, а не претензия на критику психоанализа, и на поучение психоаналитиков.) Если мы будем рассматривать личность как внешнюю форму, то ее внутренними формами окажутся взаимодействующие друг с другом Оно, Я, Сверх-Я. Если же рассматривать Оно как внешнюю форму, породившую Я, а затем принявшую его в свое лоно (а не просто вытесненную или уступившую ему свое место), то Я окажется его внутренней формой, содержащей, в свою очередь, в качестве своей внутренней, пусть трижды трансформированное, сознание. В логике Фрейда возможен и другой вариант: когда Я, занимая место Оно, поглощает его и делает своей внутренней формой. В любом случае, мы можем говорить о гетерогенности внешних и внутренних форм, о том, что различия между ними весьма относительны. Эволюции Я из Оно, Я в Оно или Оно в Я говорят об обратимости внешних и внутренних форм.

Все это длинное рассуждение понадобилось для того, чтобы обогатить понятие Оно и «выдвинуть» его на роль хозяина, координатора семейства свободных систем и одновременно с этим представить Оно как психически-субъективное поле, пространство, место, где совершаются акты творчества. Такое место называлось плавильным тиглем, громокипящим кубком, котлом когито, где переплавляются внутренние формы образов, слов, действий, аффектов (*сop, из которого растут стихи*). Это, так сказать, когнитивистская метафора творчества. Фрейд также использовал метафору котла, в котором кипят бессознательные импульсы либидо и танатоса. Смешаем содержимое обоих котлов и по рецепту алхимиков добавим несколько унций злости или любви. Однако, ковкости и способности к химическим превращениям внутри замкнутого пространства недостаточно. У этого волшебного котла стенки должны обладать свойством двусторонней проницаемой мембраны и служить контактными барьером, обеспечивающим взаимодействие со средой. В результате могут выплавиться чистейшие поэтические, музыкальные, живописные или другие формы.

При подобной, расширенной трактовке Оно неосознаваемые акты творчества, поступки и пр. приобретают свойства субъектности и сознательности. Оно перестает быть лишь «черной дырой», источником энергии и становится интеллигибельной материей, воплощаемой в невербальном внутреннем слове (М. К. Мамардашвили), содержанием которого является личностный смысл и замысел. Последние нередко открываются творцу лишь по мере их реализации, когда дышит почва и судьба. Но и здесь интуитивные акты прозрения не остаются «беспризорными». В них вплетена «неосознаваемая рефлексия». Без санкции последней невозможны ощущения верности инсайта, оценки адекватности того или иного приема и т. п.

Все изложенное выше следует воспринимать не более чем мысленный эксперимент, в котором предметом изучения (испытания) были таинственные явления человеческой психики, обозначаемые и обобщаемые словом «симультианность». Считается, что она, по видимости, а скорее, — невидимости — эквивалентна бессознательности и бессубъектности. «Экспериментальной площадкой» для ее анализа служили предложенные (сконструированные) Фрейдом две топологические структуры: топика Я, и топика Сознания. Для языковых игр с ними, вместо расплывчатых понятий внешнего и внутреннего, были привлечены понятия внешней и внутренней формы. Это позволило придти к утешительному заключению, что Оно в качестве своей внутренней (латентной, скрытой) формы содержит в себе Я, а последнее, в свою очередь, содержит в себе в качестве ядра сознание. Таким образом, симультиантные акты не столь уж безнадзорны и непризорны, как кажется на первый взгляд. Однако, правила хорошего (научного) тона требуют проведения контрольного эксперимента.

Воспользуемся для проверки полученного результата другой уровневой структурой Я, предложенной П. Адо, который выделил три уровня «плюс один»: «Три уровня, это прежде всего уровень чувственного сознания, где “Я” ведет себя, как если бы оно совпадало с телом, (хорошо бы здесь тоже добавить: с *мыслящим* телом — *Авт.*); потом уровень рационального сознания, где “Я” осознает самого себя как душу и как дискурсивное размышление; и наконец, уровень духовного сознания, на котором “Я” открывает, что, в конечном счете, оно всегда было бессознательно Умом или Интеллектом, и

таким образом, превосходит рациональное сознание, чтобы достичь некоторого рода духовной и интуитивной ясности ума без речи и без размышления. Этот уровень Плотин, и особенно его ученик Порфирий рассматривают как настоящее «Я»⁵⁰. Обратим внимание на то, что П. Адо, в отличие от З. Фрейда, по сути, отождествил уровни развития Я и уровни развития Сознания. Примечательно также то, что на третьем уровне ясность ума достигается без речи и размышления, это близко к тому, что в психологии относится к симультанным актам. Наконец, на этом высшем уровне Я открывает, что оно бессознательно. Это забавный парадокс: ведь бессознательность самого себя открывает сознательное Я. Не похоже ли это на Оно у Фрейда, на которого, впрочем, Адо не ссылается?

Последуем за автором дальше. Уровень, который он назвал «плюс один» — это мистический опыт Единого, в котором настоящее «Я» превосходит свою идентификацию с Умом и достигает абсолютно-единства и простоты; оно переживает вместе с Умом состояние неопределенности и неконечности, опьянения, в котором, согласно Плотину, находится Ум в момент его зарождения от Единого. Таким образом, «Я» превосходит самого себя и преобразуется: оно растягивается в бесконечном⁵¹. Не станем углубляться в этот редкий и исключительный мистический опыт. Здесь важно, что Адо говорит, что настоящее «Я» является «Я» идеальным, что сущность человека составляет что-то, что его превосходит. И, наконец, «настоящее «Я» находится одновременно внутри и снаружи; это непрерывный поиск, поиск лучшей части себя самого, и он является превосхождением себя, а также признанием того факта, что часть нас самих и есть наше настоящее «Я»⁵². Понятое таким образом настоящее «Я» уже неотличимо от личности в ее трактовке П. А. Флоренским, Г. Г. Шпетом, А. Ф. Лосевым и другими русскими философами. М. К. Мамардашвили об этом же говорил по-своему: человек должен постоянно превосходить себя, чтобы оставаться самим собой.

Итак, контрольная проверка, осуществленная на другой «экспериментальной площадке» дала новые аргументы в пользу участия Я, Сознания, возможно, Личности в организации и регуляции

⁵⁰ Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном. М.; СПб., 2005. С. 137.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 138.

свободных действий, инсайтов, поступков, симультанных актов. В основе перечисленных и им подобных актов лежат не инстинкты, не рефлексы, не бессубъектное бессознательное и даже не фрейдское «первозданное» Оно. (Чтобы его сохранить, с ним надо поиграть, реинтерпретировать, возможно, в том духе, в каком это сделано выше.) Их основанием является понимание, свойственное человеку как представителю человеческого рода. О понимании, как о начале и необходимом условии человеческого развития, в разное время, хотя и по-своему, но одинаково убедительно, писали бл. Августин, Г. Г. Шпет, М. Хайдеггер. В. В. Бибихин писал, что на первых этапах развития у ребенка наблюдается «понимание без понимания». Не имеем ли мы дело в случае симультанных актов с «сознанием без сознания»? Полученный дар понимания совершенствуется всю жизнь: *Все может надоесть, кроме понимания* (Вергилий). Возможно, с учетом этого замечания о понимании⁵³ читателю легче будет принять наше прикосновение к тайнам симультанности, его «объективной живой субъективности» и сознательности.

Здесь самое время сделать решающий ход. В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили писали о том, что исследователям трудно преодолеть манию персонификации, которой не чужды и сами творцы, ссылающиеся, правда, не на собственное Я, а на Музу, Донну, Лауру, Беатриче, как на источники душевных порывов и вдохновения. Не освободились от нее и авторы, когда писали о творческих актах, что это не Я, а оно работает. При этом имелось в виду не фрейдское Оно, а нечто другое. Что же это за нечто, пребывающее в нашем «доме творчества»? не является ли оно все же нашим вмняемым сознанием — сознанием, которое ведает, что творит его носитель. Средством такого ведения должна быть рефлексия в ее осознаваемых и неосознаваемых (фоновых) формах, протекающая как при участии, так и без участия Я. В первом случае Я оказывается осознаваемой внутренней формой самосознания. Во втором случае Я оказывается неосознаваемой внутренней формой сознания, хотя и здесь при определенных условиях оно может быть объективировано и даже стать внешней формой, содержащей сознание в качестве своего ядра. Другими словами, по отношению к единому континууму бытия-сознания Я может, вы-

⁵³ См.: Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

ражаясь термином Фрейда, быть экзистенциальной, рефлексивной или духовной *инстанцией*. Лакан также говорит о Я, как о реальной, воображаемой и символической инстанции.

Читатель, наверное, догадался, что поставленная в статье «проблема хозяина» свободных систем это просто литературный прием. Кроме несотворенной, есть сотворенная свобода, представляющая собой тяжкий труд, совершающийся постоянно. В ее создании и длении участвуют и Я, и сознание, и личность. Разумеется, личность представляет собой социально-историческую, а не телесную реальность. Впрочем, как и Я, которое, согласно А. А. Ухтомскому, слуга и орган духа, эта реальность не может быть лишь результатом сложения инстанций Я. Личность — это, конечно, верховный синтез поведения и деятельности, а не надсмотрщик за ними, Я или сознанием. У нее много своих обязанностей, проблем и забот. Первейшая из них — творчество, которое, согласно Г. Г. Шпету, абсолютно лично.

Выше, скорее, в подтексте, чем в тексте, сквозила интенция сопоставления психологических подходов к личности и психоаналитических подходов к Я. Сделаем по этому поводу два общих замечания. 1. В психологии мы имеем дело с личностью (с личностью ли?) без Я. В психоанализе мы имеем дело с Я, но без личности. 2. И психологи, и психоаналитики склонны редуцировать Я к индивиду, к субъекту, к репрезентанту, к организму. Фрейду это простительно, он занимался психопатологией обыденной жизни и не претендовал на создание языка психологии, ограничившись «Наброском научной психологии» (1895). Психологов же как будто волнует зона (перспектива) ближайшего и более отдаленного развития человека и они должны были бы вырываться за пределы обыденности и не забывать о пути «сверху» (от духосферы) или «наверх» (по духовной вертикали).

Что же мы получаем в итоге? Результат оказывается в пользу психоанализа. Практика заглядывания внутрь самого себя, которой (вслед за поэзией) учит психоанализ, существенно лучше, чем практика формирования, тестирования, манипулирования личностью. Первый случай назовем избыточным, а второй, вслед за В. А. Петровским, — убыточным. И все же закончим на оптимистической ноте. Вопреки психологии и психоанализу встречаются полноценные личности, обладающие не расчлененным, а цельным Я. И если земля еще вертится, то исключительно благодаря тому, что они есть.

Глава 9 Понимание как философско-методологическая проблема психологии

Самое непонятное в этом мире, что он понятен!

А. Эйнштейн

Что означает понимание? В целом ясно, хотя и не очень понятно, что понимание является условием и результатом приобретения знания. Можно спорить, что представляет собой большую ценность образования: знание *или* понимание? Знания забываются, выветриваются, а понимание остается. Есть люди, которые много знают, но мало понимают, есть люди, которые мало знают и многое понимают. Понимание не следует смешивать со здравым смыслом. Последний, по замечанию Г. Г. Шпета, — все знает, но не все понимает. Он понимает лишь то, что здраво.

По мере «сжимания» человеческого мира, все больше опутываемого различными сетями (культурными, информационными, транспортными, финансовыми, военными, криминальными, промышленными и другими, которые уже трудноразличимы), значение взаимопонимания возрастает. Оно становится необходимой предпосылкой глобального выживания человечества, оставаясь при этом загадкой и тайной. Легче разгадать понимаемое, чем понимание. В 1925 г. М. Вертгеймер писал: «Кто не переживал того, что обозначается словами “ученик понимает”? Кто не переживал сам, как протекает такое “понимание”, когда человеку впервые открывается какая-нибудь математическая или физическая зависимость? Справимся же, что говорят по этому вопросу психология, учебники педагогики и педагогической психологии. Я рекомендую вам, действительно, проделать это и именно с такой точки зрения. Вы ужаснетесь бедности, сухости, нежизненности и совершенной несущественности того, что там говорится»¹.

Сегодня ситуация мало изменилась. За помощью приходится обращаться к философии, герменевтике, культурологии, поэтому нельзя обещать, что текст о понимании будет легким для понимания.

¹ Цит. по: *Теллов Б. М.* Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 220.

Не претендуя на разгадку тайны понимания, тем более постижения, начнем разбираться в ней со специального случая — понимания и усвоения знаний, уже выраженных, например на вербальном языке (лекция, письменный текст и т. п.). Здесь происходит перевод вербальных (знаково-символических) значений на язык смысла. Эта процедура носит название осмысления значений. Когда требуется передать осмысленное знание собеседнику, экзаменатору, партнеру по совместной (совокупной) деятельности, происходит обратная процедура — означивания смысла. Другими словами, место мира-текста может занимать партнер, книга, собственное Я и т. п. Важно, как мы уже говорили ранее, что есть два противоположно направленных процесса: означение смысла \pm осмысление значения. Л. С. Выготский выражал это до удивления просто: «Говорение требует перехода из внутреннего плана во внешний, а понимание предполагает обратное движение — от внешнего плана речи к внутреннему»².

Все это можно назвать работой понимания. Понимание — это очень широкое понятие, не имеющее строго фиксированного содержания и объема. Оно нередко отождествляется с познанием, в том числе и с его высшими формами — постижением и творчеством. Укажем на некоторые наиболее важные значения слова «понимание».

1. Способность осмысливать, постигать содержание, значение, смысл чего-нибудь.

2. То или иное толкование чего-либо (текста, поведения, сновидений и т. д.). В этом смысле возможно правильное и неправильное, глубокое и поверхностное, полное и неполное понимание.

3. Когнитивный процесс постижения содержания, смысла; этот процесс может быть успешным или безуспешным, самостоятельным или несамостоятельным, быстрым или медленным, произвольным и осознанным или же непроизвольным и интуитивным.

Основоположник одного из направлений в психологии — понимающей психологии и культурологической школы «истории духа» — В. Дильтей рассматривал понимание как особый процесс и метод познания. Противопоставляя понимание как метод познания в науках о духе методам познания в науках о природе, он дал чисто семантическую трактовку понимания: «Понимание простирается от постижения детского лепета до понимания Гамлета или

“Критики чистого разума”. В камне, мраморе, звуках музыки, жестах, словах, произведениях искусств, в поведении, хозяйственных порядках и юридических установлениях выражается один и тот же человеческий дух, который и требует своего истолкования»³.

Понимание рассматривается Дильтеем как процесс познания: 1) внутреннего мира другого на основе внешних знаков (поведения); 2) самого себя на основе интроспекции и 3) культуры, в том числе письменных документов, с помощью искусства интерпретации.

Поскольку педагогика и психология становятся все более антропоцентрированными, постольку для них все более существенным делается различие познания, понимания, объяснения. Учитель должен хорошо знать и понимать свой предмет. Лишь в этом случае можно надеяться, что он сумеет объяснить его ученикам. Однако подобные требования к знанию и пониманию учителем ученика будут избыточными. Он может недостаточно хорошо знать ученика, испытывать трудность в объяснении его поведения, но желательно, чтобы он хорошо его понимал. Это в свое время понял Дильтей, предложивший программу понимающей психологии: «У Дильтея философско-исторический интерес к живой человеческой личности и проблемам ее жизни привел к построению первой программы психологии как науки, основанной на подлинном внутреннем наблюдении, к созданию особой “науки о духе”, основанной на внутреннем “понимании” (Verstehen) в смысле живого знания, в противоположность отвлеченно-логическому постижению (Begreifen) наук о предметной действительности типа естествознания»⁴.

Обращаем внимание на то, что Франк вводит понятие «внутреннего понимания» и придает ему смысл «живого знания». Можно заключить, что понимание шире институционализованного знания. Понимание есть средство усвоения знания, но для того, чтобы оно стало таковым, необходимо сделать его целью обучения. Знание, в свою очередь, не только цель обучения, но и материал, средство, с помощью которого развивается и расширяется понимание. Последнее распространяется не только на знания, но и на жизнь, на других людей, на самого себя. Способность объяснить нечто — это лишь один из критериев понимания, к тому же не самый главный.

³ Цит. по: *Ионин А. Г.* Понимающая социология. М., 1979. С. 34.

⁴ *Франк С. Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995. С. 444.

² *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 313.

Собственный опыт человека разумного свидетельствует о том, что полный перевод с языка значений на язык смыслов и с языка смыслов на язык значений невозможен. Причиной этого является свобода мысли и «бездонность всякого смысла» (М. М. Бахтин). Иначе говоря, в человеческом общении невозможно стопроцентное понимание. В противном случае люди не только перестали бы быть интересны друг другу, а остановилось бы развитие культуры, человека. Продуктивность непонимания связана с тем, что оно влечет за собой поиск смысла. Точки развития и роста человека и культуры как раз и находятся в пространстве понимания / непонимания. В этой же точке находится и движущая сила развития знаний. Поэтому известное утверждение А. А. Потемкина: «Всякое понимание есть непонимание» можно с одинаковым успехом рассматривать как оптимистическое и как пессимистическое.

Не следует недооценивать сложность процесса понимания, который может включать в себя отдельные акты: «В действительном реальном, конкретном понимании они неразрывно слиты в единый процесс понимания, но каждый отдельный акт имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность и может быть выделен из конкретного эмпирического акта. 1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. *Узнание* его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его *значения* в данном контексте (ближайшем и более далеком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор — согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности»⁵.

Психологическая сущность понимания, согласно Бахтину, состоит в превращении чужого, например слова, в «свое-чужое». Он различал слова чужие освоенные («свои-чужие»), вечно живущие, творчески обновляющиеся в новых контекстах, и чужие инертные, мертвые слова, «слова-мумии»⁶. Последние нередко отторгаются. Иногда — философски, иногда — со смехом. Иное дело, с «умным» или «глупым», со смехом над текстом или над собой — непонимающим, что, к сожалению,

⁵ Бахтин М. М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 129.

⁶ Там же. С. 137.

нию, случается редко. Смех — это естественная, целостная, импульсивная реакция на смысл ситуации, текста, сообщения, объяснения...

К. Эмерсон следующим образом излагает бахтинское различие «объяснения» и «понимания»: «“Объяснение”, как и “познание” монологично; сначала я что-то знаю и затем я это тебе растолковываю. Ты можешь быть пассивным или равнодушно внимающим в течение этого, я могу все-таки продолжать действовать. Точные или естественные науки работают по этой модели, говорит Бахтин: таковы астроном, наблюдающий свою звезду, или геолог, углубляющийся в скальный грунт. Подвергнутые исследованию тексты просто-напросто неподвижны. “Понимание” же, напротив, неизбежно диалогично. Я знаю что-то лишь *в то время*, как я это тебе объясняю, приглашая тебя делать поправки, перебивать, задавать вопросы по ходу. Такова модель для гуманитарных наук, в которых все тексты не отличаются “безропотностью”. Ни та, ни другая сторона не знает что бы то ни было наверняка или навечно, и это как раз то, что постоянно оживляет диалог и интерес к нему»⁷.

Другой важный аспект понимания находим у Мамардашвили, который говорил о нем не только как об употреблении прочитанного в качестве некоторой «ценности», но и как о понимании в смысле участия понимаемого в своей жизни⁸. Понятое именно таким образом становится личным или личностным знанием.

Сложность и самоценность понимания с точки зрения его глубины и универсальности превосходно иллюстрирует оценка способности понимания трех поэтов, данная Осипом Мандельштамом: «Пастернак — человек понимания, Я — человек исключительного понимания, Гёте — человек всепонимания»⁹.

Обратим внимание на то, что поэт ранжировал не творчество собратьев по перу (это было бы бестактно), а именно понимание, которое должно быть творчеством или, как говорил М. М. Бахтин, сотворчеством понимающих: «Понимать текст так, как его понимал сам автор данного текста. Но понимание может быть и должно быть лучшим. Могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным и многоосмысленным. В понимании оно воспол-

⁷ Эмерсон К. Интервью // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1994. С. 7.

⁸ Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 18.

⁹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 25.

няется сознанием и раскрывается многообразием смыслов. Таким образом, понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество»¹⁰.

Осип Манделштам не менее патетически писал о чтении: «Не раз русское общество переживало минуты гениального чтения в сердце западной литературы. Так Пушкин, и с ним все его поколение, прочитал Шенье; так следующее поколение, поколение Одоевского, прочитало Шеллинга, Гофмана и Новалиса. Так шестидесятники прочитали своего Бокля, и хотя, в последнем случае, обе стороны звезд с неба не хватало, но и здесь идеальная встреча состоялась»¹¹.

Интересно бы узнать, возродилась ли в нынешнем русском обществе способность к гениальному чтению и кого оно прочтет в начале третьего тысячелетия? Приведем практический совет Набокова, как надо читать: «Литературу, настоящую литературу, не стоит глотать залпом, как снадобье, полезное для сердца или ума, этого «желудка» души. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов, — тогда вы почувствуете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызать, с наслаждением перекатывать во рту — тогда и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат, и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови»¹².

Это совет не только писателя, но и профессора, читавшего лекции по литературе. Этим советом стоит воспользоваться, читая самого Набокова, который весьма своеобразно высказал свое уважительное и вместе с тем требовательное отношение к читателю: «Главный шедевр любого писателя — это его читатели». Мало *почитать* писателя для того, чтобы его действительно *почитать*. Для этого нужно научиться читать так, как рекомендовал Набоков. Из хорошей книги не только вычитывают, но и вчитывают в нее. Об этом говорит замечательное слово *вчитываться*. Настоящий читатель возрождает произведение и его автора, а не убивает его, как это предполагается в экзотической концепции «смерти автора» Р. Барта: «Рождение читателя приходится оплачивать смертью автора»¹³.

¹⁰ Бахтин М. М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 19.

¹¹ Манделштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 67.

¹² Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 184.

¹³ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 390—391.

В принципе обучение, творчество и понимание — это синонимы. Их дифференциация связана с неудовлетворительной организацией обучения (а возможно, и всей человеческой деятельности), которое может быть, например, ориентировано на запоминание и повторение, даже на зубрежку, а не на понимание. Можно сказать более определенно. По мере взросления ребенка, например при переходе в школу, творческая компонента его жизнедеятельности, игры, поведения неуклонно уменьшается¹⁴. Поэтому сегодня различение трех понятий вполне осмысленно и необходимо.

На самом деле любое упражнение, согласно Бернштейну, — это повторение без повторения. Сказанное об упражнении полностью относится и к исполнению, особенно если оно художественное. Х.-Г. Гадамер писал: «Идея единственно правильного исполнения, как кажется, содержит в себе нечто абсурдное...»¹⁵ Это же он относил и к интерпретации ролей или практике музыкального исполнения. Это же относится и к единственно правильному знанию, пониманию, объяснению. Нельзя совершенно одинаково осуществить одно и то же движение, одно и то же действие, будь то действие моторное, перцептивное, мнемическое или умственное, рутинное или творческое. Всегда остается неустранимый разброс, возникающий благодаря избытку степеней свободы, которым обладают телесный и духовный организмы.

Как отмечалось ранее, между текстом и его пониманием имеется зазор. Многие системы обучения способствуют возникновению у учащихся опасной иллюзии полного понимания, которая мешает формированию у них продуктивного непонимания, открытию учащимися области незнания и непонимания, а, точнее, понимания того, что текст — это приглашение, вызов.

Точно пишет об этом В. В. Мерлин: «Читать — не понимать, недоумевать. Текст, который я не понимаю, дает мне понять мое непонимание, высвечивает мои предрассудки. Текст читает читателя, и, кажется, ему весело»¹⁶.

Общение с книгой — больше, чем общение. М. К. Мамардашвили, говоря о жизни читателя книги, называл чтение актом жи-

¹⁴ Подьяков Н. Н. Творчество и саморазвитие детей дошкольного возраста. Волгоград, 1995.

¹⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 166.

¹⁶ Мерлин В. В. Пушкинский домик. Алма-Ата, 1992. С. 3.

несложения. Жизнь, действительно, может становиться «книгоподобной» (термин В. Л. Рабиновича). Напомним слова Набокова: «Жизнь подло подражает художественному вымыслу». И такому подражанию не обязательно сопутствует осмысленное понимание, разумная интерпретация текста. Жизнь делается не с того... (образа или конца...). Вообще, жизнь с книгой достаточно сложна. Книга — это вызов. Когда мы его не принимаем, то мотивы могут быть самыми разными: от «не мое», «не по зубам»... до «брёда».

Основные виды понимания. *Естественное понимание* предполагает извлечение смысла из ситуации. Его полнота и адекватность удостоверяется поведением, действием индивида (животного). Термин «естественное» не должен вводить в заблуждение. Естественное — не значит врожденное или не культурное. Этому виду понимания также предшествует опыт, но он обычно скрыт от внешнего наблюдения. Возможно, точнее будет говорить о предметном понимании, об «усмотрении» предметных отношений. Г. Гельмгольц называл это «бессознательными умозаключениями», Ч. Шеррингтон говорил о существовании «предметных рецепторов», а К. Маркс — об «органах чувств — теоретиках». Для этого вида понимания при всей его очевидности характерна «неответчивость, невербализуемость». А. М. Пятигорский в качестве примера подобного понимания приводит исполнение ритуала, значение и сила которого не понимаются исполняющими его. Это понимание обнаруживает себя в исполнении и не может существовать как *отдельное* понимание¹⁷. Естественное понимание как бы слито с поведением, действием. Его наличие чрезвычайно важно. Высказывались даже максималистские взгляды, например так называемая аксиома Вико: «Мы понимаем лишь то, что в состоянии сами проделать».

Заметим, что естественное понимание ни в коем случае нельзя рассматривать как низшую или первую ступень понимания. В духовной практике и герменевтике исихазма (священнобезмолвия) С. С. Хоружий выделяет принцип *деятельного понимания* или *понимания через практику*. Автор приводит слова византийского теолога и церковного деятеля XIV в. Григория Паламы: «То, что в этих действиях (умном делании. — С. Х.) кажется неосмысленным, превышает смысл и ускользает от понимания человека, вникающего в них рассуждением, а не делом и не практическим опытом». И следующим образом

¹⁷ Пятигорский А. М. Мифологические размышления. М., 1996. С. 100.

комментирует их: «Мысль, толкующая и понимающая опыт, духовные явления, духовную жизнь, должна быть, как говорит Палама, “действенной”, соединяемой с деятельностью, со всеми формами и проявлениями этой жизни. Поэтому к “принципу деятельного понимания” мы приходим и еще с одной стороны. Этот принцип — герменевтический аспект коренной установки исихастской и паламистской эпистемологии: истинное и достоверное познание достигается опытом, действием, “жизнью, которую нельзя опровергнуть” (Палама), — и лишь в качестве вспомогательного средства — “рассуждением”, теоретической и аналитической мыслью»¹⁸.

Духовный опыт значительно более трудно концептуализировать и вербализовать, чем опыт естественнонаучный, хотя и при достижении последнего встречаются аналогичные трудности. Они же имеются и при опоре на обыденный опыт. Обратимся к следующему виду понимания.

Культурное понимание предполагает наряду с извлечением смысла из ситуации его знаковое оформление, означение и возможность трансляции. Его полнота и адекватность удостоверяются не столько поведением и действием, но прежде всего сообщением, текстом, которые должны соответствовать оригиналу — предмету понимания. Для культурного понимания расхождение между возможностью осуществления действия и возможностью сообщения весьма типично. Культурное понимание может отрываться от своих естественных предметных корней. Предположим, что в результате подобного отрыва может быть усвоено знание, которое не является пониманием, знание, далекое от понимания. В таких случаях не приходится говорить о культурном понимании, оно скорее механическое, не приносящее плодов, как культура. Особенно если вспомнить афористическую характеристику культуры, данную Шпетом: «Культура — это культ разумения».

Творческое понимание предполагает наряду с извлечением, означением и трансляцией смысла порождение и оформление нового смысла. Здесь речь идет уже не столько об адекватности действия или воспроизведения оригиналу — предмету понимания, сколько о произведении смысла и нахождении новой текстовой, знаковой, иконической, символической формы. Творческое понимание —

¹⁸ Хоружий С. С. Подвиг как органон. Организация и герменевтика опыта в исихатской традиции // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 73.

произведение удостоверяется не формальным соответствием образцу, а развертыванием нового встречного процесса понимания адресатом-реципиентом. В образовательной ситуации оценка творческого понимания учебного материала учащимся требует от учителя желаний и способности к творческому пониманию устных ответов и письменных текстов ученика. Требует и душевной щедрости. Признание успеха — это мощнейший стимул развития творчества.

Существующие системы обучения ориентированы преимущественно на культурное понимание и достаточно робко, часто не вполне осознанно, формируют у своих питомцев естественное и творческое понимание. При всей возможной дидактической полезности выделение трех видов понимания весьма условно. Культурное понимание не просто дополняет естественное, оно преодолевает его, открывает новые предметные отношения, иначе высвечивает смысл выделенных ранее. Равным образом и творческое понимание преодолевает естественное и культурное понимание. Для того чтобы понять, что значит преодоление, приведем отрывок из «Разговора о Данте» Осипа Мандельштама: «В поэзии важно только исполняющее понимание — отнюдь не пассивное, не воспроизводящее, не пересказывающее. Семантическая удовлетворенность равна чувству исполненного приказа»¹⁹.

Едва ли следует говорить, что то, что у Мандельштама названо **исполняющим пониманием** (не следует смешивать с *пониманием в исполнении* в естественном понимании), на самом деле является творчеством. К тому же его высшей формой. О механизмах таких форм творческого понимания — исполнения в психологии нельзя найти ничего вразумительного, кроме ссылок на интуицию, озарение, вдохновение.

Главнейшим условием успешности всех видов понимания является сохранение предметности действия, образа, слова, понятия и, наконец, мысли, выступающих в роли средств понимания. В действие и образ предметность входит как бы по определению. Труднее со словом, которое подразумевает предмет. Но, как заметил Шпет, подразумевание и подразумеваемое не надо смешивать с уразумением и уразумеваемым. Такое смешение является основанием многих исследовательских недоразумений. Уразумение относится не только к формальному значению, но и к смыслу, к семантической предметности. «Предмет» подразумеваемый есть только некото-

рый пункт внимания, «нечто», задаваемая тема. Ее разработка — дело дальнейшее, предполагающее новые углубления и «ступени». Но именно потому, что предмет может быть реализован, наполнен содержанием, овеществлен, потому, что через слово ему будет сообщен также смысл, он есть и формальное и по существу начало этого смысла. Он и «носитель смысла». Напомним, что сам предмет не вещь, а подразумеваемое, соответственно, и смысл — не вещь, т. е. не вещь, которую можно осязать, взвешивать на весах и т. п. Шпет говорит, что смысл есть «вещь» осмысленная, следовательно, мыслимая, омысленная, благодаря чему она может войти в состав смыслового содержания. Смысл — не вещь, а *отношение* вещи (называемой) и предмета (подразумеваемого). Именно таким образом смысл входит в состав двигательной задачи любого целесообразного предметного действия, в состав перцептивного действия, направленного на формирование образа, и в состав умственного действия, направленного на уразумевание предмета, на раскрытие его содержания и на его построение, в том числе овеществление.

В таком мыслительном акте, согласно Шпету, всякое содержание разрешается в систему форм и напластований форм по мере проникновения мысли в содержание. Шпет называет это законом метода.

«Таков прогресс науки, разрешающий каждое содержание в систему форм и каждый «предмет» — в систему отношений, таков же прогресс поэзии. Мера содержания, наполняющего данную форму, есть определение уровня, до которого проник наш анализ. Содержание — неопределенное и безграничное *μη ὄν* (небытие. — *Авт.*), ждущее своего оформления и определения. Определенное же содержание — множество «низших» форм *по отношению* к высшей единой форме. Так, капля воды — чистое содержание для весьма ограниченного уровня знания; для более высокого — система мира своих климатических, минеральных и органических форм. Молекула воды — система форм и отношений атомов двух элементов; атомы — электронные системы форм. Чистое содержание все отодвигается, и мы останавливаемся на уровне нашего ведения. Как глубоко можно идти дальше, об этом мы сами не знаем. Мы знаем только императив метода: постигать содержание значит разлагать смутно заданную материю в идеальную формальность»²⁰.

²⁰ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 246.

¹⁹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 109.

Далее Шпет разъясняет, что пустых форм только в том смысле и не бывает, что всякая форма полна, как единство, многообразием других форм, т. е. новых единств, новых многообразий. Понимать слово, усматривать его смысл и, значит, усматривать единство в многообразии, видеть их взаимное отношение, улавливать текст в контексте значит улавливать отношение между многообразием называемых вещей и единство их предмета (заданной темы размышления и рассуждения). Значит, по словам Шпета, *жить в мире идей*.

Здесь же есть и ловушки, подстерегающие размышление и понимание. Логический акт полагания конструирует формы смысла. Но этот акт пуст для того, кто не видит, что формируемое им есть единство многообразия, а не «голая» единица. Шпет иллюстрирует это следующим образом. Как остановленный в движении кинематографический снимок — он единство многого, но он единица, выделенная искусственной остановкой, а в действительности составляющая текучий момент других единств, координированных в подчинении внешнему единству. Так, и пустое конципирование есть игра в понятия — иллюзия абстракции. Конципирование всегда должно быть и разумением, т. е. он не только фиксирование логической точки, но и сознание ее текучей, динамической полноты. Каждая точка понимающего и вместе с тем разумного внимания — момент на траектории движения мысли, *слова* и вместе ключ, из которого бьет мыслью и смыслом.

Размышления Шпета о конципировании-понимании — это предупреждение против оперирования пустыми формально-логическими определениями, оперирования лишь оболочками понятий и концептов. В таких случаях возможно рассуждение без разумения, без понимания.

Следует также сказать несколько слов об общей для всех видов понимания особенности. Понимание — не бесстрастный акт. Оно эмоционально окрашено, вызывает удовлетворение или горечь. Последняя вызывается и непониманием. Вдумаемся в слова Осипа Мандельштама: «И сладок нам лишь узнаванья миг» или «Выпуклая радость узнаванья». Здесь узнавание выступает не просто как одномоментный («миг»), симульгантный акт категоризации, отнесения воспринимаемого предмета или ситуации к тому или иному классу. Это вызывающее радость «узнающее понимание» или «понимающее узнавание» нередко называют схватыванием ситуации, проблемы, смысла.

Можно догадаться, что выделенные виды понимания оперируют разными языками: естественное — предметными и операциональными значениями; культурное — знаками, вербальными значениями и понятиями; творческое — смыслами. Речь идет, конечно, о доминировании соответствующих языков, которое не исключает участия других. На наш взгляд, современное образование должно ориентироваться на «язык смыслов», на пробуждение у учащихся мыслей о смысле, а не на усвоение чужих мыслей. В этом соображении нет ничего нового. Еще в 1930—1940-е гг. П. И. Зинченко и А. А. Смирнов в многочисленных исследованиях убедительно показали, что в определенных условиях мнемические и познавательные (в узком смысле) задачи будут несовместимыми и станут оказывать неблагоприятное влияние друг на друга. Установка на запоминание может мешать пониманию нового (устного или письменного) материала, а установка на понимание и использование каких-то приемов логической работы с материалом (скажем, классификация или составление плана) может существенно понизить продуктивность запоминания. Такая несовместимость особенно характерна для учащихся младших классов, у которых такие приемы еще не доведены до автоматизма и выполняются как действия, а не как операции.

Нельзя сказать, что идеи и результаты работ Зинченко и Смирнова были забыты. Например, А. А. Брудный специально разрабатывал «смысловые методики», стимулирующие понимание, а не запоминание²¹. Конечно, ведутся исследования и имеется соответствующая практика формирования умственных действий, теоретических обобщений и понятий (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов), но все это не заменяет формирования навыков *намеренного понимания*. Не следует забывать, что «человек понимающий» — это высшая похвала. Это и есть живой человек, человек, обладающий живым знанием, человек думающий. А. М. Пятигорский, рассматривающий понимание текста как род думания, выделяет следующие его черты:

«(1) ...Мышление сознательно направлено на вопросы, становящиеся содержанием текста, на которые было бы невозможно ответить, исходя из знания этого содержания. Иначе говоря, вопросы здесь «наводятся» содержанием, но не вытекают из него... Эта особенность понимания отражает в себе тенденцию к контекстуали-

²¹ См.: Брудный А. А. Наука понимать. Бишкек, 1996.

зации содержания — причем не только данного текста, но и самого себя. (2) Будучи направленным на текст, в понимании мышление постоянно возвращается к себе и к думающему, своему носителю. В частности, именно таким возвращением и была в свое время для Фрейда попытка понять Эдипа как себя или себя в качестве Эдипа, по крайней мере, в теории. Понимание в этой связи является разновидностью думания, субъективного по преимуществу. (3) И, наконец... в понимании наше мышление склонно думать обо всем, что имеется в тексте, как о содержании и относить к нему и себя самое»²².

А. М. Пятигорский психологически точно характеризует сознание и включение себя в ситуацию *понимания*. Понимающий «обязан рассматривать знание вообще и свое собственное в частности в отношении к конкретному тексту и его содержанию на том же уровне, что и знание, имеющееся в тексте. Лишь в этом случае ему удастся свести на нет иерархию знаний и разрушить презумпцию объективности (или меньшей субъективности) собственного знания по отношению к знанию (знаниям) внутри текста, тем самым временно отказывая своему знанию в абсолютности»²³.

Под «абсолютным» автор понимает «только одно», а не одно среди многих, а «временно» значит «здесь и сейчас», пока исследуется данный конкретный текст. Мысли Пятигорского вполне созвучны размышлениям Бахтина о полезности отказа от своей внеаходимости предмету, человеку: «...Жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как я, в форме отношения к себе самому, в ценностных категориях моего я-для-себя: понять — значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от сущности своей внеаходимости ему...»²⁴

До таких высот в понимании понимания психология еще не поднималась. Несомненно, подобную трактовку понимания текста можно и нужно операционализировать и в соответствии с ней учить пониманию и думанию. Отказ своему знанию в абсолютности, равно как и отказ от своей внеаходимости по отношению к предмету есть преодоление живучего стиля финальности, будь то

конец века, конец истории или окончательное торжество чего-либо. Императивом образования должна быть не окончательность знания, а его динамизм, требующий того, что в психологии восприятия называют «обследовательским туром», в искусствоведении — неисчерпаемостью смысла. Ведь все наши теории нужны нам лишь до тех пор, пока их не сменяют другие, лучшие теории...

Понимание как поиск новых смыслов. Может быть, социальная действительность, в том числе и обучение, прививают ребенку чрезмерное доверие к словам, символам, мифам и преодолевают его наивный реализм. Языковая символика становится уникальным и абсолютным средством, например, спекулятивного, догматического, бюрократического мышления, тоталитарного сознания. Она из могучего орудия реального действия с вещами превращается, по словам Э. В. Ильенкова, в фетиш, загораживающий своим телом ту реальность, которую она представляет. Такая же сила слов при слабости мысли свойственна вербализму и интеллектуализму в обучении, когда затрудняется извлечение смысла из значений, высказываний, предложений, текстов. Сквозь последние перестает «просвечивать» предметное содержание, образы, представления, предметные и операциональные значения, смыслы. Такие же явления могут сопутствовать преждевременной или избыточной компьютеризации обучения. В качестве иллюстрации подобных нарушений можно привести реакцию ребенка на сказку-импровизацию, которую ему рассказывал известный детский психолог А. В. Запорожец. Казалось бы, в сказке многое дозволено. Но, с точки зрения ребенка, оказывается — не все.

Итак, сказка. Жил-был доктор. Он знал, что в округе, где он живет, бродят разбойники. Его вызвали к больному. Собаки у него не было, и он оставил сторожить дом чернильницу. Пришли разбойники, и чернильница начала на них лаять. Реакция ребенка: чернильница лаять не может, пусть она фыркает на них чернилами. Это прекрасная иллюстрация наличия у ребенка пусть наивного, но реализма. Здесь культурное понимание опосредуется естественным. Нарушение связей между ними чревато весьма опасными последствиями.

Возвращаясь к пониманию, приведем слова А. А. Брудного, которые он дружески вписал в наш текст: «Понимание — это освобождение. Освобождение от тоски непонимания и подозрения в абсурде (мы всегда склонны подозревать действительность в абсурде, когда ее не понимаем). Понимание художественного текста

²² Пятигорский А. М. Мифологические размышления. М., 1996. С. 153—154.

²³ Там же.

²⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 176.

(творческое понимание) поливариантно. Смыслы текстов множественны, если это тексты повествования, а что такое мир, как не повествование о мире? Человек же... вообще повествователен. Он — повествование о самом себе.

Понимание — это свобода находить новые смыслы. Ибо понять можно только то, что имеет смысл. А получать образование? Выстраивать гетерархию (может быть, синархию) смыслов».

К этому можно лишь добавить, что выстраивание гетерархии или синархии смыслов — это не формирование отвлеченного от мироощущения мировоззрения, да еще научного, правильного. Это открытие осмысленного *пути* в мир, в жизнь, в себя самого. Выполняя роль посредника в истинном и возвышенном смысле этого слова, учитель не столько учит, сколько совместно думает с учеником, т.е. развивает его²⁵. Здесь мы вплотную подходим к тому, что надо бы назвать *педагогическим пониманием*, которым обязательно должен обладать педагог. На наш взгляд, такое понимание эквивалентно тому, что Бахтин назвал *«сочувственным пониманием»*.

«Обычно эту извне идущую активность мою по отношению к внутреннему миру другого называют сочувственным пониманием. Следует подчеркнуть абсолютно прибыльный, избыточный, продуктивный и обогащающий характер сочувственного понимания. Сопереживаемое мною страдание другого принципиально иное — притом в самом важном и существенном смысле, — чем его страдание для него самого и мое собственное во мне; общим здесь является лишь логически себе тождественное понятие страдания — абстрактный момент, в чистоте нигде и никогда не реализуемый, ведь в жизненном мышлении даже слово «страдание» существенно интонируется. Сопереживаемое страдание другого есть совершенно новое бытийное образование, только мною, с моего единственного места внутренне вне другого осуществляемое. Сочувственное понимание не отображение, а принципиально новая оценка, использование своего архитектурного положения в бытии вне внутренней жизни другого. Сочувственное понимание воссоздает всего внутреннего человека в эстетически милующих категориях для нового бытия в новом плане мира»²⁶.

²⁵ См.: Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М., 1996; Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997; Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1994.

²⁶ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 91.

Опыт думания о думании

Более полувека тому назад Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов задумали создать систему развивающего обучения. Акцент в обучении они решили поставить на развитии мышления, исходя при этом из бесспорного тезиса, ярко обрисованного Э. В. Ильенковым: «Школа должна учить мыслить»¹. Они направили свои усилия на разработку концептуальной схемы и приёмов учебной деятельности, адекватных задачам формирования у школьников теоретического мышления.

Думание о думании намного труднее, чем думание о ходьбе. Последняя, по крайней мере, очевидна и ее можно зарегистрировать со всей мыслимой на сегодня биомеханической и психофизиологической точностью. В отличие от ходьбы мышление не дано постороннему наблюдателю, да и думающему оно дано лишь крайне фрагментарно. Самую точную характеристику мышления (при всей ее лапидарности) дал К. Дункер: Мышление — это процесс, который посредством инсайта (понимания) приходит к адекватным ответным действиям. Ее несомненным достоинством является научная добросовестность и честность автора. Он не делает вид, что знает, что такое инсайт.

В. В. Давыдов разумно удержался от определения мышления как такового. Он отмежевался от характеристики мышления как мыслительной деятельности, указав ему место лишь в качестве особого компонента общей структуры деятельности, обслуживающего осуществление других ее компонентов². При этом он сохранил в своем тезаурусе понятия «умственная деятельность», «умственное действие» и даже «мыслительная деятельность». Что делать? Воспитаннику и последователю психологической теории деятельности никуда от нее не деться. Так что, может быть, в вы-

¹ См.: Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. М.; Воронеж, 2002.

² Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986. С. 28.

боре в качестве объекта формирования теоретического мышления как одного из его многочисленных видов и форм было меньше лукавства, чем я предположил в начале этого текста.

Видимо, общее правило состоит в том, что обнаружить и указать признаки того или иного вида некоторого неизвестного значительно легче, чем определить самое неизвестное. В. В. Давыдов поступает именно таким образом. Не определяя, что такое мышление, он выделяет самые существенные, с его точки зрения, логические признаки (акты) теоретического мышления: *содержательное обобщение и анализ* как способ выявления генетически исходной основы некоторого целого; *рефлексия*, благодаря которой человек постоянно рассматривает основания своих собственных мыслительных действий и тем самым опосредует одно из них другими, раскрывая, таким образом, их внутренние взаимоотношения. «Наконец, теоретическое мышление осуществляется в плане мыслительного эксперимента, для которого характерно выполнение человеком такого мыслительного действия, как *планирование*»³.

Характеристика (образ) теоретического мышления в версии В. В. Давыдова приведена не случайно. Попробуем испытать, может ли теоретическое мышление послужить в роли инструмента для понимания мышления как такового? Сначала посмотрим, насколько специфичны выделенные автором его черты.

Начнем с конца. *Планирование* может быть компонентом любого, а не только мыслительного действия. Да и создание плана (особенно разумного) само предполагает наличие мышления. В особо сложных случаях оно может быть особой деятельностью, включающей в себя (в соответствии с логикой В. В. Давыдова) мышление в качестве компонента. Надо ли говорить, что нередко планирование ведется даже без этого компонента. Что касается мысленного эксперимента, то без него не обходится никакое мышление, в том числе, эмпирическое.

Следующий признак — *рефлексия*. Здесь можно согласиться с автором, однако, требуется более развернутая спецификация этого феномена применительно именно к теоретическому мышлению. К тому же рефлексия рефлексии рознь. Слишком многочисленны ее трактовки (В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин, А. М. Пятигорский, В. К. Зарецкий, И. Н. Семенов

³ Там же. С. 69.

и др.). Ближе всего к теоретическому мышлению подходит трактовка рефлексии, предложенная Г. А. Цукерман⁴. Замечательную характеристику рефлексии дал И. Бродский: рефлексия — это постскриптум к мысли. Но она же может выступать в роли постскриптума к рефлексу (рефлекс — и — Я) и действию. Постскриптум к мысли ли, к действию ли не будет иметь смысла, если он одновременно с этим не будет прескриптумом к следующей мысли или следующему действию. Редко обращается внимание на то, что рефлексия носит не только интеллектуальный, но и (возможно даже в большей степени) эмоциональный характер. В процессе развития эмоциональная оценка сдвигается от конца к началу и приобретает характер эмоционального предвосхищения (Л. С. Выготский, А. В. Запорожец), т. е. становится «прескриптумом» к действию, в том числе и к интеллектуальному. Имеются формы рефлексии без Я. Эффекты такой процессуальной фоновой рефлексии обнаружены не в конце действия и не в начале, а по ходу его протекания. Они случаются до 3—4 раз в секунду⁵. Эффекты быстрой рефлексии наблюдал и В. А. Лефевр. Неясно возможна ли рефлексия внутри мысли, если, конечно, не считать действие мыслью. Так или иначе, но рефлексия может быть принята в качестве признака теоретического мышления.

Наконец, главный, поставленный В. В. Давыдовым на первое место, признак теоретического мышления, — *анализ*, но не всякий, а позволяющий выявить генетически исходные основы некоторого целого. П. А. Флоренский назвал такой мыслительный прием «выявлением корней». Вспоминая детство, он писал: «Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла всё мышление и определила основной характер его — стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали»⁶. Едва ли можно сомневаться в том, что П. А. Флоренский обладал теоретическим мышлением, хотя, скорее, его мышление, как и сознание, было по-

⁴ См.: Цукерман Г. А. Условия развития рефлексии у шестилеток // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 39—46; Цукерман Г. А. Идея рефлексивного развития как ценностное основание психологии учебной деятельности / Первые чтения памяти В. В. Давыдова. Рига; М., 1999. С. 31—36; Цукерман Г. А. Развитие рефлексии посредством обучения // Психология развития. Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 2005. С. 489—519.

⁵ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26—41.

⁶ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 99.

лифоническим. Важнее то, что оно выросло из живого созерцания, предметного действия и до-теоретического живого знания. Столь же трудно возразить против выявления генетически исходных основ или корней, кроме того, что они слишком часто не даются никакому мышлению, разве что мифологическому: происхождение Вселенной, происхождение солнечной системы, происхождение жизни, происхождение человека, его сознания, мышления и т. д. — остаются тайной. Однако познание (или избыток нередко нелепых гипотез) происхождения всего перечисленного не мешает изучению уже созрелых или ставших форм. В таком изучении теоретическое мышление (видимо, в более широком его понимании) не менее необходимо, чем при изучении их происхождения и становления. Г. Г. Шпет неоднократно высказывал сомнения (порой, иронично) по поводу объяснений, основанных на «найденных корнях»: «Как чумы или глупости надо <...> бояться и остерегаться в особенности теорий, похваляющихся “объяснить” одно из другого, “происхождение” смысла разумного слова из бессмысленного вопля, “происхождение” понимания и разума из перепуганного дрожания и ослабленной судороги протоантропоса. Такое “объяснение” есть только занавешивание срамной картинки нашего неведения»⁷. К подобным сомнениям следует прислушаться, ибо в развитии живого не менее важны акты превращения, претворения, обращения, рождения нового, чем сохранение старого. Протест Г. Г. Шпета распространялся и на проблему происхождения мысли: «Оставляя в стороне, по причине их вздорности, все теории происхождения, в том числе и теорию происхождения мысли из чувства, признаём, что *поводом* для мысли является все же именно чувственно данное. Оно — трамплин, от него мы вскидываемся к “чистому предмету”. Так мы ходим как по вершинам гор — не нужно смотреть вниз, иначе начнется головокружение»⁸.

И всё же примем тезис В. В. Давыдова о необходимости выявления генетических оснований для анализа того, что такое мышление и мысль. Поскольку мышление — это движение мысли, с нее и начнем. Если мы спросим себя, что означает торжественное слово «мысль», то обнаружим слишком широкое употребление этого слова. Все, что

⁷ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 213.

⁸ Там же. С. 221.

«взбредет» в голову, называется мыслью. Многие мысли приходят к нам, не спросясь, как бы издалека, что справедливо и для чувств.

Мысль мысли, действительно, рознь. Есть «великая мысль Природы», есть божественная или боговдохновенная мысль, счастливая мысль, умная мысль. Есть *Человеческая глупость*, / *Безысходна, величава* (А. Блок). Есть мысли сатанинские, темные, черные, задние. Есть мысли ясные, светлые, прозрачные, глубокие и есть вздорные, смутные, туманные, легковесные, мелкотравчатые, приходящие наобум. Есть мысли живые, уместные, своевременные и мертворожденные, запоздалые, как сожаления. Есть мысли вялые, анемичные, тупые и мысли острые, энергичные, пронизательные. Есть мысли высокие, благородные, добрые и есть — низкие, корыстные, злые. Есть свободная мысль — мысль-поступление, поступок и есть *пленной мысли раздражение*, т. е. мысли блуждающие, малодушные, несмелые, отличные от мыслей законно порожденных, уверенных (хорошо бы — не самоуверенных). Есть мысли трагические, абсурдные. И есть мысли самоуправные, порой назойливые, они сильнее нас, от них очень трудно избавиться. Здесь мы сталкиваемся с забавным парадоксом: человек ведь не только весь уникален. В нем уникально все: от отпечатка пальца и радужной оболочки до каждого выполняемого им движения, произнесенного слова. Последние с абсолютной точностью не воспроизводимы даже им самим. Он все делает как будто впервые. Исключая мысль. Если мысль пришла человеку в голову, то в подавляющем большинстве случаев можно быть уверенным, что она приходила в голову другим людям. Мы без большого труда можем «помыслить» любую чушь, но оригинальная мысль по заказу не приходит. Она есть событие бытия (М. М. Бахтин).

Дж. Дьюи в книге «Психология и педагогика мышления» дает полезное определение не расхожей, а, условно говоря, строгой мысли: «В теснейшем смысле мысль означает уверенность, покоящуюся на каком-либо основании, т. е. действительное или предполагаемое знание, выходящее за пределы того, что непосредственно дано. Оно обозначается как признание или непризнание чего-либо как разумно возможного или невозможного. Эта степень мысли включает, однако, два настолько различных типа уверенности, что хотя их различие только в степени, а не в роде, но практически необходимо рассматривать их отдельно. Иногда наша уверенность возникает без рассмотрения оснований; в других случаях она возникает потому,

что исследуются основания»⁹. Обратим внимание на то, что, хотя Дж. Дьюи характеризует мысль, но по существу он говорит о работе мышления с мыслью, о том, что мышление, в отличие от веры, есть выявление и исследование оснований, на которых покоится (или беспокоится) мысль. У В. В. Давыдова работа с основаниями — генетическими или собственной мысли — главное в теоретическом мышлении. Существенно также и то, что «уверенность», «признание», «непризнание», о которых говорит Дж. Дьюи, — это уже не только мысль, а чувство, которое входит в его определение мысли. Многие мысли, — продолжает Дьюи, — «возникают бессознательно, безотносительно к достижению правильного мнения. Как они приобретаются, мы не знаем. Из темных источников, неизведанными путями они достигают сознания и становятся частью нашего духовного багажа. Традиция, воспоминание, подражание — все то, от чего зависит авторитет во всех его формах или что вызывает к нашему личному благополучию, или удовлетворяет сильной страсти — все это вызывает их. Подобные мысли являются предрассудками, т. е. предвзятыми суждениями, а не рассуждениями основанными на рассмотрении очевидного»¹⁰. Подобной мысли люди учатся и весьма успешно помимо школы. Но как научиться тому, чтобы мысли приходили к нам как божьи дети и говорили: вот мы здесь! Примерно так описывал приход мыслей В. Гёте.

Мы постоянно сталкиваемся с тем, что мысль, независимо от ее истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всем этом вместе и еще в чем-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое существенное и интересное в мысли. Л. С. Выготский говорил, например, о «молниях спиновской мысли». Это значит, что мысль возникает, освещает и поражает, как молния (и автора, и готового ее воспринять человека). В. В. Бибихин говорит о мышлении А. Ф. Лосева: «Есть *инструмент*, который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то *внутренний кремль*»¹¹. (Не является ли отсутствие системы условием думания о разном, в том числе

⁹ Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.

¹⁰ Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999. С. 8—9.

¹¹ Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2005. С. 19.

и условием создания из «сора» стихов, из «разного» систем?) Как схватить мысль, как ее удержать? А, удержав, оценить с тем, чтобы потом самому держаться мысли или стоять в мысли? Едва ли кто-нибудь может вразумительно ответить на вопрос, что такое мысль и каков механизм ее возникновения. Метафоры, конечно, дают об этом некоторое представление, но пока еще далекое от понимания.

Важна не столько однозначность и определенность ответов на эти вопросы, сколько наличие интенции узнать, понять, увидеть нечто, стоящее за ситуацией или за мыслью. Возникновение подобной интенции есть первый признак подлинной мысли, отличающейся от того, что «взбредет в голову», от мнения. Увидеть за... следует понимать в двух смыслах. Первый — увидеть то, что стоит за ситуацией, за очевидностью. Если это удастся, то тогда можно стоящее за... с такой же очевидностью представить себе и другим или непосредственно использовать в деятельности. Это и есть мышление. Второй смысл — увидеть то, что стоит за мыслью, это уже есть думанье о думании, которое требует отрешения (Г. Г. Шпет), острашения (В. Б. Шкловский) рефлексии о мысли как объекте рефлексии, или помещение мысли в разряд объекта исследования (Э. Гуссерль). Увидеть за мыслью — это есть интеллектуальная рефлексия по поводу мысли, начало ее обоснования, доказательства. (По Давыдову — обоснование выявленных оснований.)

Перечислим, не оценивая, некоторые ответы на вопрос, что стоит за мыслью. Декарт увидел за мыслью или в мысли состояние очевидности, в том числе и собственного существования. В. Джемс увидел за мыслью сырой поток нашего чисто чувственного опыта. И. М. Сеченов увидел за мыслью не только чувственные ряды, но и ряды личного действия. Психолог У. Блон увидел за мыслью фрустрацию, вызванную незнанием. А. М. Пятигорский увидел за мыслью интерес, определив интересное как то, что раздражает мысль здесь и сейчас, а не останавливает мышление, не дает мысли остаться в привычных клише, склоняет человека к забвению его убеждений. М. К. Мамардашвили увидел за мыслью (или в мысли) собственнолично присутствующие переживания, добавив, что акт думания, есть часть испытания нами нашей судьбы. А. Эйнштейн увидел за мыслью зрительные образы и даже некоторые мышечные ощущения, т. е. некоторые совершенные им действия. В терминах М. М. Бахтина, А. Эйнштейн испытывал ощущения порождающей

активности. А. Белый увидел за мыслью движение и ритм. А. В. Запорожец увидел за мыслью предметно-практическое действие. Л. С. Выготский увидел за мыслью слово и к тому же еще аффективную и волевую тенденции. Г. Г. Шпет увидел мысль за словом и слово за мыслью и слово в мысли. Об этом же зарождении мысли во взаимодействии со словом говорят поэты:

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.

И так хорошо мне и тяжко,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

О. Мандельштам

Дуговая растяжка — эта та же молния! Появление мысли — безусловно, чудо:

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется...
И далее — пояснение:
Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.
И снова:
Верные четкие мысли —
Прозрачная строгая ткань...
Острые листья исчисли —
Словами играть перестань.
К высям просвета какого
Уходит твой лиственный шум, —
Темное дерево слова
Ослепшее дерево дум.

Значит, не всякое слово осмысленно, или, как сказал Г. Г. Шпет, омысленно, не всякая мысль выразима, по крайней мере, легко выра-

зима словесно. Выражение мысли — трудная работа. Продолжим наш перечень. Э. Клапаред *увидел* за мыслью молчание, сказав, что размышление стремится запретить речь. Математик Ж. Адамар, специально исследовавший процесс творчества великих физиков XX в. это подтвердил: «Слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я действительно думаю»¹². Р. М. Рильке сказал об этом по-своему: *Мудрецы ... превратили в слух свои уста*. М. М. Бахтин *увидел* в мысли интонацию: «...действительно поступающее мышление есть эмоционально волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли»¹³.

Х. Ортега-и-Гассет *увидел* за мыслью глубины души: «Зрачки моих глаз с любопытством вглядываются в глубины души, а им навстречу поднимаются энергичные мысли»¹⁴. Ортега видел за мыслью не только любопытство, но и живую страсть понимания, благодаря которой может возникнуть разрядка, молниеносное озарение пониманием. Давно известно, что такое озарение сопровождается чувством полной уверенности в его достоверности, т. е. состоянием той же Декартовой очевидности. То, что Декарт называет очевидностью, М. Пруст называет радостью. О. Мандельштам *увидел* за мыслью семантическую удовлетворенность, равную чувству исполненного приказа. И. Бродский *увидел* за мыслью мысль: люди думают не на каком-то языке, а мыслями. Замечательно об этом же сказал А. С. Пушкин: *Думой думу развивает*.

Эти удивительные заявления поэтов разъяснил О. Мандельштам: «Сейчас, например, излагая свою мысль по возможности в точной, но отнюдь не поэтической форме, я говорю, в сущности, сознанием, а не словом»¹⁵. Заметим: все же *говорю* сознанием. По-своему говорит об этом же М. К. Мамардашвили: думание всегда больше подуманного. И поэтому можно подумать подуманное. Не забыты «душа» и «слово». Как изображает Платон в «Теэтете» душа сама с собой ведет речь о том, что она рассматривает; размышляя, она именно говорит с собою, самое себя спрашивает, утверждает,

¹² Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 72.

¹³ Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 36.

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». М., 1977. С. 93.

¹⁵ Мандельштам О. Слово и культура. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. М., 1987. С. 168.

отрицает. Здесь утверждается та же сократическая, диалогическая природа мышления и мысли.

Завершим этот перечень красивым и таинственным указанием И. Канта: «Душа (не речь), преисполненная чувства, есть величайшее совершенство». М. К. Мамардашвили комментирует это следующим образом: «Кант, конечно, не имеет в виду чувствительную душу. Он имеет в виду состояние человека, который максимально долго находится в напряжении, в состоянии интенсивности восприятия и концентрации мышления. Кант понимал, что само явление души, полной чувств, в мире есть чудо и невероятное событие. Ведь часто там, где мы должны мыслить, мы тупо стоим перед вещами и смотрим на них»¹⁶. Значит, за мыслью — состояние преисполненной чувств души. Оно-то и порождает событие мысли. Но как впасть в это состояние? Как из него не выпасть? Кант признавал, что мышление может уставать от напряжения и быть не способным из-за усталости это напряжение держать. Думать, действительно, трудно. Как и во всяком деле, лиха беда — начало: Кто думал, тот всегда будет думать, и ум, раз попробовавший мыслить, не может остаться в покое, — говорил Ж. Ж. Руссо.

Читатель сам умножит подобные примеры. О чем они говорят? Едва ли эти разные, порой полярные взгляды на то, что находится за мыслью, можно принять за фантазии, ошибки или иллюзии самонаблюдения. Скорее наоборот: все перечисленные мыслители, ученые, поэты по-своему правы, и за мыслью стоит весь человек, все силы его духа, души и тела: не только интеллект, но и воля, и страсть: Такое заключение, конечно, бесспорно, но оно слишком обще. Нас же интересует специфическая связь мысли с чем-то, без чего она в принципе существовать не может. Согласно Г. Г. Шпету, таким «чем-то» является слово. Именно оно является *principium cognoscendi* — основанием познания. Всякая мысль содержит хотя бы эмбрион словесности. «Пока мы переживаем, испытываем впечатления бытия, от нас не требуется ни особого умения “страдать”, ни особого умения ума — активно вмешиваться в “опыт”: раз захватив нас, поток жизни несет нас с собою. <...> Уже просто для того, чтобы остановить на миг переживание перед собою и сделать его предметом “наблюдения”, нужно уметь сказать “вот — оно”, “вот — нечто”, “вот — то, в чем я хочу дать

¹⁶ Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М., 1997. С. 9.

себе отчет” и т. п. Эти первоначальные, чисто перцептивные предложения влекут за собой целые системы новых предложений, прежде всего, по той же перцептивно-указательной форме: “это есть нечто”, “это есть признак того-то”, “это есть действие то-то” и т. д., а затем и всю систему предложений абстрактных, конкретных, простых, сложных и т. д., и т. д. <...> Момент облечения переживания в словесную форму и есть первый *логический* акт ума. Уметь наблюдать и уметь читать значит в эмпирическом познании одно и то же: уметь понимать смысл словесного знака, который указывает на соответствующую часть действительности»¹⁷. Обсуждая противопоставление натуралиста и историка, характеризуемое обычно как «само собой разумеющееся» противопоставление наблюдателя и читателя, Г. Г. Шпет провозглашает единственно правильный, на его взгляд, принцип: «нужно наблюдать, как читают, а не читать, как наблюдают»¹⁸, т. е. относиться к миру, как к тексту, который мы учимся читать. «Относиться» — мало, нужно еще иметь средство преобразования мира в текст и средство, позволяющее остановить гераклитов поток, остановить переживание, зафиксировать мысль о нем, а затем и мысль о мысли. Таким средством является слово. И. Бродский был прав, говоря, что человек продукт своего чтения, добавим — не только текста, но и мира. Согласно Г. Г. Шпету, чувственность и переживания не непосредственно переливаются в мысль: «Эмоциональное содержание конденсируется в *смыслы* и смысловые контексты, понимаемые, интерпретируемые, мыслимые нами лишь в *своей* системе знаков. Последние, независимо от их генезиса и отношения к естественному “образу”, являются подлинными знаками уже *смыслов*, — хотя и лежащих в формальной сфере самих экспрессивных структур, — т. е. подлинными *символами* экспрессивной содержательности. <...> Очевидно, что всякая символизация экспрессивного комплекса, — жеста, мимики, выражения эмоции, — устанавливается, постигается нами не через посредство симпатического понимания, вчувствования и т. п., а теми же средствами и методами, какими устанавливается всякая логическая и поэтическая символизация»¹⁹.

¹⁷ Шпет Г. Г. История как предмет логики // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды по философии культуры. М., 2005. С. 228—229.

¹⁸ Там же. С. 228.

¹⁹ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 497.

Как мы видим, Г. Г. Шпет, несмотря на идиосинкразию к объяснениям «от происхождения», все же делает существенный шаг в объяснении единства аффекта и интеллекта, о котором говорил Л. С. Выготский. Последнему принадлежит идея интеллектуализации психических функций таких, как внимание, воображение, память, чувства. Чувства не только становятся «умными», но и меняют свое место в структуре деятельности, все более сдвигаясь от ее конца к началу. Как показал А. В. Запорожец, с их помощью осуществляется не только оценка результата деятельности, но и предвосхищение успешности (или неуспешности) ее протекания. Однако, такая эволюция (претворение) аффекта вовсе не обязательна. Вновь прислушаемся к «антигенетику» Г. Г. Шпету: «Генетические теории, выведившие осмысленное слово из экспрессии много здесь напутали. Самого простого наблюдения достаточно, чтобы заметить, что развитие осмысленного словоупотребления и эмоциональное окрашивание его идут независимо друг от друга и сравнительно поздно достигают согласования. Известно особое, нередко прелестное своеобразие детской речи, проистекающее из употребления ребенком сильных эмоциональных речений и оценок без тени соответствующих переживаний и без согласования со смыслом. Эмоциональная экспрессивность ребенка первее всякого словоупотребления, но *post hoc* не значит *propter hoc*, и визг, писк, ор, плач не превращается в мысль, как не превращается на ночь солнце в луну. Ребенок извивается в импульсивных движениях и жестах, но независимо от того, какого искусства он в них достигает, он начинает узнавать и называть вещи, а затем понимать и сообщать. Значительно позже с этим связывается “осмысленная” жестикуляция и эмоциональная экспрессия. Есть индивиды, вполне овладевающие импульсивными движениями и тем не менее до конца дней своих не умеющие согласовать сообщаемого с экспрессией»²⁰. Итак, связь между эмоциями и словом (мыслью) возможна, более того — необходима.

Остается вопрос, к которому мы обратимся ниже, как она устанавливается, как «умнеют» эмоции. Пока они, как и чувственность, если верить Г. Г. Шпету, остаются лишь поводом, трамплином для мысли. Принимая (авансом) положение об интел-

²⁰ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 282.

лектуализации эмоций, мы можем предположить, что эмоции тоже влияют на интеллект, и наряду с «умными эмоциями» складывается «эмоциональный интеллект». Л. Гроссман следующим образом характеризовал персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Ставрогин — воплощение исключительной умственной мозговой силы. В нем интеллект поглощает все прочие духовные проявления, парализуя и обеспоживая всю его душевную жизнь. Мысль, доведенная до степени чудовищной силы, пожирающая все, что могло бы рядом с ней распуститься в духовном организме, какой-то феноменальный Рассудок — Ваал, в жертву которому принесена вся богатая область чувства, фантазии, лирических эмоций — такова формула ставрогинской личности»²¹. Вернемся к единству аффекта и интеллекта. Во-первых, такое единство — потенциальное, не всегда достигаемое, во-вторых, возможны два единства: в одном будут доминировать эмоции, в другом — интеллект. Ведь, в конце концов, эмоция остается эмоцией, а интеллект — интеллектом. Об этом недвусмысленно пишет Г. Г. Шпет: «Мы имеем дело с чувственным впечатлением (*Eindruck*) в противоположность осмысленному выражению (*Ausdruck*), с со-чувством с нашей стороны в противоположность со-мыслению. Тут имеет место “понимание” совсем особого рода — *понимание* в своей основе *без понимания*, — *симпатическое понимание*»²². Но ведь понимание же, хотя и в кавычках. Однако, Г. Г. Шпет и далее разделяет эмоцию и мысль, настаивая на совсем других тождествах (единствах): «экспрессии и есть сами эмоции (как слово есть мысль) — для воспринимающего, во всяком случае»²³. Подобное разделение есть, но одно за другое цепляется, что обеспечивает взаимодействие и взаимовлияние аффекта и интеллекта и позволяет говорить (хотя бы условно) об умных эмоциях и эмоциональном интеллекте как о единствах, в которых доминирует либо рация, либо эмоция. Возможно, эти единства (или порождающие структуры) в ходе своего сосуществования и взаимодействия порождают (пробуждают?) высшее единство — Разум, который, порой, даже может одолеть рассудок. Хотя разумность Разума не следует переоценивать:

²¹ Гроссман Л. Достоевский. Изд. 2-е. М., 1965. С. 450.

²² Шпет Г. Г. История как предмет логики // Шпет Г. Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005. С. 212.

²³ Там же. С. 284.

Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

А. Блок

К сожалению, только в идеале деятельность в целом и вплетенные в нее мышление и чувства не бесстрастны и не бессмысленны. Еще раз сошлемся на авторитетное высказывание Гёте, который видел в познании и мышлении бездны чаяния, высоту разума, подвижную стремительность фантазии, радостную любовь к чувственному. Казалось бы, гений должен был заслуживать доверия, но ни он, ни другие мыслители в течение столетий не смогли поколебать классического идеала рациональности. Вопреки очевидности, неклассическая рациональность (об идеале говорить рано) с трудом пробивает себе дорогу в научном сознании.

Предвосхищая дальнейшие сюжеты, отметим важнейшую особенность человеческого мышления. Найденный человеком смысл, рожденная им мысль — объективны; точнее, они становятся объективными в актах рефлексии. В таких актах мыслящее Я отделяет от себя возникшую мысль и может оценивать ее, как объект, как вещь, т. е. как нечто такое, что может, или не может реализоваться, что подлежит оценке, в том числе и нравственной, культурной, этической. И в этом смысле порожденная мысль есть действие. Более того, мысль, вовлеченная в событие, согласно М. М. Бахтину, становится сама событийной. Событийная мысль приобретает характер «идеи-чувства», «идеи силы», которые могут быть не безобидны, как не безобидны сделанные открытия. Кто знает, если бы великие физики-атомщики своевременно прочли написанные А. Белым в 1911 г. строки: *Мир рвался в опытах Кюри / Атомной, лопнувшей бомбой*, то, может быть, XX столетие было бы иным?

Если всерьез отнестись к известному комплименту, что человек — это homo sapiens, то мы придем к не менее известному положению о том, что мышление и бытие — это одно. Л. С. Выготский писал: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и сознание, наши потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции»²⁴. По сути дела, Л. С. Выготский, идя со стороны психо-

логии, по-своему, утверждает положение о бытийности мышления и мысли. Г. Г. Шпет намного раньше говорил об укорененности смысла в бытии и соглашался с Парменидом²⁵. Напомним, что Гегель, а за ним Э. В. Ильенков, К. Поппер утверждали тождество мышления и бытия. Об участии мышления в бытии много писал М. М. Бахтин, в аналогичном духе размышлял М. К. Мамардашвили.

С точки зрения теоретического или любого другого мышления приход мыслей есть загадка. Они могут придти отовсюду или возникнуть спонтанно. Учитывая тождество мысли и бытия, мыслью, точнее, материалом или поводом для нее, может стать что угодно: вещь, образ, представление, чувство, событие и т. п. Много из этого не заслуживает наименования мысли, в лучшем случае, — это прото-мысли. Хотя не забудем, что есть «ручное мышление», даже «ручные понятия», есть и образное и визуальное мышление. Во всех этих случаях мышления мы говорим о манипулировании, оперировании вещами, образами, знаками, символами и т. п. Говорим о порождении новых образов, несущих смысловую нагрузку и делающих значение видимым. Например, порождение смыслообразов двойной спирали генетического кода, бензольного кольца, планетарной модели атома (кстати, является ли такое мышление теоретическим?) и т. п. Если мысль случайна, спонтанна, то мышление, скорее всего, произвольно, оно подчиненно некоторой задаче, над ним, как над действием (согласно Н. А. Бернштейну), витает смысл мыслительной задачи.

Поставим в соответствии с требованием В. В. Давыдова вопрос, каковы же генетические корни мышления. Если для возникновения мысли времени не нужно (молния), или оно неизмеримо, поскольку неизвестна точка отсчета для его измерения, то для оперирования мыслями или протомыслями оно необходимо.

Начнем с того, как возможен переход от преадресованных, инстинктивных систем немедленного действия к свободным, разумным системам отсроченного действия?²⁶ Для этого нужно понять, как рождается пространство между или меж-событийное пространство. Чтобы избежать путаницы, сделаем необходимое пояснение. Необходимо различать буберовское пространство

²⁵ См.: *Шпет Г. Г.* Мудрость или Разум // *Шпет Г. Г.* Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 316.

²⁶ *Зинченко В. П.* Теоретические проблемы психологии восприятия // *Инженерная психология*. М., 1964. С. 231—263.

²⁴ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 357.

Между, например, между человеком и человеком. В этом случае Между может означать и «вместе»: слиянное общение, совокупное действие, коллективно-распределенная деятельность и т. п. И есть пространство между в индивидуальном поведении и деятельности: например, временные интервалы, зазоры между восприятием и действием, намерением и действием, решением и действием и т. п.

В простейшем случае, например, решение задачи выбора должно осуществляться в интервале, в зазоре между ситуацией выбора и самим выбором. М. К. Мамардашвили называл такой интервал зазором длящегося опыта²⁷. Но откуда берется зазор или особое пространство между ситуацией и ответом? Или иначе. Для концептуальных схем стимул — реакция, субъект — объект не заученные, не запланированные задержки в осуществлении реакции есть беда. Для схемы Человек — Мир задержка есть благо. З. Фрейд в статье «О двух принципах психической деятельности» писал о возникновении разрыва и задержки между внутренним импульсом и его разрядкой — удовлетворением. На обыденном языке можно говорить о зарождении терпения. Обратимся к самому Фрейду: «Взросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ним *сознания*. Сознание теперь научилось воспринимать, помимо качеств удовольствия и неудовольствия, также и качества, определяемые органами чувств. <...> Была выработана особая функция — *внимание*, в задачу которой входило периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится насущная внутренняя потребность в них. <...> Теперь выделилась новая функция двигательной разрядки, служившей в период господства принципа удовольствия средством разгрузки душевного аппарата от добавочного раздражения, и осуществлявшей эту задачу через направляемые вовнутрь тела иннервации (приводя к экспрессивным движениям и игре черт, а также проявлению аффекта). Двигательная разрядка теперь использовалась в процессе целесообразного изменения реальности; она превратилась в действие. <...> Ставшая необходимой задержка двигательной разрядки (действия), осуществлялась процессом размышления, возникшим из представления идей. Мышление обрело свойства, благодаря

²⁷ Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109—125.

которым душевный аппарат мог вытерпеть повышенное напряжение стимулов за время отсрочки процесса разрядки»²⁸.

Не будем вслед за Фрейдом спешить и сразу говорить о сознании и мышлении. У Биона²⁹ более осторожен. Он рассматривает способность терпеть фрустрацию как фактор, внутренне присущий личности маленького ребенка, фактор, имеющий большое значение для процесса формирования мышления и способности размышлять. Терпимость к фрустрации (начало умения «держаться паузу» и, соответственно, произвольности), согласно У. Биону, приводит в действие механизм, *модифицирующий* ее, что, в свою очередь, в случае младенца приводит к продуцированию образов и мыслей, представляющих собой «вещи в себе». Если способность терпеть фрустрацию достаточная, то, например, отсутствие материнской груди становится мыслью и развивается «аппарат для обдумывания мыслей». У Биона предположил, что мысли существуют *изначально* (пока поверим в это, хотя нужно уточнить перевод) и являются причиной появления аппарата манипулирования ими, называемого мышлением. В такой последовательности — сначала мысль, затем мышление — с генетической и гносеологической точек зрения есть свой резон. Беспредметное (не-бытийное) мышление невозможно. Сначала должен появиться предмет размышления. Его появление, правда, не гарантирует думания: думать трудно.

Существенно, что мысль появляется во время паузы, покоя. Д. Винникот назвал такую паузу местом отдыха (*restigs place*). После появления мысли или, точнее, появления мысли может вызвать новый прилив ожесточенного действия. Все же *Служенье муз чего-то там не терпит...* (И. Бродский).

Аналогичные размышления возможны и относительно соотношения аффекта и интеллекта. Конечно, Л. С. Выготский был прав, говоря об их единстве. Но правы и З. Фрейд, и У. Блон, утверждавшие, что для возникновения мышления необходимо преодоление фрустрации, претерпевание ее. Аффект — плохой советчик в таком серьезном деле, как мышление. Здесь та же ситуация, что и с действием: после возникновения мысли возможен новый прилив

²⁸ См. Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э. Введение в работы Биона: Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика. М., 2007. С. 57—58.

²⁹ Блон У. Р. Научение через опыт переживания. М., 2008.

фрустрации, аффекта. Не станем отрицать положения о единстве аффекта и интеллекта, как и о единстве действия и мысли. Но оба единства весьма противоречивы. Между аффектом и интеллектом, как и между противоречивым «единством сознания и деятельности», существуют, скорее, реципрокные отношения, они осуществляются со сдвигом по фазе. Возможно, между ними существуют отношения взаимного порождения или, как минимум, взаимного пробуждения или побуждения. Такими же можно представить себе взаимоотношения между мышлением, мыслью и действием. Дополнительным аргументом в пользу обоих рассмотренных отношений мысли к действию и к аффекту является давнее утверждение Р. Декарта о том, что действие и страсть — одно. В соответствии с этой максимой они совместно препятствуют мышлению, что не противоречит тому, что последнее тоже есть действие, но действие умственное.

Итак, мы определили условия возникновения пространства Между, в котором возникает (рождается) особая форма активности, направленная на создание (конструирование) «аппарата для думания мыслей». Правда, ни Фрейд, ни Блондело ничего существенного, кроме того, что этот аппарат манипулирует готовыми мыслями или прото-мыслями не сообщили. Примем, что это «место» есть место зарождения особого вида активности (деятельности), направленной на создание новых динамических функциональных органов (индивида и нервной системы). Если говорить в терминах культурно-исторической психологии, то это «место» есть место для создания новых психологических систем-новообразований. Конечно, к числу новых рабочих, динамических функциональных органов или новых психологических систем относится не только «аппарат для думания мыслей», не только «орган сознания, предназначенный для наблюдения за другими психическими функциями» (З. Фрейд), но и более простые функциональные органы, и психологические системы. Тем не менее, своя правда в размышлениях психоаналитиков о самом сложном имеется. Ведь, взявшись за «простое», можно обнаружить его сложность, углубиться в нее и забыть о первоначальном замысле.

Читатель, видимо, уже догадался, что для понимания «чуда мышления» одного мышления, даже теоретического, недостаточно. В свое время В. Келер проницательно заметил, что интеллектуализм наиболее беспомощен в объяснении интеллекта.

Приходится обращаться к познанию, к онтологии, экзистенциализму, феноменологии, анализировать (или редуцировать) опыт непосредственных переживаний, разумеется, и к рефлексии. Выше речь шла о том, что посредством рефлексии, самонаблюдения, самосознания (по крайней мере, обрывков фрагментов всего перечисленного) получен богатый спектр ответов на вопрос, что стоит *за* мыслью. Очевидно и то, что стоит *перед* мышлением и мыслью. Это — мир с его неопределенностью, непредсказуемостью и проблемами (реальными или надуманными). Найдено и «место» мышления, находящееся в зазоре длящегося опыта, где наблюдается «активный покой» — он же и беспокойство или «вихревое движение Декарта» (А. А. Ухтомский). Дело осталось за малым — понять, что же есть самое мышление? Интуитивно ясно, что ответить на этот вопрос, не обращаясь к наблюдению, невозможно. Ясно и то, что рефлексия в ее привычном, связанном с «я» пониманием, бессильна дать на него ответ. Иначе он давно был бы известен.

Выше говорилось, что подуманное больше подуманного. Казалось бы, что думание больше и шире рефлексии над думанием. Однако, в этом случае не все так просто. Она и уже и шире мышления. Шире потому, что она является инструментом (не всегда осознаваемым) сознания и деятельности. Она же инструмент осознания идентичности «я» и вообще она — инструмент жизни, работающий как вместе с «я», так и без «я». В последнем случае мы имеем дело с процессуальной фоновой рефлексией. То есть рефлексия со всех сторон окружает мышление (и *post*, и *pre*), но рефлексия с «я» не может проникнуть в его сердцевину. Видимо, это заставило А. М. Пятигорского развести понятия «наблюдения» и «рефлексии». В своих лекциях по обсервационной философии он сформулировал Постулат Наблюдения: *«нечто устроено как то, что наблюдается и наблюдает»*. Но так устроено именно *нечто*, а не мир и не все. <...> Нечто — *это объект такого мышления, в котором нет мыслящего об этом объекте*³⁰. Довольно парадоксально утверждение: мыслящего «я» нет, а способность к наблюдению есть. Однако, этот парадокс вполне жизненный, действительный. А. М. Пятигорский как бы десубъективирует (или депсихологи-

³⁰ Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. Riga, 2002. С. 9—10.

зирует) *умственную активность*. И вместе с этим он пишет, что ««наблюдение», с одной стороны, уже предполагает совершенной, пусть неосознанно, какую-то рефлексию в отношении чувственного (да и любого другого) восприятия наблюдаемого объекта, а с другой — предполагает определенное интенциональное состояние наблюдающего»³¹. Сказанное о «неосознанной, какой-то рефлексии» не в меньшей, если не в большей, мере относится к действию, в котором тоже без «я» происходит сравнение текущего движения с требуемым, в котором несомненно присутствует интенция. А. В. Запорожец писал, что действие оказывается «умным» вовсе не потому, что им руководит какой-то высший и посторонний ему интеллект. К такой «объективной живой субъективности» относится и неосознаваемая, фоновая рефлексия. И как таковая она не поддается «языку внутреннего», и несмотря на это она уже подвергнута объективному исследованию. Суть ее (выраженная в терминах А. М. Пятигорского) состоит в следующем. Чувственность может рассматриваться как «нечто», что наблюдается и наблюдает. Аналогичным образом, живое движение тоже может рассматриваться как «нечто», что исполняется и наблюдает. Результаты одного и другого наблюдения окажутся бесполезными, если они не будут иметь отношения к интенциям, задачам и смыслу поведения, деятельности, действия. Фоновая рефлексия — это не просто сведение непосредственных показаний чувственности к ситуации и ее возможного развития и чувственности к движению и возможностей его осуществления в одно, в чувство могу, успею, совладаю. Такому сведению предшествует извлечение (конденсация) смысла каждого из этих разных видов «наблюдений». Именно столкновение извлеченных смыслов порождает смысловую санкцию (или запрет) на продолжение действия или на изменения его направления, темпа и других черт. Интуитивно это приемлемо и не может вызвать возражений. Поразительно, что подобное сравнение и сведение в одно происходит несколько раз в секунду при выполнении даже простых движений³². Регуляция «простого» чудовищна по своей сложности, так как предметом такого акта сведения — сравнения — оценки —

³¹ Там же. С. 19.

³² Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26—41.

смысловой санкции предстоящего действия являются временные и пространственные приметы актуальной ситуации и собственные возможности действия в ней (с ней, над ней). При этом актуальность включает в себя прошлое и будущее, т. е. пространственно-временную прямую и обратную перспективу. Понятый таким образом акт неосознаваемой процессуальной фоновой рефлексии одновременно является актом чувственной интуиции, возможно содержащий в себе зачатки интуиции интеллектуальной.

Неподвластность фоновой рефлексии, будь она в перцепции, в действии или в мышлении, «языку внутреннего», не противоречит возможности присутствия в таких актах постулированного А. М. Пятигорским «внутреннего наблюдателя». Такого «внутреннего наблюдателя» А. М. Пятигорский условно обозначил как «Reflex Z» — это рефлекс без «я», он *не-личностен*, а, скорее, *вне-личностен*. В Рефлексе Z держатся вместе три аспекта мышления: мыслящий, мышление и мыслимое. М. К. Мамардашвили (еще до «изобретения» своим другом А. М. Пятигорским Рефлекса Z) неоднократно подчеркивал необычайную трудность (почти невозможность) держания в мысли всех трех аспектов такого мышления. Я затрудняюсь ответить, является ли такое мышление теоретическим, может быть это какое-то «сверх-мышление», остающееся до сих пор непроницаемым для исследования. Оно изредка может случаться, что уж тут говорить о его формировании. Однако, путь к его пониманию — это путь даже не столько теоретический, сколько философский, правда, не лишенный прагматики, прежде всего рефлексивной. Заклучая разговор о рефлексии, приведем полезное для психологического анализа мышления положение А. М. Пятигорского о том, что рефлексия не только необходима для думания о думании, она ему предшествует. Более существенно расширение автором Постулата Наблюдения: мышление *как мыслимый объект относится к таким объектам, в условия существования которых входит мышление о них*³³. Думание о думании не только условие возможного познания мышления, а условие его существования.

Но вернемся к вопросу о корнях мышления. Заглядывание внутрь самого себя, внутрь своей души или своего мышления име-

³³ Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. Riga, 2002. С. 149—150.

ет свои пределы. Человек значительно более отчетливо видит свою душу, вкладывая ее в другого или в дорогое ему дело. Так же и мышление: больше видит себя не в себе, а в своих результатах. Сейчас нас больше интересует не полнота наблюдаемости мышления за мышлением, а то, что рефлексия не может выявить корни мышления, ответить на вопрос: откуда оно? Этот же вопрос остается в силе, даже если мы признаем фоновую рефлексия таким корнем или зачатком мышления. Мы ведь и рефлексия и мышление связали с зазором длящегося опыта. Но в зазоре они *появляются*, а не *возникают*. А если опыта еще нет? Возможно ли вообще усвоение опыта без мышления? Не прав ли был О. Мандельштам, сказавший:

И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Не может ли к этим *чертам* относиться мышление или, по крайней мере, мысль, о предшествовании которой мышлению писал У. Бион? Здесь полезны размышления А. М. Пятигорского о том, что знание и мышление пока остаются в разных мирах: «Есть один момент этики, относящийся к знанию: я не могу винить никого в том, что он чего-то не знает. Но я могу его винить в том, что он о чем-то не думает. Ведь я могу знать о чем-то, не думая об этом ни мгновения, но могу думать о чем-то всю жизнь и не достичь знания об этом объекте. <...> Именно поэтому, с точки зрения этики, а не только семантики, “мыслить” гораздо ближе к “хотеть” или “мочь”, чем “знать”»³⁴. Автор достаточно категорически утверждает, что «мышление не может, иначе чем крайне гипотетически, ни отождествляться с процессом знания, ни, менее всего, выводиться из уже достигнутого знания»³⁵. Заметим, что на этом различии основана вся система развивающего обучения Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова. Для дальнейшего полезно еще одно различие, которое обсуждает А. М. Пятигорский: «является ли мышление мыслительным действием (mental action) или мыслительным событием (mental event)? Я думаю, что это не просто разные выражения для одного и того же, но что эта альтернатива указывает разницу

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же.

в смыслах. “Действие” может имплицировать вопросы “чье?” или “кого?”, то есть опять же отсылает нас к “мыслящему”, каковая отсылка необязательно предполагается словом “событие”»³⁶. Не менее существенное различие состоит в том, что событие, а особенно событие мысли, случается чаще всего спонтанно, а мыслительное действие, как и любое другое, подчинено задаче, намерению, обладает чертами произвольности и т. п. И, как действие, оно, правда, с трудом поддается формированию. П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, В. В. Давыдов и Д. Б. Эльконин *через* формирование различных умственных действий вели учащихся к запоминанию и усвоению знаний. Нас же интересует возможность доопытного события мысли, т. е. проблема «корней» и начала. Нельзя сказать, что это проблема совершенно новая. В. В. Давыдов сочувственно приводит оценку Л. С. Выготским концепции Ж. Пиаже: «Для Пиаже показателем уровня детского мышления является не то, что ребенок знает, не то, что он способен усвоить, а то, как он мыслит в той области, где он никакого знания не имеет. Здесь самым резким образом противопоставляется обучение и развитие, знание и мышление»³⁷. В. В. Давыдов соглашается с этой оценкой³⁸. Но ведь именно на этом противопоставлении основана его идея развития теоретического мышления. Если оно не готово решать беспрецедентные задачи, зачем оно нужно? Думаю, что имеет смысл прислушаться к другому ходу мысли. Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский, М. Хайдеггер, В. В. Бибихин ставили во главу угла не обучение, не развитие, а наличие у человека «интеллигибельной интуиции», «принимającego бытийного понимания», чувства «могу-мыслю-понимаю», словом, наличие доопытной готовности овладения словом и культурой. Все перечисленные авторы писали о невероятном, несопоставимом по своей глубине с рефлексиями и инстинктами богатстве этого недифференцированного начала и связывали его с единством рождения и принадлежностью к человеческому роду»³⁹. Главным в доопытной готовности является шпетовская ин-

³⁶ Там же. С. 143—144.

³⁷ Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 227.

³⁸ Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986. С. 80.

³⁹ См. более подробно: Зинченко В. П. Мысль и слово: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современные проблемы гуманитарного знания. М., 2006. С. 82—134.

теллигибельная (понимательная) интуиция, которая под влиянием развития и обучения становится чувственной и интеллектуальной. Равновеликим понятию интеллигибельной интуиции является, введенное А. А. Ухтомским, понятие интуиции совести, которую он рассматривал как таинственный и судящий голос внутри нас, собирающий унаследованные впечатления от жизни рода. Вне интуиции, какой бы она ни была, невозможно никакое мышление. Но то же самое можно сказать и о рефлексии, будь она осознаваемой или неосознаваемой. Характеризуя литературное творчество, Г. Г. Шпет писал: «Начиная с момента выбора сюжета и до последнего момента завершения творческой работы, стилизующая фантазия действует спонтанно, однако, каждый шаг здесь есть *вместе* и рефлексия, раскрывающая *формальные* и идеальные законы, методы, внутренние формы и пр., усвоенного образца»⁴⁰. Рефлексию в контексте спонтанного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент, подобный мандельштамовской удовлетворенности, равной чувству исполненного приказа.

Возвращаясь к проблеме корней мышления, добавим к интеллигибельной интуиции способность к неосознаваемой рефлексии, порождающей чувства «понимаю», «могу», «хочу». В итоге мы получим некоторое первичное интегральное (синкретическое) образование, своего рода симптомо-комплекс, в котором в недифференцированной пока еще форме присутствуют праформы всех классических атрибутов души — познания, чувства и воли. Их дифференциация на отдельные психические функции, акты обязана вековым усилиям философов и психологов. Когда в результате этой работы душа испарилась, а познание, чувство и воля перестали узнавать друг друга, настало время собирать камни. Попытки собрать разделенное наново получили название пути к неклассическим формам рациональности.

⁴⁰ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 487.

Раздел II. Методологические стили современных психологических исследований

Введение Феномен человеческой психики: между культурно-историческим и деятельностным подходами

То, что ныне фактически происходит в сфере научного знания, можно представить как эпистемологическое и методологическое сближение социально-гуманитарных и естественных наук по целому ряду направлений. Мы сегодня можем констатировать, что и их предметность, и их инструментарий, и даже цели не столь уж разнонаправлены, и уж во всяком случае, вполне соотносимы¹. Иное дело, каким образом могут быть концептуально и исторически оценены сами эти процессы.

По существу, речь идет о стратегическом культурном выборе, и для науки, и для философии науки и эпистемологии. Ведь очень по-разному можно посмотреть на эту ситуацию сближения, разное увидеть и весьма разные выводы сделать (в том числе практические). Если рассматривать ее как процесс «перемешивания» элементов «жесткого» варианта науки (ориентированного на объективность, количественную выразимость, концептуальную строгость и пр.) и «мягкого» (ориентированного на непосредственные социокультурные запросы, совмещающего под их давлением различные качественные характеристики объекта и пр.), то применительно к науке в целом можно говорить о нарастании энтропии, т. е. о размывании стандартов в том виде, как они сложились в рамках прежде всего естественнонаучных дисциплин. При этом можно, конечно, предвкушать рождение из этого «хаоса» чего-то совсем нового и «сверхсовременного». Но что сегодня точно можно констатировать с этой точки зрения, так это размывание образцов, которым следовало естествознание с Нового времени и которым изначально пыталась следовать социально-гуманитарная наука.

¹ См. об этом статью: *Лекторский В. А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3.

Для нас предпочтителен, однако, иной взгляд на процессы сближения естественных и социально-гуманитарных наук. Мы не считаем, что в результате этих процессов наука в целом должна отказаться от методологических стандартов и требований, аккумулировавших в себе познавательный опыт естествознания. Так что, скажем, привнесение методов социально-гуманитарных наук (элементов диалогичности, семиотических методов и пр.) в естествознание совсем не означает с этой точки зрения, что естественнонаучные дисциплины неизбежно отступают от своих традиционных дисциплинарных установок. Конечно, свои методологические особенности есть и у комплекса социально-гуманитарных наук, и у комплекса наук естественных. Поэтому-то и возникает вопрос: по каким направлениям происходит сближение этих комплексов и что оно означает? Конечно же, в результате этого сближения меняется интеллектуальный фон научно-познавательной деятельности, меняются некоторые онтологические предпосылки. Но в целом взаимопроникновение методов и соответствующих методологических установок отнюдь не обязательно ведет к разрушению дисциплинарной структуры науки. И задача исследователя в таком случае — осмыслить механизмы и условия конструктивности происходящих процессов, условия, при которых они противостоят тенденциям, размывающим дисциплинарные стандарты научности.

В сегодняшней научно-познавательной реальности (и в собственно научно-познавательных практиках, и в философско-методологической рефлексии над ними, и в их интеллектуальном и культурном окружении) можно обнаружить тенденции и оценки, акцентирующие как консолидацию дисциплинарных структур науки, так и размывание их. При этом в философско-методологической литературе преобладают сегодня вторые. Здесь мы хотим акцентировать внимание на наличии в современной науке тенденций, противостоящих размыванию ее стандартов и способствующих сохранению дисциплинарной строгости даже в ее наиболее гуманитарных областях. Чтобы достаточно ясно представить эти тенденции в их противостоянии «размывающим» тенденциям, обратимся к дихотомии фундаментальной и прикладной науки, где четко обнаруживаются различия междисциплинарного взаимодействия в исследовательских контекстах.

И в качестве примера фундаментальной научности в гуманитарном исследовании приведем деятельность М. Л. Гаспарова. До

совсем недавней поры именно он олицетворял в отечественной филологии позицию традиционно научного литературоведения, ориентирующегося на строгую дисциплинарность. Вот суждение на этот счет Н. С. Автономовой. «В любом случае, — отмечает она, — очевидно, что, строя свою науку, Гаспаров бросает вызов многим нынче принятым представлениям. Он нам неудобен, он нам мешает. Например, у нас уже давно нет вкуса к ясности и простоте (скорее к сложности, непонятности, эзотеричности), а он настаивает на том и на другом. У нас теперь большая любовь к междисциплинарности (вне интереса к единым основаниям разных дисциплин), а он, несмотря на все попытки провозгласить его провозвестником нынешнего междисциплинарного бума, постоянно все разделяет и разводит: писатель — не то, что ученый, критик — не то, что исследователь, философ — не то, что филолог и проч. Он не только дисциплины не смешивает, но и внутри своей дисциплины фактически превращает области “поуровневого” анализа в отдельные науки. Пока мы не разобрались с метрикой и ритмикой, не будем лезть в семантику, пока не разобрались с массивными закономерностями по векам и эпохам, не будем углубляться в анализ отдельных явлений, заметных лишь на фоне общего. У нас на дворе всеобщая креативность, а он демонстративно напоминает нам про то, что настоящие культурные герои — хороший редактор, который улучшает чужое, не навязывая своего, или знающий свое дело библиотекарь, который вовремя посоветует нужную книжку...»².

На наш взгляд, это достаточно убедительная демонстрация того, как подходы фундаментальной науки с ее идеалами строгой дисциплинарности реализуются в области сугубо гуманитарной. И это отнюдь не превращает гуманитарную науку в естественную. Это просто позволяет людям, сведущим в области литературы, быть еще и учеными-исследователями, литературоведению быть еще и наукой. Хотя, конечно, сегодня мы так боимся обвинений в сциентизме и редукционизме, что воспринимаем как «компромат» ссылки на естественнонаучные истоки общенаучных математических методов, применяемых в гуманитарных изысканиях и, собственно, делающих эти изыскания научными.

² Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 271.

А вот, например, каким образом определял метод литературоведения Б. И. Ярхо (его методологический опыт во многом был использован М. Л. Гаспаровым): «Поскольку литературоведение в этом аспекте представляется как наука о жизни, то и по методу она должна быть объединена с дисциплинами биологическими. Человек — продукт природы, и его произведения не могут быть изъяты из общего потока жизни, три главных момента которой — множественность, непрерывность и изменчивость — положены здесь в основу метода. Метод этот — сравнительно-статистический, поддерживаемый, насколько возможно, экспериментом. Применение вариационной статистики здесь, как и везде, исходит из того положения, что число является самой объективной категорией мышления и математическое доказательство обладает наибольшей всеобщностью. Принцип применения статистики таков: ни одна статистическая величина не вводится без морфологического анализа, т. е. без проверки того, какие реальные литературные явления она отражает. Возможно, что некоторые неиспользованные мною статистические приемы, в которые сейчас не удастся вложить конкретное литературное содержание, впоследствии найдут применение. В некоторых местах пришлось приспособить статистику *ad usum postquam* и ввести кое-какие новые методы и величины, особенно в применении к истории литературы. Кладя количественный учет и микроанализ в основу исследования, я только предлагаю сделать для литературоведения то, что полтора года тому назад сделал Лавуазье для химии, и не сомневаюсь, что результаты не заставят себя ждать»³.

Эта цитата взята из тома работ Ярхо, который выпустили недавно его последователи-филологи. Само издание этого труда позволяет утверждать, что сегодня в гуманитарной сфере существует интерес не только к междисциплинарным взаимодействиям, ориентированным на конкретные прикладные цели и под эти цели размывающим дисциплинарные границы, но, кроме того, ведется работа, которая может быть охарактеризована как фундаментальное, дисциплинарное исследование. Впрочем, надо признать, что не такого рода работа до-

³ Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: набросок плана // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2006. С. 7.

минирует сегодня в области социально-гуманитарных исследований. Вот как об этом говорят сами филологи (авторы предисловия к цитированному тому): «Идеал научности, самоочевидный во времена Ярхо, потерял свою привлекательность для подавляющего большинства гуманитариев: сегодня господствующей идеологией в этой области является солипсизм. А так как научное знание, ограниченное по своей природе, добывается с трудом и сообща, почти полное отсутствие последователей может в конечном итоге обесмыслить дело всей жизни ученого»⁴. И далее: «Но и сегодня, через шесть десятилетий после кончины выдающегося филолога, всех его приверженцев и последователей можно пересчитать по пальцам — и это несмотря на огромный потенциал его мысли, обещающий вернуть литературоведению авторитет и утраченное интеллектуальное здоровье»⁵.

Приведенные выше примеры — это, если можно так сказать, образцы фундаментального исследования в сфере гуманитарных наук. В прикладных исследованиях мы получаем совсем иную картину. Мы обнаруживаем тогда именно размывание дисциплинарных границ, которое сегодня принимается за норму научного исследования в господствующих философско-методологических концепциях. И как раз здесь мы имеем «смешение» дисциплинарных подходов и методов, оправдываемое исключительно локальными прагматическими целями. Впрочем, «утешая» фундаментально ориентированных гуманитариев, приходится констатировать, что даже естествознание, даже математика отстают в этом случае от дисциплинарных требований. И, кстати, именно в этом случае, мы говорим о знании, но не о науке, по крайней мере не о научном знании.

Не углубляясь в эту сложную (имеющую фундаментальную философско-методологическую подоснову) дискуссию, заметим, что ориентированное на указанный логический ход обсуждение данной проблемы — обязательное условие ее методологически эффективного рассмотрения. Но лишь одно из условий. Принципиально важным, необходимым для понимания методологической сути этого комплекса вопросов сегодня мы считаем несколько иной логико-методологический ход.

⁴ Акимова М. В., Шапир М. И. Борис Исаакович Ярхо и стратегия «точного литературоведения» // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. С. V.

⁵ Там же. С. XXIII.

Мы можем представить себе науку (всю науку, всю сферу современного научного познания) как некоторую целостную область познавательной деятельности, внутри которой существуют различные научные дисциплины и даже типы наук (естественные, общественные, гуманитарные, фундаментальные, прикладные). И мы можем констатировать, что различные фрагменты, сферы научно-познавательной деятельности как целостного феномена могут весьма сильно различаться. Охватить же это целое и не потерять из поля зрения специфику фрагментов можно, обратившись к предложенному Л. Витгенштейном понятию «семейных сходств».

Все родственники чем-то похожи друг на друга, хотя это «что-то» может быть различным. Области науки могут сильно различаться, но их принадлежность к «семье» фиксируется, опираясь на то реальное обстоятельство, что сами эти области постоянно соотносятся друг с другом. При этом мы рискуем утратить четкие формальные границы феномена (и астрология может претендовать на статус науки, и гадание по бараньей лопатке можно представить как модельное предсказание). Чтобы свести риски к минимуму, мы должны формировать представление о науке как таковой через обращение к ее культурным функциям. Научность в данном случае удерживается за счет указания на культурную цель, инициирующую и поддерживающую социокультурное усилие сообщества людей, посвятивших свою жизнь поиску объективной истины.

Эта целевая установка науки рефлексивно осознается как культурно-историческая потребность в познании. Она фиксируется в виде культурно-исторического сознания, закрепляющего культурную ценность познания как такового и разрабатывающего методологические процедуры, необходимые для поддержания этой цели — рациональность, эмпирическую обоснованность, эмпирическую воспроизводимость и главное, возможность использовать существующее знание для получения нового знания. В этом состоит установка фундаментальной науки, в том числе и психологии. Сегодня эта область знания переживает новый подъем. Она переосмысливает свои основания, ищет свои истоки и непрерывно рефлексивно осваивает области смежных с ней психологических сфер и подходов. В этой научной области знания мы также наблюдаем взаимопроникновение естественнонаучной и гуманитарной установок.

Глава 1

Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы

Введение

Проблема

За последние десятилетия отечественная психология неузнаваемо изменилась. Численность психологического «населения» выросла в десятки и десятки раз, и подавляющее большинство психологов теперь занято практической психологической работой. Дело не только в количественных переменах, произошло радикальное структурное преобразование дисциплины. Долгие годы слово «психология» означало у нас «психологическая наука»: это была своего рода голова профессора Доуэля, глубоко мыслящая, дававшая порой дельные советы практикам — врачам, педагогам, военным, но лишенная тела — собственной, психологической практики.

Формирование психологической практики как особой социальной сферы принципиально изменило и положение психологии в социуме, и положение внутри самой психологии. Глобальная проблема современной отечественной психологии состоит в расщеплении между «головой» и «телом», между психологической наукой и психологической практикой. В ряде областей психологии, где сильны были практико-ориентированные наработки академической психологии (например, в нейропсихологии, педагогической психологии), этот разрыв не столь заметен, но есть одна, ключевая для психологической практики сфера — психологического консультирования и психотерапии, где наблюдается настоящий схизис между традицией отечественной психологической науки и складывающейся практикой¹.

¹ Василук Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1995. № 6. С. 25—40.

Хотя и в этой сфере одной из авторитетных отечественных психологических теорий, а именно — теорией отношений В. Н. Мясищева², были заложены основания для построения вполне жизнеспособной психотерапевтической концепции, но именно в области психотерапии процесс развития самостоятельной психологической практики шел так бурно и так безоглядно, под таким мощным влиянием знаменитых западных психотерапевтических школ, что успело вырасти целое поколение психологов, чья профессиональная идентичность совпадает с названиями этих школ, и, увы, среди легиона новоявленных психоаналитиков, гештальттерапевтов, психодраматистов, рожерианцев, юнгианцев и пр. нелегко отыскать психолога-психотерапевта, гордо именующего себя «мясищевцем», а уж, например, «леонтьевца» не стоит и пытаться искать.

Говоря о схизисе в области психотерапии, психологической науки и практики, нужно понимать, что практика психотерапии — это не «всадник без головы», не просто сиротское эмпирическое ремесленничество, которое мечтает найти теоретического опекуна и от него получить концептуальное оправдание и назидание, освящение и руководство. Каждая из психотерапевтических школ, саженцы которых стали расти в нашей, далекой от Вены, Лондона и Сан-Франциско провинции, вполне оснащена собственными теоретическими моделями и не нуждается для своего развития в переосмыслении средствами той или иной местной, отечественной общепсихологической теории. Да и каждая из последних вряд ли захотела бы и смогла бы стать «головой» для, предположим, психоаналитического «тела», даже если бы и возможно было вместо ритуальной в советские годы марксистской критики психоаналитической теории (заметим, всегда одной лишь теории! — не метода), отделить это тело с помощью некой методологической гильотины для благотворного воссоединения его с новой, правильной головой. Словом, когда речь идет о практике психотерапии в ее развитых формах психотерапевтических школ, мы имеем дело с целостными теоретико-практическими организмами, реализующими собственную генетическую программу и стремящиеся к собственному распространению и воспроизводству.

В результате насаждения различные разновидности авторитетных западных психотерапевтических школ все более распростра-

няются, постепенно набирают силу, а отечественная общая психология не знает, как к этой растительности отнестись, своего сада тоже не сажает, и от этого разрыв между психологической наукой и психологической практикой, оформившийся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. еще и как разрыв поколений (старого, занимавшегося якобы только наукой, и молодого, занявшегося, наконец, практикой), кажется все более безнадежным.

Отечественная психологическая традиция долго вынашивала мечту о рождении психологической практики, но когда практика родилась и набрала силу, оказалось, что эта птица из совсем другого гнезда, и она готова лишь к распространению своего генетического вида на новых территориях, а уж вовсе не к кооперации и тем более служению туземным психологическим теориям.

Пропасть между психотерапией и отечественной психологической наукой — факт, имеющий не частное, локальное, а принципиальное значение для отношений между практикой и наукой в нашей психологии, поскольку психотерапия, как показал весь опыт развития психологии в XX столетии, — это не рядовая практическая дисциплина, а системообразующее ядро, законодательница мод для всей разветвленной системы психологической практики и практической психологии³, да и общепсихологической теории. Таким образом, проблема, в которой решается судьба отечественной психологической традиции, состоит в том, удастся ли методологический «брак» между психологической наукой и психотерапией, потому что от этого во многом зависит, удастся ли преодолеть схизис между психологической наукой и психологической практикой вообще.

Это, на наш взгляд, самая актуальная психологическая проблема последних 20 лет. Особую актуальность, остроту, но и особые надежды на ее позитивное разрешение задают процессы и ситуация в психологическом образовании. Если в конце 1980-х — начале 1990-х гг. образовательный маршрут большинства подвигающихся в области психотерапии наминал прыжки по болотным кочкам, от одного «воркшопа» к другому, то к середине 1990-х гг. складывается устойчивый спрос и предложение длительной систе-

³ Об этом различии см.: *Васильюк Ф. Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15—32.

² См.: *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М., 2004.

матической подготовки на основе базового университетского психологического образования. Этот спрос, с одной стороны, бросает отечественной научно-психологической традиции серьезный вызов, а с другой, дает исторический шанс.

Научно-психологическая традиция поставлена перед радикальным вопросом: сможет ли она породить такую методологию, теорию и методы, которые соответствовали бы реальности нового положения психологии в социуме и новой ситуации внутри самой психологии, сможет ли она дать продуктивный синтез психологической теории и практики вообще и в области психотерапии в особенности. Психотерапия стала сейчас в методологическом отношении проблемным камнем для всей отечественной научно-психологической традиции. Не сможет она выдержать испытание психотерапией — без нее обойдутся в практике, потом в образовании, а затем и в самой науке.

Не стоит при этом думать, что главный вопрос стоит в плоскости конкуренции (экономической или идеологической) «чужого» и «нашего». Суть дела глубже и принципиальней. Если дух традиции выветрился, если она не может полноценно служить ни истине, ни пользе, это грустно, но не поливать же, в конце концов, высохшее дерево из одних лишь ностальгических или ложно-патриотических настроений, вместо того, чтобы заботливо выращивать у себя привезенные из-за моря саженцы, которые рано или поздно дадут же и на нашей почве плод. Словом, психотерапевтическая практика и психотерапевтическое образование поставили отечественную научно-психологическую традицию не только в ситуацию жесткой конкуренции, не только в ситуацию выживания, они поставили ее перед сократовской задачей познать самое себя и ответить на вопрос: есть ли в ее корнях и истоках, в ее генотипе потенции порождения полноценных психологических (и в частности психотерапевтических) практик. Ответить на этот вопрос и вызов нельзя декларативно, в такой ситуации принимаются только действенные практические ответы.

Цель

Цель данной главы — представить в сжатом, конспективном виде *опыт* построения психотехнической системы психотерапевтической помощи в русле отечественной психологической традиции, системы, получившей название «понимающая психотерапия».

Поясним формулировку. Речь идет именно о «психотехнической системе». Это не просто психологическая теория, которая научно объяснила бы механизмы психотерапевтического процесса. Это не просто практический психотерапевтический метод, который основывался бы на той или другой общепсихологической теории и являлся бы эффективным приложением этой теории в сфере психотерапии. «Психотехническая система» — это специфический «организм», включающий в себя психологическую теорию и практический метод, организм, где теория включает практику как основу всякой своей научной операции, где теория своим предметом делает не некий «объект», а «практику-работы-с-объектом», где адресатом теории является психолог-практик, и где, с другой стороны, практика является не просто изнутри просвещенной и извне оправданной данной теорией, а где сама она является центральным исследовательским методом⁴.

В это представление о психотехнической системе необходимо внести важную инновацию. Полноценная психотехническая система кроме «психологической теории» и «психологической практики» включает в себя как жизненно важный внутренний орган «психотехническое образование». История развития психотерапии породила специфические формы трансляции знаний и опыта в виде «психотерапевтических мастерских», «супервизии» и «дидактической терапии». Главная черта всех этих образовательных форм в том, что в них осуществляется не безличная трансляция готовых объективных знаний и приемов, а всякий раз рождение живого опыта в процессе обучения, куда личностно вовлечены и ученик, и учитель, т. е. вовлечены не как функции и роли, а как персональные носители уникального жизненно-профессионального опыта, опыта, в котором сплавлено многое — теоретические предпочтения и философские интуиции, темперамент и коммуникативный стиль, ремесло и судьба. Сам образовательный процесс является и главным стимулом теоретической рефлексии практики в психотехнической системе, и опытно-экспериментальным полигоном, и незаменимым исследовательским методом.

⁴ См.: *Василюк Ф. Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15—32; *Лущерей А. А.* Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. М., 1986.

Итак, психотехническая система является «органическим» синтезом психологической теории, практики и образования, в котором синергия этих трех главных органов только и способна решать задачи познания, действия и трансляции опыта.

«Объект и предмет»

В приведенной выше формулировке общей цели работы сказано о построении психотехнической системы «*психотерапевтической помощи*». Пояснить эту часть формулировки — значит, охарактеризовать объект и предмет исследования.

Объектом его является практика индивидуального психологического консультирования (психотерапии, психологической помощи). В исходной точке данного исследования эти выражения отождествляются⁵, поскольку их строгое понятийное (а не интуитивно-эмпирическое) различие должно опираться на целый комплекс теоретических конструкций и не может быть предпослано необходимой концептуальной работе.

Предмет исследования формируется с помощью систематической методологической «огранки» объекта исследования. Для этого объект последовательно помещается в разнообразные контексты, где относительно него ставятся различные вопросы, для ответа на которые привлекаются или создаются теоретико-методологические и теоретико-методические схемы, в результате чего и происходит прорисовка граней предмета исследования. Конкретно, основные этапы формирования предмета исследования состоят в следующем:

а) *Социокультурный контекст.* Психологическая помощь рассматривается как одна из социокультурных практик в со- и противопоставлении медицине, педагогике, религии и т. д.; ставится вопрос о специфике этой практики по параметрам «целей и ценности», «измерения человеческого бытия», к которому апеллирует данная практика, «продуктивного процесса», «проблемных ситуаций-поводов» данной социальной практики и пр.

⁵ Понятия «психотерапии» и «психологического консультирования» обычно принято различать, хотя существуют серьезные аргументы и для их отождествления.

Каждое направление в психотерапии по-своему отвечает на этот вопрос, отличая себя, во-первых, от смежных видов профессиональной деятельности, а во-вторых, от других направлений психотерапии. Для определения специфики понимающей психотерапии как практики используется категориальный аппарат психологической теории переживания⁶ и, прежде всего, описание проблемных ситуаций, с которыми приходится иметь дело психологу-психотерапевту как «критических». В результате первой конкретизации предмета исследования он предстает перед нами как специфическая социокультурная практика психологической помощи в критических жизненных ситуациях.

б) Теоретико-методологический контекст. В этом контексте ставится два вопроса. Первый вопрос — теоретический: какова центральная научная категория, которая со стороны теории описывает основной предмет научного интереса, а со стороны метода — основной механизм эффективности данного вида психотерапии. Ответом на первый вопрос служит категория переживания, понимаемая как внутренняя деятельность, направленная на преодоление критических жизненных ситуаций⁷.

Второй вопрос — методологический: какой тип научной теории адекватен для данного объекта исследования? Ответ и здесь однозначен — по стилю научного мышления, т. е. по методологическому типу это может быть только психотехническая теория в том понимании, которое придал этому термину Л. С. Выготский⁸. Таким образом в теоретико-методологическом контексте предмет исследования определяется как «психотехническая теория переживания».

в) Контекст метода. Психотехнический характер теории остался бы простой декларацией, если бы не удалось на методическом

⁶ *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984; *Василюк Ф. Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 90—101; *Василюк Ф. Е.* Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 104—114.

⁷ *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984.

⁸ *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291—436; *Пузырей А. А.* Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология. М., 1986; *Василюк Ф. Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15—32.

уровне выделить конкретные «единицы анализа», каждая из которых состояла бы из двух «нераздельно, но и не-слиянно» связанных между собой процессов; одного, относящегося к полюсу пациента, и другого, относящегося к полюсу психотерапевта. В работе «Уровни построения переживания и методы психологической помощи»⁹ были описаны четыре такие базовые единицы («рефлексия — майевтика», «непосредственное переживание — эмпатия», «сознавание — понимание», «бессознательное — интерпретация»). Каждая из этих единиц включает в себя тот или иной акт сознания пациента, с одной стороны, и действие терапевта, с другой, взятые в их единстве и взаимоутверждении. Так, например, конкретное чувство пациента не может стать диалогической реальностью психотерапевтического процесса без ответного эмпатического отклика со стороны терапевта, а ошибочное действие пациента не может «узнать», что было бессознательным актом без соответствующей интерпретации терапевта. «Методические» полюса этих психотехнических единиц — эмпатия, понимание, майевтика, интерпретация — могут быть отнесены к категории «герменевтических» процедур в том значении герменевтики, по которому она есть не просто истолкование текстов, но «свершение бытия» (М. Хайдеггер), а точнее, — свершение со-бытия. Таким образом, третья конкретизация, проведенная в методическом контексте, позволяет дать предмету исследования еще одно определение, которое и было выбрано в качестве имени всей системы, — «понимающая психотерапия».

Методологический смысл

Прежде чем обратиться к описанию блоков и элементов понимающей психотерапии как психотехнической системы, важно указать на общую методологическую сверхзадачу отечественной психологии, в контексте которой данное исследование обретает свой смысл.

Эта сверхзадача состоит в реализации методологической программы Л. С. Выготского. Из всех достижений отечественной психологической мысли именно культурно-историческая теория оказалась наиболее плодотворной, не теряющей своей актуально-

⁹ *Васильюк Ф. Е.* Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27—37.

сти уже в течение 80-лет, и, более того, обладающая удивительным качеством быть все время впереди самых современных исследований, создавая зону ближайшего развития не только отечественной, но и мировой психологии (что показывает неуклонно растущий авторитет Л. С. Выготского на Западе). Сердцевина же упомянутой методологической программы состоит в превращении психологии в психотехническую дисциплину¹⁰.

Хотя время выдвигает уже следующие, «постпсихотехнические» задачи¹¹, но психология не может перескочить через эту психотехническую главу своей истории, она должна быть написана, осуществлена и осознана как стилистически особый этап в развитии психологического мышления.

Л. С. Выготский уверенно прогнозировал, что краеугольным камнем психологической науки станет культурно-историческая практика. Реальная история развития психологии в целом подтверждает этот прогноз, но требует внести в него существенное уточнение характера этой практики. Оно связано с важным различием практической психологии и психологической практики¹². Практическая психология — это участие психологии в педагогической, медицинской, военной и прочих сферах общественной жизни. В собственно психологической же практике психолог сам выступает как ответственный исполнитель самостоятельной жизненно и культурно значимой работы. Здесь нет взаимоисключающей альтернативы — либо «чужая» практика, либо «своя», либо практическая психология, либо психологическая практика. Психология давно включается во все сферы социальной и культурной жизни и везде получает импульсы для своего развития. Но формирование психологической практики как самостоятельной сферы остается самым важным событием последнего, уже 20-летнего периода ее новейшей истории. Эта сфера, даже если количественно и не является доминирующей (по числу занятых специалистов, по количеству публикаций, по финансовым потокам и по др. крите-

¹⁰ *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291—436.

¹¹ О критике психотехнического разума см.: *Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.

¹² *Васильюк Ф. Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15—32.

риям), то качественно составляет заветную зону, «святая святых» психологии, ее собственный методологический дом, как раз то, что Л. С. Выготский и выражал метафорой «краеугольного камня».

Именно собственная психологическая практика может полноценно выявить потенциал, заложенный в методологическом генотипе отечественной психологии, дать ей по-настоящему осуществить себя в стилистически целостном смысловом единстве, и в то же время как раз она, собственная практика, занимает пока ничтожное место в теоретических и методических разработках по сравнению с практикой педагогической и медицинской, которым отечественная психология служит верой и правдой.

Психотерапия (психологическое консультирование, психологическая помощь) является как раз такой областью, где психолог берет на себя всю полноту личной и цеховой ответственности за профессиональную деятельность. Он стоит здесь один на один с реальностью жизни обратившегося за помощью человека, семьи или организации, ему не на кого сослаться, не к кому адресоваться, не с кем разделить ответственность, все его научные знания и методы в сплаве с личным опытом проходят настоящую проверку реальностью. Может быть, как раз поэтому из всех областей практики именно психотерапия за прошедшее столетие дала больше всего блестящих имен, влияние которых распространяется далеко за пределы психологии как частной профессии и обнаруживается во всех областях современной культуры — от искусства до менеджмента.

Исходя из этих соображений, методологический смысл принятой попытки построения понимающей психотерапии как психотехнической системы и состоит:

а) во-первых, в выявлении и реализации потенциала отечественной психологической традиции;

б) во-вторых, в демонстрации ее теоретической и практической «конкурентоспособности» в такой особенной области, как психотерапия, являвшейся законодателем мод психологической мысли XX в.;

в) в-третьих, в преодолении еще не изжитого изоляционизма отечественной традиции. Одно дело критиковать идеи психоанализа или бихевиоральной терапии с теоретических позиций или использовать их методы в практике, пытаясь перетолковать их в рамках своей психологической теории, и совсем другое — создать целостную психотехническую систему, получив возможность вступить с этими школами

в полновесный методологический диалог на всех уровнях от философско-антропологического до операционально-технического.

г) Последнее. Благодаря созданию такого типа психотехнических систем, как «понимающая психотерапия», отечественная общая психология не только выявляет, удостоверяет и развивает свой практический потенциал, она обретает в психотерапии область, насыщенную «месторождениями» общепсихологических идей, разработка которых сторицей окупит все затраты по протягиванию дорог и коммуникаций между общей психологией и психотерапией. В пределе психотерапия должна стать для общей психологии не «смежной дисциплиной», не «областью приложения», не «экспериментальной площадкой», а самобытной ее отраслью, важнейшим общепсихологическим методом.

Композиция исследования

Построение психотехнической системы «Понимающей психотерапии» предполагает решение ряда задач, относящихся к разным планам.

Философско-методологический план

Философско-методологический анализ как глобальных тенденций развития мировой психотерапии, так и последних тенденций развития отечественной психологии, в особенности — конкретизация «психотехнического подхода» Л. С. Выготского применительно к современной ситуации.

Общепсихологический план

Создание комплекса общепсихологических концептуальных схем, необходимых для построения психотехнической системы. В частности — разработка теоретических представлений о переживании, а также об уровнях, регистрах и структурах сознания.

План теории психотерапии

Разработка представлений о специфике психотерапии как культурной практике. Теоретический анализ структуры терапевтической ситуации. Разработка «психотехнических единиц» психотерапевтического процесса.

План психотерапевтической техники

Разработка техники психотерапевтической работы на разных уровнях — приема, комбинации приемов, терапевтических методик.

План психотерапевтической дидактики

Разработка общих принципов психотехнического обучения. Создание учебной программы по понимающей психотерапии, реализующей развиваемую психотехническую систему на дидактическом уровне.

Одни из перечисленных задач уже частично решены, и ниже будут предложены тезисы этих решений, другие — только сформулированы, и эти формулировки тоже будут изложены. Таким образом, основной текст данной главы представляет собой автореферат большой и не завершённой ещё работы. Отсюда и характерные для жанра особенности — инвентаризация всех идей, вовлекаемых в теоретическое строительство, попытка максимально сжать текст, заботясь не о деталях, а о том, чтобы дать читателю возможность обзора общей композиции понимающей психотерапии как психотехнической системы.

1. Философско-методологическое обоснование психотехнической системы

Общий замысел исследования — построение каркаса психотехнической системы «пнимающей психотерапии». По отношению к этому замыслу задача первой части работы состоит в том, чтобы описать социокультурный и историко-психологический контекст, в котором рождается понимающая психотерапия. Появление последней мыслится автором не в рамках модернистской идеологии «проекта», т. е. целенаправленной акции, нарочито выставляющей свою произвольность и историческую необязательность, а, напротив, в парадигме «рефлексивного традиционализма» (С. С. Аверинцев), как попытка сознательного продолжения и развития избранной научной традиции. Работа над исследованием пришлась на «эпоху перемен», когда «традиционализм» не в чести, и именно поэтому так важно подчеркнуть, что внутренняя необходимость исследования, его научное оправдание виделось в попытке исполнения исторического задания отечественной психологической традиции и, прежде всего, той ее ветви, которую именуют линией «Л. С. Выготский — А. Н. Леонтьев».

От психологической практики к психотехнической теории

Как уже говорилось выше, необходимо различать понятия «практической психологии» и «психологической практики». «Практическая психология» — есть участие психологии в «чужой» социальной практике. Каждая из этих практик даёт своё «ведомственное» имя соответствующему разделу психологии (медицинская психология, педагогическая, спортивная и т. д.). В каждой из этих сфер социальной практики психологии извне диктуются конечные цели и задачи, ценности и критерии, задаются априорные психологическому опыту категории, определяется ограниченная зона профессиональных прав и профессиональной ответственности. В результате складывается тенденция к отчуждению психолога от собственно психологического мышления и стилистической локализации различных прикладных направлений.

Психологическая теория и практика

Для отечественной психологии отношения с практикой определялись принципом внедрения. С позиций же практики психология в этих отношениях расценивалась как всего лишь источник небесполезных (но и необязательных) рецептов, а не самоценная область мысли и ответственного действия. Профессиональное бытие психолога в клинике, школе, на заводе, в армии проходит под знаком необязательности. Отсутствие психолога не критично для основного процесса чужой практики. Трудно представить забастовку профессиональных психологов — больница спокойно продолжит лечить, школа учить, завод производить, армия воевать. Иное дело, например, телефон доверия — без психологов его можно просто закрывать.

Появление собственно психологической практики меняет отношения таким образом, что психология оказывается не просто «наукой», а дисциплиной, включающей в свою внутреннюю структуру и «теорию», и «практику», причем практика становится первичным, системообразующим элементом, требующим нового типа теории. Базовой методологической установкой психологии должна стать «философия практики» (по Выготскому), или культурно-историческая эпистемология, или «методология психотехники».

«Академическая» и психотехническая теория

Психологическую теорию, основанную на философии практики можно обозначить как «психотехническую». Ее эпистемология значимо отличается от эпистемологии традиционной, «академической», а точнее сказать, натуралистической психологической теории. В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа различий двух типов познания «академического» и «психотехнического», характерных для этих двух типов концепций.

Методологический смысл психологического схизиса

Массовое распространение психологических услуг, возникновение самостоятельной психологической практики создало необходимые условия для методологического преобразования психологии. Однако условия автоматически не превращаются в результат, более того, история мстит за неиспользованные возможности: к середине 1990-х гг. стал очевиден схизис нашей психологии, расщепление ее на две мало сообщающихся между собой суверенных республики, с разными ведущими центрами, авторитетами, способами экономического существования, разными системами образования и каналами общения с зарубежными коллегами. Подобный схизис — не уникальная национальная особенность, он характерен для всех стран с развитой психологией, наша особенность состоит как раз в том, что у отечественной психологической традиции благодаря ее психотехнической закваске имеется шанс не допустить тотального раскола и создать хотя бы «опытные образцы» систем, в которых реализуется принцип философии практики, эпистемологии, учитывающей культурно-историческое измерение научно-познавательной деятельности и раскрывается не только практический потенциал общепсихологической теории, но, главное — теоретический, общепсихологический потенциал психологической практики.

Психология может рассчитывать на собственное исцеление, только если сумеет создать формы профессионального действия и мышления, соответствующие человеку как целостному, культурно-историческому существу. В каких контекстах конституируется конкретная человеческая целостность, не сводимая к органу, функции, организму, механизму, социальному атому или роли? «Сознание — практика — культура» — такова тройная формула контекста, задающего человеческую целостность.

Таблица 1.

Сравнение психотехнической и академической теории

Аспект познания	«Академическая» теория	«Психотехническая» теория
Философия и методология	Гносеологизм, натурализм	Философия практики
Ценности	Внешние по отношению к познанию	Имманентны процессу познания
Адресат	Академический психолог или специалист другой профессии	Психолог-практик
Субъект познания	Нейтральный, отстраненный наблюдатель	Заинтересованный, участвующий. Человек познающий.
Контакт исследователя и исследуемого	Минимизированный, стандартизированный, эмоционально нейтральный.	Интенсивный, уникальный, эмоциональный. Объединяет, включает в себя субъектов психотехнической ситуации
Процесс и процедуры исследования	Жесткие, неизменные в пределах данного опыта программы процедур	Гибкие, уникальные процедуры, тонко реагирующие на текущую ситуацию опыта
Типы знания, циркулирующие в исследовании	Знание только «объективное», неперсонализированное, в третьем лице — о «них». Знание, слово испытуемого о себе — лишь один из фактов для «объективного» анализа	Обязательное присутствие в исследовании знания внутреннего, личностного, смыслового. Это знание «о тебе», «о себе», «о нас», в то же время знание «твое», «мое», «наше».
Предмет и метод	Метод выделяет предмет из реальности и представляет его в «форме объекта», наблюдаемого извне	Метод объединяет участников психотехнической ситуации, и сам становится предметом исследования
Центральный предмет исследования	К центральному предмету подбирается адекватный метод исследования	К эффективному практическому методу подбирается центральный предмет, для которого тот же практический метод одновременно является оптимальным исследовательским методом ¹

¹ Например, соотношение «анализа» как метода и «бессознательного» как центрального предмета отвечает такому методологическому условию, что делает психоанализ психотехнической системой в отличие, например, от бихевиоральной терапии, вполне эффективные методы которой совершенно не способны сколько-нибудь полноценно выполнять функцию исследовательской процедуры для центрального предмета — «оперантного рефлекса».

Нередуцирующее исследование этой целостности невозможно в пределах «философии гносеологизма», а требует «философии практики», в соответствии с которой исследователь занимает участвующую позицию в бытии, превращая свою практическую деятельность по отношению к Другому в предмет и метод познания. Применительно к психологии философия практики есть методология психотехники, в которой предметом исследования становится не психика, не сознание, а работа-с-сознанием. Например, психотехническая по сути концепция поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина¹³ есть не теория мышления, не теория умственных действий, а теория формирования умственных действий, т. е. обобщенно говоря, не теория психики как натурального объекта, а теория работы с психикой.

Методологический анализ развития идеи «психотехники» показывает, что уже первичная ее форма, мыслившаяся Г. Мюнстербергом как прикладная психология, состояла из трех структурных блоков (предмета — метода — области приложения), которые заполнялись связкой трех категорий — сознания — практики — культуры¹⁴, т. е. как раз тех, которыми конституируется человеческая целостность. Для того, чтобы эта категориальная схема психотехнического подхода могла вполне проявиться, выкристаллизоваться в сложном историческом процессе развития науки и стать парадигмой новой психологии, понадобились теоретические прорывы выдающихся мыслителей. З. Фрейд и Л. С. Выготский на конкретном исследовательском материале принципиально реформировали классическое понимание категорий сознания и практики.

З. Фрейд в психоаналитическом учении разработал центральный блок общей схемы — категорию практики. Он осмыслил терапевтическую практику как метод исследования и сама практика была осмысленна как опосредствованная сознанием и культурой. Благодаря этому З. Фрейд дал первый образец психотехнической системы. Л. С. Выготский в культурно-исторической психологии развил такую теоретико-методологическую трактовку категории сознания, которая включила в ее внутреннюю структуру категории культуры

¹³ Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985.

¹⁴ По Г. Мюнстербергу предмет психотехники — сознание, ее метод — практика, область приложения психотехники — культура. См.: Мюнстерберг Г. Основы психотехники. М., 1924.

и практики, благодаря чему удалось создать принципиально новый (психотехнический) тип психологического эксперимента. В соответствии с этой логикой наиболее актуальной задачей, замыкающей создание психотехнического подхода, является формирование категории культуры с психотехнической точки зрения.

Контуры новой психологии, которая на наших глазах завершает период своего становления, уже достаточно четко обозначились. Не отказываясь от задач объяснения, она, выдвигает на первый план категорию сознания, и потому становится феноменологической и диалогической, т. е. понимающей психологией, способной профессионально относиться к предмету исследования не только как объекту, но и как к смысловому целому, и как к живому Ты. Не отменяя своих познавательных задач, она становится, прежде всего, деятельной, изменяющей психологией, ставящей психологическую практику во главу угла не только своего социального функционирования, но и своей исследовательской методологии. Не отбрасывая своих почтенных естественнонаучных традиций, она становится, наконец, и полноценной культурологической, гуманитарной дисциплиной, способной понимать человека в культуре и культуру в человеке и взаимодействовать с ним с учетом этого понимания.

Итак, в рождающейся психологии выделяются три магистральных и взаимосвязанных подхода: категории практики соответствует «деятельный» подход, категории сознания — понимающий подход, категории культуры — гуманитарный подход. Следовательно, новая психология есть психология понимающая — деятельная — гуманитарная.

История психотерапевтических упований

Важнейшим методологическим выбором для всякой психотехнической системы является определение того опорного психологического процесса, на который возлагаются основные надежды в плане практического метода. Каждый психотерапевтический подход должен «дать отчет о своем уповании», т. е. указать на тот продуктивный процесс на полюсе клиента (пациента), который и обеспечивает в конечном счете психотерапевтический эффект.

В самом деле, подобно врачу, который знает, что не само лекарство излечит больного, оно лишь вызовет в организме цели-

тельный процесс, подобно педагогу, который полагает, что не сами объяснения учителя, а встречный акт понимания со стороны ученика приведет к освоению знания, подобно им и психотерапевт не рассчитывает, что его терапевтические интервенции сами собой приведут к разрешению проблем клиента. Психотерапевтический метод не может мыслиться как набор однонаправленных воздействий, производящих нужный результат без и помимо некой активности со стороны пациента. Напротив, метод только на то и направлен, чтобы создавать условия для запуска этой активности, стимулировать ее, поддерживать, фасилитировать и т. д. Метод в этом смысле уповает не на себя, а на некую специфическую активность пациента. Разумеется, сам психотерапевтический метод существенно зависит от того, на какую именно активность, какой психологический процесс клиента он полагается. Для обозначения этого процесса в структуре психотерапевтического подхода стоит ввести специальный методологический термин — «упование».

На каком психологическом процессе останавливает свой выбор метод понимающей психотерапии? Чтобы ответить на этот вопрос не произвольным решением, а систематически и осознанно, необходимо провести методологический анализ истории психотерапевтических упований.

В дофрейдский период доминирующим методом в психотерапии был гипноз. Предполагалось, что, как и в соматической медицине, врач является безусловным и единственным авторитетом, именно он знает, что пациенту нужно делать, думать и чувствовать, чтобы избавиться от страдания. С помощью гипноза врач внушает пациенту целительные состояния, успех лечения зависит преимущественно от «силы» врача, но отчасти и от того, сможет ли пациент проявить достаточную гипнабельность и внушаемость. Из этих двух механизмов главный — внушаемость; он то и обеспечивает в конечном итоге терапевтический результат.

Роль собственной активности пациента, таким образом, не просто минимизировалась, даже напротив — терапевтически ценной признавалась его пассивность. Тем вероятнее благоприятный результат лечения, чем больше пациент обнаружит пассивности во всех психологических аспектах — послушания со стороны сознания («доктор знает, что мне нужно»), подчиненности поведения воле врача и доверчивой восприимчивости по отношению к вну-

шаемым чувствам («доктор сказал, что все будет хорошо и надо радоваться»).

По сравнению с этим «рабским» образом пациента в классической суггестивной психотерапии вся последующая история психотерапии выглядит как история все большего высвобождения личности и задействования внутренних сил и активности пациента в терапевтическом процессе.

В первой версии современной психотерапии, психоанализе З. Фрейда, главная терапевтическая надежда возлагалась на процесс осознания, который на место Оно приводит Я и тем освобождает человека от диктата слепых бессознательных сил. Это упование на философском уровне может быть осмыслено как свобода сознания.

Вскоре появилась и другая альтернатива старой суггестивной психотерапии и одновременно альтернатива самому психоанализу. Психодрама Дж. Морено увидела целительные источники психотерапии не столько в процессе осознания, сколько в высвобождении человеческого действия, выражения, самопроявления, т. е. в том, что скорее может быть отнесено к области свободы воли. Психотерапевтическим упованием становится акт спонтанности. Именно пробуждению спонтанности должен быть посвящен психотерапевтический процесс, а уж затем спонтанность сделает свое дело.

В послевоенный период развития психотерапии на историческую сцену выходят еще две теоретические «силы», и на знаменах каждой написано свое психотерапевтическое упование — речь о механизме научения в бихевиоральной терапии и процессе переживания в гуманистической психотерапии.

С историко-методологической точки зрения, бихевиоральная терапия (как и весь бихевиоризм в целом) разворачивает свое мышление и практику в поле категории действия¹⁵, и в этом отношении исторически «рифмуется» с психодрамой, но и только в этом. Бихевиоризм — методологический гибрид, соединяющий в себе упрощенный детерминизм классической психологии (то, что Д. Н. Узнадзе назвал «постулатом непосредственности») и вполне современное видение предмета психологии (о различении «классической» и «современной» психологии и месте бихевиоризма в

¹⁵ Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1974.

переходе от классической к современной психологии см. работу автора «К проблеме единства общей психологии»¹⁶. Прimitивная методология и антропология бихевиоризма предопределила то, что бихевиоральная терапия по ряду оснований примыкает к старой, суггестивной психотерапии. В самом деле, правильные адаптивные реакции пациента, которое является целью бихевиоральной терапии, не порождаются свободой и развитием самого человека, содержание и форма этих реакций привносятся извне, терапевтом, и с помощью «подкреплений» имплантируются в поведение пациента. Механизм этой имплантации и есть процесс научения, именно благодаря научению пациент переходит от дезадаптивного к адаптивному поведению. Научение, следовательно, является главным упованием бихевиоральной психотерапии.

В новейшей психотерапии, отсчет которой можно вести со второй половины двадцатого века, происходит еще один радикальный сдвиг психотерапевтических упований — к процессам переживания пациента. В этом пункте сходятся все психотерапевтические школы, которые обычно относят к гуманистическому направлению. Хотя в каждой из школ гуманистической психотерапии переживание понимается по-разному, но все же можно выявить ряд общих для большинства школ существенных черт понятия переживания, которые превращают его в надшкольную категорию. В стилистике их мышления это выражается как — холистичность (процесс переживания охватывает всего человека — ум, чувства, телесные реакции), субъективность (переживание есть реальность, удостоверяющая сама себя), органичность (несделанность, произвольность переживания и в связи с этим признаваемая за ним способность являть подлинный, аутентичный опыт)¹⁷.

Понимающая психотерапия также избирает в качестве своего главного психотерапевтического упования процесс переживания. По-

¹⁶ *Василюк Ф. Е.* К проблеме единства общей психологии // Вопросы философии. 1986. № 10. С. 76—86.

¹⁷ На этом процесс развития психотерапии, разумеется, не заканчивается, и можно прогнозировать, что основные ветви исторических путей психотерапии в первые десятилетия XXI в. будут переплетаться, с одной стороны, с разными духовными традициями, а с другой стороны, с искусством, что, конечно же, предполагает появление новых психотерапевтических упований. См.: *Василюк Ф. Е.* Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М., 2005.

нимающая психотерапия тем самым следует руслу экзистенциально-гуманистического направления, рассматривая две школы этого направления в качестве своих истоков — личностно-центрированную психотерапию К. Роджерса и логотерапию В. Франкла. Однако понимающая психотерапия не просто заимствует наличную категорию переживания, она внесла в развитие этой категории свой вклад, проработав идею продуктивности процесса переживания: процесс переживания не сводится к испытыванию состояний, но производит внутренние психологические преобразования, он мыслится как особая внутренняя деятельность личности, направленная на смысловое обогащение бытия.

Для более точного определения географических координат понимающей психотерапии на карте современной психологии, важно заметить, что сама категория переживания была разработана понимающей психотерапией в ходе развития определенной психологической школы — Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева. Таким образом, понимающая психотерапия, и в особенности ее психологическое ядро — теория переживания, локализуется в точке, где отечественная психологическая традиция встречается с экзистенциально-гуманистической линией развития психологии и психотерапии.

* * *

Каково значение концептов и идей, представленных в данной части работы, для создаваемой системы «понимающей психотерапии»?

В этой части изображены динамичные картины трех историко-научных контекстов:

- а) злостоящая ситуация в отечественной психологии;
- б) исторические узлы развития психотехнической методологии в мировой психологии;
- в) история смены категориальных вех в психотерапии XIX—XX столетий.

Задача этой главы — не описание истории психологии и психотерапии, а выявление логики истории, прислушивание к разворачивающемуся глубинному сюжету, который задает смысл и направление следующих актов развития психологии.

В этих контекстах можно расслышать следующие призывы и задания. Во-первых, актуальность для отечественной психологии создания психотехнических систем.

Во-вторых, из наших рассуждений следует, что выстраивание психотерапевтической теории вокруг категории переживания отвечает современным тенденциям мировой психотерапии.

В-третьих, определение узловых категорий психотехнической методологии (Сознание — Практика — Культура) ставит перед нашим исследованием вполне конкретные задачи:

а) в соответствии с категорией *сознания* — развитие таких общепсихологических представлений о сознании, которые могли бы быть непосредственно включены в теорию и практику психотерапии;

б) в соответствии с категорией *практики* — разработка конкретной психотерапевтической техники, реализующей теорию сознания и переживания и дающую новые импульсы для развития этой теории;

в) в соответствии с категорией *культуры* формулируется задача разработки культурно-специфических моделей психотерапии, задача, решение которой выходит за пределы данной работы, но которая является наиболее перспективной для развития психотерапии. Подготовительные материалы к теоретическому продвижению в этом направлении опубликованы¹⁸.

2. Общепсихологические основания психотехнической системы «понимающей психотерапии»

Главный нерв психотехнической методологии, по мысли Л. С. Выготского, состоит в том, чтобы психологическая практика стала не только «полезной», но и теоретически плодотворной, практический (ориентированный прикладными задачами) метод должен приносить исследовательскую «прибыль». Но не всякое приложение может быть орудием научного познания, чтобы она обрела эту способность, в нее предварительно нужно сделать теоретические, общепсихологические инвестиции. Глубже: практический метод должен быть рожден из теории (или хотя бы усыновлен ею), чтобы в своем технологическом развитии и эмпирической реализации,

¹⁸ *Василюк Ф. Е.* Молитва — молчание — психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 141—145; *Василюк Ф. Е.* На подступах к синергичной психотерапии: история упований // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2. С. 5—24; *Василюк Ф. Е.* Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М., 2005.

он «не забывал родства» с фундаментальной наукой, в самом своем устройстве нес потребность и способность к познанию, по наследству полученные от материнской теории.

Применительно к задачам психотехнического построения «понимающей психотерапии» это означает, что в «культурно-деятельностной» психологии Выготского-Леонтьева нужно выделить и развить такой ряд теоретических идей, которые во взаимоотношениях с психотерапией как практикой могут выполнять две следующие функции.

Во-первых, идеи и частные теории должны быть заинтересованы в психотерапии как уникальном исследовательском методе разработки богатейших месторождений психологической фактологии, и сами стать достаточно емкими, гибкими и открытыми, чтобы можно было эти эмпирические богатства принять и теоретически ассимилировать. Например, ниже речь пойдет о психологии переживания, как одной из таких частных теорий, одном из кирпичиков общепсихологического фундамента понимающей психотерапии. Если бы теория переживания преследовала исключительно научно-исследовательские цели, совершенно не помышляя о прикладных, то и в этом случае ей стоило бы обратиться к психотерапии как познавательному методу, потому что для конкретного эмпирического изучения работы переживания, работы совладания человека с критическими ситуациями, лучше материала и методов, чем дает психотерапия трудно отыскать.

Во-вторых, эти инвестируемые в психотехническую систему теоретические идеи, концепты и схемы, должны служить общепсихологической базой для построения конкретной психотерапевтической теории, теории «инженерного» типа, которая, в свою очередь, является основой для конкретных технологических разработок психотерапевтических методов.

В задачу данной главы и входит описание таких общепсихологических схем и частных теорий, развиваемых в русле культурно-деятельностной психологии, которые образуют общепсихологический каркас понимающей психотерапии как психотехнической системы.

К проблеме единства общепсихологической теории

Каков общепсихологический фундамент, на котором строится «понимающая психотерапия»? Если она претендует на методоло-

гический статус психотехнической системы, это означает, в частности, что она берет на себя исследовательские общепсихологические обязательства. В связи с этим важно определиться, какова та общая психология, которой эта система готова и способна послужить? Но дело, конечно, не так обстоит, что можно оглядеться вокруг и найти готовую, идеально подходящую для этого общую психологию — необходимо деятельное участие в ее создании.

Первым шагом на пути к искомой общей психологии является описываемая в данном параграфе попытка методологического синтеза наиболее представительных общепсихологических теорий, выросших в русле отечественной психологической традиции. Методологический анализ теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории отношений В. Н. Мясищева и теории установки Д. Н. Узнадзе показывает, что каждая из них, преодолевая постулаты классической психологии, рассматривала психику в рамках онтологической картины «жизнь-человека-в-мире». При выборе основной «единицы анализа» и формировании центральной категории каждая из теорий акцентировала один аспект этой онтологии. Теории и категории деятельности, отношений и установки, несмотря на то, что они нередко противопоставлялись друг другу, образуют вместе единую общепсихологическую систему. Система, объединившая эти три категории, тут же обнаруживает собственную неполноту, которая как некая «логическая нужда» требует еще одной категории, восполняющей целостность и завершающей весь синтез — категории общения. Данная система может быть представлена в виде следующей типологической таблицы (см. табл. 2).

Эта схема позволяет увидеть не только историческое и логическое единство разработанных в отечественной психологической традиции вариантов общей психологии, но и тот, обычно затуманенный, однако, чрезвычайно важный факт, что философским основанием наиболее продуктивных школ отечественной психологии была «онтология человеческой жизни». Заслуга философско-методологической разработки этой онтологии применительно к задачам психологии принадлежит С. Л. Рубинштейну¹⁹.

¹⁹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946; см. также: Васильюк Ф. Е. Историко-методологический анализ психотерапевтических упований // Методологический анализ в психологии. М., 2003. С. 21—55.

Таблица 2
Категориальная типология психологических единиц
человеческой жизни

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ		ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
МИР	Предметный мир	1. Установка	2. Деятельность
	Мир людей	3. Отношение	4. Общение

Проведенный методологический синтез позволяет представить модель «целостной психологической единицы анализа жизненного мира человека» в виде следующей структуры, включающей в себя в качестве элементов основные категории-«единицы», разработанные в отечественной психологической традиции.

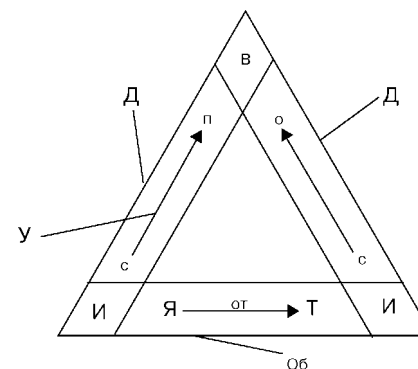

Рис. 1. Модель «целостной психологической единицы анализа жизненного мира человека»

На схеме: одна из вершин треугольника символизирует индивида (И), вторая — вещь (В), третья — другого индивида (И). Каждого индивида и вещь связывает деятельность (Д), в рамках которой индивид выступает как субъект (С), а вещь — как предмет (Я) или объект (О). Вектор внутри тела деятельности, направленный от субъекта к предмету, символизирует установку (У). Двух индивидов связывает между собой общение (Об), в рамках которого они выступают друг по отношению к другу как Ты и Я. Векторами между Я и Ты обозначены их отношения (От).

Для понимающей психотерапии эта модель имеет фундаментальное значение. Во-первых, антропологическое — она описывает специфическое для понимающей психотерапии видение пациента не сквозь призму категорий «болезни», «характера», «поведения», «сознания» и пр., а в стилистически иной терминологии — как уникальный жизненный мир, анализ которого осуществляется с помощью представленной в схеме системы понятий. Во-вторых, данная модель выступает в качестве общепсихологической основы для характеристики структуры терапевтической ситуации.

Психология переживания

Разрабатываемая «психология переживания» выступает как центральная, узловая «станция», через которую следуют логические маршруты «по всем направлениям», связывая между собой основные «населенные пункты» — значимые темы психотехнической системы понимающей психотерапии. В психологию переживания входят следующие ключевые элементы:

А. Категория переживания-деятельности. Выше речь уже шла о том, что процесс переживания является психотерапевтическим упованием понимающей психотерапии. Категория переживания-деятельности задает представление о переживании как работе, продуктивном процессе поиска и порождения смысла в критических ситуациях.

Б. Типология критических ситуаций. Из существующих в психологической литературе описаний экстремальных жизненных ситуаций были выделены четыре ключевых термина: стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Далее эти термины были критически проанализированы и включены в единую понятийную систему в качестве типологических вариантов общей категории «критическая ситуация». Приводим итоговую таблицу (табл. 3), фиксирующую понятийные дифференцировки в рамках этой системы:

В. Типология жизненных миров. В понятийный аппарат психологической теории деятельности вводится категория жизненного мира. Далее методом категориально-типологического анализа²⁰ строится следующая типология жизненных миров (см. табл. 4).

Таблица 3
Типология критических ситуаций

Тип критической ситуации	Онтологическое поле	Тип активности	Внутренняя необходимость	Нормальные условия
Стресс	«Витальность»	Жизнедеятельность организма	Здесь-и-теперь удовлетворение	Непосредственная данность жизненных благ
Фрустрация	Отдельное жизненное отношение	Деятельность	Реализация мотива	Трудность
Конфликт	Внутренний мир	Сознание	Внутренняя согласованность	Сложность
Кризис	Жизнь как целое	Воля	Реализация жизненного замысла	Трудность и сложность

Таблица 4
Типология жизненных миров

ЖИЗНЕННЫЙ МИР		ВНЕШНИЙ МИР	
		легкий трудный	
ВНУТРЕННИЙ МИР	простой	Инфантильный	Реалистический
	сложный	Ценностный	Творческий

Г. Типология закономерностей переживания. На основе предыдущей типологии выделяются четыре типа переживания, подчиняющиеся разным закономерностям — инфантильное переживание, реалистическое, ценностное и творческое.

Д. Сопоставление типологии жизненных миров и критических ситуаций. Сопоставление этих типологий позволяет получить важные для теории и практики психотерапии следствия, описывающие критические ситуации в каждом из жизненных миров. В инфантильном жизненном мире стресс феноменологически совпадает с кризисом, поскольку у инфантильного существа нет средств совладания со стрессом и любая локальная боль или неудовлетворенность перерастает в тотальную катастрофу. В реалистическом жизненном мире стресс появляется как самостоятельная категория, фрустрация же здесь совпадает с кризисом: единственное

²⁰ Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2002.

жизненное отношение в силу внутренней простоты этого жизненного мира составляет здесь «всю жизнь», поэтому невозможность реализации этого жизненного отношения (фрустрация) является глобальным крушением всей жизни (кризис). В ценностном жизненном мире появляется специфический вид стресса, порождаемый сложностью, а не трудностью мира, фрустрации здесь отсутствуют, а всякий конфликт феноменологически совпадает с кризисом. В творческом жизненном мире обнаруживается полная дифференцировка всех типов критических ситуаций.

Эти теоретические выкладки позволяют сформулировать идею о том, что переживание может быть опосредовано переходом жизненного мира человека из одного состояния в другое. Сам такой переход, а не только предметно-смысловая переработка критической ситуации, меняет ее статус (например, казавшееся кризисом оборачивается всего лишь стрессом) и подключает к работе переживания дополнительные ресурсы. Этот вывод имеет большое значение для развития представлений о тактике понимающей психотерапии: усилия зачастую могут быть направлены не столько на проработку самой по себе критической ситуации, в которой оказался пациент, сколько на помощь ему осуществить выход в новое измерение более «высокого» жизненного мира, где ситуация будет преодолена силами этого мира.

Е. Сопоставление типологии переживаний и типологии критических ситуаций. Сопоставительный анализ типов переживаний различных критических ситуаций приводит к принципиальной теоретической постановке проблемы «успешности» переживания, чрезвычайно важной для тактических задач нахождения оптимальной пропорции симптомо-ориентированной и личностно-ориентированной установок в ходе работы с конкретным психотерапевтическим случаем.

Ж. Представление об опосредствованности переживания культурными символическими орудиями. В различных символических формах кристаллизуется исторически накапливаемый опыт переживания типовых ситуаций; при подключении к этим формам процесс переживания, не теряя личностной уникальности, обретает дополнительную глубину и продуктивность²¹.

²¹ Флоренский П. А. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. XVII. М., 1977; Выгодский Л. Траурные строки (День 9 ава) // Новый путь. 1916. № 27.

Весь этот корпус представлений о переживании создает общепсихологическую платформу для развития ключевых элементов теории, техники и дидактики понимающей психотерапии.

Стратиграфия и структура сознания

Теория переживания, описанная в предыдущем параграфе, обеспечивает достаточное количество концептуальных средств для описания парадигматики процессов переживания, но задача описания синтагматики этих процессов (без которой консультативной практике не обойтись) требует дополнительных специальных разработок в области психологической теории сознания. Эти разработки относятся к двум измерениям проблемы сознания — стратиграфическому и структурному.

Под стратиграфией сознания мы понимаем теоретические модели, анализирующие слоистое строение сознания, особенности функционирования сознания в каждом из слоев и взаимодействие процессов сознания, относящихся к разным его слоям.

Под структурным аспектом проблемы в данном случае понимается выделение мельчайшей молекулярной единицы сознания, сохраняющей основные свойства целостного сознания, и анализ ее структуры. В качестве такой молекулы мы рассматриваем образ сознания.

Стратиграфия: уровни функционирования сознания

Первый шаг стратиграфического анализа сознания состоит во введении представления о четырех уровнях, на каждом из которых сознание функционирует особым образом, в особом режиме. Это уровни рефлексии, сознавания, непосредственного переживания и бессознательного²². Названные уровни выделяются с помощью построения следующей типологии (см. табл. 5).

Типология исходит из первоначального различения во всяком феномене сознания двух фигур — Наблюдателя и Наблюдаемого. Каждая из них может находиться как в активном, субъектном состоянии, так и в пассивном, объектном. Произвольные психические процессы запоминания, восприятия, мышления и др., где

²² Васильюк Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27—37.

Таблица 5

Типология уровней (режимов) функционирования сознания

СОЗНАНИЕ		НАБЛЮДАЕМОЕ	
		Субъект	Объект
НАБЛЮДАТЕЛЬ	Субъект	Рефлексия (Р)	Сознание (С)
	Объект	Переживание (П)	Бессознательное (Б)

Наблюдатель активен, а Наблюдаемое пассивно, относятся к уровню сознания (С). Уровень непосредственного переживания (П) наиболее ярко обнаруживает себя в грезах, эмоциональных состояниях и чувствованиях, но присутствуют во всех психических процессах, в том числе мышлении (например: «в голову неожиданно пришла мысль» — так описываемый феномен фиксирует активность Наблюдаемого при пассивности Наблюдателя). Феномены активного отношения к собственной психической активности репрезентируют уровень рефлексии (Р). И наконец, психические процессы, не прослеживаемые внутренним наблюдением (Наблюдатель и Наблюдаемое феноменологически пассивны), относятся, к уровню бессознательного (Б).

Осуществление переживания-деятельности, как и всякой человеческой деятельности, опосредовано сознанием, причем всей системой сознания в целом, включающей названные четыре уровня функционирования. Эти представления позволили выдвинуть гипотезу о многоуровневом построении переживания по аналогии с теорией Н. А. Бернштейна²³ об уровне построения движения. Процесс переживания можно описать как протекающий по четырем связанным между собой каналам. В каждый момент можно выделить ведущий и фоновый уровни переживания.

Случаи, в которых ведущим в работе переживания является уровень бессознательного, хорошо известны не только психотерапевтическому, но и художественному мышлению (например, у И. Бунина: «тайная работа души»). Когда внутренняя работа по преодолению критической ситуации осуществляется главным образом на уровне непосредственного переживания, она выступает в сознании в виде эмоционального проживания ситуации, «ноющих

воспоминаний», ассоциативного кружения мышления вокруг болезненных тем и т. п. В момент такого переживания уровень сознания может быть занят совершенно другой целенаправленной работой, посредине которой человек вдруг вспоминает о мучающей его проблеме и начинает уже сознательно искать пути ее решения. Происходит сдвиг ведущего уровня работы переживания на режим сознания²⁴. Когда попытки пережить критическую ситуацию на сознательном уровне (найти замещение утраченного объекта, например, «взвешиванием» альтернатив сделать выбор) терпят неудачу, ведущим уровнем процесса может становиться рефлексия. При этом субъект осознает свою деятельность переживания как таковую, рефлексивно переосмысливает ее условия, свои нормы и ценности, позиции и цели. Тем самым создается возможность для творческой переориентации направления и способа переживания.

Стратиграфия: регистры сознания

Данная четырехуровневая модель стратиграфии сознания позволяет достаточно точно описывать эмпирические процессы протекания переживания. Однако применение модели периодически приводит к парадоксам.

Например, в ходе рассказа пациента о своей жизненной ситуации у него два раза возникали выраженные, яркие эмоции. Если все феномены сознания, выявляемые этим рассказом, попытаться кодировать, записывая «мелодию» переживания на некоем подобии нотного стана, то нужно будет обе эмоции поставить на одной и той же линейке уровня непосредственного переживания (П), как показано на рис. 2.

Р		
С		
П	Э1	Э2
Б		

Рис. 2. Запись «мелодии» переживания на четырехуровневой модели

²⁴ Вот горькая поэтическая иллюстрация «сознательного» переживания: «У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить» (А. Ахматова «И упало каменное слово...»).

²³ Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947.

Однако, если эмоция Э1 воспроизводит старое неизжитое чувство, которое почти с прежней силой охватывает пациента, как только он погружается воспоминанием в былую ситуацию, а эмоция Э2 выражает его нынешнее отношение к тому старому чувству (скажем, сейчас стыдно, что тогда было страшно), то размещение их рядом, так сказать через запятую на одном уровне П выглядит противоестественным. Спору нет — и «стыдно», и «страшно» относятся к уровню П, но при этом они явно принадлежат разным мирам, явно не рядоположны, явно иерархически не равнозначны, хотя бы и были одинаковы по интенсивности. Чтобы отделить их друг от друга, придется сделать неожиданное предположение, что в стратиграфической системе сознания присутствует не один, а несколько уровней непосредственного переживания. Или, обобщая, можно сказать, что в разворачивающемся процессе переживания один и тот же уровень сознания представлен многократно, причем феномены этого уровня могут быть актуализированы одновременно и вступать во взаимодействие друг с другом.

Для разрешения такого рода парадоксов мы предлагаем ввести представление о регистрах сознания. Каждый регистр сознания включает в себя совокупность описанных выше уровней сознания (как каждая музыкальная октава включает в себя одинаковую совокупность ступеней звукоряда). При протекании процесса переживания происходят переходы из одного регистра в другой и осуществляются взаимоотношения и взаимодействия разных актов сознания, относящихся к разным регистрам. Психотерапевтический опыт дает возможность описать разнообразные типы переходов между регистрами.

То, что со структурно-стратиграфической точки зрения есть регистр сознания, то с феноменологической точки зрения представляет собой отдельный жизненный мир и, соответственно, обладает своим пространством, временем, субъектом, предметным наполнением, языком, атмосферой и мифом. Множественности регистров сознания соответствует факт множественности жизненных миров, в которых феноменологически пребывает человек и его сознание. Когда пожилой человек вспоминает детство и перед его внутренним взором всплывают облако, озеро, башня, и круги идут по воде и доходят до края облака, отражающегося в озере, то его сознание пребывает в таком пространстве и подчиняется ритмам такого времени, которое вовсе не совпадает со временем и

пространством его нынешнего жизненного положения и, обладая феноменологической реальностью, является особым жизненным миром, отличающимся от жизненных миров его взрослой жизни.

Анализ эмпирических случаев показывает, что для осуществления реального процесса переживания человек использует довольно сложные иерархические конструкции, состоящие из нескольких регистров. Регистры могут быть соподчинены друг другу, образуя «матрешечные» ряды, когда какой-то элемент одного регистра «расцветает» в самостоятельный жизненный мир, который, в свою очередь, порождает новые миры. Однако некоторые соседние регистры сознания могут не иметь иерархических отношений между собой, а находиться в равном положении, будучи одинаково подчинены вышестоящему регистру (например, две разные развернутые иллюстрации одной идеи). Для их описания вводится понятие горизонта сознания. Горизонт сознания, таким образом, есть «геометрическое место» регистров сознания, равноудаленных от одного иерархически более высокого регистра.

Итак, стратиграфическая модель сознания включает в себя следующие основные понятия уровень (или режим функционирования) сознания, регистр сознания, тип перехода между регистрами, горизонт сознания.

Структура образа сознания

Что касается структурного аспекта анализа сознания, то в данной работе он представлен моделью образа сознания.

В ходе развития идей А. Н. Леонтьева и В. П. Зинченко об «обrazующих сознания», была разработана схема, в соответствии с которой в образе выделяются четыре «узла» — предмет, значение, личностный смысл и слово (знак)²⁵. Каждый из них непосредственно связан с остальными, что можно графически изобразить объемной фигурой, получившей название «психосемиотический тетраэдр» (Рис. 3). Внутренний объем тетраэдра заполнен чувственной тканью, которая приобретает специфические характеристики, приближаясь к каждому из углов.

Итак, мы описали структурно-стратиграфическая модель сознания. Продуктивность этой модели удостоверяется и в плане

²⁵ *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5—19.

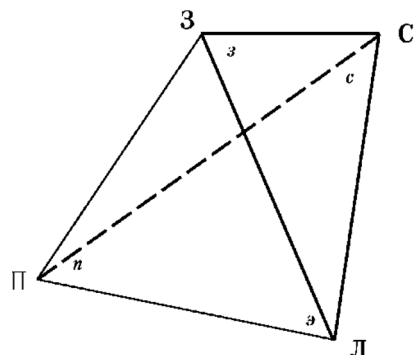

Рис. 3. Психосемиотический тетраэдр — модель образа сознания
 На рисунке: П — предметное содержание образа; п — чувственная ткань предметного содержания; Л — личностный смысл; л — (эмоция) — чувственная ткань личностного смысла; З — значение; з — чувственная ткань значения; С — слово или знак; с — чувственная ткань слова (знака).

психотерапевтической теории, где она позволила разработать идею о «психотехнических единицах», и в плане психотерапевтической техники, где она позволила конструировать методики для психотерапевтической работы с измененными состояниями сознания, и, наконец, в плане общепсихологическом, где с ее помощью удастся добиться достаточно точных описаний эмпирических состояний и процессов сознания (например, переживания горя²⁶, «культуры образа» и ее этно-культурных особенностей²⁷, патологии образа при психических расстройствах²⁸).

Подытожим также и результаты всей второй главы «Общепсихологические основания психотехнической системы понимающей психотерапии», существенные для дальнейшего исследования. К ним относятся:

а) общепсихологическое обоснование онтологии жизненного мира, которое послужит онтологическим базисом системы «пони-мающей психотерапии»;

²⁶ Василюк Ф. Е. Пережить горе // Человеческое в человеке. М., 1991. С. 230—247.

²⁷ Сидорова В. В. Культурная детерминация образа сознания (на примере русской и японской культур). Автореф. дисс. М., 2005.

²⁸ Ябकिна И. В. Нарушения волевой регуляции деятельности и их компенсация. Автореф. дисс. М., 1993.

б) разработка категории переживания, которая выступит как основной «продуктивный процесс» в системе «понижающей психотерапии»;

в) разработка категории критической ситуации как базовой идеи для описания проблемных состояний клиента в системе понижающей психотерапии;

г) разработка модели структуры и стратиграфии сознания, существенной для создания техники «понижающей психотерапии».

3. Психотерапевтическая теория

Специфика психотерапии с позиции теории переживания

Что такое психотерапия? Без сознательного ответа на этот «простой» вопрос специалист не может решить ни одной из жизненно важных профессиональных проблем, будь то проблема границ профессиональной компетенции и зоны ответственности, проблема определения целей и оценки результатов психотерапии или проблема профессиональной идентичности. В то же время попытка дать общее определение психотерапии всегда заканчивалась неудачей²⁹. Причина этого логического тупика в неадекватной, натуралистической постановке вопроса. Психотерапия же не есть натуральная данность, определенная в себе и потому могущая быть однозначно определенной извне. Определение психотерапии, помимо прочего, есть акт личного выбора позиции. Риск и ответственность за определение психотерапии должен взять на себя всякий сознательно действующий профессионал, ибо это определение тесно связано как с общефилософскими позициями психотерапевта, с его теоретическими воззрениями, так и личными интуициями и персональными аксиологическими выборами.

Поэтому задача общей дефиниции психотерапии может быть заменена метазадачей выявления параметров специфики психотерапии: стоит искать не общий ответ на вопрос «что такое психоте-

²⁹ См.: Цапкин В. Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2. С. 5—40.

рапия», а общую систему вопросов, на которые надлежит ответить каждой «психотерапии», каждому психотерапевтическому подходу и школе, претендующим на специфическое видение себя как особого рода антропологической практики. Иными словами, следует искать общий для всех «психотерапий» стиль научного мышления, их смысловое единство. Это и есть основание методологического единства психотерапевтической теории. Специфика любого явления задается сопоставлением его со смежными, родственными ему явлениями. Особенности того или иного психотерапевтического подхода могут быть описаны с помощью двух систем сопоставлений: во-первых, в сравнении с существующими в культуре социально-антропологическими практиками, во-вторых, в сравнении с другими существующими психотерапевтическими подходами.

Для определения специфики «понимающей психотерапии» мы воспользуемся в этой главе только первой системой оппозиций, откладывая на дальнейшее важную задачу «психотерапевтической компаративистики»³⁰. Деятельность психолога-психотерапевта удобно сопоставить с деятельностью субъектов смежных антропологических практик: врача, учителя, воспитателя, мудреца-наставника, священника.

В отличие от ценностей и целей этих антропологических практик (здоровья, знания, воспитанности, мудрости, святости) понимающая психотерапия в соответствии с базовой теорией переживания имеет специфическую ценность и цель: **осмысленность**.

В отличие предметов других практик, т. е. от тех плоскостей человеческого существования, к которым они апеллируют и на которые направляют свои воздействия (организм, способности, социальное поведение, мировоззрение, духовность), понимающая психотерапия обращена к **жизненному миру** человека.

В отличие от тех процессов и действий самого человека, которые ожидаются от него в рамках этих практик и которые осуществляют собственно требуемые изменения (процессы компенсации и восстановления функций организма, социализации и самовоспитания, познания и любознательности, аскезы и исповедания), понимающая психотерапия ждет от человека активного **продуктивного переживания**, который рассматривается как процесс смыслопорождения.

В отличие от проблемных состояний человеческого существования, на преодоление которых направлены эти антропологические практики (болезнь, невежество, невоспитанность, заблуждение), понимающая психотерапия нацелена на помощь человеку в совладании с **критическими жизненными ситуациями**.

Наконец, в отличие от специфических действий агентов этих подходов (лечение, обучение, воспитание, ценностное наставничество, духовное руководство) специфическая активность психотерапевта в рамках понимающей психотерапии может быть названа **«сопереживанием»**. Подчеркнем, что предложенная характеристика специфики понимающей психотерапии не является общезначимой для психотерапии вообще, а является систематическим применением теории переживания к поиску ответов на поставленные вопросы. Каждый из данных ответов определен только внутри целостной системы психологии переживания и развиваемой на ее основе «понимающей психотерапии». Например, сопереживание мыслится здесь не только и не столько как эмоциональный отклик терапевта на чувства клиента, а как внутренняя работа, направленная на целостное **понимание** актуально текущих процессов переживания клиента, которая содействует их продуктивному ходу. Именно поэтому вся система и названа «понимающей психотерапией», ибо существует традиция именования психотехнических систем по центральному их методу (например, психоанализ, теория поэтапного формирования умственных действий включили в свое название главный принцип метода — «анализ», «формирование»).

Таким образом, решение задачи специфики понимающей психотерапии как особой социокультурной деятельности с позиции психологии переживания приводит к формулировке следующих ключевых характеристик теории понимающей психотерапии (см. табл. 6).

Плод этого анализа, как уже говорилось, не только ответы, но и вопросы, сами категории (названия колонок таблицы), которые формируют метаструктуру психотерапии, позволяющую систематизировать исследования в области психотерапевтической компаративистики. Разумеется, эти категории нуждаются в подробном анализе, который выходит за пределы данной главы.

³⁰ Цапкин В. Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. М., 2004.

Таблица 6
Ключевые характеристики понимающей психотерапии

Антропологическая практика	Цель и ценность	Предмет	Проблемное состояние	Продуктивный процесс	Принципы деятельности психотерапевта	Метод
Понимающая психотерапия	Смысл	Жизненный мир	Критическая ситуация	Переживание	Сопереживание	Понимание
Для сравнения в следующих строках таблицы представлено описание по тем же параметрам медицины как одной из антропологических практик и бихевиоральной терапии как одного из психотерапевтических подходов.						
Медицина	Здоровье	Организм	Болезнь	Восстановление функций и компенсация	Лечение	Аллопатия, гомеопатия и др.
Бихевиоральная терапия	Адаптация	Поведение	Деадаптивное поведение новых условий или оперантных рефлексов)	Научение (формирование)	Обучение	Подкрепление

Уровни переживания и базовые психотехнические единицы

Психотехническая теория есть теория практики, а не объекта, она описывает не психику, а работу с психикой. Поэтому и единицы анализа такой теории должны включать в себя одновременно как элементы, репрезентирующие объект, так и элементы, репрезентирующие метод работы с объектом. Психотехническая система понимающей психотерапии основана на теории переживания и полагает процесс переживания как свое главное «упование», т. е. как главный продуктивный процесс, который обеспечивает эффект психотерапии. Поэтому единицы анализа в понимающей психотерапии должны включать в себя элемент, который описывает тот или другой аспект процесса переживания. В соответствии с данным выше (табл. 6) общим абрисом системы понимающей психотерапии второй элемент «единицы» должен описывать акты «сопереживания». В рамках психотехнической системы точнее говорить не о «единицах анализа», а о «психотехнических единицах». Психотехнические единицы должны быть, с одной стороны, научно-аналитическими, позволяющими выделять разные существенные элементы целостного процесса переживания, а с другой стороны, практико-методическими, позволяющими дифференцированно и контролируемо воздействовать на указанные аспекты.

В качестве базовой схемы, дифференцирующей процесс переживания, выбрана схема уровней, или режимов функционирования сознания, различающая в системе сознания уровни рефлексии, сознавания, непосредственного переживания и бессознательного. Каждому из этих уровней соответствует психотерапевтический метод. Результатом сопоставления уровней переживания и адекватных им методов является выделение четырех базовых психотехнических единиц: «переживание — майевтика», «сознавание — понимание», «непосредственное переживание — эмпатия» и «бессознательное — интерпретация»³¹.

В психотерапевтическом контексте каждая из этих единиц составляет нерасторжимое единство, элементы которого не имеют самостоятельного существования. Например, бессознательное не

³¹ Васильюк Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27–37.

может стать реальностью психотерапии без интерпретации; непосредственное переживание клиента тоже не получит статуса реального события внутри психотерапии без эмпатического отклика терапевта (по аналогии с тем, как для того, чтобы радиоволна превратилась в звуковой сигнал, нужен радиоприемник). Различные психотерапевтические школы признают ведущим уровнем для построения главного метода разные из описанных единиц. Психоанализ полагает ведущим для психотерапии уровнем системы сознания бессознательное и главным методическим принципом — интерпретацию, клиенто-центрированная терапия избирает в качестве ведущего уровень непосредственного переживания и, соответственно, главным методическим принципом считает эмпатию, для когнитивной психотерапии ведущий уровень работы — сознание, а главный методический принцип — «понимание». Существуют и такие подходы (например, школа парадигматической аналитической психотерапии), которые главную задачу психотерапевтического метода видят в майевтической стимуляции процесса рефлексии.

Приводим сводную таблицу сопоставления психотехнических единиц (табл. 7).

В понимающей психотерапии использование всей гаммы базовых психотехнических единиц позволяет психотерапевту избирательно входить в резонанс с разными слоями целостного процесса переживания клиента, и, вслушиваясь во внутренние его ритмы и тенденции, гармонизировать работу переживания, помогая ее исполниться в наиболее концентрированном и полном виде³².

Структура психотерапевтической ситуации

Задача описания хронотопа психотерапии состоит из двух относительно самостоятельных частей — описания пространства и времени психотерапии. Проблема психотерапевтического времени в данной работе прямо не ставится. Под пространством же психотерапии имеется в виду психотерапевтическая ситуация, рассмотренная в синхронном аспекте. Психотерапевтическая ситуация описывается в рамках понимающей психотерапии с опорой на

¹Таблица 7

Сравнительные характеристики психотехнических единиц

ПАРАМЕТРЫ СРАВНЕНИЯ	ПСИХОТЕХНИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ			
	Интерпретация — бессознательное	Эмпатия — переживание	Понимание — сознание	Майевтика — рефлексия
Непосредственный предмет психотехнического внимания и действия	Разрывы в понимании	Актуальное переживание	Неадекватность субъективного образа ситуации	Внутреннее расогласование в самосознании
Отношение к субъективности клиента	Недоверие и анализ	Доверие и принятие	Допущение и коррекция	Диалектическое
Контекст осмысления психологом Сознания и поведения клиента	Бессознательные динамические силы	Внутренний аспект жизненного мира	Внешний аспект жизненного мира	Самосознание
Процесс, ответственный за решающие преобразования сознания	Осознание	Непосредственное переживание	Познание	Самопознание
Ведущий модус психотехнического общения	Монолог психолога	Монолог клиента	Диалог ¹ психолог — клиент	Внутренний диалог клиента
Ролевая позиция психолога	«Всеведущий Эксперт»	«Сопереживающее зеркало»	«Методолог здравомыслия»	«Диалектик»

«целостную единицу общепсихологического анализа», полученную в результате синтеза основных психологических категорий, развитых в отечественной традиции. В графическом виде схема психотерапевтической ситуации может быть представлена таким образом (см. рис. 4).

Данная схема фиксирует не натуральное положение, а систему психотехнических отношений в психотерапевтической ситуации. Например, «проблема» должна рассматриваться не как преданная опыту психотерапии «вещь», которая «есть» у клиента до и независимо от психотерапии и которую он приносит в готовом виде

¹ В данном случае термин «диалог» употребляется не в смысле М. М. Бахтина, он фиксирует характерное, например, для когнитивной терапии открытое противопоставление позиции психолога неадаптивным убеждениям клиента.

³² Васильюк Ф. Е. Психотехнический анализ психотерапевтического процесса // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 40—43.

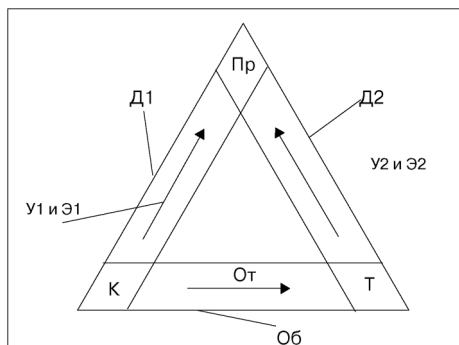

Рис. 4. Структура психотерапевтической ситуации

Условные обозначения: К — клиент; Т — психотерапевт; П — проблема; Д1 — деятельность клиента по отношению к проблеме; Д2 — деятельность психотерапевта по отношению к проблеме; У1 — установка и отношение клиента к проблеме; У2 — установка и отношение терапевта к проблеме; Об — общение; От — система отношений между клиентом и психотерапевтом.

на психотерапевтический сеанс. Проблема есть выстраиваемый в самом психотерапевтическом процессе «символический объект», который определяется и как диалогически согласовываемая тема общения клиента и психотерапевта, и как согласовываемый предмет их совместной деятельности и как согласовываемая модель объяснения жалоб клиента и т. д.

Психотехническое видение структуры психотерапевтической ситуации позволяет использовать ее не только как средство описания, например, для систематической записи терапевтической сессии, но и как карту структурных трансформаций терапевтической ситуации.

Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания

Категория «психотерапевтического понимания» мыслится как стратегическая диалогическая установка, противоположная идеологии «воздействия». Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать — повлиять, вылечить, исправить. Психотерапевтическое понимание создает напряженное диалогическое поле, которое в соответствии с «принципом

молчания»³³ вызывает к свободе пациента — свободе его слова, воли, самосознания.

Для реализации метода понимания нужна развитая и тонко дифференцированная психотерапевтическая техника. Ее систематическая разработка опирается на описание семиотических отношений, возникающих между «словом» клиента и ответным «словом» терапевта. Само «слово» клиента — не готовая, литая форма, а становящийся процесс символизации экзистенции, процесс, проходящий много слоев, прежде чем он выльется в непосредственный речевой акт. Ответное «слово» терапевта должно откликнуться на всю сложную динамику этих потоков символизации, и потому оно должно быть оснащено психотехническими схемами, позволяющими дифференцированно отображать разные аспекты выразительного акта клиента. По отношению к процессу конструирования реплик терапевта эти схемы выступают в функции «мультипликаторов», неких символических призм, позволяющих построить множество терапевтических реплик.

В качестве мультипликаторов, определяющих конструкцию терапевтической фразы, выступают основные теоретические схемы, введенные ранее.

- а) схема уровней сознания;
- б) представление о регистрах сознания;
- в) типология жизненных миров;
- г) структура образа сознания;
- д) структура психотерапевтической ситуации.

Скажем, использование мультипликатора «Типология жизненных миров» состоит в настройке терапевтического внимания на то, чтобы, в одном случае, расслышать в словах пациента инфантильные интонации, ожидания, мотивации, желания, и откликнуться на них (например, «вы устали, и порой так хочется, чтобы кто-то сказал: отдохни, утро вечера мудренее, все устроится»), в другом случае, в тех же словах клиента — расслышать реалистические, целевые установки и ответить на них терапевтической репликой, которая входит в резонанс с бодрым и целеустремленным настроением реа-

³³ Копьев А. Ф. Диалогический подход в консультировании и вопросы психологической клиники // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 33—48.

листического жизненного мира («хоть вы и устали, но эта цель для вас настолько важна, что вы решили во что бы то ни стало найти средства, чтобы справиться с этой задачей»), в третьем и четвертом случае найдется отклик на ценностные и творческие установки, которые всегда можно отыскать за словами человека. Примерно таким образом осуществляется перевод всех основных теоретических идей на язык психотерапевтической техники, происходит формирование первичной технической «материи» понимающей психотерапии.

В общей структуре психотехнической системы понимающей психотерапии представления о связи семиотики психотерапевтической ситуации и психотехники понимания выполняют функцию связующего звена между психологической и психотерапевтической теорией, с одной стороны, и психотерапевтической техникой, с другой³⁴.

4. Психотерапевтическая техника понимающей психотерапии

Уровни психотерапевтического искусства

В психотерапии как во всяком сложном искусстве можно выделить ряд иерархически соподчиненных технических уровней: уровень приема, комбинации, методики, тактики и стратегии. В понимающей психотерапии уровень приема представлен «алфавитом» базовых психотерапевтических ходов. «Буквой» этого алфавита является ответная реплика терапевта на «стимульную» реплику пациента.

Уровень комбинации коррелирует с конкретным состоянием психотерапевтической ситуации и актуальной задачей, возникшей в этой ситуации (например, задачей уточнения запроса, заключения контракта, завершения сеанса и т. п.). Уровень психотерапевтической методики соответствует задаче психотерапевтической проработки конкретной проблемы или отдельного симптома. Психотерапевтическая методика — это психотерапия в миниатюре. Методика является центральным техническим уровнем, в кото-

ром воплощается определенная тактика и стратегия психотерапии и в то же время реализуется система приемов и комбинаций. Уровень психотерапевтической тактики корреспондирует с целостной психотерапевтической ситуацией, разворачивающейся во времени в течение ряда сеансов и определяется, прежде всего, логикой терапевтического контракта. Наконец, уровень психотерапевтической стратегии является доктринальным, он связан с философско-антропологическим подходом, которого придерживается данная психотерапевтическая школа. Ниже обсуждается три из обозначенных уровней психотерапевтического искусства, как они представлены в понимающей психотерапии: уровень приема, уровень комбинации и уровень методики.

Методический алфавит понимающей психотерапии

Алфавит базовых техник понимающей психотерапии разработан на основе описанных выше уровней построения переживания и соответствующих этим уровням психотехнических единиц. В качестве элементов «алфавита» основные психотехнические единицы рассматриваются не столько с точки зрения их психологических механизмов и общих психотерапевтических принципов, сколько с технической точки зрения. А именно, обсуждается структура, вариации и функции каждой из четырех базовых психотерапевтических техник: эмпатии, понимания, майевтики и интерпретации.

Эмпатия. Структура эмпатической реплики включает в себя два основных элемента — оператор понимания и эмпатический знак. Оператор понимания (т. е. слова «правильно ли я вас понимаю», «так ли я понял» и т. п.) выполняет различные функции по отношению к разным фигурам психотерапевтической ситуации. По отношению к клиенту функция оператора понимания состоит в «сообщении» ему, что именно он является главным действующим лицом в терапевтическом процессе, берущим на себя инициативу и ответственность за прояснение и решение проблемы. По отношению к терапевту оператор понимания несет важную функцию самоограничения, блокирующую возможность советов, рекомендаций, сбора анамнеза и других неадекватных духу понимающей психотерапии действий. Наконец, влияние оператора понимания на терапевтические отношения заключается в таком их ролевом

³⁴ Васильюк Ф. Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 48—68.

структурировании, при котором терапевт занимает заведомо вторичную позицию сопереживающего слушателя, а клиент обретает статус автора повествования (а не одного из прототипов или персонажей своего рассказа).

Эмпатический знак в целом призван стать означающим для непосредственного переживания клиента, являющегося по отношению к нему означаемым. Эмпатический знак включает в свою структуру следующие элементы: персону, модус переживания, переживаемое состояние, объект, с которым связано переживание, и сама эта связь. Каждый из этих структурных элементов может варьироваться в эмпатической реплике и этим достигается изменение целостного смысла эмпатического отклика. Например, если в эмпатической реплике «правильно ли я понимаю, что вы чувствуете обиду на вашего друга» изменить персону «вы» на персону «вы как ребенок», мы получим эмпатическую реплику, совершенно иначе влияющую на сознание клиента. Главным элементом эмпатического знака является переживаемое состояние. Могут быть выделены индикативная, номинативная, сигнификативная и экспрессивная функции этого элемента по отношению к обозначаемому им переживанию клиента. Применение к анализу семиотических отношений позволяет добиваться тонких настроек терапевтических реплик. Например, в эмпатической реплике слово «злость» может быть заменено описанием соответствующей телесной экспрессии («Правильно ли я понимаю, что у вас просто сжимаются кулаки от этой несправедливости!»).

Понимание. Общая задача понимающих реплик в отличие от эмпатических состоит в том, чтобы отображать не то, что клиент чувствует по поводу ситуации, а образ самой этой ситуации, а также его действия по отношению к ситуации. Техника понимания стимулирует привлечение интеллектуальных, перцептивных, в целом когнитивных и частично волевых ресурсов для решения проблемы. Структура понимающей реплики включает в себя оператор понимания и понимающий знак. Понимающий знак, в свою очередь, состоит из таких структурных элементов, как персона, модус действия, действие, предмет и обстоятельства действия. «Правильно ли я понимаю, что вы стараетесь сейчас беспристрастно проанализировать ситуацию, в которой друг совершил несправедливость по отношению к вам?» Обычно главным элементом понимающей реплики является

описываемый объект. Каждый элемент понимающей реплики может варьироваться, но главные вариации — вариации объекта разделяются на две категории: перцептивные и интеллектуальные. Примером перцептивного варьирования может служить изменение описаний объекта, аналогичное сдвигу кинообъектива от крупного плана к общему. Примером интеллектуальных вариаций может служить изменение описания по параметру «абстрактное — конкретное».

Майевтика. Майевтические реплики фокусируют внимание клиента не на его переживании, не на объектах и ситуациях, которые он описывает, а на логических основаниях (предубеждениях, предпосылках), которые заставляют испытывать именно эти переживания при наступлении данных обстоятельств. Логические основания, выявляемые майевтикой, не осознаются клиентом, но не потому, что являются бессознательными, а потому, что они слишком самоочевидны, чтобы быть замеченными. Структура майевтической реплики, кроме общего для всех базовых техник понимающей терапии оператора понимания, содержит в себе следующие элементы: субъект (носитель убеждения) — модус убеждения — само убеждение (которое, в свою очередь включает в себя: персону — модальность — переживание/действие — предмет переживания или действия. «Правильно ли я понимаю, вы абсолютно убеждены, что ваша душа просто обязана на всякую несправедливость откликнуться чувством обиды?» Майевтические реплики могут изменяться по параметру модальности, силы, и, кроме того, в них могут варьироваться все те же элементы, что и в предыдущих двух типах реплик. Функция майевтики состоит в стимуляции процесса рефлексии. Откликом клиента на майевтическую реплику может быть либо согласие со сформулированным утверждением, либо отказ от него, либо его уточнение, но в любом случае это требует от клиента включения рефлексивного отношения к «предпосылкам» своих мыслей, действий и переживаний.

Интерпретация. В рамках понимающей терапии на уровне технического алфавита метод интерпретации используется редко, но это не значит, что интерпретации вовсе нет места в излагаемом подходе. Он вступает в игру, когда в ходе психотерапевтического процесса работа переживания подходит к внутренней необходимости объяснения значимых элементов опыта, которые самому клиенту представляются иррациональными и непреднамеренными, но

в то же время неслучайными и причастными его воле. По базовой логической структуре метод интерпретации состоит во введении феномена А (это чаще всего симптом — нежелательное состояние или поведение пациента) в предлагаемый терапевтом контекст Б, в результате которого А получает объяснение и восстанавливает утраченный им смысл Х. Особенность применения этой психотехнической единицы в понимающей психотерапии состоит в том, что интерпретативный контекст Б берется не из априорного арсенала теоретических идей, а из опыта самого пациента, который уже стал предметом обсуждения в данном терапевтическом процессе.

Параметры варьирования. Кроме специфических, существуют общие для всех психотехнических единиц параметры варьирования. Основной из них — регистр сознания, к которому обращена та или другая реплика. Терапевтический ответ может апеллировать к регистру «здесь и теперь», отображая чувства или мысли пациента как автора повествования и активного участника терапевтического процесса, или регистру «там и тогда», отображая его мысли и чувства как персонажа его собственного рассказа, испытанные где-то «там и тогда». Одно дело сказать «Вы обиделись, когда обнаружили несправедливость в отношении к вам вашего друга», и совсем другое — «Вы огорчены тем, что так долго не можете справиться с обидой на друга».

Описанные терапевтические приемы в понимающей терапии являются основными первичными элементами, которые в обычном процессе включаются в сложные комбинации и образуют психотехническую материю всего процесса понимающей терапии. И в то же время каждый из этих первичных приемов вполне может быть самостоятельным методом работы на протяжении достаточно длительных этапов терапевтического процесса.

Структурирование и темперирование

В консультативном процессе психотерапевт должен содействовать развитию и осуществлению продуктивного переживания пациента. Описанные в предыдущем параграфе «психотехнические единицы» являются элементарными формами, дающими одновременно и возможность ориентации в текущем процессе переживания, и средства содействия этому процессу.

Однако этого мало, психотерапевту нужна еще дополнительная система ориентировки — в динамично изменяющейся терапевтической ситуации, в которую он вместе с клиентом вовлечен, и дополнительная система средств деятельности.

Саму эту ситуацию, равно как и ее динамику, нужно не только понимать, но и активно формировать, заботиться об оптимальном ее состоянии, устранять возникающие в ней искажения, диспропорции и несоразмерности. Комплекс этих задач и решается приемами психотерапевтического структурирования и темперирования, т. е. управления терапевтическим пространством и временем.

Не имея возможности в рамках данной главы систематически раскрыть эту тему, укажем лишь для примера на несколько типичных задач.

К задачам структурирования можно отнести: а) установление терапевтического контакта; б) проработку жалоб клиента; в) формирование адекватного терапевтического запроса (речь о формировании, потому что запрос не изначальная данность терапевтического процесса, которую «приносит» с собой клиент, запрос является предметом и продуктом, иногда весьма драматического, диалогического взаимодействия терапевта и клиента); г) «форматирование» проблемы клиента (Проблеме клиента может быть предана разная форма в ходе сеанса в зависимости от ее содержания, текущего состояния клиента и даже таких, казалось бы, внешних по отношению к проблеме обстоятельств, как ограничения во времени и владение терапевтом теми или другими методами. Например, если пациент переживает острую ситуацию внутреннего конфликта, но на данном этапе он астенизирован, времени осталось немного и терапевт владеет техникой релаксации лучше, чем методиками помощи в разрешении конфликтов, то проблема может быть «отформатирована» не в виде конфликта, а в виде стресса. В этом случае терапевт может подчеркнуть в состоянии клиента моменты усталости, истощенности и предложить на данной сессии провести релаксационный сеанс с тем, чтобы попытаться восстановить силы, которые понадобятся для углубленной внутренней работы на следующей сессии); д) исправления искажений и перекосов в структуре терапевтической ситуации, в частности, мешающих построению продуктивного терапевтического альянса, под которым в понимающей психотерапии имеется в виду совместная

деятельность переживания-сопереживания клиента и терапевта (Скажем, пациент может рассматривать свою личную проблему как некую «задачу», разрешить которую должен психотерапевт, поскольку де он является экспертом в области решения психологических проблем. В этом случае структура ситуации «перекашивается», центр тяжести переносится на деятельность терапевта и для выравнивания ситуации, ему приходится «укреплять» деятельность самого клиента по отношению к проблеме, актуализируя его инициативу и ответственность. «У вас есть немалый опыт, как справляться с этой проблемой, но сейчас привычных способов совладания оказалось недостаточно, и вы думаете, где же еще можно найти силы и средства, чтобы справиться с этим», — такого рода реплики, не добавляя ничего к содержанию обсуждаемой проблемы, позиционируют клиента как субъекта собственной жизни, пытаясь стимулировать его активность в терапевтической работе).

Задачи темперирования³⁵ возникают в связи с управлением терапевтическим процессом в диахронном аспекте. Для того чтобы терапия была эффективной, не только структура терапевтической ситуации должна иметь «хорошую форму», но и сам процесс должен быть «хорошо темперированным». Вот некоторые из задач психотерапевтического темперирования:

а) проработки цели психотерапевтического контракта;

б) «пунктуация» терапевтического процесса — психотехническое отделение и связывание различных фаз терапии («У меня ощущение, что мы исчерпали, насколько могли, тему ваших отношений с женщинами, и, кажется, теперь открываем совсем другие главы — вашего призвания, общего ощущения смысла жизни»);

в) задача психотерапевтического эндшпиля: концовка консультации и всего терапевтического процесса — один из самых сложных технических элементов терапевтического искусства (эн-

дшпиль может осуществляться в разной стилистике подведения итогов, формулирования задач, ожидания изменений, воспоминаний о пройденном пути и пр.).

Список этих задач далеко не полон, это лишь некоторые иллюстрации. Важно отметить, что в реальном терапевтическом процессе задачи структурирования и темперирования не решаются отдельно. Удержание равновесной структуры ситуации и управление темповыми характеристиками процесса можно уподобить езде на велосипеде — сохранение равновесия велосипедиста сопряжено со скоростью и изменением направления движения, так что, к примеру, наклонное положение, которое на малой скорости и при прямолинейном движении привело бы к падению, оказывается наиболее устойчивым при быстром прохождении виража. Кроме того, что задачи структурирования и темперирования решаются совместно и взаимозависимо друг по отношению к другу, они в рамках понимающей психотерапии сопряжены и с решением задач переживания-сопереживания, решаются не помимо и поверх этих задач, а в сочетании с ними, в материале решения этих задач. (Если терапевт откликается на жалобу клиента об ощущении хаоса, мрака и опустошенности примерно такой фразой «Так ли понимаю, что Вы бы хотели в конечном итоге обрести упорядоченность, какую-то просветленность и наполненность жизни, но сейчас даже не верится, что это возможно», то это терапевтическое действие можно оценить и как первичную проработку запроса и цели терапии, и как терапевтический «аккорд» из двух психотехнических единиц понимание-эмпатия, пытающийся запустить процесс продуктивного изживания депрессивного состояния.)

С технической точки зрения задачи структурирования и темперирования чаще всего решаются комбинацией тех или иных базовых психотехнических приемов.

Психотерапевтические методики

Прежде чем описывать некоторые психотерапевтические методики, разработанные в рамках понимающей психотерапии, необходимо сказать несколько слов о месте в ней «методики» вообще. Большой частью терапевтический процесс обходится вовсе без специальной методической работы, она является скорее исключением, чем правилом. В самом деле, если главное «упование» метода понимаю-

³⁵ От лат. *temperatio* — соразмерность, правильное соотношение. Музыкальное значение термина, которое дают словари: точное установление высоты и количества звуков, входящих в состав той или иной исторически сложившейся музыкально-звуковой системы. Воспользовавшись этой аналогией можно говорить о том, что каждый психотерапевтический подход вводит свою систему темперирования, которая регулирует как формальную частотность и длину сеансов, так и содержательно-сюжетное понимание внутренней логики фаз и этапов терапии.

шей психотерапии — на процесс переживания пациента, если ее стиль — индирективное следование за клиентом в духе личностно-центрированной психотерапии К. Роджерса, то допустимо ли делать нарочитую остановку на локальной проблеме или симптоме, допустимо ли применение специальной психотерапевтической техники, не противоречит ли терапия самой себе, не является ли она «неконгруэнтной»? Вопрос неспроста. «Методическая» работа способна интенсифицировать процесс и порой приводит к быстрым психотерапевтическим результатам, но плата за эффективность может оказаться слишком большой, стратегически не оправданной. Расплачиваться приходится, во-первых, терапевтическими отношениями, которые теряют личностный характер и приобретают характер функциональный, во-вторых, активностью и инициативой клиента, которые сдвигаются к полюсу психотерапевта. Именно поэтому ответ на вопрос, должен ли специалист по понимающей психотерапии владеть «методиками» симптоматической работы таков: да должен, но для того, чтобы, насколько это возможно, избегать их применения. Так уровень мастера боевых искусств может быть удостоверен не тем, что он ввязывается в любой назревающий конфликт, а как раз тем, насколько редко даже в напряженных ситуациях ему приходится вступить в боевое единоробство.

И тем не менее рано или поздно психотерапевтическая методика применяется. Тогда главной проблемой становится техника вписывания методики в психотерапевтический сеанс, обеспечение такого входа из сеанса в методику и такого возвращения в сеанс, при которых сохраняется личностная атмосфера отношений, так что само проведение методики эстетически включается в терапевтическую беседу как «слово» в диалоге, даже если это слово заняло целый час. В рамках этой главы ограничимся лишь такой постановкой проблемы и таким общим указанием на направление ее решения.

Разработанные в понимающей психотерапии методики коррелируют с базовыми общепсихологическими схемами — типологией жизненных миров, типологией переживания и типологией критических ситуаций. Эта корреляция не полная, но все же достаточно отчетливая. В данной главе будут кратко описаны три методики. Первая из них, методика «Режиссура симптома» использует, прежде всего, закономерности творческого жизненного мира и творческого переживания. Методика «Психотехника выбора

реализует закономерности ценностного переживания в критической ситуации внутреннего конфликта. Методика психотерапевтического облегчения боли направлена на работу со стрессом, при этом она опирается преимущественно на закономерности реалистического переживания.

Режиссура симптома

Техническая суть психотерапевтической методики «режиссура симптома» состоит в том, что терапевт создает особую ситуацию, в которой клиент не рассказывает ему о том или другом болезненном состоянии или симптоме, а обучает терапевта этот симптом произвольно вызывать и испытывать. Такое парадоксальное изменение позиции клиента приводит к радикальному изменению его отношения к симптому: это не отношение жертвы к палачу, а отношение мастера к ремеслу, которое предполагает глубокое и тонкое осознание механизмов произвольного вызывания симптома. Овладение своим симптомом оказывает целительное воздействие.

В практическом плане методика «режиссерской постановки» оказалась достаточно эффективной. Но не менее важно указать на теоретический смысл этой методики. Он состоит в том, чтобы: а) продемонстрировать в концентрированном виде идею «сопереживания», которое может воплощаться не в ментальном понимании чувств и мыслей клиента, а в телесном «заражении» его переживаниями, разумеется, заражении контролируемым и управляемым, но все же всегда не тотально; б) показать, какие богатые возможности для психотерапевтической техники, и в частности, для работы с измененными состояниями сознания дает применение идеи регистров сознания на методическом уровне.

Психотехника выбора

Эта психотерапевтическая методика предназначена для работы с проблемой внутреннего конфликта. Но кто, собственно, квалифицирует проблему как конфликт — клиент или терапевт? В соответствии с психотехническим осмыслением категории «проблема», отказывающимся от натуралистического представления о проблеме как вещи, независимой от сознания клиента и от коммуникации между клиентом и терапевтом, ситуации самого разного рода могут быть переинтерпретированы как ситуации конфликта. Такого рода психотех-

нические переинтерпретации, придающие материалу жалоб клиента форму определенной критической ситуации, мы называем форматированием проблемы. Форматирование является не монологическим актом терапевта, а его диалогическим предложением клиенту квалифицировать ситуацию определенным образом или согласием на определенную квалификацию клиента. Если клиент и терапевт достигают консенсуса в форматировании проблемы как проблемы внутреннего конфликта, это создает условия для использования данной методики даже в тех случаях, когда в начале консультативного процесса ситуация не мыслилась пациентом как ситуация выбора.

В методике «психотехника выбора» реализуются идеи, полученные при анализе закономерностей ценностного жизненного мира. В соответствии с этим анализом: альтернативы, между которыми совершается выбор, — не различные объекты или способы действия, а существенные жизненные отношения, каждое из которых символизирует особый образ жизни; в основе подлинного выбора лежит не идея самоидентичности личности, а идея личностной метаморфозы; во внутреннюю структуру выбора входит акт жертвования как необходимый элемент; в отличие от традиционного рационалистического понимания акта выбора как произвольного и сознательного рассудочного «взвешивания» преимуществ, его следует мыслить как акт, до конца не рационализируемый и совершаемый в обратной смысловой перспективе «прислушивания» к ценности. Можно сказать, что не человек делает выбор, а в известном смысле выбор делает человека.

Данная методика, психотехнически воплощая основную идею экзистенциального выбора, помогает клиенту войти в такое состояние сознания, где он сможет освободиться от ложной и изнурительной модели «взвешивания» и где его внутренним ценностям будет представлена возможность явить свое решающее слово в акте выбора.

Данная методика демонстрирует способы психотехнического использования типологии жизненных миров для конкретных терапевтических целей. Эта типология, таким образом, выступает не только как базовая онтологическая схема, но и как источник конструирования психотерапевтических методик³⁶.

³⁶ *Василюк Ф. Е.* Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева и В. Г. Щур. М., 1997. С. 284—314.

Психотерапевтическое облегчение боли

Данная методика³⁷ предназначена для психотерапевтической работы с болевым синдромом. Общая схема методики довольно проста: а) создание определенной эстетической рамки, б) индикация боли, в) обнаружение «целобного» контекста, г) перевод сознания пациента в целобный контекст и «проживание» целобного контекста, д) создание посттерапевтической установки. В таком схематичном изложении методика выглядит как одна из многочисленных вариаций на эриксоновскую тему. И в самом деле, с технической точки зрения в этой методике найдется немного специфического для понимающей психотерапии.

Немного, но все же найдется. Ключевой механизм, обеспечивающий психотерапевтический эффект построен здесь на характерном различии боли и смысла боли. Страдание, с этой точки зрения, можно описать как динамическое отношение боли к смыслу боли: страдание тем больше, чем больше непосредственное ощущение боли и чем меньше смысл боли. Понимающая психотерапия видит свою задачу не в том, чтобы избавить человека от страдания, но в том, чтобы помочь ему в работе страдания. Применительно к проблеме боли, эта помощь состоит не столько в снижении интенсивности болевых ощущений, сколько в раскрытии того смыслового контекста, в котором боль обретет смысл.

Но этого мало. Чтобы эта работа осуществилась, необходимо еще создать такие творческие эстетические отношения, в которых терапевт и клиент станут соавторами психотерапевтического текста, разворачивающегося по законам эстетики, а не только психологии.

Из этих двух аспектов методики можно сделать общие важные выводы: понимающая психотерапия даже при работе с локальными, ситуативными, чуть ли не физиологическими симптомами, каким является боль, остается психотерапией смысловой, логотерапией, если воспользоваться термином В. Франкла. Вторая ее черта, проявляющаяся на всех уровнях работы, вплоть до работы со стрессом, состоит в том, что понимающая психотерапия является арттерапией. Арттерапией не в смысле использования специальных видов искусств как особых инструментов работы, а в смыс-

³⁷ *Василюк Ф. Е.* Психотерапевтическое облегчение боли // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2. С. 96—102.

ле осуществления всего психотерапевтического процесса, как по его «материи», так и по композиции по законам художественного произведения.

* * *

Описанные в данной главе методики вытекают из теоретических и технических предпосылок понимающей психотерапии и тем не менее по ним нельзя составить представление о характерном стиле понимающей психотерапии. Как уже говорилось выше, в понимающей психотерапии применение такого рода методик — событие достаточно редкое, ибо методика направлена, как правило, на определенный симптом, а стратегическое направление понимающей терапии является личностно-, а не симптомо-ориентированным. В понимающей психотерапии методика является не рутинным инструментом, а поворотом психотерапевтической дороги. Вся дорога вовсе не состоит из одних поворотов, хотя без них и не обойтись. Однако для целей научных и дидактических методика представляет большую ценность, потому что в ней в концентрированной форме выражены все технические и теоретические достижения психотехнической системы.

Заключение

Завершая это реферативное изложение психотехнической системы понимающей психотерапии, следует еще раз остановиться на самом ее названии — почему именно «понимающая»? Ответ на этот вопрос прямо связан с методологическим стилем развиваемого подхода. Как уже упоминалось, обращение к историческим образцам психотехнических систем показывает, что они получали свое название не в соответствии с основным предметом исследования, а в соответствии с методом, имевшим одновременно и практическую, и познавательную валидность. З. Фрейд не дал своей системе название «психология бессознательного», но — психоанализ; П. Я. Гальперин не именовал свою концепцию «теорией умственных действий», но — теорией поэтапного формирования умственных действий. В обоих случаях сам метод (анализ, формирование) дал ключевой термин для имени психотехнической системы. Это

логично: раз психотехническая система на методологическом уровне, как настаивал Л. С. Выготский, есть «философия практики», то на уровне предметно-концептуальном она и должна быть «теорией метода». В излагаемой нами системе общий принцип психотерапевтического метода выражается категорией понимания и конкретные базовые методы представляют собой разные виды понимания (майевтика, эмпатия, интерпретации и т. д.), поэтому с учетом упомянутых исторических прецедентов данная система не просто может, а в каком-то смысле должна быть названа понимающей психотерапией.

Для самоопределения всякой концепции важно определить свое место среди существующих школ и подходов. Понимающая психотерапия является одной из ветвей развивающегося дерева культурно-деятельностной психологии (если воспользоваться распространенным на Западе названием школы Выготского-Леонтьева). Но сама эта ветвь растет под прямым влиянием личностно-центрированной психотерапии, пытаясь с помощью теоретических средств, созданных в рамках отечественной психологии, развивать психотерапевтический подход К. Роджерса. Конечно, это всего лишь метафоры и декларации, которые не заменят решения принципиальной задачи — анализа методологической совместимости культурно-деятельностной психологии и личностно-центрированного подхода.

Что касается соотношения понимающей психотерапии с другими психотерапевтическими теориями, легко заметить много важных перекличек с многими из них, особенно в методах работы. Например, майевтика как один из базовых методических приемов направлена на стимуляцию рефлексии по отношению к предубеждениям, предрассудкам клиента, лежащим в основе его жалоб. В этом пункте понимающая психотерапия явно созвучна когнитивной терапии А. Бека. Использование такого параметра варьирования понимающих реплик, как «персона», когда клиенту какие-то аспекты его внутреннего опыта «возвращаются» в виде взаимодействия его внутренних «персон» (например: «Так ли я понимаю, что вы в смятении — ваше сердце рвется на волю, а ум останавливает его, охлаждает, как бы урезонивает его — остановись, подумай, все ли сделано...») напоминает психодраматическую психотерапию. Примеры можно продолжать, но здесь важнее сформулировать за-

дачу — систематического описания методических и теоретических элементов понимающей психотерапии, заимствованных из других психотерапевтических систем и анализа статуса этих элементов в понимающей психотерапии.

Все названные задачи нельзя понимать как чисто номенклатурные и инвентаризационные. Ориентация в поле «мировой психотерапии» нужна не просто для определения «координат» размещения понимающей психотерапии, сама такая ориентация — способ развития психотехнической системы, методом для которого служит «психотерапевтическая компаративистика».

Но все же главное направление развития системы, коль скоро она объявляет себя «психотехнической», состоит в выдвигании исследовательской программы, которая в конкретных разработках осуществит общий методологический принцип сотрудничества науки, практики и образования. Здесь не место для развернутого описания этой программы, но можно и важно указать на некоторые модели и типы реализующих ее исследовательских проектов.

Во-первых, это психотехническая транскрипция классических психологических экспериментов. Так в диссертационном исследовании А. Н. Молостовой³⁸ (под руководством В. К. Зарецкого и Ф. Е. Василюка) реализуется психотехническая версия проведения знаменитых дункеровских экспериментов по изучению творческого мышления. В ходе решения испытуемым творческой задачи, экспериментатор не имитирует собой нейтральный «регистрационный прибор», основная функция которого фиксировать процесс решения задачи, как это было в классической версии, а реализует «участную» исследовательскую позицию. Он активно включается в общение с испытуемым, контролируемым образом поддерживая его целостный мыслительный процесс, при этом не вторгаясь в обсуждение содержания самой задачи. (Например, испытуемому, стукнувшему в досаде кулаком по столу и отвернувшемуся от листа с задачей, экспериментатор может сказать: «Похоже, Вы разозлились на эту задачу, на самого себя, и чувствуете, что теряется желание довести дело до конца»). В качестве методов такого включения

³⁸ См.: Молостова А. Н. Психотехника помощи при решении творческих задач // Молодые ученые — московскому образованию / Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образований городского подчинения. М., 2006. С. 174—175.

используются методики, составляющие технический алфавит понимающей психотерапии (эмпатия, понимание, майевтика, интерпретация). Предметом исследования становится не только творческое мышление испытуемого, но и то, какая психотехническая коммуникативная программа создает оптимальные условия для творческого акта. Этот первый тип конкретных психотехнических научных разработок в рамках понимающей психотерапии можно обозначить как «участное исследование».

Такая экспериментальная схема несет в себе двойную методологическую выгоду. С одной стороны, психотерапия работает на психологию, предоставляя ей свои методы, которые становятся инструментом экспериментирования. С другой стороны, психология работает на психотерапию, поскольку сама процедура и процесс эксперимента прекрасно моделирует терапевтический процесс. В самом деле, у испытуемого создается «квази-потребность»³⁹ в решении задачи, которая вскоре оказывается фрустрированной из-за непредвиденных трудностей, возникающих в процессе решения, в связи с этим у испытуемого актуализируется работа переживания, направленная на совладание с фрустрацией, а психолог экспериментатор различными психотерапевтическими методами пытается поддержать эту работу переживания, — все это создает условия, очень напоминающие экспериментально изучать психотерапию без психотерапии.

Второй тип конкретных научных исследований в рамках наметаемой исследовательской программы следует в отличие от первого «участного исследования» назвать «исследованием участности». Примером может служить диссертационная работа Е. В. Шерягиной⁴⁰, которая посвящена изучению процесса утешения. Выбор предмета исследования неслучаен. Понимающая психотерапия в качестве главного продуктивного процесса на полюсе клиента, благодаря которому достигаются в конечном счете терапевтические результаты, рассматривает процесс переживания. В исследовании выдвигается гипотеза, что внутренняя деятельность пережи-

³⁹ Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.

⁴⁰ Шерягина Е. В. Переживание и утешение в психологической практике // Молодые ученые — московскому образованию / Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образований городского подчинения. М., 2006. С. 289—290.

вания формируется у человека по общему закону формирования высших психических функций, сформулированному Л. С. Выготским. Средства, приемы, стиль переживания складываются у ребенка в коммуникативных ситуациях, которые можно обобщенно обозначить как «ситуации утешения». Это такие ситуации, в которых боль и неудовлетворенность ребенка становятся предметом специально направленного на них действия взрослого, не обязательно собственно утешения — ребенка отвлекают, успокаивают, призывают потерпеть, стыдят за неспособность терпеть, обвиняют и т. д. Культура утешения интериоризируется и оборачивается культурой внутренней деятельности переживания.

Работа переживания начинается у пациента отнюдь не в момент начала терапевтической сессии. Его переживание — это не чистый лист. Человек, приходящий на сеанс психотерапии, приносит с собой не только свою критическую ситуацию, но и свой уже развернувшийся (или уже зашедший в тупик, заблудившийся) процесс ее переживания, причем процесс, идущий в привычном стиле, в котором участвуют онтогенетически встроенные в него те или иные помогающие, утешающие фигуры. Именно с этой реальностью приходится встречаться психотерапевту, именно в ней ориентироваться и участвовать. Поэтому так важно для понимающей психотерапии исследовать закономерности, типы и жанры процесса утешения.

Третий тип научных разработок может быть представлен диссертационным исследованием О. В. Шведовского «Микродинамика личностных изменений в процессе понимающей психотерапии»⁴¹. По своему методическому подходу, как и предыдущий тип, он реализует классическую научную парадигму, и его вклад в развитие психотехнической системы понимающей психотерапии выражается отчасти в испытании того, насколько методы математического моделирования способны адекватно отображать такую сложную и трудно объективируемую реальность как реальный терапевтический процесс, но главное его значение — не столько в плоскости метода, сколько в плоскости формирования

⁴¹ Шведовский О. В. Исследование микродинамики изменений личности в процессе понимающей психотерапии // Психологическая наука и образование. 2006. № 3. С. 89—98.

предмета исследования. В данном исследовании удалось показать, что возможно выделение мельчайших квантов психотерапевтического процесса, по анализу которых можно прогнозировать динамику терапии примерно так же, как по анализу капельки крови можно судить о состоянии всего организма. Принципиальный факт, зафиксированный этим исследованием состоит в том, что квант терапии устроен, если так можно выразиться, «андрогино», т.е. включает в себя не отдельно акт сознания клиента и акт сознания терапевта, а единый акт некой формируемой в терапии совокупной личности («личности контакта» по терминологии О. В. Шведовского), где оба «соавтора» терапевтического процесса в случае вхождения в специфический смысловой резонанс становятся единой фигурой. Когда этого не происходит, вероятность положительной динамики терапии стремится к нулю.

Четвертый тип исследований в проектируемой психотехнической исследовательской программе — назовем его «супервизорские исследования» — представляется методологически самым сложным, но, в то же время самым интригующим. Примером его может служить работа Ю. В. Шукиной⁴². Сложность супервизорских исследований становится понятной при сопоставлении их с предыдущими типами исследовательских проектов.

Каждый из них определяется двумя основными структурными компонентами «Подходом» и «Предметом». Можно условно различить два вида подходов — 1) «созерцательно-отстраненный» (соответствующий парадигме классической науки) и 2) «деятельно-диалогический». Аналогичным образом можно ввести следующее различие разновидностей предметов исследования: 1) предмет может быть представлен «объектно» — как сама в себе и собой определенная реальность, которая закономерно меняется при изменении условий; 2) другой вариант представления предмета можно назвать «синергийным» — в этом случае психологические процессы одного человека рассматриваются как принципиально недоопределенные вне деятельностно-диалогического контекста, не признаются за самостоятельную исследуемую реальность,

⁴² Шукина Ю. В. Супервизия в психологической практике: метод оценки и развития профессионала // Европейское качество профессионального высшего образования: критерии оценки и динамика развития // Biletens Psihologisko Petijumu. Riga, 2004. № 14. P. 87—89.

но лишь за «атом», бытие которого определяется объемлющей его «молекулой» сопряженного деятельностно-диалогического процесса⁴³, которая то и становится предметом исследовательского интереса.

Эти различия позволяют построить простую типологическую таблицу (табл. 8) типов научных разработок в рамках обсуждаемой исследовательской программы.

Таблица 8
Типология исследовательских проектов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ		ПРЕДМЕТ	
		объект	синергия
ПОДХОД	«созерцательно-отстраненный»	1. «Классическое исследование»	2. «Исследование участности»
	«деятельно-диалогический»	3. «Участное исследование»	4. «Супервизорское исследование»

Эта типологическая таблица позволяет более строго систематизировать упоминавшиеся варианты и примеры психотехнических исследований. Эксперимент А. Н. Молостовой относится к третьему типу и является иллюстрацией «участного исследования»: предмет изучения (творческое мышление) мыслится здесь «объектно» — как самостоятельная реальность, но исследуется эта реальность не из созерцательно-отстраненной позиции, а путем психотехнического включения в нее, контролируемого соучастия экспериментатора в исследуемом процессе испытуемого.

Изучение утешения в работе Е. В. Шерягиной, равно как и изучение микродинамики личностных изменений в работе О. В. Шведовского, относится ко второму типу, где, напротив, предмет исследования дан «синергийно» — как сопряженная активность двух субъектов, но метод исследования вполне традиционен и реализует отстраненно-аналитическую установку. Типологическое различие этих двух исследований между собой заключается в том, что в одном случае изучается душевная под-

⁴³ Это сложно сформулированные простые вещи: например, учебная деятельность первоклассника не может быть изучена как самостоятельный объект в абстракции от его взаимодействия с учителем (см.: Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии. М., 1996).

держка в житейском контексте, а в другом — профессиональная психологическая помощь.

Первый тип исследований репрезентирует в рамках данной типологии классическую научную схему — отстраненного исследования самобытного объекта. «Самобытный объект» — это, во-первых, объект, а не некая активность, имеющая своим источником личную волю. Во-вторых, «самобытность» его состоит в независимости его бытия (но не обязательно функционирования или поведения) от другой реальности. Таково полагание объекта в классической исследовательской парадигме. «Отстраненность» исследовательского метода предполагает, что исследовательские процедуры в идеале являются «бесплотными», и не оказывают влияния на функционирование объекта. Такова идеальная парадигма (совсем другой вопрос, насколько удастся приблизиться к этому идеалу в реальной исследовательской практике).

Полученная типологическая таблица с геометрической очевидностью показывает, в чем источник высокой сложности проектирования и проведения исследований, соответствующих четвертому типу, который мы здесь называем «супервизорским». Они более всего удалены от «настоящих», классических научных исследований, в них приходится осуществлять участие исследование участной реальности, или диалогически-деятельное исследование синергийной реальности.

Сама ситуация супервизии предполагает глубокий человеческий контакт между супервизором и супервизируемым терапевтом, который по форме и духу подобен (но не равен) контакту самого терапевта и пациента. Супервизия — это не просто контроль опытного специалиста над менее опытным, не просто консилиум, не просто разбор клинического случая, не просто анализ ошибок и поиск оптимальной тактики продолжения терапии, не просто поддержка, психопрофилактика и терапия терапевта, хотя все эти аспекты есть в ней, супервизия — это деятельное диалогическое исследование терапевтической реальности. Но кто кого (или что) здесь исследует? Удивительная особенность супервизорского процесса состоит в том, что в нем создаются условия, в которых в известном смысле сама эта реальность начинает познавать и открывать самое себя. В ней действует парадоксальная сократовская логика, по которой ищущий истину, должен обратиться внутрь самого себя, и тем позволить истине себя найти.

Что является результатом сложившегося, состоявшегося, удачного супервизорского процесса? Открывшиеся новые клинико-психологические закономерности, новые технические приемы, новые теоретические психологические и психотерапевтические идеи, новые понимания конкретного клинического случая и путей терапии — да, все это и многое еще, но главный плод — новое сознание самого терапевта. Супервизорское исследование становится инструментом профессионального развития личности терапевта или, точнее, развитием профессиональной личности терапевта. Это чрезвычайно важный результат, особенно с учетом того, что психология все больше становится не частной научной дисциплиной, а, прежде всего, гуманитарной практикой, развитие которой осуществляется не только путем развития идей, но и путем развития людей.

Второй, не менее важный научный плод супервизии в том, что этот процесс способен создавать «школу». Исторический опыт развития науки показывает, что в подавляющем большинстве случаев настоящие научные достижения становятся возможными, когда талантливая личность ученого попадает и вырастает в подлинной, горячей, заряженной коммуникативной среде людей, обладающих близким видением единой реальности и общим языком описания этой реальности. Супервизия по самому своему устройству имеет тенденцию и потенцию к порождению «школы» — среды, питающей и выращивающей творчески познающую личность⁴⁴. Итак, супервизорское исследование — важнейший и сложнейший тип психологических исследований в рамках понимающей психотерапии.

При всей важности развития личности психотерапевта и «школы» невозможно отмахнуться от вопроса со стороны канонической науки: может ли кроме этого сама супервизия объективировать и фиксировать в более или менее привычном для науки виде идейные плоды своего познания, или ее удел и миссия оставаться только расплавленной магмой, в которой эти идеи зарождаются, но в которой не могут принять очерченных, остывших, твердых форм?

⁴⁴ Речь в большей степени о групповых формах супервизии, но и в индивидуальной супервизии потенциально создается среда единомышленников.

Возможны ли и, если да, то какие способы взаимной конвертации супервизорского психотерапевтического опыта и общепсихологического знания? Как нужно трансформировать модели проведения супервизии, чтобы она была научно плодотворной? Вот наиболее перспективные, но непростые вопросы, на которые пока нет определенного ответа в рамках намечаемой программы психотехнических исследований в рамках понимающей психотерапии.

Еще раз зададимся вопросом, в чем главный смысл предпринимаемой попытки построения психотехнической системы? Почти тридцать лет назад на вопрос, какова сейчас главная проблема психологии, М. К. Мамардашвили, задумавшись на одну затяжку знаменитой трубки, ответил: «Как и всегда — проблема выживания». Думается, что для нашей психологии и в начале нового столетия этот ответ чрезвычайно актуален, причем не в обыденном смысле удобной адаптации психологии и психологов к современным реалиям, а в настоящем «биологическом» смысле. Выживать — это значит сохранять свою целостность, воспроизводиться и развиваться. Став реальной социальной силой, дав многочисленные ростки психологической практики, отечественная психология в целом вошла в опасное состояние, когда три эти «биологические» задачи решаются крайне дисгармонично. Упомянутый схи́зис отечественной академической психологии и психологической практики приводит не только к угрозе целостности и самоидентичности психологии, но и к тому, что складываются параллельные системы ее культурного воспроизводства. Учебные заведения, которые дают серьезную академическую подготовку, опирающуюся на отечественную психологическую традицию, чаще всего жертвуют практическим мастерством специалиста, а в той мере, в какой практическое искусство преподается, оно большей частью реализует одну из зарубежных систем, и в итоге третиная проходит уже по самой образовательной программе. Те же учебные заведения или программы, которые делают ставку на практику, либо реализуют откровенно ремесленную, «фельдшерскую» установку, с деревенским высокомерием относясь к непрактичным университетским болтунам, либо дают систематическую, хорошо сбалансированную теоретико-практическую подготовку по одной из западных школ, в которых, разумеется, ни про какого Vygotsky даже не

упоминается. В результате складывается безрадостная перспектива для решения третьей «биологической» задачи — задачи развития.

Ситуация методологически опасна, однако и столь же продуктивна. И принципиальный путь творческого, плодотворного «переживания» этой ситуации нашей наукой видится как раз в создании психотехнических систем, превращающих психологическую практику в форму психологического исследования, развивающего различные ветви отечественной психологической традиции. Опыт строительства такой системы и представлен в данной главе.

Активная неадаптивность, или Человек над ситуацией

1. Метод виртуальной субъектности

Метод, который мы предлагаем для выявления тенденции человека обнаруживать себя в качестве субъекта активности, может быть назван методом *виртуальной субъектности*.

Осознание того факта, что методический прием, еще в студенческие годы предложенный одним из авторов для выявления тенденций к «бескорыстному риску»¹, заключает в себе нечто большее, чем «просто» методику исследования склонности к риску, что прием этот представляет собой частный случай более общего принципа, имеющего значения для «схватывания» собственно личностного в человеке, — осознание этого появилось не сразу. Потребовалось время, для того чтобы осмыслить специфику того вида активности, которая, будучи избыточной по отношению к заданной испытываемому деятельности, состоялась как деятельность, движущая исходную («надситуативная активность»), понять, что эта особая деятельность побуждаема самой возможностью несовпадения цели и результата в ней («активной неадаптивности»), и наконец, что она являет субъекту способность выступить перед самим собой наяву, — в качестве свободного самоопределяющегося существа.

Давая имя методу — «метод виртуальной субъектности» — термином «виртуальность» мы подчеркиваем актуальную, действенную возможность самопроявления человека как субъекта в некоторой наблюдаемой ситуации. Ситуация эксперимента содержит в себе

¹ Петровский В. А. Экспериментальное изучение риска как тенденции личности // Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.

вызов, который ни под каким видом нельзя отождествить с *требованием* ситуации. Ведь о требованиях говорят тогда, когда человеку не только прямо указывают, в каком направлении ему действовать, но и исключают при этом возможность выбора альтернативного варианта поведения. Это предполагает иную концептуальную и иную экспериментальную стилистику, поскольку принципиально меняется смысл исследовательских задач. «*Виртуальный*» означает «возможный; могущий проявиться; который должен проявиться», — что отличает этот термин от синонимичного «потенциальный» («возможный, существующий в потенции; скрытый не проявляющийся»)². Отличие — в самой идее *переходности* возможного в действительное: *виртуальное* по сравнению с *потенциальным* ближе к действительному обнаружению своей способности «быть субъектом».

Метод *виртуальной субъектности*³ состоит в организации условий, в которых мог бы стать наблюдаемым сам переход возможности быть субъектом активности в действительность человека как субъекта активности. Для этого необходимо создать или отобрать для исследования такие ситуаций, которые в известной мере могли бы быть названы *проблемными*, но только при учете того факта, что они резко отличаются от традиционных ситуаций исследования человека перед лицом *проблем*.

Прежде всего, — и это дало начальное название методу («метод надситуативной активности»)⁴, — речь идет о проблемах, которые ставит перед собой сам человек, без побуждения или принуждения его к этому извне. Иначе говоря, экспериментальная ситуация, или ситуация специального наблюдения, должна содержать в себе некоторые условия, располагающие человека к постановке цели, избыточной по отношению к требованиям этой ситуации, — такую цель мы обозначили как «надситуативную». Наличие надситуатив-

² См.: Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина, С. И. Локшиной. М., 1979.

³ См: *Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 26—38; *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976; *Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.

⁴ *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу.— М., 1976.

ной цели сближает метод виртуальной субъектности с некоторыми экспериментальными ситуациями исследования познавательной активности личности в оригинальных работах В. И. Аснина, В. Н. Пушкина, Д. Б. Богоявленской.

Однако для метода виртуальной субъектности специфично, что деятельность, осуществляемая испытуемым по его собственному почину, отличается самым своим содержанием от ситуативно заданной. Например, в условиях реализации этого метода, решая мыслительные задачи, выполняя сенсомоторные тесты, и т. п. человек ставит перед собой качественно своеобразную задачу, не сливающуюся с исходной; она существует для него в иной плоскости, чем заданная экспериментатором (хотя в момент своего выполнения она совсем необязательно формулируется самим испытуемым). Это — задача производства себя как субъекта, или, как мы еще говорим, — испытание своей *личностности*. Свобода здесь — не просто условие продолжения выполняемой деятельности за пределами заданного; свобода здесь — самоценна, она входит в «состав» самого содержания надситуативного акта.

Но «быть свободным» — только одно из условий «субъектности». Другое условие — отвечать за свой выбор, нести бремя ответственности за исходы собственных действий. Это ситуация ответственного выбора. Если бы эти последствия были заранее известны и предсказуемы, иначе говоря, если бы они были предрешены, данная ситуация не воспринималась бы человеком как ситуация принятия ответственного решения. Иначе говоря, ситуация наблюдения или эксперимента должна заключать в себе возможность фрустрации тех или иных потребностей человека, — будь то наслаждение, душевное благополучие, выгода, успех и т. д. Предполагается, что сама непредрешенность этих значимых исходов действия способна побуждать к выбору надситуативной цели.

Свободное принятие на себя ответственности за непредрешенный заранее исход действия и есть для нас показатель самопорождения человека как субъекта активности. В равной мере оно может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы. То, что делает человека субъектом в подлинном смысле этого слова, — здесь налицо: ибо он противостоит ситуации, поднимаясь над заданностью и овладевая шансом. Выход за границы предустановленного в данном случае уже не пас-

сивное проявление неадаптивности, но действительная самотрансценденция человека, свободное полагание им себя как субъекта.

Суть экспериментальных ситуаций, в которых могут быть исследованы проявления неадаптивности, заключается в следующем. Испытуемому предлагается выполнить некоторое задание, включающее его в некоторую деятельность (решение интеллектуальных или перцептивных задач, овладение каким-либо навыком и пр.). В итоге ознакомления с инструкцией и условиями осуществления этого задания у испытуемого должно возникнуть достаточно ясное представление о требуемом, соответствующее ситуативно заданному критерию успеха (правильность решения, точность восприятия, безошибочность выполнения некоторой операции и т. п.). Необходимо, чтобы представление о требуемом было личностно-значимым для испытуемого и побуждало его к максимально эффективному выполнению требований экспериментатора. Невозможность эффективно выполнить эти требования должна переживаться испытуемым как неуспех.

Далее. Помимо внешнего критерия успеха, ситуация предоставляет испытуемому возможность принять внутренний критерий успешности действия, не совпадающий с ситуативно-заданным. Невозможность реализации внутреннего критерия успешности должна переживаться испытуемым как фрустрация той или иной его потребности, сформировавшейся или актуализированной в рамках данной экспериментальной ситуации, иначе говоря, иметь для него смысл неадаптивного исхода действия. Неадаптивные исходы действий могут выступать в форме возможных фрустраций гомеостатических, гедонистических или прагматических побуждений испытуемого, в частности, представлять угрозу его физическому благополучию, социальному статусу, самооценке и т. п.

Наконец, экспериментальная ситуация строится таким образом, чтобы испытуемый мог действовать вполне успешно, согласно принятому им ситуативному критерию успеха, не рискуя оказаться в неблагоприятном положении, в соответствии с собственным внутренним критерием успешности действия. В то же время испытуемый должен иметь возможность действовать неадаптивно, намеренно повышая возможность внутренне неблагоприятных последствий в случае неуспеха действия. Иначе говоря, ситуативный успех при выполнении экспериментального задания может достигаться

ценой реализации также и неадаптивных тенденций испытуемого (если подобные тенденции действительно у него имеются).

Итак, обеспечим нашим будущим испытуемым возможность ситуативно-успешного выполнения того или иного экспериментального задания и в то же время возможность поступать неадаптивно: без всякого принуждения извне предпочитать действия, исход которых им заранее неизвестен и может быть неблагоприятен в гедонистическом, прагматическом или гомеостатическом смысле.

Действительно ли удастся экспериментально установить круг неадаптивных предпочтений, выявив существование подобных проявлений надситуативной активности? В каких экспериментальных условиях они могли бы быть зафиксированы? Что можно сказать о людях, проявляющих или же не проявляющих надситуативную активность в конкретных условиях деятельности? Какую особую задачу решает человек, не довольствующийся обретением лишь ситуативного успеха и добровольно подвергающий себя всевозможным испытаниям и проверкам «на прочность»? Обсудим эти вопросы, имея в виду ряд феноменов.

Некоторые из них характеризуют поведение испытуемых в обстоятельствах, моделирующих угрозу физическому благополучию индивида (опасность) и социальному благополучию (запрет). Другие феномены связаны с присутствием в ситуации символа границы и заключаются в непрагматическом стремлении испытуемых «переступить черту». Далее мы рассмотрим надситуативные проявления активности личности в познавательной деятельности и их возможные детерминанты. Кроме того, мы исследуем психологические проявления того, что в философии и социологии именуют «эффектом Эдипа» — влияние прогноза на развитие событий. И, наконец, в гипотетическом плане, мы рассмотрим феномен непрагматического усиления готовности к действию в процессе саморефлексии.

2. Риск ради риска. Влечение к запретной черте

Неизъяснимы — наслажденья? Парадоксально, но факт: «постулат сообразности» выявляет свою ограниченность при интерпретации тех феноменов активности субъекта, по отношению к которым его объяснительная сила должна была бы проявиться в наибольшей мере,

«имеются в виду особенности психических проявлений субъекта в ситуациях, связанных с возможной опасностью, которые, в соответствии с постулатом, оставляют единственно возможный вариант поведения — собственно адаптивный. В этих условиях, однако, возникает своеобразное явление: иногда человек испытывает острое влечение к опасности и предпринимает, на первый взгляд, ничем не оправданные действия навстречу опасности. Эти факты подмечены и неоднократно описаны в художественной литературе. Хорошо известны, например пушкинские строки (из «Пира во время чумы»):

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

Подобные факты активности не получали, однако, научно-психологического освещения. Ибо они, по сути, выпадали из целостного смыслового поля традиционных трактовок деятельности человека, основанных на смысловой паре «стимул-реакция».

Общая гипотеза состояла в том, что одной из возможных форм активности, к которым объективно располагает ситуация потенциальной угрозы, является активность, направленная навстречу опасности и являющаяся результатом свободного выбора субъекта. Иными словами, предполагалось, что человек способен идти на риск, не извлекая при этом каких-либо ситуативных преимуществ; в этом случае риск должен иметь характер «бескорыстного», «спонтанного».

Замысел эксперимента, реализующего метод виртуальной субъектности, заключался в том, чтобы действия участников могли вступить в двоякое отношение к условиям испытания: к тому, что

предъявляется как цель деятельности, и к — фактору угрозы, присутствующему в ситуации. Экспериментатор ни прямо, ни косвенно не побуждает испытуемых совершать действия в направлении опасности; предпочтение рискованного поведения нейтральному, если такое случится, должно быть результатом личного выбора, совершаемого поверх требований экспериментатора.

Схема исследований надситуативной активности заключается в том, что на фоне предлагаемых испытуемому требований и заданных условий деятельности, ситуация *располагает* испытуемого к выдвижению собственных целей, избыточных относительно задачи, поставленной экспериментатором и побуждений, определяемых его требованиями и заданными условиями; мотив постановки избыточных целей сам, в свою очередь, избыточен по отношению к требованиям и условиям ситуации.

Методика исследования бескорыстного риска. Итак, при построении методики исследования мы исходили из следующих соображений: 1. Деятельность испытуемого должна быть практической, осуществляемой во внешнем плане и позволяющей варьировать способы достижения основной цели; 2. Элемент опасности вводится в контекст деятельности испытуемого так, чтобы ситуация могла выступить в равной мере, как угрожающая и как нейтральная, в зависимости от проявлений активности испытуемого. Таким образом, мера подверженности риску предполагалась зависимой от самого испытуемого; 3. По возможности, должно быть элиминировано ценностное отношение испытуемого ко всему тому, что связано с элементом опасности в ситуации; 4. Истинные цели исследования предполагаются скрытыми от испытуемых.

В качестве модели использовалась деятельность наблюдения за движущейся целью с задачей экстраполяции движения. Эксперимент проходил под видом определения способностей испытуемого действовать в условиях перцептивной неопределенности. В некоторых случаях испытуемый был включен в соревнование с другими участниками эксперимента.

Перед испытуемым находилась панель с прорезью круговой или линейной формы. В прорези с постоянной скоростью перемещался объект наблюдения — «цель». Прорезь разделена на две части: в меньшей из них цель движется открыто для восприятия испытуемого, большая же часть прорези закрыта и представляет собой

своеобразный «тоннель». Испытуемый заранее выбирает пункт остановки «цели» (возможные пункты остановки отмечены на поверхности тоннеля) и, экстраполируя движение «цели» в невидимой части прорези (в «тоннеле»), должен уловить нужный момент и остановить «цель», нажав специальную кнопку.

Существенно, что в эксперимент было введено следующее условие. В заранее определенный экспериментатором и выделенной им части «тоннеля» остановка «цели» была запрещена и наказывалась. Наказанием могли служить как физические раздражители (резкий звук в наушники стрессовой силы или электростимуляция), так и санкции социального характера (резкое порицание или даже угроза снятия испытуемого с соревнований как «несправившегося»). Место запретной зоны в «тоннеле» варьировалось в зависимости от задачи эксперимента. Так как по условиям деятельности испытуемый по своему усмотрению выбирал место очередной остановки «цели», а они могли находиться на разном расстоянии от зоны запрета, то тем самым мера возможного риска зависела от самого испытуемого. Понятно, что чем ближе к запретной зоне выбрано место остановки, тем выше риск попасть в запретную зону и, таким образом, быть наказанным.

Подчеркнем, что предпочтение «рискованных» выборов «нейтральным» не давало испытуемому каких-либо видимых преимуществ (наград, поощрений и т. п.) в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом, создавались условия для «бескорыстного» риска.

В эксперименте принимали участие школьники (14—16 лет), студенты (20—25 лет), рабочие (25—40 лет). Всего было исследовано по описанной методике свыше 400 человек. В результате получены следующие данные.

Результаты исследования. Свободное сближение с опасностью наблюдалось во всех экспериментах, независимо от характера применявшегося стрессора, т. е. многочисленные случаи «бескорыстного» риска встречались как при условии наказания физическим раздражителем, так и при санкциях социального порядка. В среднем во всех видах экспериментов к числу «бескорыстно» рискующих можно было отнести приблизительно 20% всех испытуемых. Однако общее число рискующих, а также выраженность тенден-

ции к риску значительно возрастают, когда объектом исследования становятся лица, профессиональная деятельность которых включает в себе элемент опасности. Об этом свидетельствуют данные, полученные при исследовании электриков-монтажников высоковольтных сетей, работающих на высоте от 10 до 15 м при угрозе поражения электрическим током. Большинство из них (75%) хотя бы однажды в эксперименте выходили в зону повышенного риска (которая была определена на основе данных субъективного шкалирования), и для многих из них были характерны настойчивые попытки действия в этой зоне.

Наблюдения за поведением участников всех проведенных нами опытов свидетельствуют о том, что выбор мишеней, находящихся вблизи черты запрета, сопровождался признаками эмоциональной напряженности. Состояние испытуемых характеризовалось понижением (а в некоторых случаях повышением) общей двигательной активности, наблюдалась скованность позы, испытуемые стискивали зубы, Прищуривали глаза; в некоторых случаях появлялась напряженная улыбка, блеск глаз; выбор «рискованных» мишеней совершался либо мгновенно по завершении предшествующей попытки (так, будто бы решение о нем было принято задолго до момента самого выбора), либо ему предшествовала заметная пауза; некоторые испытуемые, прежде чем сделать соответствующий выбор, глубоко вздыхали и потом решительно перемещали ориентир, громко называли номер «рискованной» мишени, резко перемещали ориентир к черте запрета (бывали и противоположные по знаку реакции: испытуемые весьма неуверенно называли «рискованную» мишень); многие испытуемые, проследивая движение сигнал-объекта, как бы подавались вперед, «провожали» скрыто движущийся объект не только глазами, но и всем корпусом; совершив рискованную попытку, обычно расслаблялись, вздыхали с облегчением, спокойно указывали очередную (как правило, «безопасную» мишень).

Интерес представляет анализ свободных высказываний участников эксперимента в момент принятия решения о выборе «рискованных» мишеней. Вот некоторые из этих высказываний: «Ну-ка, теперь вот эту, поближе к звуку!», «Была ни была!», «А теперь рискнем!», «Ну ладно, поставим здесь, на границе с аварией!», «Испытать, что ли!»... и т. п. В некоторых высказываниях фигурирует указание на «интересность» работы в зоне риска, например:

«Ой, если все равно, где выбирать, то я могу все время здесь (показывает начало тоннеля — вдали от черты угрозы)..., а вообще интересно подалее (у черты угрозы — *Авт.*). В ряде высказываний непосредственно выражено ожидание наказания или готовность принять наказание: «Ладно, уж, треснет так треснет!», «Пусть, пусть шарахнет!», «Ну ладно, пусть ударит — выдержу!» Бывали случаи, когда участник эксперимента вначале заявлял свое намерение выбрать «опасную» мишень, а потом отказывался от риска: «Попробую-ка я у границы; нет, лучше вот здесь (уводит из зоны риска)». Некоторые испытуемые, весьма недвусмысленно оценивая угрозу («А зачем этот страшный звук? Пугаете людей, варвары!!!», «Сломать бы наушники!»), к сожалению, затем не комментировали вслух свои же нередко отчаянно рискованные выборы, и оставалось лишь пожалеть, что нельзя «подслушать», как испытуемый мысленно характеризует свои действия.

Все множество стратегий действия испытуемых можно подразделить на две части: в одном случае в поле выборов оказываются «рискованные» мишени, в другом случае участники эксперимента действуют исключительно в области «нейтральных» мишеней. Отметим, что в основных экспериментальных подгруппах число вариантов, когда «рискованные» мишени предпочитались испытуемыми, было обычно меньше, чем соответствующее число «нерискованных» вариантов действия. Вместе с тем рискованные стратегии действия были явлением достаточно частым, что позволяло говорить о наличии тенденции к риску в пределах данной группы испытуемых.

В исключительном положении оказывались группы испытуемых, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с опасностью, риском. В этих группах рисковало подавляющее большинство участников эксперимента.

Опишем наиболее характерные стратегии действия испытуемых, хотя бы однажды выбравших рискованную мишень. Весьма часто встречаются последовательности выборов, которые графически могут быть представлены в виде ломаной линии, восходящей к черте запрета и круто обрывающейся вниз, к безопасным мишеням после рискованного выбора. Следующий по распространенности тип работы: испытуемый с первых же попыток выбирает рискованную мишень и, рискнув, несколько раз подряд действует в районе безопасных мишеней, после чего вновь рискует и т. д.

Наиболее редкий вариант среди рассматриваемых заключается в том, что на протяжении всего эксперимента испытуемые действуют исключительно в районе безопасных мишеней, но, когда опыт подходит к концу, решаются напоследок рискнуть; заказ опасной мишени выглядит как бы оставленным «на закуску».

Хотя нет существенного единообразия в динамике предпочитаемых испытуемыми выборов-целей, — нелишне подчеркнуть существование одной весьма общей черты, характеризующей структурное место рискованного выбора в ряду выборов нейтральных. Факт, обративший на себя внимание еще в ходе проведения эксперимента, а также подтвержденный данными выборочных проверок, состоял в том, что «рискованным» мишеням, как правило, соответствует своеобразный пик в общей динамике предпочтений — они резко выступали над всеми остальными, значительно отступая как от предшествующих, так и от последующих выборов. Избрание рискованной мишени выглядело не столько результатом постепенного приближения к черте запрета, сколько «скачком» в зону риска. Совершив «рискованную вылазку», испытуемый производил резкий переход к безопасным мишеням; создавалось впечатление, что испытуемый «дает себе передышку».

В ситуации, предшествовавшей фактическому сближению с опасностью, — иногда задолго до принятия решения о риске — у некоторых испытуемых возникало своеобразное состояние, названное нами «психологической прикованностью к опасности» (чувство беспокойства, тревоги, подверженности угрозе). Переживалось также «влечение», «тяга» к опасности. Непосредственно перед риском и в момент самого риска у некоторых возникали так называемые «острые ощущения». К сожалению, возможности их феноменологического анализа были ограничены. Однако, ближайшим образом переживания эти могли быть ассоциированы с чувством все возрастающего напряжения, которое в последний момент сменяется резкой разрядкой. По окончании действия могло возникать облегчение, будто бы что-то «отпустило».

Для целей исследования представляло интерес выяснение вопроса относительно зависимости изучаемой тенденции к «бескорыстному» риску от степени интенсивности стрессора. Если действительно опасность выступает в качестве фактора, предрасполагающего к проявлению «надситуативного» риска, то ее усиление (разумеется, не безгра-

ничное!), вероятно, приведет к возрастанию случаев риска. Поставив перед собою цель проверить это предположение, мы следующим образом организовали эксперимент. Общее число испытуемых — студентов в возрасте от 20 до 25 лет — было разделено на 4 группы. С ними проводился «тоннельный» вариант методики. В качестве стрессора использовался звук четырех уровней интенсивности: 90 дБ, 100 дБ, 110 дБ, 120 дБ. Каждая из участниц эксперимента могла осуществить 5 выборов (по две попытки на каждый выбор). Выбор двух мишеней из пяти был связан с риском наказания звуком. Как показал опыт, увеличение «стрессогенности» ситуации приводит к возрастанию случаев рискованных выборов. В этой же связи упомянем наблюдение И. В. Ривинной, проводившей исследование по описанной методике с монтажниками контактных сетей. Согласно ее данным, при переходе значения стрессора от 120 к 150 дБ тенденция к риску не падала!

Таким образом, там, где согласно постулату сообразности должно было бы неизменно наблюдаться падение тенденции к риску (чем выше уровень угрозы, тем «оптимальнее», «адаптивнее», «благогоразумнее» уход от опасности!), на деле наблюдается либо рост, либо сохранение частоты случаев риска. (Конечно, тенденцию эту нельзя абсолютизировать: должны существовать некоторые пределы повышения интенсивности стрессора, за которыми проявление тенденции к «бескорыстному» риску будет закономерно и неуклонно падать.) Далее в ходе исследования, были рассмотрены три вопроса, ответ на которые мог прояснить статус феномена «бескорыстного» риска в ряду других форм активности индивида, и в частности, прагматически ориентированных (мотивированный риск, уровень притязаний, стремление произвести должное впечатление).

Когда говорят о «риске», то обычно имеют в виду действия, направленные на особенно привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности. Именно в этом аспекте изучается риск большинством исследователей. С участниками вышеописанной экспериментальной серии были проведены дополнительные испытания, побуждающие к риску, который трактуется именно в этом традиционном смысле, т. е. как «мотивированный» риск.

В итоге выяснилось, что практически все испытуемые, рисковавшие в условиях обычного, «мотивированного» риска, проявили тенденцию к «бескорыстному» риску; вместе с тем не все, кто рисковал «бескорыстно», обнаруживали склонность к «мотивированному»

рisku. Таким образом, тенденция к «бескорыстному» риску является необходимой предпосылкой принятия рискованного решения. В то же время эта тенденция не является достаточным условием обычного риска, так как последний определяется, по-видимому, еще и заинтересованностью в успехе и субъективной оценкой возможности успеха (гипотетическим фактором «везения»).

В каком отношении к явлению активности навстречу опасности находится уровень притязаний личности? Косвенный (отрицательный) ответ на этот вопрос был уже получен с помощью теста Х. Хекхаузена (мотивацию достижения, измеряемую тестом, принято считать основным фактором уровня притязаний). Вместе с тем мы считали необходимым развести в эксперименте две возможные тенденции: «бескорыстное» влечение к риску и стремление к выбору труднодостижимых целей, соответствующее ситуативному уровню притязаний личности. Отметим, что в эксперименте на экстраполяцию движения, трудность остановки движущейся цели была неодинаковой в различных местах «тоннеля»: чем дальше от начала невидимой зоны выбран пункт остановки, тем труднее своевременно уловить необходимый момент.

По замыслу опыта, в одном случае зона «запрета» располагалась в конце невидимой части прорези (там останавливать «цель» было труднее), а в другом случае — в начале «тоннеля» (точная остановка здесь практически не вызывала затруднений). Высокий уровень притязаний, очевидно, должен был быть связан с предпочтением труднодоступных пунктов остановки, а менее высокий — более легких.

В целом наблюдалось смещение тенденции выбора пунктов остановки вслед за изменением места зоны запрета в «тоннеле». Как «трудные», так и «легкие» пункты начинали «притягивать», как только вблизи от них появлялась запретная зона. Таким образом, сам по себе ситуативный уровень притязаний (оцененный по степени трудности избираемых целей) не является решающим фактором «бескорыстного» риска.

Связано ли интересующее нас явление с действием поверхностных мотивов «самоутверждения»? Проблема «бескорыстного» риска имеет имплицитно представленный в ней социально-психологический аспект: до проведения специального исследования неясно, действительно ли наблюдаемое в эксперименте явление есть проявление бескорыстия или оно определяется

побуждением испытуемого следовать каким-либо скрытым от исследователя групповым нормам или приписываемым некоей «референтной группе» ожиданиям.

Если подобное допущение справедливо, и «бескорыстный» риск в действительности является своеобразной нормой поведения, принятой среди испытуемых данного круга, то включение в экспериментальную ситуацию группы наблюдателей того же круга (сокурсники и т. п.) должно привести к возрастанию тенденции рисковать. Если же включение той же аудитории в экспериментальную ситуацию не повышает стремления рисковать или тем более, снижает его, то исходное допущение не является справедливым. При этом мы различаем нормы поведения и ценности, принятые индивидом и распространенные в среде его общения. Ценности, в отличие от норм, представляют личности большее число «степеней свободы». Ценности не принуждают, но побуждают к деятельности. Неся в себе нормативный и оценочный момент, — «должно» и «хорошо» (О. Г. Дробницкий), — ценности выступают, прежде всего своей оценочной стороной, которая несет в себе основание нормативной («должно», потому что «хорошо»).

Ситуация свободного общения между людьми, как можно предполагать, способствует проявлению именно ценностных отношений личности. С этой точки зрения интерес представляют факты, полученные нами в ситуации, когда общение между участниками эксперимента в достаточной мере не регламентировалось.

В этих условиях (эксперимент проводился с физическим типом стрессора) наблюдался следующий факт. В присутствии аудитории имело место заметное учащение рискованных выборов. Однако эти же испытуемые действовали в целом осторожно (т. е. останавливали подвижную точку вдали от зоны запрета). Испытуемые вне контакта с аудиторией реже выбирали рискованные пункты остановки, но зато, выбрав, не избегали действий в зоне опасности. Факт влияния аудитории, очевидно, заключался в усилении «ценностного» момента риска, что, однако, далеко не всегда обуславливало обеспечение реально-практической предрасположенности к риску. В силу этого возникали «ножницы» между намерением рисковать и способностью идти на риск.

Учитывая возможное своеобразие поведения испытуемых в присутствии группы при учете того, каков характер угрозы, экспе-

рименты проводились с двумя видами стрессоров — с физическим наказанием (звук в наушники) и социальными санкциями в случае неуспеха.

Эксперимент с применением физического стрессора. Испытуемые — 82 человека, студенты — были разделены на 2 экспериментальные группы. Участники I экспериментальной подгруппы (50 человек) действовали в изоляции от группы сокурсников. С испытуемыми II экспериментальной подгруппы (32 человека) опыты велись в присутствии аудитории, состоявшей из 4—6 человек, входивших в ту же, что и испытуемый, учебную группу. Испытуемый должен был называть номера выбранных мишеней при всех, вслух. Возможные коммуникации между испытуемым и группой наблюдателей были жестко ограничены: случаи прямого обращения представителей аудитории к испытуемому и переговоры с ним были исключены; точно также регламентировались всевозможные невербальные реакции, которые могли бы так или иначе повлиять на испытуемого: жесты восклицания и т. п.; наблюдателям также запрещалось переговариваться между собой. Лица, образующие «аудиторию», не знали о действительной цели испытания и о подлинной причине, по которой они были привлечены в качестве наблюдателей. Таким образом, организация эксперимента была подчинена задаче создания ситуации такого своеобразного «давления» группы на испытуемого, когда фактором воздействия должны были бы стать имеющиеся у субъекта представления о нормах поведения в данной ситуации, выступающие в форме приписываемых группе ожиданий.

Повлияет ли факт присутствия группы на частоту случаев «бескорыстного риска»? Будут ли наблюдаться изменения в сторону повышения тенденции к риску? Сопоставим ли процент рискующих среди испытуемых I и II экспериментальных подгрупп? Данные таковы. Испытуемые, действовавшие в изоляции от аудитории, выходили в зону риска (46% случаев). В группе участников испытания, работавших на глазах у товарищей, число рисковавших было меньше и составляло 33% от общего числа испытуемых в группе. Таким образом, включение наблюдателей в экспериментальную ситуацию не приводит к росту числа случаев риска (и ведет даже к некоторому его снижению). Это ставит под сомнение исходное допущение о том, что тенденция к «бескорыстному» риску вызвана стремлением субъекта действовать в соответствии с

некоторыми нормами, интернализированными им из ближайшей среды общения.

Эксперимент с социальным типом стрессора (угроза снятия с соревнования как «несправившихся») проходил по аналогичной схеме; однако при планировании эксперимента, учитывался дополнительно и пол испытуемых (как один из возможных факторов «бескорыстного» риска). В эксперименте участвовали 40 юношей и 40 девушек. Они были распределены по 4 экспериментальным группам, каждая численностью в 20 человек.

В первой группе юношей и третьей группе девушек эксперимент проводился без наблюдателей. Во второй группе юношей и четвертой группе девушек эксперимент проводился в присутствии трех наблюдателей.

Полученные экспериментальные данные не подтверждают предположения о нормативности «бескорыстного риска». В условиях индивидуального эксперимента юноши проявляют большую тенденцию к риску, чем девушки. С другой стороны, введение группы наблюдателей того же пола в эксперимент существенно снижает тенденцию к риску у юношей, но этого в аналогичных условиях не происходит в группе девушек.

Таким образом, во-первых, допущение о «нормативности» риска в одном случае, когда испытуемые — девушки, не находит убедительного подтверждения, а в другом случае, — когда испытания проходят юноши, должно быть отвергнуто. Во-вторых, в группе юношей, действующих индивидуально, факт повышенного риска (в сравнении с девушками) тем более не может быть принят как следствие ориентации на некие специфические «мужские» нормы («мужество, смелость» и пр.), которые якобы актуализируются ситуацией: введение группы сверстников испытуемых приводит к существенному снижению тенденции к риску. Следовательно, мы вынуждены отклонить версию о нормативном характере наблюдавшихся проявлений риска. Надситуативный риск, таким образом, не является формой приспособления к возможным групповым ожиданиям и к интериоризированным групповым нормам.

Кроме того, сопоставление тенденции к «бескорыстному» риску и силы «мотива достижения» (по Х. Хекхаузену), как мы уже отметили, не обнаружило существенной связи между ними. Этот факт также давал основание судить об относительной независимо-

сти феномена активности, навстречу опасности от тех форм самоутверждения личности, которые обычно вплетены в деятельность, ориентированную на достижение успеха (определяющегося отношением результата к групповым стандартам).

Итак, рискованные действия, избыточные в рамках принятых испытуемым условий задания, нельзя объяснить склонностью испытуемых к прагматическому риску, высоким уровнем притязаний, стремлением самоутвердиться в глазах окружающих. Наблюдавшиеся в эксперименте проявления риска были «бескорыстны», не только в том смысле, что они не были вызваны ни экспериментальной инструкцией, ни критерием успешности действия, введенным экспериментатором, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматическими фиксированными «внутренними» переменными — стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению окружающих. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали вопреки адаптивным побуждениям; они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности.

3. «Стимул — реакция» или «вызов — выбор»?

«Стимул» и «реакция» — нерасторжимы; это значит, нельзя сказать, например, «реакция не на тот стимул» или «стимул не от той реакции» (В. Я. Дубровский). Иными словами, *каков* стимул, *такова* и реакция. С этой точки зрения, задача поведенческой (стимул-реактивной) психологии — в том, чтобы раскрыть закономерную связь между некоторыми поступающими воздействиями и особенностями ответного поведения индивидуума (скажем так, «поведенческим сопровождением этих воздействий», «откликами» и т. п.); если такая связь существует, то эти воздействия получают имя «стимул», а вызванные ими последствия имя «реакция». Остается добавить, что расширение уотсоновской трактовки связи «стимул-реакция» за счет введения «промежуточных переменных» по сути ничего не меняет в понимании этой связи: либо «стимул» может рассматриваться как комбинация внетелесных и внутрителесных событий (с этой точки зрения рубинштейновское «внешнее через внутренне» — это *сти-*

му), а наблюдаемая «реакция» — как закономерный эффект воздействия комбинированного «стимула», либо, наоборот, «реакция» — как комбинация внутрителесных и внетелесных событий, а «стимул» как источник этой сложной реакции. «Промежуточные переменные» здесь — это телесные состояния и процессы, подлежащие объективному изучению, подобно всем прочим физическим и информационным явлениям в мире — с привлечением все более совершенствующихся методов и технических средств наблюдения. Конечно, некоторые обозначения, используемые для описания промежуточных переменных, при этом могут «очеловечиваться» («когнитивные карты» и т. п.), но таким конструктам, как «переживание», «смысл» или «самосознание» в данном контексте, конечно, нет места — они не используются даже в виде метафор.

Увы, гипнотической силы идея стимула, диктующего реакцию, — идея, первоначально очаровавшая, а после отвратившая от себя психологов своей простотой, вопреки чаяньям многих, не может быть упразднена полностью. Хотя бы уже потому, что есть целый класс сочетаний «воздействие — поведение», которые не могут быть прочитаны иначе как «стимул — реакция» (при узкой и расширенной трактовке стимула). Кроме того, крайне живуча «стимул-реактивная» схема исследований, когда действия испытуемых направляются требованиями и наградами со стороны экспериментатора, например, когда экспериментатор требует от испытуемого решать интеллектуальную задачу, а действия испытуемого в заданном направлении подкрепляются позитивно (удовлетворение любопытства, чувство успеха, удовольствие от сотрудничества).

Иногда экспериментаторы из раза в раз воспроизводят все те же требования, отслеживая новые способы поведения в принципиально тождественных условиях; в данном контексте, думается, достоин внимания вопрос, не обновляются ли при этом предъявляемые «стимулы» и, соответственно, продуцируемые «реакции». Так, при реализации метода «креативное поле», экспериментатор из раза в раз предъявляет испытуемым задачи одного и того же типа. Испытуемый добивается успеха в решении этих задач, но экспериментатор предъявляет все новые и новые. Вопрос: не является такое, многократно воспроизводимое экспериментатором требование тем самым «стимулом», который провоцирует, на фоне падения интереса к задачам, постановку испытуемым собственных более интересных задач? Мы

видим, что требование экспериментатора продолжать мыслительную деятельность здесь все еще в силе, а познавательная ценность этих задач уже исчерпана! Пожалуй, с этой точки зрения проблема — не в том, почему некоторые испытуемые обновляют для себя условия испытания, усложняя задачу (уходя от рутины), а в том, почему многие из испытуемых *не* делают этого в предлагаемых обстоятельствах.

Чем же является в этом случае «интеллектуальная активность», оцениваемая методом «креативного поля»? При широкой трактовке «стимула» и «реакции», «интеллектуальная активность» — есть *реакция* испытуемых на многократно предъявляемое *требование* (стимул) продолжать мыслительную деятельность за пределами внутренней необходимости в этом.

Но всё-таки очевидно, что собственно человеческие проявления активности чувствовали бы себя дискомфортно в силках стимул-реактивных схем мышления и моделей экспериментирования. Проблема — в том, чтобы конкретизировать и прояснить подразумеваемую альтернативу, т. е. прямо назвать то, что может быть противопоставлено схеме «стимул-реакция».

Мы полагаем, что это — категориальная пара «вызов — выбор». Но пока это только термины, наводящие на понимание. Важно осмыслить, чем именно «вызов» отличается от «стимула», «выбор» — от «реакции»? Специфика «вызова» определяется сочетанием трех моментов: 1) В отличие от стимула, *вызов* есть **переживаемое** индивидуумом событие; 2) В отличие от стимула, вызов есть событие **встречи** (синтеза, суперпозиции) двух независимых потоков воздействий: со стороны индивидуума и со стороны ситуации; 3) В отличие от стимула, порождающего единственный отклик (он как бы записан в стимуле), *вызов* содержит в себе **возможность, как минимум, двух противостоящих друг другу откликов**, один из которых — предсказуем в своих последствиях, другой — не испытан и, возможно, чреват негативными последствиями; непредрешенность последствий «встроена» в событие-вызов.

Коротко, *вызов* есть переживаемая индивидуумом множественность перспектив, по крайней одна из которых связана с заранее непредрешенным исходом поведения. Переживаемость, чувственность события-вызова, принципиальна для его (вызова) определения. В нашем понимании, она представляет собой результат суперпозиции посланий, поступающих извне и исходящих от самого индиви-

да; то, что мы называем переживанием, заметим, не тождественно по форме ни внешним, ни внутренним порождающим его состояниям и процессам. И в этом смысле переживание всегда «над» тем, что существует внутри и вовне. Оно превосходит любые мыслимые внешние и внутренние *стимулы* в «стимул-реактивных» построениях активности; переживание избыточно по отношению к таким стимулам. Возможно, на этом и зиждется та избыточность любого перцептивного образа, о которой пишет В. П. Зинченко. Перцептивный образ и в самом деле избыточен по отношению к возможным реакциям индивидуума на объекты, в этом образе явленные. Так, мы умеем «отстроиться» от реакции, к которой будто обязывает нас объект, — это значит, мы «вычитаем» из вызова условие его переживаемости, переключая импульсы, идущие от нас самих («волна» внимания), на другие объекты, которые, таким образом, приобретают субъективную данность. То же относится, по-видимому, и к элементарным ощущениям (они, в отличие от раздражимости к специфическим стимулам, лишены силы абсолютного диктата в отношении поведения). Кроме того, *вызов*, подобно восточному ковру Моэма или пятну Роршаха, есть комбинация возможностей видения и, соответственно, действия; комбинация этих возможностей не тождественна ни одной из своих образующих; узор возможностей — нечто большее, чем каждая из них в отдельности; он избыточен по отношению к ним, а также — актам, к которым располагает.

Выбор, в отличие от реакции, как единственно возможного способа откликнуться на стимул, есть актуализация (предпочтение) *одной из* возможностей ответа на вызов и отбрасывание другой. Из сказанного ясно, что ситуация «вызов-выбор» есть результат собственной активности индивидуума, которая «появляется на сцене дважды». Вначале — как внутреннее условие соиздания события-вызова (к примеру, требования экспериментатора и вводимые им ограничения переосмысливается как содержащие в себе не одну, а множество перспектив развертки). Затем — как внутреннее условие выбора альтернативы, будь то известный своими последствиями или еще неизведанный акт. Именно в этом случае реализуется леонтьевская формула активности: «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет».

Примером, как раз, и могут служить предлагаемые нами экспериментальные ситуации исследования «надситуативной ак-

тивности». Интуитивно подниматься «над» ситуацией это значит структурировать ситуацию иначе, чем, казалось бы, ситуация «пытается» структурировать самого человека. Мы поднимаемся «над» ней, — значит действуем над порогом ситуативной необходимости, вопреки ситуативным ограничениям деятельности.

Постановка надситуативных целей — результат собственной активности субъекта; она необъяснима в терминах «стимул — реакция», и требует от нас привлечения других объяснительных схем (моделирование собственных возможностей, «самоподражание», регрессия возраста, «конфликт ценностей», свобода выбора и т. д.).

4. Модель восхождения к риску

Существенно важной чертой ситуаций, нашедшей адекватное отражение в созданных нами экспериментальных условиях, является то, что индивид при выборе цели каждого будущего действия должен принимать в расчет фактор опасности или запрета. Процесс целеполагания здесь оказывается взаимосвязанным с построением образа возможных неблагоприятных последствий соответствующих действий.

Действительно, задача, решаемая индивидом в экспериментальной ситуации, заключается в том, чтобы выбирать цели очередного действия, т. е. «мишени», под которыми должен быть остановлен сигнал-объект. Но для того, чтобы выбрать очередную цель, необходимо произвести более широкую ориентировку в поле возможных выборов, чем это потребуется непосредственно для реализации выбранной цели, так как постановка цели предполагает формирование представлений об альтернативах, включая оценку последствий предпочтения каждой из них. Мысленно «проигрываются», в частности, и те альтернативы, которые оцениваются как «рискованные».

Рассмотрим вначале возможные формы реагирования человека на объект, который предварительно оценивается им как заключающий в себе элемент угрозы возможных неблагоприятных последствий. Могут быть выделены две противостоящих друг другу, и вместе с тем, как можно показать, предполагающих друг друга категории реакций на потенциальную угрозу. Каждая из них, в свою очередь, представлена тремя группами побуждений.

Реакция избегания. Нельзя сказать, что тенденции, входящие в эту категорию реагирования на ситуацию потенциальной угрозы, хорошо исследованы. Тем не менее работы, которые им были посвящены, многочисленны, и само выделение защитных форм поведения в ситуации возможной угрозы не является сколько-нибудь новым. Объектом внимания являются следующие варианты реагирования индивида на элемент угрозы.

А. Врожденные защитные реакции. Существуют многочисленные примеры защитных форм реагирования живых существ на угрозу в виде ухода от опасности (бегства). Большинство из таких реакций имеют видоспецифический характер. Но существует и, в известной мере, универсальный тип реагирования — так называемый «оборонительный рефлекс»: реакция на экстраординарный раздражитель (Е. Н. Соколов). Оборонительный рефлекс выступает в характерных защитных, двигательных и вегетативных «ответах» организма на подобный раздражитель.

Б. Индивидуально-приобретенные реакции ухода от опасности — возникают как результат перенесенной ранее травмы и представляют собой, следовательно, продукт собственного опыта взаимодействия индивида с некоторым угрожающим объектом; субъективно выступают в виде страха и стремления к бегству.

В. Ценностно-обусловленные реакции избегания. Проявление социальных установок, побуждающих к осторожности. Ценность осторожного поведения — часть родового опыта человечества, усваиваемого индивидом в общении с другими людьми и выходящая за рамки индивидуального опыта контакта с потенциально угрожающими объектами. Иллюстрацией могут служить пословицы: русская — «Умный в гору не пойдет ...», а так же две японские — «Огонь не обжигает тех, кто на него не ступает», «Прежде чем дать подзатыльник, посмотри, чей затылок». Это, как видим, относится к факторам сознательной саморегуляции деятельности субъекта.

Стремление навстречу опасности. Детерминация активности навстречу опасности значительно менее очевидна, и, насколько нам известно, в интересующем нас ключе (как прагматически не мотивированная тенденция) систематически не анализировалась. Выделим следующие три группы побуждений.

А. Врожденная ориентировочная реакция. Можно предположить, что именно эта реакция в определенных условиях может служить

основой появления «иррационального» влечения человека к опасности, которое мы неоднократно отмечали в ходе эксперимента. «Иррациональность» здесь, безусловно, лишь кажущаяся. Само собой разумеется, коль скоро индивид сталкивается с объектом, мера опасности которого неизвестна, возникает необходимость построения образа этого объекта, притом именно со стороны тех его свойств, которые составляют предмет опасений. Соответствующая гностическая активность и переживается как влечение к опасности. Кроме того, здесь можно предположить, что особая эмоциональная окрашенность ориентировочно-исследовательской активности, которая придает ей характер «влечения к опасности», обусловлена тем, что под воздействием страха она теряет свой свернутый (говорят — «идеальный») характер и как бы разворачивается, приобретая форму движения, осуществляемого во внешнем плане. (В основе такого рода «экстериоризации», как можно предполагать, лежит механизм возрастной регрессии, о котором пойдет речь далее.)

«Опасен объект или нет» и «чем (и в какой мере) данный объект опасен?» Ответ на эти вопросы в конечном счете определяется мерой «совместимости» данного объекта с субъектом. Объект опасен — это значит, что контакт с ним чреват травмой для субъекта. В том случае, если контакт с «подозреваемым» объектом допустим без ущерба для субъекта, объект выступает как безопасный.

На этот-то критерий стихийно и ориентируется человек, выходя «один на один» с опасностью. Стремясь к потенциально угрожающему объекту, он устанавливает свою «совместимость» с этим объектом, что и символизирует для него отсутствие реальной угрозы. Как только достаточный для этой цели контакт достигнут, бывший сигнал угрозы, данный индивиду в форме беспокойства, тревоги, страха, утрачивает свою сигнальную функцию, и опасения устраняются. «Прямо страху в глаза, и страх смигнет!» — гласит русская пословица. В этом случае перед нами особый путь символического преодоления опасности, завершающийся, в случае благоприятного исхода, эффектом освобождения от переживания угрозы.

Этот эффект может быть отнесен к категории эмоциональных реакций, сходных с катарсисом — особой эмоциональной разрядкой, переживаемой как «очищение» от неблагоприятных аффективных фиксаций. В дальнейшем, имея в виду эмоциональные реакции, возникающие вследствие преодоления опасности, условно

мы будем говорить о «катарсисе». Однако столкновение индивида с угрожающим объектом в действительности может иметь двоякий исход: один из них — только что обозначенный («катарсис»), другой — «фрустрация». Термин «фрустрация» здесь используется в достаточно широком смысле: для обозначения факта неблагополучия вообще как результат предпринятого индивидом действия.

Как можно видеть, активность индивида навстречу опасности, на первый взгляд кажущаяся «вполне адаптивной», ибо она решает полезную задачу ориентировки в свойствах потенциально опасного объекта, в действительности выявляет всю противоречивость истолкования поведения в духе постулата сообразности. Ведь адаптивные интересы индивида здесь как бы вступают в противоречие с собой, смыкаются с противоположной познавательной направленностью индивида, имеющей открытый, по существу, «неадаптивный» характер. Атрибутом подобной гностической активности является принципиальная непредсказуемость исхода предпринимаемых действий — их возможный (и заведомо неизвестный) позитивный или негативный исход. Заметим, что как переживание фрустрации, так и «катарсис» в генетически ранних формах не предзаданы индивиду в виде избегаемого или потребного аффективного состояния. Они первоначально представляют собой сопутствующий эффект произведенного действия («катарсис» — «оплату»; фрустрация — «расплату» за приобретенное знание). Так, чисто метафорически, рыбу, сорвавшуюся с крючка, можно было бы вообразить испытывающей «катарсис», однако на крючке-то она оказалась по другой причине, отнюдь не во имя того, чтобы пережить аффект «преодоления», а в силу действия совсем других побуждений (поиск пищи). «Фрустрация» и «катарсис» как бы возвышаются над предшествующими гомеостатическими, гедонистическими и прагматическими интересами индивида, являясь результатом того, что произошло незапланированно, и лишь впоследствии начинают функционировать в качестве возможных мотивов деятельности субъекта. В случае, если прежде индивид испытывал фрустрацию при реализации активности навстречу опасности, снижается вероятность того, что в аналогичных ситуациях он будет осуществлять развернутую ориентировку в свойствах угрожающего объекта. Вместо побуждения к построению образа потенциально угрожающего объекта у него будет возникать парализующий действие страх (одна

из реакций, внесенных в «рубрику» реакций избегания опасности). В том случае, если фактический исход действия есть символическое преодоление опасности, катарсис, повышается вероятность сходных проявлений активности в аналогичных условиях, и влечение к опасности скорее разрешается риском, чем уходом от риска.

Б. *«Жажда острых ощущений» как побуждение, обусловленное опытом преодоления опасности.* Данное побуждение (о нем еще иногда говорят: «вкус к риску») есть ожидание и вместе с тем тенденция к воспроизводству пережитого «катарсиса». Если в борьбе со страхом преимущества на стороне потребности в острых ощущениях, и если тенденция к риску не будет заторможена со стороны ценностей осторожного поведения, то индивид проявляет склонность к «бескорыстному» риску.

Напрашивается вопрос: если катарсис — разновидность наслаждения, а риск есть способ достижения катарсиса, то может ли феномен «бескорыстного» риска рассматриваться как аргумент против гедонистических концепций поведения? Не стремятся ли рискующие испытуемые к наслаждению? Не потребность ли в наслаждении побуждает к риску? В ответ можно сказать следующее: да, действительно, рискующие могут стремиться к наслаждению, и эта потребность может создавать дополнительные побуждения к риску. Суть критики гедонизма не в отмене потребности в наслаждении, а в ограничении его объяснительных возможностей.

Действительно, следует ли считать потребность в наслаждении и потребность избегания страдания достаточными условиями для объяснения стремления к риску? Если бы индивид стремился только к тому, чтобы удовлетворить свою потребность в наслаждении, то он стремился бы к повышению вероятности этого наслаждения, т. е. исключал возможность противоположного исхода. Но тут-то и открывается несводимость потребности в «катарсисе» к потребности в наслаждении. Потребность в «катарсисе» — нечто большее. Ведь достичь состояния катарсиса можно только тогда, когда вероятность его достижения не слишком велика, а, точнее, уравнивается с возможностью не достижения желанного состояния, т. е. возникновения противоположного исхода опыта — фрустрации. Здесь — и коренное отличие потребности в катарсисе и соответствующих ей действий, от потребности в осторожности, вызванной страхом. Различается адаптивный статус этих потреб-

ностей. Страх — ограничитель развития деятельности, глубоко адаптивное побуждение, предотвращающее порождение инноваций опыта. Действовать, руководствуясь страхом, значит осуществлять только такие шаги, в которых минимизируется возможность непредсказуемого исхода действия (ведь он может оказаться неблагоприятным!). Страх принуждает индивида ограничиваться пределами освоенного, познанного. Возникнув как неадаптивный исход опыта, своего рода гедонистический «минус», он превращается в верного поборника адаптации индивида к среде и главного «идеолога» той картины мира, основу которой образует постулат сообразности.

Совсем другую роль в жизнедеятельности индивида играет побуждение к риску, также неадаптивное по происхождению. Рождаясь как «незапланированный» гедонистический «плюс», оно ведет действие дальше, расширяет горизонты активности и вновь обнаруживает феномен несводимости человеческой деятельности к поддержанию адаптивных отношений с миром.

Парадоксальное единство адаптивного и неадаптивного отношения к действительности обнаруживает себя в том, что стремясь к катарсису, индивид формирует такую ситуацию, где возможность противоположного исхода (фрустрации) уравнивается с вероятностью достижения побуждающей действия цели (т. е. с вероятностью возникновения самого катарсиса). Понятно, что действие, предпочтение которого основано на возможности недостижения реализуемой в нем цели, не может быть отнесено к разряду адаптивных.

В. *Ценностно-обусловленное стремление к опасности.* Здесь перед нами то, что может быть названо «ценностью» риска: социальные установки, диктующие предпочтительность рискованных действий в противоположность осторожным в некоторой произвольной ситуации выбора («риск — благородное дело» и т. п.).

Итак, могут быть выделены как побуждения, отталкивающие индивида от опасности (реакции избегания), так и побуждения навстречу угрозе (реакции стремления к опасности). Взаимодействие между этими тенденциями в одних случаях склоняют человека к осторожному поведению, а в других случаях предпрещают рискованный способ действия.

Остается неясным, сосуществуют ли эти тенденции (принадлежащие различным категориям и уровням реагирования) еди-

Рис. 1. Модель восхождения к риску

новременно и при этом относительно автономно друг от друга или «высшие» как бы снимают в себе «низшие». Сосуществование и противоборство означало бы, например, возможность таких оппозиций: оборонительный рефлекс ↔ жажда острых ощущений «ценность риска» и т. п.

Все-таки, более оправданной представляется другая гипотетическая модель принятия решения в ситуации потенциальной опасности — назовем ее моделью «восходящего движения к риску» или «восхождения к риску» (см. рис. 1).

В этой иерархически организованной модели активности адаптивному импульсу к бегству на каждом уровне восхождения (врожденные реакции, индивидуально-приобретенные, ценностно-обусловленные) противостоит неадаптивный «порыв» к опасности. Победа «адаптивного» над «неадаптивным» импульсом приводит к отказу от риска. Когда же верх одерживает неадаптивная тенденция — субъект рискует.

Последовательно выявляющееся доминирование: оборонительной реакции над ориентировочной, страха перед фрустрацией над предвосхищением катарсиса, ценности риска над ценностью благоразу-

мия — обуславливают отказ от риска. Противоположное соотношение (которое также может раскрываться «пошагово») последовательно выступает как фактор риска. Но эти тенденции могут быть и уравнены по «силе». Заметим, что такое «уравнивание» весьма возможно в силу действия механизма «самоподражания»: чем более угрожающими представляются последствия рискованных действий, тем интенсивнее переживание страха («отталкивание») и в то же время тем крепче спаяны мысленный выход и выход действенный в зону риска («притяжение» к опасности). Это и есть ограничение на защитные тенденции «изнутри», о котором мы говорили выше. Когда различия между силами «отталкивания» и «притяжения» стираются, то выбор вариантов поведения оказывается, естественно, затрудненным.

В этом случае анализируются побуждения, соответствующие более высокому уровню «восхождения». Так, «баланс» между оборонительной и ориентировочной реакциями индивида на неопределенную угрозу (поддерживаемый, возможно, механизмом самоподражания) служит фактором «включения» более высокого уровня регуляции поведения, отвечающего индивидуальному опыту субъекта. Затронутыми здесь оказываются страх перед фрустрацией и предвосхищение катарсиса («жажда острых ощущений»). В случае баланса между указанными тенденциями актуализируется ценностный уровень регуляции поведения, обусловленный усвоением социального опыта. Индивид при этом пытается в социальных ценностях найти опору для принятия и осуществления решения.

Волевой акт вообще предполагает поиск дополнительных побудителей действия⁵, в данном случае аргументов «за» и «против», относящихся как к поддержке, так и к отклонению побуждения к риску. Потребность пережить катарсис тогда находит опору в ценностях преодоления трудностей, бесстрашия и т. п., а страх — в соображениях здравого смысла и благоразумия. Принятие риска, равно как и отказ от него представляют собой акты, в которых проявляется воля индивида; ведь в обоих случаях необходимо преодоление конкурентного побуждения.

Преобладание ценностей риска над ценностями благоразумия выступает в форме активно-неадаптивного действия; противопо-

ложное соотношение — в гарантирующем сохранение status quo отказе от риска как «неоправданной авантюры». Здесь следует особо отметить, что ценности риска (по крайней мере, в европейской культуре) всегда сочетаются с ценностями осторожного поведения, иначе говоря, ценности риска не функционируют в виде всеобщих норм. По-видимому, так же, как ценности благоразумия, осторожности, они не могут быть «положены» в качестве всеобщих норм ни в одном обществе (хотя, безусловно, здесь есть и свои культурно-исторические особенности).

В связи с этим, особый интерес представляет случай возможного уравнивания ценностей стимулирования как осторожного, так и рискованного поведения. В этом случае испытуемый может прибегнуть к выполнению совершенно особого действия, призванного преодолеть саму невозможность выбора, что составляет высший уровень проявления активности в ситуации потенциальной угрозы.

Суть происходящего заключается в том, что человек испытывает саму способность осуществить выбор в ситуации испытываемых ограничений свободы выбора, т. е. в такой ситуации, когда свобода выбора ограничена со стороны его собственных противоречивых побуждений к действию. И тогда обоснование своей способности осуществить выбор превращается для него в особую задачу самопознания.

Но что значит проверить и обосновать свою способность осуществить выбор — именно **выбор**, а не что-то другое? Это значит — убедиться в своей способности реализовать каждую из альтернатив. Поэтому, в частности, отказ от риска означал бы, что индивид не справился с решением этой внутренней задачи.

Кроме того, оценка индивидом своей способности осуществить волевой акт предпочтения, представляющая собой своеобразную «пробу себя», не может быть выполнена только во внутреннем плане: акт пробы себя осуществляется не «про себя», не «в уме». Только реально осуществляемое индивидом рискованное действие может быть для него аргументом в решении задачи самопознания, порождения себя как субъекта.

При анализе переживаний и поведения людей в **ситуации запрета** могут быть выделены те же варианты «импульсов», отталкивающих от осуществления запрещенного действия и подстегающих к нему, что и в случае столкновения человека с объектом, представляющим некоторую непосредственную возможную угрозу

⁵ *Иванников В. А.* К сущности волевого поведения // Психологический журнал. 1985. № 3. Т. 6. С. 47—55.

для него. Так, влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности в том отношении, что оба представляют собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом — неопределенных последствий какого-либо запрещенного действия и т. п.

Общность данных форм реагирования объясняется тем, что запрет представляет собой символ некоторого потенциально угрожающего объекта (таким объектом, в частности, может быть и человек как источник негативных санкций).

Есть еще один ранее не рассмотренный источник, детерминирующий влечение к опасной черте, который рельефнее проявляет себя в ситуации социального запрета (без разъяснения причин, по которым «нельзя»). Суть в том, что *подчиниться* запрету подразумевает необходимость *мысленно* преступить запрет.

Попробуем провести небольшой опыт. Пусть читающий эти строки постарается в точности выполнить следующую инструкцию. Она, возможно, покажется Вам очень простой: «Сосчитайте до семи и постарайтесь десять секунд после того, как вы сказали «семь», НЕ МОРГАТЬ! Если Вы хорошо поняли инструкцию, начали!..

... ..
... ..

...получилось?» Теперь согласимся, что для того, чтобы выполнить это требование, Вам необходимо было сначала представить запрещенное действие. Согласимся также и с тем, что до того, как Вам был предъявлен запрет, Вы не замечали, что время от времени делали то, что вдруг оказалось запретным. Наконец, можно предположить, что у кого-то из читателей в течение этих десяти секунд появилось побуждение нарушить запрет, хотя это и не является сколько-нибудь необходимым согласно естественному ритму данного произвольного движения, и это естественно! Вето на действие не может не вызвать представления, мысленного проигрывания запрещенного действия, иначе запрет будет нарушен! Для того, чтобы физически наяву не осуществить какое-то действие, необходимо осуществить это действие мысленно — хотя бы вчерне...

Предположим теперь, что нарушение запрета, как представляется человеку, может быть связано с весьма неблагоприятными

для него последствиями, мысленное проигрывание запрещенного действия в этом случае включает в себе также и образ возможного их результата, т. е. включает в себя предвосхищение возможного неблагоприятного эффекта этого действия. В результате у человека рождаются опасения, тревоги, а они в свою очередь, как можно предположить, пробуждают действие особого механизма, который может быть назван механизмом «самоподражания».

О том, что образ может руководить движением, известно очень давно: с тех пор, как стали известны так называемые идеомоторные реакции. Сделав из небольшого груза и нитки маятник, легко проверить это, повторив опыт Шевреля. Удерживая нитку в руке и закрыв глаза, следует только в течение некоторого времени представлять себе круг — и груз будет двигаться по кругу и т. п. «Движение присущее образу, содержится в нем, — писал Рибо. — Знаменитый опыт с маятником Шевреля может считаться типичным. Нужно ли приводить другие?»

Возьмем для примера людей, бросающихся в пропасть из страха упасть в нее, ранивших себя бритвой из опасений пораниться; возьмем «чтение мыслей», которое есть ни что иное, как «чтение» мускульных состояний, и массу других фактов, прославивших необычайными только потому, что публике неизвестен элементарный факт, что всякий образ содержит стремление к движению.

При всей «элементарности» данного факта, во всем ходе рассуждений Рибо, однако, остается какая-то недоговоренность. Если каждый образ и включает в себе элемент движения, то все-таки необходимо согласиться с тем, что последний может сохранить себя в виде лишь возможности движения, не превращающейся в исток (или росток) реального движения, прорывающегося вовне. В противном случае, т. е. если бы каждый образ непосредственно переходил в движение, человеческое тело было бы обуреваемо сонмом импульсов, внутренне не связанных между собой и переживаемых в виде неупорядоченных, лишенных какой-либо логики побуждений (нечто подобное происходит и при так называемом «полевом поведении», которое наблюдается в детстве, а также у взрослых при поражении лобных долей мозга.

Не исключено, что только те представления, которые активно «проигрываются» индивидом, являясь объектом мысли, заключают в себе импульс действия, «заряжены действием». Этот взгляд со-

гласуется и с позицией Иммануила Канта, который со всей определенностью подчеркнул глубокую связь, существующую между мысленным образом предмета и действием. «Мы не можем, — писал Кант, — мыслить о линии, не проводя ее ...» В этом, надо думать, и есть корень того, что образ может переходить в действие. Но он для этого должен быть проигрываемым в голове, т. е. быть образом именно мысленным. Тогда становится понятным условие возникновения соответствующего внешнего движения (или побуждения к нему): движение, реально осуществляемое индивидом во внутреннем плане, может рассматриваться как исток движения, осуществляемого вовне (тенденция к последнему может переживаться как побуждение или стремление к действию).

Но и это — еще не окончательно решение проблемы. Ведь далеко не любой образ, составляющий содержание активного представления, выражает себя в реальном движении тела. В маятнике Шевреля эффект повторения во внешнем действии действия внутреннего достигается за счет того, что испытуемый лишен возможности осуществлять зрительный контроль за производимым действием. Здесь, кстати, нет и никакого **выбора** действия, постановки какой-либо цели. Далеко не все то, что рисуется в воображении (или, если воспользоваться термином Дж. Мида — «репетируется» в воображении) проигрывается наяву. На то и существует, согласно Миду, воображение, чтобы, воображая что-либо, т. е. проигрывая альтернативные варианты действия, производить впоследствии выбор, предпочитать один и отбрасывать другие — те, что не представляются годными. Почему же все-таки некоторые «репетиции» оказываются роковыми: высвобождают заключенный в образе «заряд» движения? Дорого заплатился гоголевский Фома за то, что не смог сдержаться и взглянул на Вия! Фома не смог не выполнить наяву то, что проделал в мысли, услышав настоящий совет: — «Не смотри!» — посмотрел.

Парадокс остается парадоксом: почему так непросто противопоставить «иррациональным импульсам», коль скоро они возникают, «разумную волю»? Нам представляется, что одним из возможных здесь факторов является страх (определенная степень страха — беспокойство, тревога и т. д.). Он-то как раз и возникает при «проигрывании» воображаемых последствий опасного или запрещенного действия. В этих условиях мысленный образ рискованного действия превращается в действующую причину реального движения навстре-

чу опасности (разумеется, и здесь нужно иметь в виду, что эта причина может проявиться вовне, обнаружить свое действие лишь при определенных условиях; но главное, как мы увидим, заключается в том, что на саму способность субъекта ограждать себя от «иррациональных» импульсов влечения к опасности как бы изнутри накладывается ограничение). Чем же все-таки можно объяснить «заряженность» образа опасного или возбуждаемого действия движением?

Мы связываем этот факт с тенденцией регрессии возраста, которая может проявляться в условиях, заключающих в себе элемент реальной или гипотетической угрозы. Известно, что в ситуации повышенной опасности, угрозы люди стремятся быть рядом друг с другом, при этом единообразии их поведения растет, иначе говоря, увеличивается тенденция межличностного подражания. Не включается ли тот же самый механизм в ситуации реальной или воображаемой опасности, когда испытуемый в идеальном плане проигрывает варианты рискованных действий? В этом случае у взрослых могут пробуждаться «детские» подражательные формы поведения. Дети, в отличие от взрослых, с трудом дифференцируют мысль и действие; мысленное исполнение ребенком запрещенного действия поэтому, часто превращается в нарушение запрета (не надо считать, что ребенок поступает так «в знак протеста», «из злого умысла» или «проявляет негативизм»: просто для того, чтобы освоить запрет, ребенок должен многократно нарушить его). Если сказанное верно — а здесь, конечно, необходима эмпирическая проверка, — то в круг побуждений в ситуации запрета должен быть введен и особый механизм «самоподражания»: подражания мысли действием как своего рода катализатор активности субъекта навстречу возможной угрозе.

Остановимся теперь на других формах проявления надситуативной активности как процесса «разведки боем» своих возможностей, которые раскрываются в деятельности и ведут ее за собой.

5. Мотив границы

Идея границы, представленная в логико-философском и экзистенциально-феноменологическом направлениях научной мысли, только в последние годы приобретает своих сторонников и статус значимого ориентира экспериментально-психологических и

практико-ориентированных исследований⁶. Для российской психологической мысли запоздалое принятие этой проблемы как заслуживающей внимания — нонсенс. Разве не парадоксально, что в России, подарившей миру культурно-историческую теорию развития высших психических функций (Л. С. Выготский) и общепсихологическую концепцию деятельности (А. Н. Леонтьев), практически отсутствуют разработки, в которых сходятся воедино *знак* как инструмент поведения и сознания, и *предмет* как основание деятельности? Но именно «граница» могла бы быть такой проблемой, ибо в ней сходятся — или могли бы сойтись! — семиотический и деятельностный подходы, интерес к знаку, и, столь же, — к предмету активности. В нашем случае речь идет о знаке и мотиве границы, которые в своем единстве образуют то, что может быть названо «идеей границы».

Почему мы говорим об *идее границы*? Ведь, вместо этого, можно было бы использовать такие термины, как «представление», «понятие», «категория»; они и более привычны и менее притязательны!

Смысл обращения к слову «идея» определяется ее особой, не всегда ясно осознаваемой исследователями, системообразующей ролью: быть средством интеграции («сборки») значений, которые исторически складываются и постепенно группируются вокруг некоторого «носителя» этой идеи, — *термина*, имеющего, таким образом, свою жизнь в культуре.

В первую очередь речь здесь идет о работах М. М. Бахтина. Одной из центральных идей его философии является «над-бытие» (сознание). Важнейшие акты, конституирующие сознание, определяются отношением его к другому сознанию — «ты». Граница, для М. М. Бахтина, есть локус «несовпадения субъекта с самим собой», что является одной из ведущих сил активности самополагания⁷. Кроме того, по М. М. Бахтину, не то, что происходит вну-

три, а то, что происходит *на* границе своего и чужого сознания, «*на пороге*», порождает развитие Я, переживается им и определяет его сущность. Активность, таким образом, не разделена строго на внешнюю и внутреннюю для самого субъекта, поскольку для последнего, в сущности, не существует границы. Ведь все увиденное в качестве «внешнего», говорит М. М. Бахтин, тот час превращается во внутреннее состояние Я, становится моментом Я изнутри, порождая несовпадение Я с самим собой, что переживается и определяется активностью самого субъекта. Так возникает неисчерпаемость, безграничность субъекта, состоящая не в отсутствии границ как таковых, а в их подвижности, временности.

Точка зрения М. М. Бахтина может быть соотнесена с трактовкой «границы» в трудах С. Л. Рубинштейна (не выделяющего «границу», впрочем, в качестве специального предмета рассмотрения). Из анализа текстов С. Л. Рубинштейна следует, что термин «граница» выступает для него в значении *предела* и указывает на факт несовпадения между тем, что дано эксплицитно в познании, и тем, что содержится в нём имплицитно (последнее включает в себя содержание, «бесконечно выходящее за пределы» опосредовано познанным). Иными словами, «граница» здесь есть *условная (внутренняя) грань* между явленным и еще не выявленным. Подчеркивая важность этой грани для понимания действия субъекта, С. Л. Рубинштейн, в то же время, не отмечает ее самоценности как побудителя активности: «граница» для него есть, прежде всего, *препятствие* на пути постигающего действия, что и определяет ее функцию.

Идея «граница» была представлена в работах *гуманистически ориентированной психологии и психотерапии*, являющейся, по своим философско-онтологическим основаниям, частью экзистенциально-феноменологических разработок. В работах К. Роджерса «граница» определяется как *снимаемый* в ходе развития личности *предел*, стимулирующий «мотивацию личности к изменению». По сути, речь здесь идет о границе в значении *перехода*, имеющего творческий характер, и, таким образом, граница — имманентное условие самореализации личности. Для В. Франкла «граница» есть, прежде всего, «ограничение обстоятельствами», иначе говоря, *внешнее ограничение* поведения. Вместе с тем для В. Франкла граница — не абсолют, граница — преодолеваема *идеально*, посредством нахождения смысла, являет собой условие от-

⁶ Положение меняется. Появляются статьи (и планируются монографии) психологов, посвященных проблеме границы. Так, заслуживает особого анализа фундаментальная работа В. К. Калинин, посвященная проблеме «границы» (о масштабе ведущегося исследования можно судить по его статье. См.: Калинин В. К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практической психологии и психоанализа. 1 марта 2008. Ежеквартальный журнал электронных публикаций.

⁷ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

крытия человеком своих высших ценностей («ценностей отношения»). В работах Р. Д. Лэнга «граница», заключая в себе множество ипостасей (граница между «я» и «ты», «разумом» и «телом», «психическим» и «физическим» и т. п.), во всех случаях есть то, что является *определением* (в этом контексте уместно сказать — «*определиваемым*») реальности. В функции *ориентира* для действий субъекта, «граница» сопричастна рождению личности: «чувствование» этой границы порождает переживание «самообоснованности», что составляет черту «онтологически уверенной» личности.

Особым образом идея границы раскрывается в *психологических исследованиях*. Первым вводит «границу» в свои теоретические размышления К. Левин. «Граница» в его теории выступает в значении *раздела* областей «психологического поля» индивида — поля реализации его возможностей в данном жизненном пространстве. За этим пониманием угадывается собственно топологическое определение.

Мы напомним читателю, как определяется «граница» в топологии. «Множество всех граничных точек множества A называют границей этого множества»; а «граничные точки» определяются через понятие «точки прикосновения» множества A . «Это точки, к которым *сколь угодно близки* (разрядка Н. Бурбаки — *Авт.*) некоторые точки из A » «Граничная точка» множества A есть точка прикосновения двух множеств: A и дополнительного к нему множества cA ⁸. В данном случае, у нас есть удобный повод воспользоваться тем, что у Н. Бурбаки называется «вольностью речи»⁹.

Имея в виду точки прикосновения множества A и дополнительного к нему множества cA , автор(ы) трактата, посвященного основаниям математики, говорят о *сколь угодно близости* к ним точек A и cA . Конечно, «вольность речи», как всегда у Бурбаки, подразумевает возможность строгого определения (оно формулируется с привлечением понятия «окрестность»: «*Говорят, что x есть точка прикосновения множества A в топологическом пространстве X , если всякая ее окрестность пересекает A*). Но при таком (формальном) подходе отчасти теряется не совсем удобная для математиков идея движения, содержащаяся в понятии «точки прикосновения» (и, соответственно, «граничная точка»); идея бесконечного *приближе-*

⁸ Бурбаки Н. Общая топология. Основные структуры. М., 1966. С. 25—26.

⁹ Там же. С. 21.

ния замещается статическими определениями; ведь даже динамичное слово «пересекает» в теории множеств не нуждается в опоре на образ движения. Между тем словосочетание «сколь угодно близкое» заключает в себе отчетливо динамический смысл.

Для психологов, имеющих дело с феноменом границы, это принципиально: в идее границы заложено движение, импульс «прикосновения» к пределу (и выхода за предел).

У К. Левина функция границы заключается не только в том, что последняя изолирует одну область «психологического поля» от другого, но и в том, что она обеспечивает связь между соседними областями. Осуществление необходимой «связи» берет на себя «сенсомоторная пограничная зона» («раздел» между средой и индивидом, сообщающий их друг с другом в процессах восприятия и исполнения). «Прочность» границы определяется такими характеристиками пространственно различных областей, как их «напряженность» (детерминированность «давлением» потребностей момента) и «близость к Я» (число областей, отделяющих данную область от «Я»).

Идея существования «пограничной зоны» (в более широком значении, чем только «сенсомоторная») становится ведущей в современных «гештальт-ориентированных» разработках; в частности, эта идея воплощается в представлениях о «границе контакта» — места двухстороннего опыта «организм-среда» (Ф. С. Перлс, Ж. М. Робин, И. Фромм и их продолжателей).

Термин «граница» и его многообразные значения присутствуют в ряде психологических и культурологических работ, представляющих существенный интерес при обсуждении проблем психологии личности: развернутая типология границ в «психологии свободы»¹⁰; «граница» как «раздел смысловых пространств»¹¹; трактовка границы как ограничения в процессе собственного мышления¹² и др. Эти значимые для развития психологической мысли работы явным образом не выражают идею границы как движущего начала активности, хотя, несомненно, и подготавливают такой взгляд.

«Философия границы», таким образом, в психологических исследованиях оказывается реализованной лишь частично. Требуется

¹⁰ Кузьмина Е. В. Психология свободы. М., 1994.

¹¹ Лотман М. Ю. Типология культуры. Статьи. Тарту, 1970.

¹² Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99—109.

особая работа по эмпирическому обоснованию идеи границы как источника (мотива) активности.

Очевидно, что «мотив границы», если он существует, представляет собой особое побуждение, которое может быть отделено от ситуативно-заданных побуждений, — что это гипотетическое побуждение «избыточно» по отношению к целям, продиктованным ситуацией.

В этом контексте представляет особый интерес существующие попытки объяснить феномен «избыточности» в психологии мотивации. «Избыточную активность» интерпретируют в связи с «экзистенциальными ориентациями» личности (гуманистическая психология), переживанием своих возможностей индивидом (концепция самоутверждения Р. де Чармса), «мотивацией действенности» (концепция интенсивной мотивации Р. Уайта и др.); чувством наслаждения (теория «потока» Чиксентмихайи); причины такого поведения усматривают в когнитивной сфере (исследования казуальной атрибуции). Отмечаются также исследования, в которых акцент падает на привлекательность ожидаемых последствий действия: самоподкрепление как средство саморегуляции¹³, самомотивация как результат самооценочных эмоций¹⁴, «мотивация действенности»¹⁵, «чувство собственной эффективности»¹⁶, мотивации достижения¹⁷.

При всей значимости этих идей, нельзя не отметить, что основные концепции в психологии мотивации затрагивали проблему границы лишь косвенно. Впервые гипотеза о существовании особого мотива границы была высказана В. А. Петровским в 1990 г. (но исследования, в которых была представлена тема границы как побудителя поведения, проводились им за 20 лет до этого, начиная с 1970 г.). Определяя «активность вообще» как «тенденцию к снятию внутренних ограничений деятельности», он отмечал, что данная тенденция, первоначально представленная в деятельности «в качестве ее скрытой динамической стороны», способна обособляться в

¹³ Kanfer F. H. Self-regulation: Reserch, issues and speculations // Behavior modification in clinical psychology / Ed by C. Neuringer, J. L. Michael. 1970. № 4.

¹⁴ Bandura A. Social foundation of thought and action. Englewood Cliffs. NJ., 1986.

¹⁵ White R. W. Motivation reconsidered. The concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. P. 297—333.

¹⁶ Charms de R. Personal Causation. N.-Y., 1968.

¹⁷ McClelland D. C., Atkinson J. W., Clark R. A., Lowell E. L. The achivement Motive. N.-Y., 1953.

«самостоятельную деятельность субъекта»¹⁸. В развитие этой мысли формулируется гипотезу о существовании *мотива границы* — стремления субъекта пережить свое бытие на границе.

Предполагается, что «мотив границы» проявляется в самых различных сферах человеческой жизни: в познании (здесь притягательна граница между известным и неизвестным), творчестве (побуждает граница между возможным и действительным), риске (граница между благополучием и угрозой существованию), игре (граница между воображаемым и реальным), межличностном общении (граница между открытостью другим и защищенностью от них).

Примем на время, что это общее предположение справедливо. Чем, в таком случае, можно было бы объяснить существование данной гипотетической тенденции? Не обращая пока к эмпирическим данным, попробуем рационализировать эту «иррациональную» тенденцию, рассуждая, так сказать, вслух. Первоначально, в личном опыте каждого, граница есть ограничение нашей активности. Кажется естественным думать, что, сталкиваясь с границей, мы хотим составить представление о том, *что* нас ограничивает, — «очертить границу». Определяя, очерчивая для себя границу, мы неизбежно выходим (в действии или мысли) за границу очерчиваемого. Мы должны взглянуть на нее как бы извне. Иначе говоря, мы не можем ощутить, понять, осмыслить границу, пока не окажемся по ту сторону ограничительной черты. Переживаемое нами «влечение к границе» определяется, таким образом, объективными («предметными») свойствами самой границы¹⁹.

Ситуация социального запрета так же, как и ситуация встречи субъекта с объектом, воспринимаемым в качестве потенциально угрожающего, может вызвать усиление исходного, уже имеющегося у индивида, побуждения к действию («Запретный плод сладок»²⁰), или провоцировать независимую от исходной моти-

¹⁸ Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

¹⁹ Петровский В. А. «Адаптивность — Неадаптивность» // Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского. М., 1990.

²⁰ Иногда «сладок» — в буквальном смысле. Это было показано в опытах Брема. Детям запрещали есть одно из нескольких лежавших перед ними пирожных. В итоге, когда детям все-таки разрешали потом попробовать это пирожное, оно оценивалось как более вкусное, чем в обычных условиях (без запрета). См.: Brehm J. W., Rosen E. Attractiveness of old alternatives. When a new attractive alternative is introduced // The Journal of Personality and Social Psychology. 1971. Vol. 20. P. 261—266.

вазии тенденцию осуществления запрещенных действий. Герой знаменитой сказки Шарля Перро, Синяя Борода, строго-настрого требовал от своих жен не пытаться открыть дверь в потайную комнату, и ни одна из них не могла справиться с искушением...

В экспериментах с маленькими детьми (дипломная работа Е. И. Кузьминой²¹), предпринимались попытки создать ситуацию, в которой, без каких-либо разъяснений, детям запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половину комнаты от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. В обеих группах наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли убедиться дети, пробегая по комнате вдоль и поперек до введения запрета, ничего интересного не было (она была пуста), а в «разрешенной» половине комнаты находились игрушки и даже рояль, на котором дети могли беспрепятственно «музыцировать». Младшие дети выбегали за запрещенную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали: выходить или нет, а потом, все-таки, отваживались переступить через разделительную черту. Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое «законное право» проследовать за ним. Предприняв этот «маневр», они возвращались в разрешенную часть комнаты.

При анализе переживаний и поведения людей в ситуации социального запрета могут быть выделены те же варианты «импульсов», отталкивающих от осуществления запрещенного действия и подстрекающих к нему, что и в случае столкновения человека с объектом, представляющим некоторую непосредственную возможную угрозу для него. Так, влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности в том отношении, что оба представляют собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом — неопределенных последствий какого-либо запрещенного действия и т. п.

Общность данных форм реагирования объясняется тем, что запрет представляет собой символ некоторого потенциально угрожа-

²¹ В последующие годы исследования Е. И. Кузьминой, представленные в докторской диссертации и книгах, посвящены тому, что в ее работах обозначается как «психология свободы». См.: Кузьмина Е. И. Психология свободы. М., 1994.

ющего объекта (таким объектом, в частности, может быть и человек как источник негативных санкций). Но реакция на запрет обладает также определенной специфичностью, заключающейся в том, что выполнение запрета требует, чтобы индивид мысленно нарушил его.

Обсуждая результаты проведенных экспериментов, показывающих, что запрет, как одна из форм предъявления границы, побуждает активность, выделим *два принципа понимания побудительной ценности границы*.

В основе одного из них — понимание границы как фактора усиления исходной мотивации действия; этот способ интерпретации может быть обозначен как *принцип наращивания мотивации*. Именно таким образом представляется существо взаимоотношений между побуждением к активности и границей в трактовке воли как проявления дополнительного побуждения, обусловленного препятствием²², в основе интерпретации феномена возрастания привлекательности «запретного плода»²³, при введении конструкта «вкус к риску», указывающего на наличие дополнительного к риску в условиях принятия решения (*Ф. Робайе*), а также конструкта «граница-катализатор»²⁴.

Во всех этих теоретических разработках граница трактуется, по-существу, как «ситуативное ограничение» — «преграда», что предполагает наличие побудителя активности помимо границы, а мотив преодоления границы в качестве одного из факторов общей мотивации активности; даже тогда, когда это прямо не указывается, всякий раз подразумевается, что этот мотив произведен от некоторой «первичной» мотивации, на пути которой оказывается то или иное препятствие. Иначе говоря, граница в качестве изначального и *самоценного предмета* деятельности (в терминах А. Н. Леонтьева — ее *мотива*) здесь явным образом не выделяется.

В основе другого принципа — понимание границы как *источника самоценной активности*. При таком понимании граница — не столько фактор стимуляции деятельности в направлении пред-

²² Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

²³ Brehm J. W., Rosen E. Attractiveness of old alternatives. When a new attractive alternative is introduced // The Journal of Personality and Social Psychology. 1971. Vol. 20. P. 261—266.

²⁴ Кузьмина Е. И. Психология свободы. М., 1994.

существующего мотива, сколько мотив, независимый от иных устремлений.

В связи с выделением двух оснований интерпретации роли границы в организации активности субъекта, может быть поставлен вопрос о соотношении этих подходов и отмечена трудность их фактического противопоставления друг другу. Некоторые положения, вводимые ранее (например, о «рефлекс свободы» — И. П. Павлов, и основанной на нём «реакции преодоления» — В. П. Протопопов), не являются в достаточной мере эмпирически верифицированными для решения вопроса о том, с какого рода мотивирующим влиянием границы мы имеем здесь дело.

Примечателен тот факт, что в литературе мы сталкиваемся с примерами инверсивного соотношения между схемами эмпирического исследования и способами теоретического осмысления фактов, характеризующих мотивирующую роль границы. Например, отмеченные в этой главе *факты*, полученные в дипломной работе Е. И. Кузьминой — «феномен Синей Бороды», о котором было сказано выше, в последующих *теоретических* разработках этого автора (рефлексивно-деятельностная концепция свободы) хотя и привлекаются к рассмотрению, но не используются как аргумент в пользу существования качественно своеобразного и автономного «мотива границы». Напротив, вводится представление о «границе-катализаторе» при общей трактовке границы в качестве препятствия. Рассматриваются три исключения из этого правила: 1) «Игра с границей» («освоение границы» как *мнимое* — подчеркивает автор — преодоление); 2) Разновидность болезненного (измененного) состояния сознания («Иногда бытие на грани нормы и патологии, рационального и иррационального настолько привлекательно, что надолго «затягивает» человека в маргинальное или пограничное состояние»; 3) «Преодоление ради преодоления» — «в отдельных случаях», например, в подростковом возрасте. Понятно, почему, по мнению автора, перед нами, скорее, исключения из правила. Потому что «в принципе, граница преодолевается ради достижения цели за границей»²⁵; отличаются лишь способы преодоления.

С другой стороны, там, где в *теории*, казалось бы, присутствует идея «самоценности» выхода за пределы ограничений (теория

²⁵ Там же. С. 69.

реактивного сопротивления Дж. Брема), *факты* свидетельствуют лишь об усилении предсуществующей внешней мотивации преодоления (феномен повышения привлекательности «запретного плода»).

Трудность проблемы усугубляется тем, что в реальной жизнедеятельности человека гипотетические моменты «первичной» и «вторичной» побудительности границы, по всей видимости, переплетаются²⁶

Феномен «Синей Бороды» побудил нас к постановке вопроса о том, как возникает мотив границы, какую роль в этом играет разделительная черта, образующая знак границы, какова возрастная динамика реакции детей на разделительную черту.

Эмпирическими референтами «*границы*» служат, в данном случае, «разграничительные стимулы», по сути, *вызовы* различного рода, такие как *рубеж двух сред, черта запрета* (внешнее и внутреннее ограничения), *раздел* (разделительная черта) как символ границы.

«*Бытие на границе*» эмпирически может истолковываться как центрация активности на разграничительном стимуле, обуславливающее переживание «прохождения» границы; «центрация», в свою очередь, означает здесь направленность активности на разграничительный стимул — в виде *сближения с ним, элиминации и вовлечения его в действие*.

Особое значение придается поиску эмпирических референтов понятия «мотив границы», что обусловлено, в частности, «ненаблюдаемостью» «мотивов», невозможностью непосредственно представить их «как факты действительности» (Х. Хекхаузен). Наличие мотива границы можно определить, исходя из соотношения числа случаев *центраций* на разграничительном стимуле и случаев *соблюдения* его, а также — *игнорирования* этого стимула (испытываемые, следуя разграничительному стимулу, т. е. воспринимая его как «знак границы», чаще центрируются на нем, чем игнорируют его присутствие); принимаются в расчет также вербальные реакции испытуемых при совершении соответствующих действий.

²⁶ Мы хотели бы подчеркнуть тем самым, что в составе сложных форм поведения граница не только усиливает другие побуждения, что вполне вероятно, но и обладает самостоятельным статусом, сочетаясь при этом с другими мотивами.

Соответственно, принимаются следующие эмпирические гипотезы исследования:

1. Введение разграничительных стимулов (рубеж двух сред, черта запрета, раздел) обуславливает, наряду с реакциями игнорирования и соблюдения разграничения, реакции центрации на нем: сближение с разграничительным стимулом, элиминации его или вовлечение в поле собственной деятельности.

2. Существуют три формы центрации (три разновидности «мотива границы»): стремление индивида повторно пережить аффект «прохождения» границы («мотив рубежа»); предпочтение действий, центрированных на черте запрета, осторожным действиям («мотив риска»); осмысление границы как ее преодоление («мотив обыгрывания границы»).

3. Существуют возрастные различия в способах реагирования испытуемых на разграничительные стимулы (качественное своеобразие проявлений мотива границы с возрастом).

Формы репрезентации идеи границы. Отбирая для будущего эксперимента разграничительные стимулы, мы опирались на культурологические, семиотические, психологические исследования²⁷.

В рамках предлагаемого здесь психолого-семиотического подхода, отталкиваясь от известной трактовки «знака» в работах Ф. де Соссюра (где «знак» предстает как единство «означающего» и «означаемого»), мы предлагаем трактовку границы как знака особого рода. Этот знак заключает в себе динамику означающего и означаемого, — одновременную смену состояний как внутри означающего, так и внутри означаемого. К примеру, на уровне означающего, «белое» сменяется «черным», а на уровне означаемого «добро» обращается в «зло» (о событии «смена» мы говорим — «грань»); на этапе генеза этого знака — «семиозиса» (об этом дальше) — означающее и означаемое (грань 1 и грань 2) могут многократно меняться местами (см. рис. 2); допустимо считать также, что термины «означающее» и «означаемое», относятся к «граням» — в которых совершается переход состояний (см. рисунок).

²⁷ Анализ обширной литературы по этой проблеме представлен в кандидатской диссертации М. А. Ишковой «Феномен границы в детерминации активности ребенка». Ишкова М. А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. Здесь мы приводим также данные эмпирического исследования, представленные в ее диссертации.

Рис. 2. Знак границы (генез знака символизируют вертикальные стрелочки)

Трактуя границу как сложный динамический знак, мы, таким образом, подчеркиваем его двуслойность: в противном случае перед нами было бы просто «нечто между»: случайная, не представляющая какого-либо значения и смысла черта, линия, след от чего-то, изгиб на поверхности и т. п.

Опираясь на знаковую трактовку границы, приходим к выводу, что существуют три основных способа «предъявить» индивиду идею границы. Она может выступить для него в форме «естественного знака», «культурного знака», а также «символа» как особого знака (в последнем — через чувственное созерцание — интуитивно угадывается абстрактная идея: И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. де Соссюр, Ж. Пиаже). Соответственно, определяются разграничительные стимулы различного вида: *индикатор* раздела сред (естественный знак); *запрет* (культурный знак); *разделительная черта* (символ границы).

Формы возможного реагирования на знак границы. Предварительно могут быть выделены четыре типа реагирования человека на предъявление любого из используемых разграничительных стимулов: *игнорирование* стимула, *согласование* со стимулом (*реакции следования*), *избегание* стимула, и *центрация* на стимуле.

Очевидно, что предположительно выделяемые здесь реакции центрации на разграничительном стимуле представляли для нас наибольший интерес в связи с обсуждением вопроса о существовании «мотива границы». В связи с этим, особо выделяются три формы проявления реакции центрации: *сближение* со стимулом, *пересечение* его (реальное или воображаемое), *вовлечение* разграничительного стимула в своё действия (инкорпорация). Вполне допустимо, что разные типы реагирования человека могут сочетаться между собой; мы допускаем так же, что они могут быть представлены в пределах одного и того же действия.

Опишем некоторые экспериментальные ситуации и результаты исследования.

Побудительный характер естественного знака границы. В данном эксперименте разграничительный стимул был предъявлен в форме естественного знака как *рубеж двух сред*; прохождение рубежа сопровождалось переживанием смены впечатлений: «свет → темнота».

Игровая комната детского сада разделялась на две части стульчиками, расставленными поперек нее «через один» так, что намечалось два разделенных ими пространства. Ребенок находился в привычной для него обстановке — в «игровой» части комнаты. Комната была освещена, но как только ребенок проходил «сквозь» стульчики в другую часть комнаты, свет неожиданно выключался. Причина подобного «поведения» света ребенку была неясна. Таким образом, рубеж двух сред выражался двояким образом — как разграничение общего пространства стульчиками, и как разграничение двух впечатлений: «свет-темнота». Другими словами, создавался *сдвоенный маркер границы* — особый знак; «означающее» этого знака, равно как и его «означаемое» заключали в себе границу (геометрический контур, в одном случае, и мгновенная смена впечатлений, в другом). Нас интересовала реакция детей на семиотический сюрприз, подготовленный экспериментатором. Станут ли они исследовать ситуацию? Будут ли моделировать причины внезапной смены впечатлений?

За этими простыми вопросами есть и более сложный вопрос: Но мы еще вернемся к поставленному вопросу, обсуждая результаты исследования.

Эксперимент проводился в индивидуальной и групповой форме. Всего в эксперименте участвовало 28 детей от 3,5 до 5 лет.

В индивидуальной серии экспериментов наиболее распространенными типами реагирования были:

- *Недовольство, растерянность, разные оттенки переживания фрустрации* (в этих случаях ребенок отказывается от активных действий);
- *Поиск разгадки* (ребенок пытается установить причину неожиданной трансформации своих впечатлений).

В групповой серии эксперимента добавляется еще один тип поведения — *пассивное реагирование* (ребенок занимает позицию *наблюдателя* за действиями других детей).

Наблюдения показывают, что, в определенный момент, дети, включившиеся в активный поиск, «догадывались» о существовании связи между собственными действиями (переход через некий рубеж) и переживанием смены впечатлений (гаснет свет), и это, как правило, вызывало у них положительный аффективный отклик: радость, чувство удовлетворения. После этого «граница» превращалась детьми в особый «предмет», оперирование с которым интересно само по себе. Дети пытаются восстановить для себя то, что подарило им радость; они «играют» со светом, забегают за стульчики, двигают ими, садятся на них, своими действиями *обозначая* «границу», определяют ее для себя. Пребывание на границе (приближение к ней, переход, возвращение, замирание на сдвоенном рубеже двух сред) приобретает для них характер мотива деятельности.

Итак, уже в возрасте четырех лет дети восприимчивы к границе, активно обследуют ее, «прорисовывая» ее своими действиями. И в этой связи, мы говорим о «зарождении» мотива границы (побуждения «быть на границе», «почувствовать границу»).

На зарождающийся мотив границы можно взглянуть с семиотической точки зрения. Нет ли в поведении и переживаниях детей примет особой активности, имеющей непосредственное отношение к производству знаков? Мы можем назвать эту гипотетическую активность «знакопостроением», или, «в более привычном» для русского уха латинском прочтении, — семиозисом²⁸.

Думается, семиозис границы — подарок для тех, кто любит интеллектуальную эквилибристику. И в самом деле, есть к чему подивиться! Вначале ребенок, пересекающий условную линию в пространстве комнаты, *замечает*, что свет сменяется темнотой. Переход «свет → темнота». Граница, разделяющая и связывающая впечатления, еще не привязана к разделительной линии, и самой «разделительной линии» в сознании ребенка еще нет. Есть только вопрос «что бы это значило?» или, иначе говоря, отношение к событию смены впечатлений как знаковой формы (означающего) еще неясного знака, точнее знака, означающее которого неизвестно. Перед нами «пустая знаковая форма». Она должна быть еще

²⁸ «Семиозис (греч. *sema* — знак) — термин, принятый в семиотике; обозначает «процесс интерпретации знака», или процесс порождения значения.

наполнена содержанием²⁹. Как только ребенок своими действиями начинает «прорисовывать» геометрическую границу, параллельно отслеживая возможную динамику «свет ↔ темнота», он запускает процесс построения означаемого, наполняющего пустую форму содержанием. Итак, *вначале* появляется следующий знак:

свет ↔ темнота / линия раздела

слева здесь то, что в терминах Ф. де Соссюра является означающим, «внешней» сторона знака, а справа — означаемое, «внутренняя» сторона. *Далее* отношение инвертируется:

линия раздела / свет ↔ темнота

Линия раздела превращается в означающее, а смена впечатлений «свет ↔ темнота» — в означаемое. Так происходит неоднократно, вплоть до того момента, пока не возникнет устойчивая связь между двумя явлениями — пространственным переходом над точками, образующими воображаемую черту в пространстве, и сменой впечатлений в каждой из точек этой черты. И здесь уже равновозможно «прочтение» знака слева направо или справа налево.

Полагаем, читатель и без пространственных пояснений понимает, что имеется в виду: означающие и означаемые в сознании испытуемых могут свободно меняться местами, линия раздела (граница пространственных сред) и смена впечатлений (свет ↔ темнота) с равным успехом могут быть и означающим и означаемым знаком. Но это значит, что возникает целостный знак границы, объединяющий в себе пространственный и временной «разделы», функционально подменяющие друг друга в структуре этого знака. Процесс знакопостроения, порождения знака границы, на данном этапе его становления может быть назван «соозначением». В рождении знака соучаствуют два события: динамика в пространстве (перемещение тела) и динамика во времени (смена впечатлений); каждое заключало в себе то, что далее могло быть означено как «граница». Однако только в процессе соотнесения их друг с другом граница проступила во вне, и притом в каждом из них (и совершенно независимо от того, в какой позиции — означающего или означаемого — каждое из них находится).

²⁹ В отличие от «контр-знака» М. В. Бороденко пустота знаковой формы здесь изначальна, а не является результатом столкновения, взаимной аннигиляции несовместимых означаемых. См.: *Бороденко М. В.* Два лица Януса-смеха. Ростов н/Д., 1996.

Тенденция к соозначению, вероятно, и лежит в основе мотива границы в момент его зарождения. Но таков только первый этап семиозиса знака границы, первый этап становления мотива границы.

Интересно проследить судьбу этого становящегося мотива в ходе последующего возрастного развития ребенка. С этой целью были предприняты второй и третий циклы эксперимента.

Побудительный характер запрета. В экспериментальной ситуации с введением *внешнего* ограничения — запрета — испытуемому предлагалось нарисовать что-нибудь на стандартном листе белой бумаги, разделенной прямой линией посередине; выходить за пределы черты было запрещено, количество листочков не ограничивалось так же как и время рисования (и, таким образом, разграничительный стимул здесь вводился в значении «быть пределом активности»). Как и в эксперименте В. А. Петровского и Е. И. Кузьминой, нас, прежде всего, интересовало, будут ли дети выходить за пределы черты, рисовать вблизи или вдали от нее, трансформировать рисунок около черты и т. п., а также, вербальные комментарии детей; особый интерес вызывали возможные способы «объигрывания» знака «границы» в рисунках испытуемых (такова, в частности, одна из причин разработки «рисуночной» техники исследования тенденций, обусловленных «запретом»). Эксперимент проводился как в индивидуальной, так и в групповой форме.

Результаты исследования

В индивидуальной серии эксперимента участвовало 69 детей в возрасте от 2 до 14 лет. Как и предполагалось, наряду с такими реакциями на разграничительный стимул, как игнорирование, согласование и избегание, наблюдались реакции центрации испытуемых на черте запрета. Все множество испытуемых достаточно четко подразделяется на две подгруппы: дети *до трех лет* (в основном игнорирующие запрет) и дети *от трех лет и старше* (учитывающие факт запрета). Полученные данные анализируются с учетом возраста испытуемых. Дети в возрасте *от 2 до 3 лет* в основном *игнорировали* запрет, не отдавая себе в этом отчета. В большинстве рисунков проведенная черта либо не учитывалась, либо учитывалась только в начале рисования. Пересечения черты или рисование в запрещенной части поля они либо оставляли без объяснения, либо оправдывали желанием «просто» нарисовать

«там». В возрастной группе *от 3 до 4,5 лет* наблюдалось наибольшее количество рисунков, расположенных *рядом* с чертой запрета (реакции сближения). Введение ограничительной черты вызывает у детей активную ориентировку и эмоциональный отклик, обнаруживаемые в высказываниях: «А можно здесь (нарисовать)?», «Ой, кажется, не там нарисовала» и т. п. Дети в возрасте от 4,5 лет и старше существенно *чаще* соблюдают ограничение, чем нарушают его (реакция согласования). У 5—6-летних детей реальный «выход» за черту запрета в большинстве случаев не наблюдался, однако, особенность их рисунка заключалась в том, что, представляя сюжет рисунка, они включали в него разделительную черту как элемент: «это — потолок» («земля», «стена» и т. п.) (реакции центрации на разграничительном стимуле в виде сближения и перехода). Судя по высказываниям, дети осознавали существование предела, не позволяющего им реализовать перспективу развертки сюжета. «Выход» за пределы рисунка у 5—6 летних чаще происходит в идеальном, воображаемом плане. У многих детей стремление перейти границу, нарушить ограничение, выражается в речи; так, указывая на запрещенную часть листа, дети спрашивают: «Можно здесь перерисовать?», «Это у нас домик, а рядом тоже будет достраиваться» и т. п. Эта тенденция — действовать в воображаемом плане «по ту сторону» черты запрета (воздерживаясь от фактического «выхода») — сохраняется и усиливается далее, в старших возрастах. Некоторые дети высказывают желание запечатлеть название рисунка и собственное имя в запрещенной части листа. Специфика рисования выражалась в «прикосновениях» к черте, деформации рисунка, усилении нажима карандаша рядом с чертой запрета. Наблюдаются также: изгибы фигур, незавершенность рисунка (например, изображение половины дома).

В *групповой серии* эксперимента (дети располагались за одним столом по 3—5 человек так, что могли видеть друг друга) участвовало 48 испытуемых тех же возрастов. Количество нарушений запрета в этой ситуации увеличивалось по сравнению с индивидуальной на 28%. Наблюдалось два эффекта обуславливающих результаты рисования: круг «опосредствованного самоподражания»³⁰, заключающийся в том, что «неправомочные» действия выхода в «запре-

ценную» зону одного как бы подхватывались другими, и, возвращаясь к первоисточнику, воспроизводились им более осознанно. Второй — эффект возникновения контроля со стороны группы, принятие мер «пресечения», порождающие самоконтроль: «Так нельзя! Я же так не делаю!»

Итак, полученные в эксперименте данные позволяют выделить две тенденции влияния запрета на организацию активности ребенка: с одной стороны, разграничительный стимул побуждает к сужению поля деятельности (отдаление рисунка от «черты запрета», самоконтроль, выраженный вербально), а с другой — провоцирует к его нарушению («выход» в запрещенную часть, «прикосновения», воображаемая дорисовка).

В экспериментальной ситуации *самоограничения*, дети должны были самостоятельно выбирать для себя область возможного действия (регулируя — сужая, расширяя или оставляя неизменной — территорию своей активности). Нас интересовало, в какой мере дети склонны соблюдать ограничения, которые они сами устанавливают для себя, и насколько подвижны эти границы в процессе действия. Для изучения этого феномена была разработана методика «исчезающих границ». Материалом для обозначения временных, «*гаснущих*» ограничений служила «рисовая водичка». Специфика рисования «рисовой водичкой» заключается в том, что первоначально линия, проведенная «рисовой водичкой» видна, но со временем она «исчезает», и появляется возможность не принимать ее в расчет. «Выходом» за пределы первоначального ограничения считалось любое расширение границ рисунка (рисование за пределами исходной границы, смещение границы при повторном ее проведении). Участники эксперимента — дети в возрасте от 3-х до 14-ти лет (всего — 59 человек).

В процессе эксперимента выявилось следующее. Дети до 3-х лет не воспринимают инструкцию адекватно; предписание экспериментатора заранее ограничить место для рисования воспринималось большинством детей как предложение рисовать просто «рисовой водичкой». Четырехлетние дети понимали инструкцию частично, и при этом часто ограничение не соблюдали. О том, что инструкция воспринималась лишь отчасти, свидетельствует факт смены — по ходу деятельности — очерчиваемых областей рисования; часто область предстоящих действий не очерчивалась отчет-

³⁰ См.: Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.

ливо (46% детей покидали область очерченного). Важным, в плане анализа возрастного становления идеи границы в сознании детей, является тот факт, что дети 3—4-х лет неоднократно обводили линию ограничения, как бы материализуя знак саморегламентации. Начиная с 5-летнего возраста, ограничительная линия приобретает значение «быть пределом», а не просто «быть частью» рисунка. Дети 6—7-летнего возраста в отличие от младших детей уже способны мысленно учитывать исчезнувшую из поля зрения линию, соблюдая, таким образом, ограничение, представленное в *идеальной* форме. Дети 12—14 лет максимизируют область допустимого действия; границы области иногда намечаются лишь частично.

Сравнивая результаты двух серий эксперимента, мы приходим к общему выводу о том, что «граница», по мере возрастного развития детей, приобретает характер действенного ориентира их активности; при этом, в терминах культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, «граница», как ориентир активности, «рождается дважды»: первоначально в форме внешнего знака, заданного ребенку другим человеком (взрослым), а в дальнейшем — в форме «учреждаемой» самим ребенком внутренней опоры его активности.

Символическое ограничение поля деятельности как стимул активности. В этой части исследования разграничительный стимул предъявлялся испытуемым в виде некоего *символа* границы — *раздела (разделительной черты)*, представленной нейтрально.

Как и прежде, испытуемым предлагался лист с чертой, проведенной посередине, разделяющей площадь листа на две (топологически) несвязные области; испытуемые не знали, зачем проведена черта, и не имели возможности выяснить это. По тому, как используется черта и что они говорят о ней, можно было судить, что она значит для них, какой смысл придают ей испытуемые. Так, нас интересовало, станут ли испытуемые воспринимать черту как «границу», придавая ей такие значения, как «предел», «переход», «связь», или они будут игнорировать черту как знак границы, например, пересекать ее, рисовать на ней, как если бы это была просто складка на листе бумаги и т. п.

Эксперимент проводился в индивидуальной форме; всего участвовало 180 человек от 2-х до 30-ти лет.

В результате удалось выявить ряд значений (способов осмысления), приписываемых разделительной черте.

Первое значение: «*быть пределом*». О существовании подобной интерпретации разделительной черты свидетельствовали такие особенности рисования, как расположение рисунка на одной части листа, по ту или иную сторону от черты, или изображение двух различных объектов, разделенных чертой, по разные стороны от нее. Здесь же и случаи, когда испытуемый как бы прикасается своим рисунком к черте, не выходя за нее. Черта — ограничение, предел рисунка, символ разделения возможных полей действия.

Но «служить пределом» — не единственный ответ на вопрос «зачем черта?».

Второе значение: «*быть переходом*». В этом случае фрагменты рисунка, например, дорога, река, пересекают черту. Это случается не только в реальном действии, но и в намеченном к осуществлению. Например, тогда, когда рисуемый объект или сюжет рисунка неизбежно перекрывает разделительную черту.

Третье значение: «*быть связью*». Это тот случай, когда разделительная черта используется как ось симметрии, вокруг которой распределяются элементы рисунка. Так же, она выступает в функции «связи», когда объединяет в целое разделенные элементы: угол двух сходящихся стен, раздел между землей и воздухом (воздухом и водой и т. п.).

Если сделать акцент на возраст испытуемых, то можно выделить следующие особенности восприятия детьми символа границы. Первоначально граница выступает в качестве «зрительного препятствия», не имеющего какого-либо специального значения. Опрос детей в возрасте до трех лет показал, что они еще не воспринимают черту в функции разграничителя («Не знаю даже, что это...», «Это — полоска...» и т. п.). Но, начиная с возраста в 3,5 года, дети придают разграничительной линии значение «быть пределом» (ограничением, разграничением): «А, это как два рисунка», «Он делит поровну листочек». Значение «быть пределом» актуализируется и сохраняется в последующих возрастах. Так, в 5-летнем возрасте впервые наблюдаются факты смыслового «освоения» черты в сюжете рисунка: разделительная черта начинает использоваться как символ разделения двух сред, — «границы сред». Эта тенденция сохраняется и в старших возрастах. Начиная с возраста в 15-ти лет, в рисунках испытуемых идея границы как «связи» воплощается в своём полном объеме: черта предстает здесь как связующий элемент сюжета, охватывающего смежные поля деятель-

ности, как ось симметрии и т. п. В некоторых рисунках восприятие черты проявляется во всех свойственных ей значений («предел», «переход», «связь»).

Таким образом, если вернуться к идее семиозиса «границы», то дети, в данном случае, открывают для себя *назначение* этого знака. Однако, на этом не завершается знакомострояния; дети могут по-разному относиться к границе, коль скоро ее возможные маркеры оказываются в поле их зрения.

Таким образом, мы не только исследовали способы интерпретации «раздела» как символа границы; мы рассматривали еще и вопрос о спонтанной актуализации «мотива границы», когда ситуация располагала их к этому³¹. Когда испытуемые видели перед собой разделительную черту, они реагировали на нее тремя способами: *игнорированием, следованием и центрацией*.

Игнорирование. В этом случае испытуемые, замечая черту, упускают ее значение как границы. Эта категория рисунков отличается намеренным пересечением разделительной черты, отрицанием ее значимости, о чем можно судить по комментариям к рисункам.

Следование (согласование). В этом случае испытуемые соотносятся с основным предназначением символа границы (располагают главные объекты на определенном расстоянии от черты, или, расширяя поле рисунка вплоть до черты, равномерно «рассеивают» объекты по всему полю и т. п.). В комментариях устремленность к черте не подчеркивается.

Центрация в наибольшей степени отражает интересующий нас мотивационный аспект «воздейственности» границы. В случае «центрации», весь рисунок или отдельные его элементы ориентированы на черту. Наблюдаются следующие признаки «притягательности» границы: трансформация рисунка в районе раздела, прикосновения к разделительной черте, нажим карандаша возле черты, симметрия и ряд других признаков. Учитываются также вербальные комментарии детей.

Обобщая результаты данной серии исследований, мы отмечаем так же, что с возрастом детей увеличивается число реакций *следования* разграничительному стимулу и *центрации* на нем. Этот факт сви-

³¹ Заметьте, мы говорим не о том, что ситуация «побуждает» или «принуждает» реагировать на границу; но о том, что она предоставляет возможность отнестись к чему-либо в ней как границе — «располагает» к этому.

детельствует, на наш взгляд, о том, что идея границы в процессе возрастного развития личности всё более раскрывает свой регулятивный характер, стимулируя адаптивные (соблюдение границы) и активно-неадаптивные действия (центрация на границе) действия. С возрастом, *смысл* границы как побудителя активности углубляется, раскрываясь в таких своих значениях, как «предел», «переход», «связь».

Из сопоставления результатов исследования специфических реакций испытуемых на запрет (отстранение *от* или влечение *к* запретной черте) и аналогичных реакций на разделительную черту (без предъявления внешнего ограничения), видно, что первые (реакции на запрет) оформляются раньше, чем вторые: сначала развивается реакция на запрет, после — на разделительную черту как таковую. Этот факт мы интерпретируем как свидетельство осмысления испытуемыми разделительной черты в качестве *символа* границы; она, таким образом, превращается в объект проекции ранее сложившихся в опыте ребенка значений идеи границы.

Подведем некоторые итоги. «Граница» играет двоякую роль в организации активности субъекта: с одной стороны она побуждает субъекта к разделению полей собственной деятельности, а с другой — провоцирует к их объединению; в эффекте *двойственности* влияния «границы» проявляются такие ее предметные значения, как «предел», «переход», «связь».

Разграничительные стимулы, репрезентирующие идею границы, выступают в качестве побудителя активности детей; наряду с побуждением действовать вдали от границы, выделяется побуждение детей действовать вблизи границы, — «мотив границы».

Осознание границы, репрезентируемой разделительной чертой, есть выход за пределы внешнего ограничения. Говоря «осознание», мы имеем в виду положение А. Н. Леонтьева о трехслойном строении сознания: «чувственная ткань», «значение», «смысл».

С этой точки зрения, *прочувствовать* границу — это значит, балансируя «на черте», переживать сопутствующую этому смену впечатлений, что возможно только в случае, если оказываешься то по одну, то по другую сторону разделительной черты («выход» неизбежен).

Установить для себя *значение* границы — это познать предназначение черты (предупреждение, предотвращение), что возможно только тогда, когда оказываешься по другую сторону черты («выход» неизбежен).

Осмыслить границу — это ответить на вопрос, что мог бы дать опыт границы. Здесь есть два возможных ответа. Один из них — *самоограничение*; другой — *самотрансценденция* («ограничение ограничения» — переживание свободы от ограничений, посредством «снятия» границы).

В возрастном плане прослеживается следующая динамика.

На четвертом году жизни дети пытаются обозначить для себя незримый предел, переход через который порождает переживание смены впечатлений; этот мотив может быть понят как стремление субъекта «быть на границе». К этому возрасту относятся становление идеи границы как особого знака. В нашем эксперименте условная черта раздела двух областей пространства была потенциальным «означающим», а сопряженная с ней смена впечатлений — «означаемым» становящегося знака границы; ребенок, «балансируя» на условной черте раздела и переживая сопутствующую этому смену впечатлений, связывал потенциальное означающее и потенциальное означаемое в одно целое — «знак». Этот процесс построения знака мы называем «соозначением», так как потенциальные образующие рождающегося знака превращаются в означающее и означаемое этого знака, — в данном случае, знака границы. Знак границы, как результат семиозиса, ценен для субъекта сам по себе: ощущается гармония связи между двумя сторонами знака (в отличие от него, обычные знаки, как отмечал Ф. де Соссюр, характеризуются случайным характером связи между означающим и означаемым), наслаждение, по-видимому, доставляет сама синхронность переходов через грань, как на уровне означающего, так и на уровне означаемого. Семиозис идеи границы есть проявление самооценной активности субъекта.

На пятом-шестом году жизни детей, в том случае, если граница предъявляется им в форме запрета, «мотив границы» проявляется в актах ее активного «опробования», что подразумевает возможность быть не только «по эту», но и «по ту сторону» черты запрета. Посредством реального или воображаемого перехода через предел, дети как бы отвечают себе на вопрос: «Что будет если?» (переступить). Таким образом, идея границы раскрывает себя не только как знак разграничения сопредельных явлений, но и как знак, имеющий *предназначение* — предупреждать о последствиях перехода через предел.

Если же дети этого возраста видят перед собой разграничительную линию, предназначение которой неизвестно (о ней не сказано,

что это «запрет»), то всё равно линия раздела обычно рассматривается как граница, препятствующая свободному действию (граница-препятствие). В этом случае некоторые дети держаться вдали от черты, а некоторые действуют в непосредственной близости от черты (или переходят через черту). Создается впечатление, что разделительная черта побуждает их к осмыслению ее функции — «зачем она здесь?», «как обойтись с чертой?» «случайна или неслучайна черта?»). Знак границы раскрывается, в этом случае, с новой стороны. Теперь это — загадка, вопрос, провокация к постижению. Идея навстречу интриге, субъект открывает для себя *смысл* знака границы.

В подростковые годы, «мотив границы» проявляется в попытках детей осмыслить знак границы (разделительную черту) как условие связи сопредельных областей действия; этот мотив может быть понят как стремление субъекта «не быть ограниченным», идея границы снимает себя в идее целостности (неограниченности, актуальной бесконечности бытия).

Итак, «бытие на границе» есть возникающий в процессе развития ребенка особый мотив. Этот мотив проявляется в стремлении ощутить себя на границе («балансируя на грани»), элиминировать границу («переходя» через грань), и, наконец, вовлечь границу в свою деятельности («связывая» смежные поля активности, и тем самым упраздняя грань между ними).

* * *

Идея семиозиса остается в достаточной мере не представленной в психологии. Между тем ее значение как психодинамического основания поведения, мотивообразующего фактора, истока устремлений имеет не меньшее значения, чем идея гештальта, вытесненных аффектов или каузальной атрибуции. Тенденция к знакообразованию несет в себе диктат достраивающей до целого синхронистичности, восполнения означающего означаемым и одновременно обратного движения, означения и означивания³². К примеру, игра детей, игровая деятельность. Существует много теорий детской игры, поясняя-

³² В этом, кстати, существенное отличие идеи знака от идеи причинности. Означаемое и означающее сосуществуют в знаке: они существуют «в одном времени», тут нет очередности, что — первое, что — второе, что — вначале, что — потом. Причинно-следственные отношения связывают события, различимые по времени: сначала — одно (причина), потом — другое (следствие).

ющей ее отличие от других видов деятельности. Но идея семиозиса как активной силы означения и означивания, поиска и разрушения назначения, осмысливания абсурдных несоответствий может быть реальным критерием выделения игры в особую деятельность. Самоценность построения новых знаков, прагматическое манипулирование знаками, стремление переозначать, превращая «всё во всё», словом, все проявления надситуативности в сфере знаковых метаморфоз — что как не это составляет суть игровой деятельности?

Но в этой тенденции подвергать всё осмыслению, например, усматривать символ границы там, где есть «просто черта», мы находим один повод задуматься над адекватностью постулата сообразности, напоминающего: «Всё имеет свой смысл» — будь то стыки меж плитами на тротуаре (как бы не задеть подошвой!), или, положим, линия горизонта (ведь так хочется наступить!). Постулат сообразности гарантирует возможность и даже обязательность во всем этом искать сокровенные «смыслы» (цель, мотив, «энтелехию»)...

Так что же нам делать? Как быть с тротуарными плитами? Наступать или переступить через них?

Или, быть может, отважиться не думать об этом?

«Читать знаки» — конечно, полезная вещь; но, вот, если она становится наваждением...

Рассмотрим еще одну группу феноменов — надситуативность в познавательной деятельности.

6. «Вторая задача»

При анализе различных видов познавательной активности, проявляющейся в учении, профессиональной деятельности, научном исследовании, обычно обращают внимание на особенности решения человеком мыслительных задач. При этом всегда как будто бы учитывается и оговаривается необходимость обращения к личности познающего. Однако каждый, кто внимательно ознакомится с литературой, неминуемо сделает вывод о том, что здесь все еще не изжита традиция рассуждать о важности обращения к личности субъекта познания, которая имеет чисто декларативный характер.

Между тем проблема обусловленности мышления активностью личности заслуживает специального теоретического рассмотрения.

Начнем с анализа условий, в которых задан предмет познавательной деятельности, и проанализируем его с содержательной стороны. В первом случае перед нами вопрос о том, в какой форме — «извне» (со стороны окружающей субъекта ситуации) или «изнутри» (со стороны самого субъекта) — задан предмет познавательной деятельности. Во втором случае — вопрос о специфическом отношении, которое реализуется человеком в ходе познавательной деятельности, а именно, о направленности субъекта на **внешний к нему объект** («объектная» ориентация или «0» — ориентация) или направленности субъекта на самого себя в процессе познания (субъектная ориентация «S» — ориентация).

Основываясь на выделении и разграничении отмеченных моментов, мы приходим к выделению четырех типов в широком смысле задач, решаемых личностью в процессе познания.

Первый тип задач определяется системой требований, предъявляемых человеку со стороны окружающих его людей и выражающих необходимость в ряде познавательных действий, цель которых — построение адекватного образа внешнего к субъекту объекта. Перед нами, таким образом, объектно-ориентированные, извне обусловленные задачи. Таковы традиционно описываемые «предметные» задачи — математические, физические и т. п. Само понятие «задача» сложилось на основе анализе подобного рода ситуаций, где цель познавательного действия оказывается как бы погруженной во внешний к субъекту объект, и ее возникновение обязано принятию субъектом заданных ему извне требований. Когда педагоги и психологи говорят о проблемных ситуациях, то чаще всего они имеют в виду именно этот класс ситуаций.

Второй тип задач характеризуется, в отличие от первого, субъектной ориентированностью познавательной деятельности при условии, что требования к выполнению этой деятельности возникают, главным образом, в сфере общения и задаются извне.

Не будет преувеличением сказать, что интроспективная психология, вся без исключения, строилась по принципу решения личностью именно этих задач, задаваемых извне и требующих от субъекта умения строить образ самого себя ситуации. Современная феноменологическая психология в этом смысле продолжает традиции интроспективной психологии (расширяя, однако, «задачное» поле субъекта). В психолого-педагогических эксперимен-

тальных работах, а также при психотерапии указанный круг задач (субъектно-ориентированных, не обусловленных) выступает в основном в виде заданий на определение самооценки людей.

Третий тип задач определяется тем, что субъект самостоятельно ставит перед собой познавательную цель, ориентированную на внешний к нему объект познания; это объектно-ориентированные субъективно-обусловленные задачи.

Теоретическое выделение этого круга задач является необходимым начальным этапом общей постановки проблемы активности личности в познавательной деятельности. Здесь отчетливо видна и жива связь с классическими исследованиями деятельности человека в проблемной ситуации. Уже при рассмотрении «ситуативного познавательного мотива» обнаруживается его несовпадение с ситуативно-заданной целью: побуждая к решению предъявленной человеку извне задачи, этот мотив — условие выдвижения новых целей, формулирования новых задач, лежащих в исходном проблемном поле.

Так, именно с «действием» ситуативного познавательного мотива могли бы быть связаны особенности деятельности ряда испытуемых, проявляющих «интеллектуальную активность» (термин Д. Б. Богоявленской) как инициативу в постановке проблем, выходящих за рамки исходной задачи. Подобное понимание соответствует, на наш взгляд, выдвинутому в рамках общепсихологической теории деятельности положению об иерархическом, многоуровневом строении системы установок субъекта как «стабилизаторов» деятельности и ее консервативных («инерционных») моментов.

Установки, связанные с заданной испытуемому целью деятельности, могут оказаться исчерпаны, в то же время установки, характеризующие мотив деятельности, сохраняют свою силу и проявляются в том, что субъект действует над порогом внешне заданных требований.

Задачи четвертого типа — это субъектно-ориентированные внутренне обусловленные задачи. Областью поиска решений в задачах такого рода выступает сам субъект; он же является инициативной стороной их постановки.

Существенно важные подходы к выделению данного круга задач мы находим в работах А. Н. Леонтьева. Анализируя в книге «Деятельность. Сознание. Личность» проблемы осознаваемости — неосознаваемости мотивов деятельности, А. Н. Леонтьев рассматривает процесс их осознания как особую задачу, решаемую

личностью. «Осознание мотивов, — пишет А. Н. Леонтьев, — есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности в постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития». Но возможности для постановки и решения этой задачи связаны с определенным уровнем развития личности; «для совсем маленьких детей, этой задачи просто не существует» (курсив наш. — *Авт.*).

В контексте анализа проблемы осознаваемости мотивов и метода изучения (раскрытия) подлинных мотивов деятельности субъекта, в отличие от ее мотивировок, А. Н. Леонтьев описывает подобные задачи как «задачи на личностный смысл».

Иллюстрируя свою мысль, А. Н. Леонтьев пишет: «День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный «эмоциональный осадок». На фоне забот дня этот осадок едва замечается, и когда в памяти человека всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственной ради которой, как ему думалось, он действовал и вот оказывается, что не вполне так, и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед задачей на «личностный смысл», но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как личность. Нужна особая работа, чтобы решить такую задачу»³³.

При решении этих задач предметом деятельности человека является он сам и условия, вызывающие к жизни эту деятельность; они как бы погружены в самого человека, скрыты от наблюдателя. Поэтому процессы постановки и разрешения данного типа задач могут быть охарактеризованы как «имплицитные», «внутренние», что и составляет их существенную черту. Латентность этих задач есть признак, характеризующий прежде всего их своеобразие с точки зрения внешнего наблюдения, например, экспериментатора, которому непосредственно не доступно знание внутренних познавательных усилий, затрачиваемых личностью при работе над

³³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 205—206.

этими задачами. Но, говоря об имплицитном характере этих задач, мы имеем в виду также и их первоначальную нераскрытость для самой личности.

Необходимость постановки этих задач образует момент определенного несоответствия или несовпадения осознаваемых и неосознаваемых мотивов осуществляемой деятельности. Актуально неосознаваемый мотив, как видно уже из приведенного примера, как бы утаивает от субъекта действительную направленность его действий, скрывает от человека подлинную «формулировку» задачи, которую он реально решал в деятельности.

Решение вопроса о том, что в действительности представляет собой выдвигаемая личностью и обращенная «на себя» задача, является каждый раз особой проблемой, которую решает как сама личность (в плане самопознания, рефлексии), так и психолог, строящий теоретическую модель деятельности субъекта.

Отмеченные здесь задачи на «личностный смысл» не исчерпывают всей области познавательных ситуаций, рассматриваемых нами при анализе субъектно-ориентированных внутренне-обусловленных задач. Ведь решение задач на «личностный смысл», отвечая на вопрос о том, чего я хочу, желаю, к чему я в действительности стремился или стремлюсь, направлено на воссоздание образа исходных мотивов деятельности и позволяет реконструировать уже сложившуюся, хотя и «зашифрованную» в форме тех или иных эмоциональных состояний **систему смыслов**, образующих наличное Я субъекта.

Новый вид и новые подвиды задач, лежащие в том же поле проблем и последовательно вычлениваемые нами в ходе анализа, выявляются при непосредственном обращении к фактам движения деятельности, в которых запечатлен выход субъекта за пределы исходной ситуации деятельности и, следовательно, за рамки наличного Я субъекта.

Мы имеем в виду задачи, направленные на построение адекватного образа потенциального Я. Ставя перед собой и решая эти задачи, человек как бы отвечает на вопрос: «Что во мне есть из того, что я в себе еще не выявил, не успел или не смог открыть?», «К чему я реально способен, что я могу?» и т. п.

Здесь мы отметим «экзистенциальные» задачи и задачи на определение уровня своих возможностей.

Решая «экзистенциальную» («жизненную») задачу, субъект определяет и особым образом осваивает качества, характеризующие его

потенциально и ассоциируемые им с его «подлинным» («не отчуждаемым») бытием. Совершая поступок, он получает возможность самоопределения — ответа на вопросы «Что я есть в действительности?», «Свободен ли я?», «Готов ли к тому-то» и т. п. Ответ на эти вопросы невозможен вне акта деятельности, вне конкретного поступка, имеющего социальный смысл. Рассмотрение одной из таких задач было уже предпринято нами в связи с поиском объяснения феномена «надситуативного риска»: активность субъекта интерпретировалась как попытка преодоления субъектом его «природных» границ и реализация его «родовой» (общественной) сущности.

Нет необходимости специально подчеркивать, что решение «экзистенциальных» задач является существенно важным аспектом развития личности. Это задачи на определение уровня своих предметно-практических, функциональных, познавательных и др. видов возможностей. Понятие «предметно-практические возможности» означает сферу возможностей личности в процессе практической, прежде всего трудовой деятельности. Понятие о «функциональных возможностях», в определенной мере соответствующее понятию «функциональная тенденция»³⁴, раскрыто в работах В. С. Асеева³⁵. Понятие «познавательные возможности», представляющие специальный интерес в связи с анализом творческой познавательной активности выделяется в работах А. М. Матюшкина³⁶ при анализе проблемных ситуаций. Помимо названных, могут быть эстетические, коммуникативные и другие возможности. Обобщенно мы можем говорить о деятельности.

Возможности в таком случае выступают как источник его активности, т. е. как обладающие силой побуждения к действию. Мы приходим к необходимости специального выделения этой разновидности задач прежде всего в связи с необходимостью описания конкретных механизмов развития деятельности, ее самодвижения. Кроме того, именно на основе обращения к задачам подобного рода, мы рассчитываем приблизиться к понятию глубинных основ познавательной деятельности личности.

Условием самодвижения деятельности, как мы только что отметили, выступает накапливание потенциальных возможностей осу-

³⁴ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.

³⁵ Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.

³⁶ Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 2008.

шествления деятельности. На определенном этапе они перерастают уровень требований, первоначально предъявляемых к деятельности «извне» — со стороны внешней ситуации, и «изнутри» — со стороны исходных внутренних побуждений субъекта. Избыток потенциальных возможностей образует предпосылку и динамическое условие расширенного воспроизводства деятельности. Каким образом, посредством каких психологических механизмов осуществляется реализация накопленных возможностей, ведущая к надситуативному поведению?

Складывающиеся в деятельности потенциальные возможности динамичны, изменчивы; подвижна и изменчива граница между тем, что объективно доступно субъекту в деятельности, и тем, что в данный момент недоступно ему. Подвижность этой границы ставит субъекта в ситуацию неопределенности при оценке собственных возможностей, порождая в сознании конфликт между переживаниями «могу» и «не могу» и специальную задачу его разрешения. Потенциальные возможности при этом выступают в сознании в «неопределенно-чувственной» форме. Осознание этих возможностей, придание им «определенно-чувственной» формы и тем самым как бы «вписывание» их во внутренне достоверный образ себя есть прежде всего внутренний диалог, который и позволяет различать в плане самосознания реальное, истинное и мнимое, неподлинное Я.

Однако этот диалог оказывается неконструктивным, когда в нем не содержится выхода за его собственные рамки, когда субъект замыкается в своем внутреннем диалоге. Действительное разрешение проблемы и внутреннего конфликта «могу — не могу» требует выхода в область предметно-практической деятельности и реального человеческого общения.

Эти процессы, разрешающие порождаемую самой деятельностью субъекта внутреннюю задачу «могу — не могу», мы описываем как деятельность самооценивания личности. Анализ показывает, что самооценивание как особая форма деятельности отличается от традиционно изучаемого в психологии явления самооценки.

Как уже было отмечено, в экспериментальных исследованиях явление самооценки выступало в условиях предъявляемого испытуемому извне задания и не рассматривалось как разрешение «внутренне — обусловленной» субъектом задачи. Однако в данном случае для нас существенно иное. Самооценка рассматривается обычно как процессуально и результативно оформленный

акт, совершающийся непосредственно в самосознании субъекта и направленный на адекватное отражение наличных возможностей субъекта. При этом исследователи отвлекаются от тех проявлений деятельности самооценивания, цель которых — оценка потенциальных, для самого субъекта неопределенных возможностей, требующая «размыкания» круга сознания и выхода в область предметно-практической деятельности. Но именно эта, строящаяся на основе знания результатов собственной деятельности, иначе говоря, деятельностно-опосредованная, самооценка и выступает в виде конкретного решения задачи «могу — не могу».

Данный круг задач, в особенности задачи на выявление уровня потенциальных возможностей, привлекает наше внимание в связи с изучением природы познавательной активности личности, и поэтому в дальнейшем мы подробнее остановимся на характеристике этих задач.

Итог предпринятого нами анализа приведен ниже. Типы выделенных ситуаций отвечают преимущественной направленности теоретических, экспериментальных исследований, которые резюмированы в таблице.

Показатель	О-ориентированность	S- ориентированность
Внешняя (O) обусловленность	Исследования «проблемных ситуаций» предметных задач	Традиционные интроспективные исследования самооценки
Внутренняя (S) обусловленность	Исследования феноменов «постановки проблем» различных типов инициации познавательной активности	Выделение задач на личностный смысл, «экзистенциальных задач», «задач на определение уровня возможностей»

Приводя эту таблицу, специально отметим, что данные конкретных исследований, полученные при изучении тех или иных вышеописанных вариантов познавательных ситуаций, могут выступать продуктивной основой анализа «представителей» других типов познавательной ситуации. Так, общие характеристики «проблемных ситуаций» приложимы не только к рассмотрению «извне обусловленных» задач, но и к задачам «внутренне обусловленным», которые постоянно ставятся и решаются личностью в ее повседневной жизни; «опыты» самооценки возникают и по собственному почину, без всякого принуждения извне (в то время как в психологическом эксперименте мы ставим перед личностью эту задачу) и т. д.

Дело здесь не только и не столько в том, что рассматриваемые познавательные ситуации, сохраняя свою специфичность, сближаются по некоторым формальным признакам. Основное, что объединяет эти познавательные ситуации между собой и позволяет интерпретировать их в едином ключе, это внутренние, содержательные связи между ними: генетическая преемственность, функциональная связь, взаимная опосредованность и т. п. Здесь мы поставим вопрос о связи и взаимопроникновении О-ориентаций и S-ориентаций в познавательной деятельности личности.

Привычно думать, что, ставя перед человеком ту или иную задачу и стимулируя его интерес к ней, мы вправе ожидать определенного соответствия между содержанием выполняемой им познавательной деятельности и исходными требованиями этой задачи; что при этом, чем больше выражен познавательный интерес к задаче, тем выше должно быть соответствие между всеми характеристиками данной деятельности и совокупностью требований задачи, тем в большей мере из деятельности будут исключены такие моменты, которые бы явились избыточными по отношению к принятым требованиям и условиям задачи. По этому поводу можно поспорить. Мы придерживаемся противоположного взгляда и утверждаем, что чем насыщеннее деятельность познавательным мотивом, тем выраженнее в деятельности присутствие моментов, прямо не вытекающих из исходной задачи, хотя, возможно, и связанных с нею. При таком взгляде вычлененные нами выше примеры познавательных ситуаций («задач») образуют как бы проекции некоей «генеральной» задачи, объективно решаемой субъектом. Чем больше деятельность насыщена познавательным мотивом, тем выраженнее представленность в деятельности разных задач.

Почему мы ищем новое? Что заставляет нас ставить перед собой задачу и настойчиво искать решение? Что для нас создает внутреннюю необходимость («мотивированность») поиска? В основе большинства существующих в психологии попыток ответа на эти вопросы лежит принцип «субъект-объектного» истолкования типа познавательной ситуации, т. е. рассмотрения познавательной деятельности как ориентированной исключительно на внешний объект и ведущей к построению адекватного его образа. При таком взгляде в качестве источника познавательной активности чаще всего указывается напряжение, вызванное познавательным барьером

на пути построения образа объекта. Активность в процессе поиска решения выглядит как редукция (ослабление) этого напряжения.

Подобная схема объяснения при всей ее, казалось бы, очевидности и бесспорности выявляет свою несостоятельность при столкновении с некоторыми фактами, вытекающими из рассмотрения особенностей познавательной деятельности личности.

Тенденция к автономии при решении задач. Нетрудно представить себе ситуацию, в которой человеку в течение длительного времени решает достаточно трудную для него задачу и не может найти ее решения. Наблюдается своеобразная психологическая прикованность к условиям этой задачи, когда человек неотступно думает о ней и не в силах прекратить попытки ее решения. Его деятельность давно уже лишена радости поиска и часто приобретает для него мучительный характер. Поставим теперь такой мысленный эксперимент: попробуем предложить человеку готовое решение этой задачи или подсказку, обеспечивающую достижимость решения. Естественно предположить, что далеко не всякий захочет воспользоваться подсказкой. Многие откажутся от этой возможности и продолжат поиск решения. Именно у тех, кто продолжил поиск можно предположить наличие собственно познавательного мотива. Вместе с тем этот мотив, как явствует из условий испытания, не может быть истолкован как побуждение к ослаблению познавательного напряжения.

Возгонка трудности задачи и поиск необычных решений. Один из примеров поиска нестандартных решений: девочка старшего возраста в присутствии младшей отказывается от простого пути решения, хотя такое действие может легко обеспечить ей достижение цели-награды (слишком легко!). Этот пример оживляет в памяти другую подобную же ситуацию, где отчетливо видно, как подросток намеренно повышает уровень трудности задачи, хотя к тому его никто и ничто не обязывает. Имеется в виду так ярко описанная Марком Твенем феерическая акция «освобождения» негра Джима из неволи фантазером и романтиком Томом Сойером. Том: «А, ей-богу, все это до того легко и просто, что даже противно делается! Потому и трудно придумать какой-нибудь план потруднее. Даже сторожа нет, поить дурманом — а ведь сторож обязательно должен быть! Даже собаки нет, чтобы дать ей сонного зелья. Цепь у Джима длиной в десять футов, только на одной ноге и надета на ножку кровати; всего и дела, что приподнять эту ножку да снять! цепь. А дядя Сайлас всякому верит: отдал ключ какому-то!

безмозглому негру, и никто за этим негром не следит. Джим и раньше мог бы вылезти в окошко, только с десятифутовой цепью далеко не уйдешь. Просто досадно, Гек, ведь глупее ничего быть не может! Самому приходится выдумывать все трудности. Что ж, ничего не поделаешь! Придется как-нибудь выкручиваться с тем, что есть под руками! Во всяком случае, один плюс тут есть: для нас больше чести выручать его из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для нас не приготовил, и мы сами должны все придумывать из головы, хоть это вовсе не наша обязанность... Первым долгом надо разыскать что-нибудь такое, из чего можно сделать пилу». Гек: «А для чего нам пила?» Том: «Ведь нужно отпилить ножку кровати, чтобы снять с нее цепь!» Гек: «Да ведь ты сам сказал, что цепь и так снимается, надо только приподнять ножку». Том: «Вот это так на тебя похоже, Гек Финн! Непременно выберешь самый что ни на есть детский способ»³⁷.

Готовность к пересмотру собственных решений. В большом числе случаев нам приходится менять свои представления об объекте познания под влиянием внешней необходимости (новая информация, опровергающая ту, которой мы располагали раньше; замеченное противоречие в рассуждениях, вытекающих, казалось бы, из бесспорных посылок; отмечаемая другими людьми неэффективность выдвинутых предположений, в которых реализуется то или иное знание об объекте и т. п.). Однако о пересмотре собственных решений можно говорить, имея в виду случаи и другого рода, когда готовность к этому может быть особой формой выражения познавательной активности людей, выявляющих свой действительный интерес к объекту познания. В этих случаях преобразование человеком собственных взглядов не вытекает из требований «момента» или очевидной ошибочности имеющихся представлений. Речь идет о том, что человек преобразует свои взгляды без принуждения извне, руководствуясь) внутренним побуждением к достижению наиболее полного и истинного знания об объекте.

Проведем следующий эксперимент. Испытуемому предлагают пройти в кинозал, где его ждет необычный «киносеанс». Вместо нового художественного фильма ему показывают только один небольшой фрагмент. Требуется, проявив фантазию, построить рассказ о проис-

ходящем, вникнуть в суть ситуации, психологию героев, словом, дать интерпретацию того, что увидишь. Кадр или отрывок из фильма экспериментатор конструирует таким образом, чтобы могла «разыграться» фантазия испытуемого, чтобы происходящее было интересно, быть может, даже необычно, и главное, чтобы провоцировались бы стереотипные решения, предоставляя возможность «извлечь» множество различных сюжетов из увиденного. Далее, в точности так же, как и при проективных исследованиях личности, испытуемым предлагают рассказать, что здесь происходило раньше (как возникла эта ситуация) и что произойдет потом (чем все это кончится). Наконец, — и в этом уже отличие от проективных тестов, — испытуемым разрешено убедиться в правильности своих предположений, посмотрев предшествующий и последующий фрагменты этого «фильма». Как можно видеть, слово «фильм» взято в кавычки. Это объясняется тем, что подобного «фильма» как единого законченного художественного, целого не существует, а показанный эпизод имеет множество «начал и множество «продолжений» (о чем, конечно, испытуемый не знает). Большинство испытуемых может захотеть удостовериться в том, что сюжет угадан правильно, и, кроме того, если происходящее на экране их увлечет, то желание увидеть весь фильм будет вполне естественно. Поэтому экспериментатор вводит дополнительное условие: если предыдущий или (и) последующий фрагменты не совпадают по смыслу с теми, которые ожидал увидеть испытуемый, то придется переделывать всю построенную прежде интерпретацию ситуации. Раньше, чем испытуемый согласится или откажется сопоставить свой рассказ с действительными событиями фильма, ему предлагают сразу посмотреть весь фильм, и тогда ему уже не придется ничего «угадывать». В этих условиях испытуемый стоит перед альтернативой: либо отказаться от уточнений (выходящих за пределы решения исходной задачи), посмотрев при этом интересный фильм, либо подвергнуть свои решения сомнению, продолжив самостоятельный поиск истины. Если испытуемый отказывается от сопоставления своего сочинения с реальным «текстом» картины, то его благодарят за участие в эксперименте, и, объяснив смысл исследования, отпускают. Если же испытуемый соглашается сделать «шаг назад», т. е. посмотреть предшествующий фрагмент фильма и — «шаг вперед», посмотрев последующий фрагмент, то экспериментатор предлагает ему такие варианты «начал» и «продолжений», которые резко отличаются от предложенных самим испытуемым. Теперь участ-

³⁷ Твен М. Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна; Принц и нищий: Повести. М., 1978. С. 426.

нику эксперимента надлежит выполнить свой долг — повторить заново интерпретацию всей ситуации в целом, и в частности, сказать, как она возникла и что произойдет потом. Тогда экспериментатор вновь предлагает посмотреть, как обстоит дело в действительности, т. е., что было и что еще будет в «фильме», но при этом напоминает испытуемому, что тому придется вновь все переделывать, если окажется, что в фильме все «не так» и т. д. Согласится ли испытуемый проверить истинность своих решений или он будет довольствоваться выполнением только поставленной задачи, требующей от него лишь проявления фантазии (которая необязательно должна соответствовать «сюжету»?). Согласится ли он принимать «вызов» неопределенности, подставляя под удар собственные построения во имя достоверного знания о происходящем, или быстро успокоится на достигнутом? В каких пределах будет проявляться упорство испытуемого в его стремлении «докопаться» до истины, — ведь за любопытство придется платить?.. Здесь, правда, могут возразить: может быть, просто интерес к фильму как таковому, а не испытание своих предположений «на прочность» побуждает испытуемых к продолжению поиска? Предусматривая эту возможность перед каждым очередным выбором, как было сказано, испытуемому предлагается посмотреть *сразу* весь фильм. Отказ от подобной возможности и готовность продолжить работу будет свидетельствовать о надситуативной тенденции испытуемых к пересмотру собственных решений. В данном случае, при описании готовности личности к пересмотру своих собственных решений в пользу наиболее истинных, мы сталкиваемся с особым проявлением «открытости», когда личность не просто ассимилирует новую информацию об объекте, а сама активно открывает себя опыту и для этого готова поступиться своими собственными представлениями и взглядами. И это — волевой шаг, способность осуществить который свидетельствует об определенном уровне развития познавательной активности и может служить одним из индикаторов активности личности в познавательной деятельности.

Презумпция существования решения. Реальная деятельность человека (познавательная, творческая) обычно протекает в условиях неопределенности относительно возможных исходов этой деятельности. Неопределенность исхода решения тех или иных научно-исследовательских творческих задач определяется как субъективными, так и объективными причинами. Среди послед-

них немаловажную роль играет то обстоятельство, что далеко не всегда задача, возникшая в процессе познания, обладает реальным решением. Хрестоматийным примером могли бы послужить поиски доказательства V постулата Эвклида, которые увенчались отказом от первоначальной формулировки проблемы и созданием неевклидовых геометрий (геометрии Бойаи — Лобачевского и геометрии Римана). Острые науки образуют не только так называемые «открытые» вопросы, т. е. на сегодняшний день нерешенные, но и вопросы, относительно которых не только неизвестен ответ, но и неизвестно, существует ли он в принципе. Поэтому, если иметь в виду не учебные задачи, ответ на которые существует и известен и кому-то известен, а широкий класс проблем, поднимаемых в практике научных исследований, то следует допустить существование особого отношения людей к таким проблемам, перспективам их решения. Анализ этого специфического отношения дает нам новый признак познавательной активности, который мы назовем «презумпцией существования решений». Латинский термин «презумпция», употребляемый главным, образом, в юридической практике, означает признание логически вероятного факта за юридически достоверный пока не доказано противное; он же имеет и более широкое значение, а именно вообще предположение верности или действительности чего-либо без положительного доказательства.

Применительно к обсуждаемой проблеме мы говорим о презумпции существования решения, подразумевая под этим, что в условиях неопределенности относительно возможности конкретного (положительного или отрицательного) ответа на поставленный вопрос или возможности достижения того или иного решения стоящей задачи человек исходит из гипотезы о существовании решения. Другими словами, личность принимает гипотезу об истинности одной из возможных гипотез, касающихся сущности изучаемого объекта, и до тех пор не отказывается от проведения исследований в подтверждение принятой гипотезы, пока не исчерпаны все субъективно возможные и достоверные аргументы в пользу гипотезы. Эта деятельность требует от человека определенных волевых качеств: твердости, настойчивости и последовательности в осуществлении принятой цели.

В самом деле, положим, что мне неизвестно, есть у этой задачи решение или нет. На этот вопрос я не могу ответить до тех пор, пока не начну работать. Мне необходимо решить, стоит ли присту-

пять к этой задаче или, быть может, лучше перейти к рассмотрению другой задачи, которая, как мне известно, имеет решение.

Возможно, я откажусь от решения задачи с неопределенным исходом; возможно, я сочту для себя более разумным лучше применить свои силы. Но если я все-таки намерен «решать» и выбрал для себя направление поиска, то я уже не должен терять веру в саму возможность решения, не волен под грузом первых трудностей менять направленность поиска; иначе говоря, я должен поступать так, как если бы мне было достоверно известно, что задача имеет решение и на избранном мною пути меня ожидает успех.

Из сказанного ясно, что и сам по себе факт предпочтения задач с неопределенным исходом, и проявляемая личностью настойчивость в реализации стратегии решения этих задач составляют предпосылку расширения сферы как индивидуального, так и общественного сознания. Презумпция существования решения выступает в качестве специфического признака познавательной активности личности.

Итак, гипотетически мы выделяем некоторые новые проявления активности личности в познавательной деятельности — «тенденцию к автономии при решении задач», «готовность к пересмотру собственных решений», «презумпцию существования решения».

Что же лежит в основе отмеченных познавательных проявлений?

Гипотеза, выдвигаемая здесь, состоит в том, что «субъект-объектная» ориентация (построение адекватного образа предмета) при разрешении проблемных ситуаций, мыслительных задач и т. п. образует лишь один из аспектов познавательной деятельности. Другой аспект — «субъект-субъектная» ориентация как направленность личности на выявление, проверку и реализацию своих познавательных возможностей (построение адекватного образа самого себя — «образа Я»). Иначе говоря, в условиях решения личностью мыслительных задач возникает особая — личностная — задача. Возникновение этой второй задачи является специфическим выражением присутствия в деятельности познавательного мотива. Вторая задача создает дополнительное побуждение к осуществлению деятельности и придает ей характер личностной значимости, делает ее внутренне мотивированной. В том случае, если нет рождающейся в деятельности второй задачи, на наш взгляд, нет и собственно познавательного мотива. Эта вторая сторона деятельности, не всегда осознаваемая самим человеком, составляет задачу самопознания, самовыражения, самооценки.

«Решение» второй задачи не является целью или подцелью решаемой мыслительной задачи. Они лежат как бы в разных измерениях: первая — в субъект-объектном, вторая — в субъект-субъектном. И тем не менее, как можно предположить, они связаны. Не случайно процесс решения первой задачи вызывает к жизни вторую задачу. И, наоборот, появление второй, личностно ориентированной задачи, влечет за собой постановку новых, не требуемых ситуацией, мыслительных задач.

Мы можем предположить также, что *условия постановки и решения первой и второй задач не совпадают*. Так, уверенность в том, что я без труда справлюсь с предложенной мне задачей, может возникнуть задолго до того, как я фактически решу эту задачу или сумею представить себе конкретные пути ее решения. В этих условиях — условиях решенности «личностной» задачи — к мыслительной задаче утрачивается интерес, и она превращается для человека в рутинную задачу. Наоборот, мыслительная задача может быть успешно разрешена, в то время как возникшая на ее основе внутренняя личностная задача еще далека от решения. Именно в таких случаях проявляется познавательная активность личности. В итоге предпринятого ранее обсуждения проблемы активности мы пришли к выводу, что собственно активность, в отличие от других характеристик субъекта, выступает в актах выхода субъекта за рамки ситуативно-заданной деятельности, в частности — в осуществлении неадаптивных действий над порогом ситуативной необходимости. Это положение было первоначально обосновано на примере анализа явления «бескорыстного» риска. Теперь надлежит рассмотреть некоторые из возможных проявлений надситуативной активности на материале анализа познавательной деятельности.

Удастся ли выделить соответствующие формы активности в познавательной деятельности и в чем они будут состоять? Этот вопрос определяет собой первую ступень решения указанной исследовательской задачи.

В специальных экспериментах³⁸ были затронуты некоторые из предположительно выделенных форм познавательной активности,

³⁸ Петровский В. А., Шарага Я. А. Построение проективной методики исследования динамики мотивации самопознания при решении интеллектуальных задач. Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научно-практической конференции в г. Новосибирске. Новосибирск, 1985. С. 45—46.

а именно: тенденция к автономии при решении задач и обусловленность познавательной деятельности презумпцией существования решения. Испытуемым — школьникам старших классов (всего в эксперименте было занято 70 человек) — предъявлялись группы пословиц русского языка. Нужно было найти общее основание, критерий, по которому пословицы могли бы быть объединены в эти группы.

Приведем, в качестве примера, некоторые из групп пословиц, чтобы читатель составил представление о мере интересности и трудности этой задачи для школьников. Итак, перед нами пословицы, извлеченные из книги Владимира Даля «Пословицы русского народа», основание классификации которых должно быть установлено.

Одна из групп пословиц:

«Аленький цветочек бросается в глаза».

«Плохо лежит — брюхо болит».

«Всяк уста, где вода чиста».

«Мимо пройти — дураком назовут».

«Видит волк козу — забыл и грозу».

«Худые прятки портят и доброго человека».

«Да, дело это нехорошее... А дай-ка попробуем!»

Другая группа:

«Глаза даны на пагубу человеку».

«Глаза — ямы, руки — грабли».

«У кого нет голоса, тот и петь охоч»,

«Люди живут, как ал цвет цветет, а наша голова вянет, как трава».

«Там хорошо, где нас нет».

«Звонки бубны за горами, а к нам придут, как лукошки».

«У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут».

Если читателю определение оснований образования этих групп и не доставило особых хлопот, то школьникам приходится хорошо потрудиться, прежде чем они догадаются, что в первом случае пословицы, объединены критерием «искушение», «соблазн», а во втором случае — критерием «зависть» (таковы основания группировки, указанные самим Далем). Подчеркивая, что задача достаточно трудна, экспериментатор разрешает испытуемым свободно пользоваться подсказкой; в качестве подсказки выступают пословицы из того же ряда, только более очевидным образом связанные с конечным решением. Создаются, как видим, условия для изучения тенденции испытуемых к автономии при решении задач. Каков процент испытуемых, отка-

зывающихся принимать подсказку, и чем определяется тенденция отклонения помощи? Ниже рассмотрим соответствующие данные.

Во второй серии эксперимента испытуемым предъявляются наборы пословиц, об одном из которых заранее известно, что он содержит единое основание для их классификации. Относительно другого набора подобной информацией испытуемые не располагают. Предлагается сделать выбор, с какой из двух групп испытуемый хотел бы иметь дело; регистрируется время, затрачиваемое на поиск нужного основания классификации (в группе пословиц с «неопределенным» решением последнее в действительности имеется, но его очень трудно найти; проще решить, что его вовсе не существует). Таким образом, создаются условия для изучения возможных фактов презумпции существования решения.

Количественные данные по обеим сериям экспериментов следующие. Отказываются принимать подсказку 78% испытуемых (соглашаются 22%). Обнаруживают потребность искать решение в ситуации с неопределенным исходом 80% (противоположную ориентацию, соответственно, 20%). Нельзя не обратить внимание на высокое сходство полученных количественных показателей, что, как тут же и выясняется, обусловлено высоким совпадением числа случаев, когда испытуемый, проявляющий автономию при решении задачи, обнаруживает также и готовность решать задачу с неопределенным исходом, и наоборот, когда презумпция существования решения в деятельности испытуемого согласуется с его же желанием не принимать подсказку.

Однако остается все же известный процент испытуемых (и не малый — около 20%), которые проявляют противоположную ориентацию в познавательной деятельности. Что представляет собой соответствующий личностный «коррелят», объясняющий как наличие, так и отсутствие подобных проявлений познавательной активности? Вернемся к предположению о «второй задаче».

Проверка гипотезы о возникновении и действенности второй, внутренней, задачи, в которой проявляется познавательная направленность индивида на самого себя в ходе решения первой, внешней, задачи, составляет другую ступень экспериментального анализа феноменологии познавательной активности.

Была разработана специальная проективная методика исследования, заключающаяся в следующем. Первоначально группа экс-

пертов (100 человек) оценивает 30 фотографий-портретов взрослых людей с точки зрения направленности мысли изображенных на фотографии людей. Оценка осуществлялась по ряду оснований, которые далее обобщались в одно: «Думает ли человек, изображенный на фотографии, в данный момент о себе или же он думает о чем-то другом». Фотографии оценивались по девятибалльной шкале (максимальная оценка — 9 баллов — означала воспринимаемую сосредоточенность человека на самом себе, оценка 1 балл — минимальную направленность на себя).

Для второй, основной, серии — собственно экспериментальной — из 30 предложенных фотографий было отобрано 3 фотографии, удовлетворяющие следующим двум условиям: 1) наличие высокой корреляции между ними по указанному основанию; 2) оценивание фотографий подавляющим большинством экспертов средними баллами (т. е. эксперты не относили людей, изображенных на фотографиях, ни к явно сосредоточенным на себе, ни к сосредоточенным на чем-то ином). Именно эти фотографии в силу их «нейтральности», неопределенности могли выявить скрытые тенденции испытуемых.

Далее в эксперименте основной группе испытуемых предлагалось последовательно оценить 3 отобранные фотографии также по девятибалльной шкале. Первая фотография оценивалась ими до осуществления познавательной деятельности, т. е. до начала работы над интеллектуальной задачей. Вторую из трех фотографий испытуемому предъявляли после первых неуспешных попыток решения (задание было трудновыполнимым и заключало в себе неоднозначность возможных решений. Третья фотография предлагалась тогда, когда испытуемый накопил опыт неудач, но все же еще напряженно продолжал поиск решения. Порядок предъявления фотографий чередовался.

В итоге были получены следующие результаты. По мере погружения испытуемых в процесс решения задачи, изменяется восприятие и оценка изображенных на фотографиях людей, а именно: при предъявлении второй и третьей (по порядку) фотографий наблюдалась тенденция завышения оценок (приближение к 8 баллам), т. е. люди, изображенные на фотографии, оценивались как явно думающие о себе, сосредоточенные на своем внутреннем мире.

При предъявлении последней, третьей, фотографии наблюдался еще более заметный сдвиг в указанном направлении; человек

на фотографии оценивался максимальными баллами по шкале направленности на свое «Я». Этот факт может быть интерпретирован как появление и усиление активности самооценивания в процессе решения личностью интеллектуальной задачи. Проведение контрольной серии, в которой фотографии «прорезали» решение испытуемыми сложной, но достаточно скучной и однообразной работы (выполнение сложных подсчетов, требующих преобразования дробей), не дало характерной картины усиления познавательной самоориентации.

Именно те испытуемые, в познавательной деятельности которых выявлялась данная тенденция, в экспериментах с пословицами обнаруживали самостоятельность, отказываясь от подсказки, а также, как правило, готовность осуществлять настойчивый поиск решений, которых, как им хорошо было известно, могло и не быть вовсе. Наоборот — испытуемые, в познавательной деятельности которых не выявлялась активность самооценки, как правило, были более пассивными при выполнении задания с пословицами: не отклоняли подсказок, выбирали только те задания, которые имеют решения, а выбрав задание с неопределенным решением, быстро отказывались продолжать поиск. Итак, приоткрывается взаимосвязь между проявлениями активности в познавательной деятельности при решении поставленных перед испытуемыми задач и возникновением внутренней задачи, «решением» которой является построение индивидуумом образа своего Я.

Какие же внутренние задачи личность решает в процессе осуществления деятельности, в основе которой лежит познавательный мотив? Старые заповеди — «познай самого себя», «человек есть мера всех вещей», — служат самым общим ответом на поставленный вопрос. Суть этих задач состоит в том, что в процессе их решения человек строит или перестраивает образ самого себя, реализуя деятельность *самопознания, самоопределения*, т. е. некую *самоустремленную деятельность*.

Проанализируем теперь психологическое строение субъектно-ориентированных задач. Целью их решения, как уже говорилось, является построение адекватного образа своего Я, образа себя в ситуации.

В то время, как требования, реализуемые в ходе решения обычных мыслительных задач, касаются лишь достигаемого предметно-

го результата, искомого знания, здесь необходимо выделить новую плоскость требований, предъявляемых индивидом к самому себе в процессе решения мыслительной задачи. Эти требования могут рассматриваться как объединяющие в себе два «вектора», один из которых характеризует желаемую связь между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя, а второй «вектор» — связь между начальным и формируемым образом своего Я. Следовательно, существует два возможных основания конкретного анализа внутренних задач.

Вначале опишем некоторые разновидности внутренних задач, определяющихся особенностями первого из двух названных оснований анализа — требованиями, выражающими нужное соотношение между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя. Здесь решение внутренней задачи служит соотносению представлений о себе с возможностью решения данной предметной задачи. Успех в решении задачи есть момент самоопределения. В зависимости от того, какие требования к себе предъявляет личность (какую конкретную цель преследует, на что в конечном счете рассчитывает и т. п.), мы выделяем следующие три ступени самоопределения в рамках осуществления данной познавательной деятельности.

Первая ступень самоопределения — это оценка своих ситуативных возможностей. Решая стоящую перед ним предметную (например, учебную) задачу, человек отвечает для себя на такие вопросы: готов ли он к тому, чтобы действовать в направлении поставленной цели, доступно ли ему решение стоящей перед ним задачи и т. п. Приобретаемая при этом оценка своих возможностей («Я могу или не могу сделать что-то») не обязательно выступает для него как личностно значимая. Иными словами, оценка своих ситуативных возможностей может иметь для личности характер проходящий, случайный.

Вторая ступень самоопределения — это оценка себя как носителя определенных познавательных, возможностей. Здесь предметом оценки выступают уже не сами по себе познавательные возможности субъекта, а он сам в качестве обладателя этих возможностей. Субъект как бы стремится прийти к решению: «Я есть тот, кто... (способен, может и т. п.). Здесь деятельность самооценивания отмечена чертой отчетливой личностной значимости. Как решенность, так и нерешенность задачи выступают в качестве важного признака в плане оценки собственной личности.

Наконец, третья, выделяемая ступень — это оценка своих атрибутивных (глубинных, сущностных) возможностей, самоопределение личности в собственном смысле этого слова. Применительно к нашему случаю это положение следует трактовать следующим образом. Личность, решающая какую-либо задачу, переживает возможность (невозможность) ее решения, как существенную неотъемлемую характеристику своего Я. Это такой особый пример отношения личности к своей деятельности, когда о своих существенных особенностях человек заключает, исходя из оценки своих познавательных, творческих возможностях при решении стоящей перед ним проблемы. Возможности ее решения представляются человеку «эквивалентом» его Я. «Весь Я в своих творениях» — так говорил о себе Лев Толстой.

Укажем теперь некоторые разновидности задач, обусловленные особенностями второго из двух выделенных оснований анализа — требованиями к установлению удовлетворяющего индивида соотношения между наличным и искомым образами себя.

Конституирующим признаком познавательной деятельности и, в частности, рассматриваемого личностного аспекта является, как мы полагаем, ее направленность на формирование, расширенное воспроизводство и преобразование исходного образа ситуации. С отмеченными моментами мы связываем специфику таких внутренних задач, как задачи, решаемые субъектом в плане *самопроявления, самореализации и внутреннего самоутверждения*. Эти задачи различаются как по характеру начальных «условий», так и по роду «требований», предъявляемых личностью к себе.

В задачах, заключающих в себе момент *самопроявления*, имеющийся у субъекта исходный образ себя, относящийся к начальным условиям задачи, объединяет в себе два ряда переживаний: «*определенно-чувственные*», составляющие с точки зрения субъекта, как бы органическую часть его Я (с легкостью идентифицируемые и составляющие устойчивое ядро его личности), и «*неопределенно-чувственные*» (сомнения, предчувствия, ожидания, надежды и т. п.), осознание и идентификация которых невозможны лишь в рамках рефлексивных процессов, а требуют выхода в область предметно — практических действий и общения. Поясним, что выделяемые «определенно-чувственные» переживания отчасти соответствуют тем психологическим феноменам, которые традиционно относятся к «сознательному» или так называемому «пред-

сознательному», а «неопределенно-чувственные» переживания — к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом. Обращаясь к понятиям практической деятельности и реального общения, мы пытаемся ввести критерий разграничения «определенно-чувственного» — как переживаний, остающихся тождественными при их осознании, и «неопределенно-чувственного» — как переживаний, «смещающихся», «ускользающих» в процессах их непосредственного осознания и требующих для своей фиксации выхода за рамки самосознания субъекта.

Требования, принимаемые личностью при решении задачи самопроявления, заключаются в стремлении как бы избавиться от «неопределенно-чувственных» элементов путем «перевода» их в область «определенно-чувственного».

Акты объектно-ориентированной познавательной деятельности могут интерпретироваться при этом как механизм реализации процессов самопроявления.

Очевидно, что решение рассматриваемой задачи есть процесс *формирования* образа Я. В качестве «материала» построения этого образа могут быть указаны исходные «неопределенно-чувственные» элементы переживаний, а его «формы» — особенности результативной стороны познавательной деятельности.

Итак, говоря о «самопроявлении» как особой личностной задаче, мы подчеркиваем, что эта задача оформления образа Я, обогащения его конкретностью. Но мы не хотим сказать этим, что при разрешении этой задачи происходит — в терминах Р. Мейли — «расширение территории Я». Наоборот, отличительным признаком этих задач является то, что субъект придерживается рамок исходного чувственного Я.

В решении задач *самореализации* человек исходит из уже достигнутого сложившегося представления о себе и о своих возможностях. Однако, реализуя в деятельности рождающиеся в ней самой избыточные потенциальные возможности, он постоянно выходит за рамки исходных представлений о себе, осуществляя расширенное воспроизводство образа Я.

Задачи *самоутверждения* личности представляют собой весьма сложный для анализа случай. Здесь следует различать два варианта.

Первый из них это, так сказать, внешнее самоутверждение, когда человек стремится к тому, чтобы окружающие оценили его по достоинству, иначе говоря, чтобы в их глазах был построен должный

образ его способностей. Внешнее самоутверждение не является задачей самопознания, так как личность исходит здесь из некоторых наличных представлений о своих возможностях, не ставя перед собой вопроса об их адекватности и не стремясь к их изменению. Поэтому данная форма самоутверждения может быть рассмотрена лишь как дополнительный стимул познавательной деятельности.

С точки зрения анализа собственно познавательной деятельности интерес представляет другая форма самоутверждения. Это — внутреннее самоутверждение. Исходное чувственное Я субъекта в данном случае представляет собой соединение находящихся в противоречии «частей». Отмеченный ранее конфликт «могу — не могу» дает пример подобного противостояния двух равноправных начал; разрешить этот конфликт, и тем самым установить истинность одной из посылок и ложность другой, может лишь действие. Таким образом, исходный образ себя объединяет два момента. Первый из них характеризует наличное Я субъекта, т. е. в данном случае сложившееся в его опыте представление о своих реальных возможностях, реализуемых в деятельности. Другой момент — это потенциальное Я субъекта, т. е. некоторые предвосхищаемые им возможности, возникшие в условиях выполнения данной деятельности.

Задача, которую здесь решает субъект, направлена на особое преобразование исходного образа Я, позволяющее, так сказать, отделить «злаки от плевел»: трансформировать «потенциальное» Я в Я «наличное»; придать статус «неподлинности» наличному Я. Субъект утверждает в своих глазах и это значит, что он как бы порывает с неустраивающим его образом себя и строит удовлетворяющий его образ. Процесс трансформации образа себя поэтому включает момент преодоления, что непосредственно характеризует высшие формы активности. Данный вид самоутверждения может рассматриваться как важный *внутренний* компонент познавательной мотивации.

Деятельность самопостроения обнаруживает себя не только в перестройке мотивационно-смысловых отношений, проявляющихся в феноменах инициативы, самостоятельности, готовности «докапываться» до истины, «открытости» неизвестному и т. п. В результате постановки и решения индивидом «второй» задачи, изменения могут затрагивать также и уровень собственно когнитивных процессов при выполнении «первой» задачи. Появляется новый взгляд на познаваемый объект и действительно новые решения.

Прежде чем подробнее остановиться на этом, напомним читателю условие задачи «Четыре точки» (известной по материалам классических исследований Я. А. Пономарева³⁹). Экспериментатор рисует на листке четыре точки в вершине некоторого воображаемого квадрата. Требуется, не отрывая карандаша от бумаги, соединить все точки тремя прямыми линиями так, чтобы начало движения совпадало с концом. Секрет решения состоит в преодолении некоторого ограничения, которое испытуемый произвольно устанавливает для себя сам: область поиска ограничивается контурами квадрата. Действительное же решение состоит в очерчивании треугольника, вершины которого выходят за пределы квадрата.

Итак, не может ли стремление испытуемых решить внутреннюю задачу, отвечающую потребности построения образа себя как субъекта, вызвать качественную перестройку в мыслительной деятельности — переход от шаблонного к нешаблонному пути решения? В этом случае мы бы также фиксировали «выход», но только не за рамки требований задачи, а за рамки мысленной модели искомого, ограничивающей область возможных решений контурами квадрата. Но что представляет собой модель искомого? Это определенный прогноз, истинность которого должна быть проверена⁴⁰

Поэтому можно и в такой форме обозначить вопрос исследования: не проявится ли принятие внутренней задачи (как и в только что описанном эксперименте) в факте деформации поведения испытуемых в сторону «неподтверждения» прогноза ожидаемого от них решения? Хотя это очень легко проверить; подобное экспериментальное исследование проведено не было, и можно было бы только предложить читателю провести его самостоятельно. Вот «рецепт».

Предложите вашим знакомым задачу «Четыре точки». До того, как они примутся за решение, сообщите им, что вы совершенно не сомневаетесь в том, что сейчас они будут делать. Сделайте один, или, может быть два рисунка, соответствующие возможным неадекватным действиям ваших испытуемых, т. е. действиям, ограниченными контурами квадрата. Если ваш испытуемый справился с решением задачи, отметьте время, затраченное на решение, и число неуспешных попыток перед самой последней, успешной попыт-

³⁹ Пономарев Я. А. Психика и интуиции. М., 1968.

⁴⁰ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.

кой. Если не справился — зафиксируйте, как долго и настойчиво он будет пытаться решить задачу, вплоть до отказа решать. Сравните эти данные с результатами контрольной выборки (это испытуемые, не знающие о ваших прогнозах). Думается, ваши наблюдения будут достаточно интересными и подготовят вас к восприятию результатов эксперимента, который был предпринят фактически.

В исследовании В. А. Петровского и Е. Ю. Увариной⁴¹ прослеживалась возможная зависимость правильных решений задачи «Четыре точки» от актуализации внутренней (второй) задачи в общении. Изучалось влияние тенденции к индивидуализации («быть непохожим») на организацию мыслительной деятельности. Экспериментальные группы состояли из пар испытуемых. Эксперимент протекал следующим образом. Вначале задачу решал первый испытуемый, а второй в это время отсутствовал. Далее, после того как первый испытуемый накапливал опыт неудач, ему разрешали оставить задачу, и тут же приглашали второго испытуемого, которому давали ту же задачу. Пока второй испытуемый решал задачу, первый находился рядом и наблюдал за действиями второго (как правило, тоже неуспешными).

Гипотеза состояла в том, что восприятие шаблонных неуспешных действий второго испытуемого в ряде случаев будет стимулировать правильное решение первого испытуемого. Это должно наблюдаться в «гетерогенных» группах, т. е. группах, где индивиды резко отличаются в глазах друг друга по своим возможностям успешно справиться с задачами такого рода, и менее выражено в «гомогенных» группах, где испытуемые, скорее, отождествляют свои возможности с возможностями других. Эксперимент проводился с шестиклассниками московских школ. В каждом были образованы четыре группы диад. Первая группа была образована парами хорошо успевающих учащихся («отличники»), вторая группа — слабо успевающими учениками (условно — «двоечники»), третья группа определялась сочетанием: «успевающий» — «неуспевающий» («отличник» — «двоечник»), четвертая — сочетаниями: «слабо успевающий» — «хорошо успевающий» («двоечник» — «отличник»). В итоге исследований

⁴¹ Петровский В. А., Уварина Е. Ю. Влияние фактора личностной идентификации на результаты мыслительной деятельности // Психология учебной деятельности школьников. Тула, 1982.

выяснилось следующее. В парах «отличник» — «двоечник» достаточно часто наблюдался эффект стимуляции деятельности первого неудачами второго. Иначе говоря, когда отличники видели, как с трудной для них задачей не может справиться слабо успевающий ученик, их как бы «вдруг» осеняло решение. Этот эффект стимуляции «сильного» «слабым» мы, прежде всего, и ожидали получить в исследовании (хотя он и не казался авторам, исследования таким уж бесспорным и очевидным). Подтверждающим гипотезу было и то, что аналогичный эффект наблюдался в парах «двоечник» — «отличник». Наблюдая за неудачными попытками «сильных», многие слабо успевающие ученики достигали успеха. Эффект повышения креативности (творческих возможностей) наблюдался в основном в «гетерогенных» парах и значительно реже — в «гомогенных» парах: «отличник» — «отличник»; «двоечник» — «двоечник» (различия статистически значимы). Члены «гетерогенных» диад, как можно предположить, опирались в поиске решения мыслительной задачи на представление об определенной «дистанции», которая сложилась в их сознании между представлениями о себе и другом. Воспринимаемая ими одинаковость действий своих и другого актуализировала тенденцию проявить свою отличительность, «непохожесть», что и вело к преодолению шаблонной схемы решения⁴².

Теперь еще раз задумаемся над тем, что есть общего у всех внутренних задач, решаемых индивидом в ходе выполнения исходной внешней задачи; не скрывается ли за ними какая-либо единая потребность, и притом потребность совершенно особая, выделяющаяся среди всех прочих потребностей индивида? Думается, что такая потребность есть и может быть обозначена как потребность самополагания, т. е. производства индивидом своего Я, себя как субъекта деятельности.

⁴² В пользу данного предположения могут быть приведены и дополнительные данные. Тенденция проявить «непохожесть», регистрируемая по особой методике, повышала, вероятность оригинального решения.

Раздел III. Терминологические основания методологии психологических исследований: словарь

Данный раздел включает термины и понятия, касающиеся основных психологических концепций, подходов и направлений мировой психологии, а также методов организации исследований, методик сбора и анализа данных¹. Размеры этого раздела объясняются его фундаментальным характером для всякой науки и психологии в особенности. Как образно и очень метко выразился Л. С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса»: «Кто пытается (...) перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него».

АКЦИДЕНТАЛИЗМ (*accidentalism*) — точка зрения, допускающая существование действий или событий, которые не имеют причины и не может быть объяснены и предсказаны. См. также *Случайная универсальность*. Ср. *Каузальный*.

АНТИМЕНТАЛИЗМ (*antimentalism*) — свойственное *бихевиоризму* и ряду др. школ поведенческой и так называемой объективной психологии пренебрежение ненаблюдаемыми внутренними фактами сознания, отказ от их изучения. Ср. *Ментализм*.

АССОЦИАНИЗМ, АССОЦИАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*associationism, association psychology*) — исторически первое объяснительное направление в психологии, возникшее в XVIII в., представители которого рассматривали *ассоциацию* между явлениями сознания (ощущениями, восприятиями, эмоциональными переживаниями и т. п.) как основной механизм психической деятельности. Представители А. — философы Д. Гартли, Д. Пристли, Дж. Милль, Дж. Ст. Милль, А. Бэн, Г. Спенсер и др.

БИХЕВИОРАЛЬНАЯ НАУКА (*behavioral science*) — общий термин, обозначающий любую науку, которая изучает *поведение* индивидов и групп; в частности, к Б. н. относятся психология, социология, социальная антропология, этология. Часто используются как синоним социальной науки.

БИХЕВИОРИЗМ (*behaviorism*) — направление в психологии, созданное Дж. Уотсоном и ставившее своей задачей разрабатывать психологию как объективную науку, которая отказывается от применения *интроспекции* и изучения сознания (равно как и сомнительной сферы психического бессознательного), и ограничивает область своих исследований внешним поведением, доступным наблюдению. Характерными

¹ Курсивом выделены термины, которые присутствуют в словаре. См. также Алфавитный указатель понятий к разделу III.

особенностями Б. являются *антиментализм* и антиинтроспекционизм. Синоним стимульно-реактивная психология. См. *Необихевиоризм*.

ВЕРИФИКАЦИОНИЗМ (*verificationism*) — методологический принцип (см. *Логический позитивизм*), согласно которому научная истина устанавливается путем эмпирической проверки ее фактов. Согласно принципу В., всякое научно осмысленное утверждение может быть сведено к совокупности так называемых «протокольных предложений», фиксирующих данные «чистого опыта» и выступающих в качестве фундамента любого знания.

ВЕРИФИКАЦИЯ (*verification*) — проверка истинности информации, клинического *диагноза*, *гипотезы* (не только в науке, но и в повседневной жизни, в рутинных познавательных процессах). Ср. *Валидизация*, *Логический позитивизм*.

ГЕШТАЛЬТ (от нем. *Gestalt* — форма, структура) — целое, обладающее свойствами, которых нет у его элементов; характеризуется также инвариантностью относительно преобразований своих элементов и, напротив, способностью к динамической трансформации при постоянстве материала, что указывает на относительную независимость целого от элементов. Например, перцептивные Г. (образы восприятия) могут оставаться инвариантными при полной трансформации их элементов (мелодия, которая в разных тональностях узнается как одна и та же) или же резко меняться при сохранении одних и тех же элементов (как при восприятии обратимых фигур). Понятие «Г.» стало главным принципом анализа психики в *гештальтпсихологии*, которая распространила положения, первоначально разработанные в исследованиях восприятия, на др. когнитивные процессы, навыки, социально-психологические явления.

ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ (*Gestalt psychology*) — направление в психологии, возникшее в Германии в начале 1910-х гг., представители которого (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка, К. Левин) считали единицей анализа сознания *гештальт*. Синоним Берлинская школа. Г. возникла как критическая реакция на *ассоцианизм* и *структурную психологию*. Сознание в Г. рассматривалось как динамическое целое полевого типа, каждая точка которого взаимодействует со всеми остальными (подоб-

но электромагнитным и гравитационным полям). Как физический мир состоит из целостных структур, так и в сознании мы находим организованные целостности — гештальты (которые сначала были изучены в процессах восприятия, позднее Г. распространила это понятие на др. когнитивные и конативные процессы, поведение, социально-психологические явления). Определен ряд факторов, способствующих перцептивной организации (например, близость, сходство, хорошее продолжение, общая судьба).

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ — см. *Конструкт*.

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*depth psychology*) — общее название психологических концепций (систем, школ, направлений), в основе которых лежит положение о ведущей роли бессознательных психических факторов в регуляции поведения и формировании личности человека. К Г. п. относят главным образом *психоанализ* З. Фрейда и концепции многих его последователей (см. *Неофрейдисты*).

ГНОСЕОЛОГИЯ (*epistemology*) — раздел философии, занимающийся разработкой теории познания, исследованием разных форм знания и методов их получения. Синоним эпистемология.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*humanistic psychology*) — психологическое направление, родившееся в американской психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мей, Э. Фромм), признающее главным предметом исследования *личность*, рассматриваемую как уникальную целостность, обладающую свободой воли, стремящуюся к самоактуализации и личностному росту. Как заметил А. А. Пузырей, пафос этого направления состоит в том, чтобы перейти от изучения среднего человека, который традиционно принимался за норму, и тем более от клинических случаев к изучению исключительных личностей, стоящих как бы на переднем крае психического и духовного развития человечества. Маслоу называл Г. п. третьей силой в психологии, имея в виду *бихевиоризм* и *психоанализ* в качестве двух других. См. также *Движение за человеческий потенциал*, *Феноменология*.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (*Human potential movement*) — 1) то же, что *Гуманистическая психология*; 2) номинально осно-

ывающееся на идеях Г. п. эклектическое объединение психотерапевтических практик (например, группы встреч, тренинг сензитивности).

ДЕТЕРМИНИЗМ (*determinism*) — общее допущение о закономерной причинной обусловленности любого события, что вдохновляет на научный поиск отношений между переменными, которые выполняются долго или постоянно. Хотя мы не можем утверждать, что Вселенная является полностью детерминистской, предположение о Д. необходимо (хотя и не достаточно) для получения знания. См. *Психологический детерминизм, Реципрокный детерминизм*.

ЗАКОН (*law*) — утверждение об устойчивой связи между событиями или переменными (как правило, между независимыми и зависимыми переменными), которая имеет высокую степень вероятности. К психологическим законам нельзя применить традиционную норму, согласно которой научный З. считается опровергнутым даже при единичном исключении, так как эти законы имеют статистический смысл и описывают более или менее четкие тенденции для множества однотипных наблюдений.

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД (*idiographic approach*; от греч. *idios* — своеобразный + *grapho* — пишу) — описание и анализ конкретных, индивидуальных, единственных в своем роде случаев, явлений (нарушений, болезней, личностей, событий, групп и т. п.) без стремления к обобщениям на др. аналогичные случаи. Противопоставляется *номогенетическому подходу*. И. п. рассматривался в качестве приоритетного в описательной (понимающей) психологии В. Дильтея, *персонализме* В. Штерна, *персонологии* Г. Мюррея и психологии личности Г. Оллпорта. Термин «И. п.» (точнее — «идиографические науки») ввел немецким философ-неокантианец В. Виндельбанд, но в американской психологической литературе его часто связывают с Оллпортом.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ (*intellectualism*) — концепции, преувеличивающие роль познавательных процессов (интеллекта) в ущерб чувствам или воле. Виды И.: **психологический** (например, система Гербарта), **этический** (например, сократовская традиция в этических учениях), **педагогический** (примат обучения над воспитанием). Примером антиинтеллектуалистической теории в психологии может служить теория квазипотребностей К. Левина. В области гносеологических учений И. (при достаточно ши-

роком понимании интеллекта) представлен двумя крайними вариантами: *эмпиризм* (в том числе сенсуализм) и *рационализм*.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД (*information-processing approach*) — одна из наиболее последовательных попыток разобраться в строении когнитивной деятельности, не прибегая к аристотелевскому членению на психические процессы. Согласно обобщающему анализу Э. Н. Джафарова, в И. п. образ рассматривается как развернутый во времени процесс, который описывается в терминах хранения информации и ее перевода («считывания из» и «записи в») из одного хранилища в другое. Хранение характеризуется формой хранения (кодом, представлением информации) и длительностью, во время как перевод информации характеризуется формой считывания (например, параллельной или последовательной) и скоростью считывания. Формы хранения информации образуют континуум от наиболее «буквальных» до наиболее «схематичных», кроме того хранения могут иметь форму постепенного угасания или «ревербирующую» форму повторения. Некоторые авторы придерживались синонимичного употребления терминов «И. п.», «когнитивный подход», «микрорегенетический подход». По мнению Р. Клацки (1978), подлинный толчок развитию когнитивной психологии дала книга У. Нейссера «Когнитивная психология» (1967). Основные понятия И. п.: идентификация, иконическая память, информация, обнаружение, опознание, сканирование, предкатегориальная стадия, или стадия предвнимания, категориальная стадия, или стадия фокального внимания, считывание, повторение, угасание, хранение и др.

КАНОН МОРГАНА (*Morgan's canon*) — принцип, выдвинутый на Ллойдом Морганом (1894), утверждающий, что поведение животных следует интерпретировать в терминах процессов, которые находятся как можно ниже на шкале психологического развития; они должны предпочитаться более высоким психическим процессам, если это возможно. Фактически, К. М. дискредитировал антропоморфные описания и объяснения поведения животных. К. М. является частным случаем *принципа экономии*.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ — см. *Информационный подход*.

КОНСТРУКТ (*construct, logical construct*) — какой-либо внутренний, недоступный непосредственному наблюдению гипотетический фактор, например

Я-концепция или внимание, которые: а) используются для объяснения наблюдаемых фактов; б) могут быть причинно обусловлены определенными условиями, например, голод может быть причиной пищевого поведения и сам в свою очередь порождается длительным перерывом в приеме пищи. Иногда проводят различие между К. двух типов: гипотетическими К. (*hypothetical construct*) и *промежуточными переменными*, имея в виду, что только первые имеют статус реальности, тогда как вторые (например, когнитивная карта или демоны опознания) — удобные фикции.

КОНСТРУКТИВИСТ (*constructivist*) — человек, самостоятельно создающий знание, действуя, оперируя объектами или событиями, чтобы открыть их свойства. Согласно теории когнитивного развития, разработанной Ж. Пиаже, таковым является ребенок, в связи с чем эту теорию иногда называют генетическим конструктивизмом.

КОНСТРУКЦИОНИЗМ (*constructionism*) — откровенно антипозитивистский подход в социальных науках, демонстрирующий стремление к изучению жизненных миров людей, способов осмысления человеком мира и себя самого, которые при этом рассматриваются как продукты конкретно заданных социально-исторических языковых взаимодействий, включая и взаимодействия исследователя с респондентами. В социальной психологии основным идеологом социального К. является Кеннет Джерджен (Gergen K. J.), который в 1985 г. опубликовал в «*American psychologist*» программную статью под названием «Движение социального К. в современной психологии». См. *Постмодернизм*.

КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАУКУ (*constructivist view of science*) — антипозитивистская методология науки, согласно которой не существует единственной абсолютной истины, ждущей своего открытия; существуют лишь различные точки зрения и концептуализации явлений, которые полезны и валидны для специфических целей и контекстов.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (*cross-cultural research*) — сравнительные исследования, направленные на выяснение сходств и различий между разными культурами и обществами. В частности, кросскультурные психологические сходства и различия изучает *кросс-культурная психология*.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ (*logical positivism*) — антиметафизическое направление в философии науки и науковедении, с которого начинается развитие неопозитивизма; основные идеи Л. п. разработаны группой философов и ученых, входивших в так называемый «Венский кружок» (1920-1930-е гг.) — М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, Ф. Франк и др. Стремилась объединить *эмпиризм* с логическим анализом языка науки и научных процедур; основными критериями истинного научного знания является возможность редукции «теоретических конструкций» к эмпирическому базису («протокольным положениям») и их *верификация* (проверка истинности). С точки зрения редукционизма высказывания делятся на осмысленные и бессмысленные (в том числе метафизические), далее верификационизм делит осмысленные высказывания на ложные и истинные. См. *Фальсифицируемость*.

МЕНТАЛИЗМ (*mentalism*) — теоретические концепции, считающие невозможным объяснить поведение человека и животных без учета психических явлений, основываясь только на средовых и/или физиологических фактах. Ср. *Антиментализм*.

МЕНТАЛЬНЫЙ (*mental*) — психический (как, например, *mental health* — психическое здоровье), иногда умственный или интеллектуальный (например, *mental test*).

МЕХАНИЦИЗМ (*mechanism*) — точка зрения, противоположная витализму и *ментализму*, поддерживающая механическую модель объяснения поведения, в которой используются лишь физические законы (например, гидравлическая модель инстинктивного поведения, предложенная К. Лоренцом).

НЕОБИХЕВИОРИЗМ (*neobehaviorism*) — теории и подходы американской психологии, которые, как и классический бихевиоризм, направлены на исследование поведения, но допускавшие в свои концепции гипотетические *промежуточные переменные*. Наиболее оригинальные концепции в Н. разработали Эд. Ч. Толмен и К. Л. Халл.

НЕОФРЕЙДИСТЫ (*neo-Freudians*) — последователи З. Фрейда в психологии, для которых характерно то, что они придавали меньшее значение подструктуре Оно (*id*) и больше внимания обращали на эго и Я (*self*).

Крупными фигурами среди Н. были К. Хорни, В. Райх, Г. С. Салливан, А. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон.

НОМОТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД (*nomothetic approach*) — характеристика какого-либо научного подхода, если он нацелен на выявление широких обобщений и установление универсальных законов, применимых к множеству частных случаев (например, ко всем людям или достаточно широким человеческим общностям, ко всем группам людей, ко всем событиям и ситуациям определенного типа и т. д.). Кроме того, с точки зрения Н. п. отдельный факт практически не имеет научной ценности, поскольку в нем может быть много случайных совпадений. Большинство научных исследований, в том числе в социальных науках, являются номотетическими. Противоположным является *идиографический подход*. Термин ввел философ-неокантианец В. Виндельбанд.

ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*objective psychology*) — собирательное название психологических учений и направлений, отвергающих *интроспекцию* как метод, неудовлетворяющий критериям научности (т. е. «субъективный»), и предлагающих использовать только *объективные методы*. К О. п. относятся рефлексорные учения И. М. Сеченова и И. П. Павлова, *бихевиоризм*, рефлексология, реактология и др.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ (*operationalism*) — одна из форм неопозитивистской методологии науки, разрабатывавшаяся англо-американским физиком П. Бриджменом. Утверждается, что научные понятия надо определять не через др. понятия, а операционально, т. е. через систему измерительных операций (процедур), выполняемых в процессе исследований (ср.: «интеллект — это то, что измеряется тестами интеллекта»).

ОПИСАТЕЛЬНАЯ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*descriptive and explanatory psychology*) — термины немецкого философа, историка и психолога В. Дильтея (1833—1911) для двух противоположных по методологическим принципам и задачам типов психологии (П.). «**Объяснительная П.**» ориентирована на естественно-научную традицию познания (что характерно, например, для *ассоцианизма* и *бихевиоризма*), в которой приоритет отдается экспериментальному методу, абстрактному анализу терминах элементов (души или поведения), поиску общих законов и причинно-следственному объяснению (*номотетический подход*). Этот подход, по Дильтею, не позволяет описать и понять под-

линную картину душевной жизни личности. Поэтому основные усилия Дильтея были направлены на создание П. другого типа, которую он назвал «**описательной П.**». Последняя ставит перед собой задачу описания и постижения душевной жизни в ее конкретной целостности, целесообразном развитии, в тесной связи с социальными ценностями. Методологически описательная П. ориентирована на гуманитарную традицию «наук о духе», *идиографический подход*, стремится к пониманию посредством сопереживания (эмпатии), а не к абстрактному каузальному объяснению, считает ценным источником психологического знания художественные произведения (например, творчество выдающихся писателей). Позднее Э. Шпрангер назвал ее «*понимающей П.*».

ПАРАДИГМА (*paradigm*, от греч. пример, образец) — 1. В лингвистике, П. — система форм одного и того же слова, в частности, представленная в виде некоторой таблицы (склонения имени, спряжения глагола). 2. Пример из истории, взятый для доказательства, сравнения. 3. В западной литературе часто используется как синоним «методики» или «задачи»: например, П. Стернберга, П. кроссворда и т. д. 4. В историко-наукоеведческой концепции Т. Куна, П. — достаточно широкая научная концепция и связанная с ней методология, которые принимаются в данной дисциплине в качестве основной, лидирующей, нормативной. Отсутствие таковой, т. е. сосуществование множества разных методологических подходов, согласно Куну, является признаком «смутного времени» (ненормального состояния) в науке.

ПЕРСОНАЛИЗМ (*personalism*) — ряд направлений в психологии и философии, рассматривающих личность в качестве главной творческой силы в истории культуры и общества, высшей ценности, а также особого предмета исследования, требующего специфицированной методологии. Идеи П. разрабатывали Н. А. Бердяев и Л. Шестов, В. Штерн, М. Калкинс, Э. Мунье и др. См. также *Идиографический подход*.

ПОЗИТИВИЗМ (*positivism*) — философское направление, созданное, как и сам термин «П.», О. Контом (1830-е гг.), который хотел упразднить метафизику и ее претензии на руководство науками, утверждая, что высшей формой знания являются данные наблюдения и измерения, что полностью укладывается в концепцию традиционного *эмпиризма*.

Идеи П. развивали Дж. Ст. Милль, Э. Мах и Г. Спенсер. См. также *Логический позитивизм*.

ПОНИМАЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*understanding psychology*, нем. *Verstehende Psychologie*) — направление в немецкой психологии конца XIX — начале XX в., считавшее главной задачей психологического исследования не причинное объяснение психических явлений, а понимание личности, ее внутреннего мира, что требует привлечения понятия ценности, которое разрабатывалось в философских учениях о ценности (Г. Риккерт, М. Шелер и др.). Термин «П. п.», введенный Эд. Шпрангером, сопоставим с термином «описательная психология», которым пользовался В. Дильтей (см. *Описательная и объяснительная психология*).

ПОСТМОДЕРНИЗМ (*postmodernism*) — широкое течение в современной культуре, главным образом искусстве, философии и социальных науках. Его различные варианты нашли выражение в творчестве таких французских мыслителей, как Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и Ж. Ф. Лиотар, стремящихся противопоставить П. эпохе Просвещения, *рационализму*, *позитивизму*. В психологии к идеологии П. близки, в частности, *гуманистическая психология* и *феноменологический подход*, нарративная психология и социальный *конструкционизм*.

ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*applied research*) — исследование, основной целью которого является решение конкретных практических проблем, а также поисковое исследование, направленное на разработку идей и методов, которые могут найти применение в различных практических сферах (например, методы диагностики обмана, теория планомерного формирования умственных действий). Такие исследования нередко проводятся в «полевых» условиях. Близким понятием является «прикладная наука». Ср. *Фундаментальное исследование*.

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ (*principle of parsimony*) — регулятивный принцип, принятый во всех науках и требующий считать более предпочтительным простейшее из возможных объяснений явления, пока не будут выявлены данные, свидетельствующие об обратном. В качестве одного из критериев оценки качества научных теорий П. э. отдает предпочтение экономичным теориям, т. е. таким, которые использу-

ют сравнительно немного объяснительных принципов для объяснения широкого набора наблюдений. Синоним закон экономии (*law of parsimony*). Ср. *Канон Моргана*.

ПРОСПЕКТИВНАЯ НАУКА (*prospective science*) — подход к изучению онтогенетического развития, при котором основным типом познания является *лонгитюдное исследование*. Ср. *Ретроспективная наука*.

ПСИХОАНАЛИЗ (*psychoanalysis*) — 1) теория личности, разработанная З. Фрейдом на основе научного анализа и обобщения материала психоаналитической практики; согласно теории П. ведущую роль в развитии и функционировании личности играют бессознательные процессы; 2) разработанная Фрейдом система психотерапии, в которой стремятся ослабить невротический конфликт и тревогу путем «проветривания» вытесненных бессознательных импульсов в ходе регулярных встреч между пациентом и аналитиком.

ПСИХОАНАЛИТИК (*psychoanalyst*) — психотерапевт, обычно имеющий базовую подготовку психиатра и использующий методы *психоанализа*, первоначально предложенные З. Фрейдом для лечения неврозов и др. психических нарушений.

ПСИХОДИАГНОСТИКА (*psychodiagnostics*) — отрасль психологии, занимающаяся разработкой измерительного подхода к описанию, классификации и ранжированию психологических качеств людей, имеющих практическое значение. П. является приложением общих положений и моделей *психометрики* к теоретическим и прикладным проблемам психологии личности.

ПСИХОИСТОРИЯ (*psychohistory*) — психологические биографии, обычно известных людей, в которых стремятся объяснить особенности личности и основные факты поведения посредством соотнесения биографических фактов с историческими событиями и концепциями личности. Э. Эриксон опубликовал П., посвященные таким известным лицам, как М. Лютер, А. Гитлер, М. Ганди и Б. Шоу. Синоним психобиография.

ПСИХОЛОГИЗМ (*psychologism*). В литературоведении так именуется стлевая характеристика художественных произведений, в которых дает-

ся тонкий психологический анализ душевных явлений и поведения. За пределами *психологии* и литературоведения П. часто рассматривается как нечто, достойное осуждения и искоренения (с позиций антипсихологизма). Согласно Н. О. Лосскому, «П. есть направление, рассматривающее все явления, входящие в круг какой-либо науки, как психические процессы, и соответственно этому утверждающее, что законы, которым они подчинены, суть законы психологические». В П. нередко обвиняются плодотворные подходы, направления и школы (за пределами психологии), которые активно используют психологические теории и методы. От П. необходимо отличать **психоцентризм**, свойственный главным образом самим психологам, и выражающийся в несколько наивном представлении о структуре *человекознания*, в котором психология занимает центральное и базисное положение (Ж. Пиаже). В общекультурном плане заслуживает внимания вывод Г. П. Федотова («Ессе homo»), о том, что гонения на П. (и на близкие к нему эмоционализм, сентиментализм, *рационализм*) являются частным случаем гонений на гуманизм и «на то, без чего человек перестает быть человеком».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ (*psychological determinism*) — концепции, утверждающие, что психические явления (мысли, эмоции, ощущения) и действия человека имеют причины и следствия, включены в закономерные причинные цепи друг с другом и с прочими факторами и условиями.

РАЦИОНАЛИЗМ (*rationalism*) — методологическая и гносеологическая концепция (парадигма), согласно которой наука (истинное знание) должна развиваться исключительно или преимущественно с помощью *дедукции* по законам формальной логики. Против. *эмпиризм* (в том числе сенсуализм). Крайние рационалисты (например, Платон, Декарт и др.) считают, что исходные посылки тоже не выводятся эмпирически, а постигаются интуитивно и являются врожденными идеями.

РЕДУКЦИОНИЗМ (*reductionism*) — методологическая ориентация на объяснение явлений некоторой предметной области главным образом на основе закономерностей, присущих более элементарным явлениям; например, объяснение социальных проблем целиком в понятиях индивидуальной психологии, а психических явлений — в понятиях биологии. Не вполне корректно (с точки зрения этимологии) говорят

иногда о «редукции вверх», т. е. объяснениях, которые запрещаются *канон*ом Моргана. О другом значении см. *Логический позитивизм*.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ НАУКА (*retrospective science*) — подход к изучению онтогенетического развития, при котором ключевые события биографии человека исследуют на более позднем этапе жизни, нередко путем опроса и спекулятивных выводов относительно причинного влияния таких событий на формирование личности. Такой подход традиционно практиковался в психоанализе. Ср. *Проспективная наука*.

РЕЦИПРОКНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ (*reciprocal determinism*) — взаимные влияния переменных друг на друга; например, в теории А. Бандуры подчеркивается взаимовлияние трех типов факторов: окружающей среды, поведения и внутренних факторов.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ (*social constructionism*) — см. *Конструкционизм*.

СТАТИСТИКА (*statistic, statistics*) — наука о методах анализа массовых явлений, основанная на теории вероятности; позволяет оценить надежность и точность выводов о популяции в целом на основании ограниченного статистического материала (выборки).

СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ (*style of scientific thinking*) — понятие, введенное в методологический оборот учеными, т. е. исходя из методологического запроса самой науки (микробиолог Л. Флек, физик М. Борн). Понятие «С. н. м.» содержит в себе: 1) идею внутренней *смысловой целостности истории познания*, реализующейся в стиле как специфической характеристике языка различных периодов развития науки; 2) идею *поливариантности*, предполагающую стилистическое многообразие *выражения* в научном языке знания об одном и том же фрагменте мира. Перевод книги М. Борна «Физика в жизни моего поколения» фактически стимулировал обращение к понятию «стиль мышления» в отечественной методологии. Позднее, однако, этот термин был вытеснен термином Т. Куна «парадигма», социологизирующие коннотации которого фактически заслонили содержащуюся в понятии стиля научного мышления апелляцию к осмысленному общению ученых. М. Борн использовал этот термин прежде всего для интегральной характеристи-

ки нового (релятивистского и квантовомеханического) этапа в развитии физики. Но при этом в его трактовке отчетливо проступал общеметодологический, общенаучный смысл понятия С. н. м. «Я не хочу сказать, — писал Борн, — что (вне математики) существуют какие-либо неизменные принципы, априорные в строгом смысле этого слова. Но я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение “стили”: стиль мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, *относительно априорными* по отношению к данному периоду. Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени» (Борн М. Физика в жизни моего поколения. 1963).

СТИМУЛЬНО-РЕАКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*stimulus-response psychology*) — то же, что *Бихевиоризм*.

СТРУКТУРАЛИЗМ в психологии (*structuralism, structural psychology*) — подход в психологии, развивавшийся В. Вундтом и его учеником, американским психологом Э. Титченером. Главная задача психологии — изучать структуру сознания, расчлняя его феномены на элементы трех типов (ощущения, чувства и представления), не поддающиеся дальнейшему анализу (элементаризм, атомизм), выясняя ассоциативные законы объединения элементов в структуры (ассоцианизм) и устанавливая связи явлений сознания с внутренними и внешними условиями. Основным методом получения эмпирических данных служит *аналитическая интроспекция*, требующая от испытуемого избегать «ошибки стимула» — подмены описания чувственных элементов описанием предметного содержания. Синоним структурная психология.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ (*falsification*) — исследовательский подход, защищаемый философом-методологом К. Поппером, заключающийся в проверке теорий путем попытки их опровержения.

ФАЛЬСИФИЦИРУЕМОСТЬ (*falsifiability*) — критерий для оценки научности теорий. Теория является фальсифицируемой, если она способна породить гипотезы, которые можно было бы эмпирически опровергнуть. Согласно К. Попперу: 1) именно Ф., а не верификация, является критерием научности, 2) общие теории в принципе невозможно верифицировать, поскольку для объяснения любого набора данных можно разработать множество теорий и 3) потому что верификация опирается на *индукцию*, а индуктивный вывод не является полностью достоверным; 4) психоанализ не является научной теорией, потому что он все может объяснить и фактически не делает точных предсказаний, которые можно было бы эмпирически опровергнуть.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ (*phenomenology*) — исследование субъективных аспектов опыта человека, т. е. того, как человек чувствует и категоризирует жизненные события; большое значение придается рассмотрению переживаемых характеристик Я (self) и взаимодействия с др. людьми и средой. Ф. сосредоточена не на поведении и объективных фактах, а на внутренней картине переживаемых личностью событий.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД (*phenomenological approach, phenomenological perspective*) — методологическая ориентация в *гуманистической психологии*, придающая повышенную значимость исследованию непосредственных переживаний человека, субъективных аспектов опыта.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*basic research*) — тип научных исследований, нацеленных на открытие и объяснение фундаментальных закономерностей, развитие научного знания, его систематизацию и эмпирическую проверку, независимо от возможности практического использования результатов для решения тех или иных актуальных социальных проблем. История, однако, свидетельствует, что подобные исследования раньше или позже вели к решению прикладных проблем. Близкое понятие — «фундаментальная наука». Синоним чистое исследование (*pure research*). Ср. *Прикладное исследование*.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ (*functionalism*) — методологическая ориентация (и научный подход) на приоритетное исследование функций (практического значения, биологического смысла) тех или иных систем, явле-

ний, объектов. Иногда противопоставляется структурализму и историзму. Для Ф. характерно признание логического и/или онтологического примата функции над структурой и развитием. В **логическом** смысле примат функции выражается в том, что знание функции признается необходимым (обязательным) предварительным условием для понимания и объяснения структуры и развития. В **онтологическом** смысле примат функции над структурой и развитием выражается в признании функционирования (и деятельности) ведущим фактором формирования и развития структуры (в онтогенезе, филогенезе, социогенезе).

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*functional psychology*) — направление в американской психологии конца XIX — начала XX вв., ставившее задачу исследования функциональной роли и значимости психических процессов в процессах поведения и адаптации к среде. На формирование Ф. п. оказали влияние эволюционные учения Г. Спенсера и Ч. Дарвина. Наиболее последовательное выражение Ф. п. получила в работах психологов Чикагской (Г. Лэдд, Д. Энджелл, Г. Карр, Дж. Г. Мид) и Колумбийской (Р. Вудворте) школ, а также в работах Дж. Дьюи.

ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД (*holistic approach*) (в психологии) — подход к изучению психических явлений и поведения как целостных образований, не сводимых к ассоциативной сумме элементов. Синоним холистический подход, холизм. Первоначально развивался, например, в *гештальтпсихологии*, В. Дильтеем (см. *Описательная и объяснительная психология*), Л. С. Выготским в исследованиях высших психических функций и проблем возрастной периодизации, в настоящее время стал общим местом методологических программ многих школ и концепций.

ЧИСТОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*pure research*) — то же, что *Фундаментальное исследование*.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*ecological psychology*) — 1. Название подхода к исследованию восприятия и поведения, который развивал американский психолог Дж. Гибсон (1904—1979). Синоним экологическая оптика. 2. (*environmental psychology*) — направление исследований, которое применяет психологию к пониманию человеческого поведения в отношении окружающей среды. Синоним психология среды.

В некоторых переводных изданиях уже появился термин «энвайронментальная психология» (видимо, скоро нечто подобное возникнет вместо терминов «средовый стресс (и стрессор)», «средовая нагрузка»). Как одно из направлений Э. п., но только с более конкретными границами и задачами, можно рассматривать поведенческую географию. 3. Один из учеников К. Левина американский психолог Р. Баркер, начиная с 1947 г. проводил исследования по Э. п. Главное внимание в них уделялось тщательной регистрации (фиксации) повседневного поведения людей (включая и детей). Теоретическая программа и методология этих исследований в значительной мере совпадает с теми, которые развиваются в рамках **этологии человека**. Основным методом исследования служит *наблюдение*; предмет исследований — взаимоотношения человека и среды, взятых в их естественном виде. 4. В понимании У. Бронфенбреннера, Э. п. — научное изучение постепенной взаимной адаптации на протяжении всей жизни между развивающейся личностью и ее непосредственным окружением; причем на этот процесс значительно влияет более широкий социальный контекст.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*experimental psychology*) — подход к изучению психологических проблем, основанный на применении *метода эксперимента* и организации *экспериментального исследования*.

ЭМПИРИЗМ (*empirism*) — гносеологическая концепция, согласно которой истинная картина мира формируется путем *наблюдения* и *эксперимента*, т. е. путем *эмпирического исследования*; соответствующая методология познания. Ср. *Позитивизм, Рационализм, Логический позитивизм*.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ (*epistemology*) — то же, что *Гносеология*.

ЭТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ (*ethical research*) — совокупность вопросов и норм этического характера, связанных с проведением исследований на людях и животных.

Глава 2

Методы и методики в психологии

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ (*method of research*) — совокупность определенных правил, приемов, норм научного познания, в том числе для получения надежной и валидной эмпирической информации, *критического анализа* проведенных исследований. Необходимо различать, по крайней мере, три варианта понимания термина «М. и.» (применительно к эмпирическому исследованию): а) метод как план (схема) исследования (например, *внутригрупповой план*, экспериментальный план, план генетического исследования и др.); б) метод как та или иная методика (процедура, техника) сбора данных (например, метод парных сравнений, опросник NEO PI-R, метод незаконченных предложений и т. д.); в) метод как способ обработки данных, в том числе статистические методы проверки гипотез, методы многомерного анализа данных, в частности *множественная линейная регрессия* и *факторный анализ*.

АВС-ДИАГНОСТИКА (*ABC assessment*) — выявление существенных, подающихся контролю, *каузальных* функциональных зависимостей, относящихся к конкретному типу поведения индивида. Синоним АВС оценка, *поведенческая диагностика*, функциональный анализ. Поведенческая диагностика включает идентификацию и измерение связанных друг с другом событий, последовательность которых описывается цепной формулой АВС: А — antecedent (*antecedent*), т. е. события в среде, предшествующие данному поведению, В — само целевое поведение (*behavior*) и С — его последствия (*consequences*). Для эмпирической проверки каузальных гипотез используется *анализ временных рядов*.

CALIFORNIA Q-SET (Калифорнийский Q-набор) — личностная методика типа *Q-сортировка*. Состоит из 100 пунктов-фраз, каждая из которых описывает отдельную черту личности и представлена на отдельной карточке. Оценщик должен разложить (рассортировать) эти карточ-

ки по 9 категориям от «совершенно нехарактерной» для оцениваемой личности (категория 1) до «высоко характерной» (категория 9). Пункты, которые не являются ни нехарактерными, ни характерными помещаются в категорию 5 (или около нее). Обычно получается *частотное распределение*, похожее на нормальное, т. е. большинство карточек размещается в центре и совсем немного (часто только 5 из 100) на одном из концов. Методика не создавалась с помощью *факторного анализа* или какой-либо другой формальной процедуры. Она создана командой клиницистов и психологов для описания разнообразных случаев из реальной жизни (1961).

FOLLOW-UP RESEARCH — дополнительное исследование, с некоторой отсрочкой после вмешательства для выявления устойчивости, стабильности обнаруженных в основном исследовании эффектов (нелишнее дополнение к так называемым формирующим экспериментам).

ns (сокр. от *not significant*) — см. *Проверка гипотезы*.

Q-СОРТИРОВКА (*Q sort, Q-sort technique*) — тип методик для личностной оценки. Характеристика личности составляется на основе результата сортировки набора карточек, на каждой из которых содержится утверждение о какой-либо черте личности (например, «имеет широкий круг интересов»); испытуемый раскладывает карточки по 9 категориям, ранжированных от наименее характерных (для оцениваемой личности) описаний (1 балл) до наиболее характерных (9 баллов). Методика применялась К. Роджерсом как инструмент для диагностики Я-концепции (например, Я-реальное и Я-идеальное). Возникновение процедуры датируется примерно 1935 г., когда она была независимо предложена Г. Томсоном и У. Стефенсоном. Следует заметить, что буква «Q» в названии выбрана произвольно и ничего не означает. См., например, *California Q-set, Сортировка карточек*.

S, Ss — общепринятые сокращения в англоязычной литературе от *subject* («испытуемый») и *subjects* («испытуемые»). См. также *Испытуемый, Участники*.

АВТОКОРРЕЛЯЦИЯ (*autocorrelation*) — способ обработки сигнала, при котором сигнал задерживается и затем задержанный сигнал умножает-

ся на первоначальный. Помогает выделить периодические составляющие сигнала.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГИПОТЕЗА (*alternative hypothesis*) — статистическая гипотеза (часто обозначается как H_1), которую старается подтвердить исследователь, предполагая, например, различие средних значений или положительную корреляцию между переменными. См. *Проверка гипотезы*, *Нулевая гипотеза*.

АНАЛИЗ ФУРЬЕ (*Fourier analysis*) — разложение сигнала (например, электроэнцефалограммы или звуковой волны) любой формы на компоненты, имеющие синусоидальную форму, основанное на теореме французского математика и физика Жана Батиста Фурье (1768—1830): непрерывная и периодическая волна может быть представлена как сумма синусоидальных волн с соответствующими длинами, фазами и амплитудами.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТРОСПЕКЦИЯ (*analytical introspection*) — один из научных методов *интроспекции*, разработанный в *структурной психологии* и применявшийся в лабораториях В. Вундта и особенно его ученика Э. Титченера. Для участия в экспериментах допускались лишь испытуемые, которые проходили специальную подготовку для приобретения способности к точному описанию явлений сознания в терминах основных его элементов (ощущений, представлений, чувств и их атрибутов — интенсивности, длительности и протяженности). Все лишнее испытуемые должны были устранять из отчета как «**ошибку стимула**» (термин Титченера).

АРХИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*archival research*) — вид исследования, в котором выдвинутая гипотеза проверяется на основе информации, которая содержится в частных и общественных документах.

БИВАРИАЦИОННЫЙ МЕТОД (*bivariate method*) — по Р. Кеттелу, метод изучения личности, который следует классической схеме эксперимента с манипулированием одной независимой переменной и регистрацией ее влияния на одну зависимую переменную. Синоним бивариационный анализ. Ср. *Мультивариационный метод*.

ВЫБОРОЧНЫЙ МЕТОД (*method of sampling*) — математико-статистический метод исследования параметров **генеральной совокупности** каких-либо объектов на основании изучения свойств части этих объектов, взятых на *выборку*. В статистике рассматриваются два случая: выбор из конечной генеральной совокупности (например, выбор респондентов, испытуемых) и выбор из бесконечной генеральной совокупности. Последняя — это концептуальная фикция, основанная на предположении о «возможности» осуществления бесконечного числа однородных измерений некоторой величины (например, абсолютного порога, времени реакции или объема кратковременной памяти). См. *Проверка гипотезы*.

ГИПОТЕЗА (*hypothesis*) — научное предположение о взаимосвязи некоторых переменных, проверяемое эмпирически (ср. *Псевдогипотезы*); другими словами, Г. в операциональных терминах формулирует то, что исследователи ожидают получить в результате (на выходе) исследования. Как отмечают Дж. Глас и Дж. Стэнли, важно различать научную и статистическую Г. Последние могут не иметь научной значимости. С другой стороны, не все научные Г. требуется проверять статистически. Научная Г. — это предположительное решение проблемы, т. е. ответ на имеющий научную значимость вопрос. Выделяют также **индуктивные** и **дедуктивные** Г.: первые являются гипотетическими обобщениями эмпирических данных, вторые возникают в ходе дедукции следствий из теории. **Статистическая Г.** (обозначается английской буквой *H*) — это утверждения о значениях статистических параметров или отношениях между ними в генеральной совокупности, например Г. о равенстве нулю коэффициента корреляции, Г. о нормальности распределения и т. п. См. *Альтернативная гипотеза*, *Нулевая гипотеза*.

ДЕДУКЦИЯ (*deduction, deductive reasoning*) — рассуждение, которое в соответствии с законами формальной логики приходит к выводам, отправляясь от ряда общих предположений (посылок). Дедуктивные рассуждения «работают» от более общего к более частному. Иногда Д. неофициально называется «нисходящим» подходом («*top-down*» *approach*, или подходом сверху-вниз). Разработка плана конкретного исследования часто укладывается в схему Д.: все начинается с возникновения какой-либо новой общей идеи («*теории*»); затем из этой идеи выводятся более узкие и конкретные гипотезы, которые можно было бы проверить эмпирически (здесь теоретический этап исследования переходит в эмпирический).

ДЕСКРИПТИВНЫЙ (*descriptive*) — описательный. Нередко встречается противопоставление Д. метода (подхода) измерительному, что примерно аналогично соотношению качественного и количественного метода (подхода). См. также *Описательные исследования*.

ДНЕВНИКИ (*diaries*) — в качестве специального метода исследования, ежедневные записи, которые респондентов просят производить для учета определенных событий (например эмоций, покупок, болевых ощущений, просмотренных телепередач).

ИНДУКЦИЯ (*induction*) — процесс *обобщения*, умозаключения от частного к общему, приводящий к увеличению информации по сравнению с той, которая содержится в наблюдаемых данных. Дж. Ст. Милль в своей «Системе логики» определял И. как умственный процесс «нахождения и доказывания общих предложений». И. — это творческий этап научного метода, его результатом может быть гипотезы, законы, принципы. Однако индуктивный вывод не является полностью достоверным. Ср. *Дедукция*.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ ПОПЕРЕЧНЫХ СРЕЗОВ (*cross-sectional study, cross-sectional design*) — в психологии развития (возрастной психологии), план исследования, в котором приблизительно в одно и то же время изучаются и сравниваются испытуемые разных возрастных групп (возраст является межгрупповой переменной). См. также *Поперечно-срезовый план*.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ (*case study*) — метод и тип исследования, в котором исследователь собирает обширную информацию о жизни одного или нескольких индивидов, об одном каком-либо редком событии, отдельной организации. Синоним идиографическое исследование, клиническое исследование, клинический тип исследования. См. также *Идиографический подход, История отдельного случая, Клинический метод*.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНОГО СЛУЧАЯ (*case history*) — неэкспериментальный тип исследования, в котором осуществляется систематический сбор данных, позволяющих создать подробное описание развития какого-либо локального исторического процесса или жизни отдельно человека. Сбор и анализ исходных данных нередко растягивается на

годы. См. также *Лонгитюдное исследование*. Встречается также перевод *case history* как «кейс-история».

КАУЗАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ — см. *Причинное объяснение*.

КАУЗАЛЬНЫЙ (*causal*) — причинный. К. объяснение, противоположно акаузальному (ср. *Акцидентализм*).

КАЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*qualitative research*) — характерный для культурной антропологии (этнографии) и социологии тип исследования, заключающийся в смысловом анализе поведения и нарративной информации, полученной в ходе исследования (см. *Интервью*). По мнению С. Квале, К. и. может использовать нестрогие формы измерений (например, *номинальные шкалы, порядковые шкалы*) и достаточно строгие частотные данные (см., например, *Контент-анализ, Частота*), в силу чего нет теоретических оснований настаивать на жесткой дихотомии качественных и количественных исследований и методов.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ (*qualitative data*) — неколичественные данные, главным образом вербального характера, но могут также состоять из видеоматериалов, рисунков, продуктов конструктивной деятельности. Как правило, К. д. допускают квантификацию и кодирование для дальнейшей математической обработки, статистической *проверки гипотез* и компьютерного моделирования. Кроме того, к К. д. принято относить переменные, числовые значения которых соответствуют номинальной или порядковой шкалам.

КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД (*qualitative approach*) — методология, ориентированная на проведение так называемых качественных исследований и получение так называемых качественных данных без последующей их квантификации и статистической обработки; К. п. ограничивается субъективным смысловым анализом и интуитивным схватыванием сущности имеющихся данных. См. *Количественный подход*.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ (*cluster analysis*) — ряд математических процедур многомерного анализа данных, которые позволяют осуществить разбиение (классификацию) множества объектов на некоторое количество классов на основании многомерных мер близости между объ-

ектами, так что объекты, входящие в один класс, более сходны друг с другом, чем с объектами других классов.

КЛИНИЧЕСКИЙ МЕТОД (*clinical method*) — 1) метод, также известный как метод *истории отдельного случая* (*case history method*) или метод истории жизни (*life history method*), в котором совместно и взаимосвязано решаются две задачи: во-первых, делается попытка помочь индивиду решить личные проблемы и, во-вторых, осуществляется сбор биографической информации о нем (возможность получения с помощью этого метода доказательных данных является чрезвычайно низкой); 2) клиническая беседа, которую использовал Ж. Пиаже в своих ранних исследованиях, т. е. гибкий, полустандартизованный метод постановки перед детьми задач и вопросов (исследователь определял содержание следующего вопроса в зависимости от предшествующего ответа).

КЛИНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*clinical research*) — 1) тип исследования, в котором применяется *клинический метод* (в первом смысле); 2) в более традиционном смысле, использование данных патологии в целях изучения нормы; поскольку патология нередко бывает своего рода утрированной нормой, то в ней легче заметить то малое, что не замечается в нормальных случаях. Таким образом, исследования в области клинической психологии играют роль микроскопа, расширяя возможности «нормальной» психологии.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД (*quantitative approach*) — традиционно преобладающая методология научных исследований в психологии, основанная на использовании процедур *измерения* при сборе эмпирических данных или же *квантификации* первично качественных данных. Количественные данные открыты для применения разнообразных методов математической обработки, статистической *проверки гипотез* и моделирования.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*quantitative research*) — распространенный вид эмпирического исследования, в котором используются процедуры измерения, результаты представляются в числовом виде (обычно подразумеваются данные, полученные с помощью «сильных» шкал — интервальная и пропорциональная), а также используются как минимум некоторые статистические процедуры и показатели.

КОНВЕРГИРУЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ (*converging operations*) — исследовательский подход, основанный на применении разных эмпирических методов для изучения данного явления. В переводах с английского часто встречаются синонимы конвергентные или сходящиеся операции. В западной литературе часто используется синоним мультиметодический подход.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ (*content analysis*) — формализованный метод изучения текстовой и графической информации, заключающийся в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке. Объектом К.-а. может быть содержание различных печатных изданий, радио- и телепередач, кинофильмов, рекламных сообщений, документов, публичных выступлений, материалов анкет. К.-а. широко применяется как вспомогательное средство в психологии, социологии и др. науках при анализе ответов на открытые вопросы анкет, материалов наблюдений, результатов тестирования (в частности, в проективных методиках), для анализа результатов в *методе фокус-групп*. К.-а. может быть использован для исследования большей части документальных источников.

КОНФИРМАТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*confirmatory study*) — исследование (например, экспериментальное), в котором подвергается испытанию эксплицитная теоретически обоснованная *гипотеза*; противопоставляется *поисковому исследованию*. Если читателя интересует, почему не используется термин «подтверждающее исследование», см. *Подтверждение*. Иногда употребляют также термин «проверочное исследование».

КОНФИРМАТОРНЫЙ ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ (*confirmatory factor analysis*) — вариант процедуры *факторного анализа*, в котором исследователь предварительно формулирует четкие гипотезы о количестве факторов, о зависимостях между ними, о факторных нагрузках на те или иные переменные и т. д.

КОРРЕКЦИЯ НА УГАДЫВАНИЕ (*correction for guessing; correction for chance*) — вычисление частоты правильных ответов в сенсорных (психофизических), мнемических и др. задачах с многоальтернативным выбором ответов. Синоним поправка на случайный успех. Если m — число возможных альтернатив стимула (и ответов), P — наблюдавшаяся частота правильных ответов, тогда p , т. е. скорректированная ча-

стога правильных ответов, вычисляется по формуле: $p = (P - 1/m) / (1 - 1/m)$. Величина $1/m$ называется вероятностью случайного угадывания, или случайного успеха (вместо нее часто используют эмпирическую вероятность ложной тревоги).

КОРРЕЛЯЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*correlational research, correlational design*) — один из типов неэкспериментальных исследований, весьма распространенный в психологии, в котором исследователь старается определить, связаны ли и как связаны между собой две или более переменные, не пытаясь манипулировать ими или делать заключения о причинах. Не следует думать, что во всех К. и. вычисляются коэффициенты корреляции или, наоборот, что вычисление коэффициентов корреляций есть верный признак К. и.

КОРРЕЛЯЦИЯ (*correlation*) — отношение (связь) между двумя или более переменными. В простых случаях линейной связи К. может быть или положительной или отрицательной, и чаще всего оценивается *коэффициентом корреляции*. Однако К. может оцениваться также с помощью ковариации, уравнений регрессии, критерия хи-квадрат и др. способов.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (*critical analysis*) — мыслительный процесс оценки и проверки правдивости (достоверности, вероятности) представленной информации, а также правильности своих или чужих умозаключений, решений каких-либо задач. Синоним критическое мышление.

ЛАБОРАТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*laboratory research*) — исследование, проводящееся в рамках научной лаборатории. Противопоставляется так называемому *полевому исследованию*.

ЛОНГИТУДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*longitudinal study*) — как правило, длительное многолетнее и многократное изучение одних и тех же испытуемых, которое проводится для выявления закономерностей индивидуального развития, широко используется в возрастной психологии и психогенетике.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ (*mathematical modeling*) — применение математического языка, методов и средств математики

для моделирования изучаемых объектов (явлений, процессов), т. е. для выражения их структурных и количественных признаков или отношений в особой, символической форме (например, в форме уравнения, системы уравнений, неравенств, математической функции, формулы, матрицы, графа и т. д.).

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПРОБЛЕМА (*cross-generational problem*) — тот факт, что неизбежные изменения во внешней (главным образом социокультурной) среде могут ограничить справедливость некоторых выводов *лонгитюдного исследования* лишь тем поколением детей или взрослых, развитие которых изучалось в данном лонгитюде; кроме того, эта проблема подрывает внутреннюю валидность *поперечно-срезовых планов*, поскольку в них фактор возраста переплетается с *побочной переменной* когортной принадлежности. См. также *Последовательный план*.

МЕТА-АНАЛИЗ (*meta-analysis*) — статистический метод объединения и обобщения результатов множества исследований, относящихся к одному эффекту; при этом результаты разных исследований рассматриваются как один большой эксперимент, а каждое исследование — как одно наблюдение. В М. определяется *величина эффекта*, оказываемого экспериментальным воздействием и основными условиями на критериальные переменные. Величина эффекта для каждого исследования определяется путем деления разности между средними показателями по критериальной переменной в экспериментальной и контрольной группах на меру вариативности индивидуальных показателей в этих группах. В результате М. можно продемонстрировать, что целый ряд изучавшихся переменных-условий не оказывают влияния на зависимую переменную, что позволяет исследователям обобщать результаты своих исследований, игнорируя несущественные условия.

МЕТОД ВЫНУЖДЕННОГО ВЫБОРА (*forced-choice technique*) — любые методики, в которых от испытуемого требуется обязательный выбор одного из заданного множества альтернативных ответов; применяются в различных областях психологии: в экспериментах по восприятию, памяти и мышлению, в психодиагностике личности и измерениях интеллекта и т. д.

МЕТОД ИСТОРИИ СЛУЧАЯ — см. *История случая, Клинический метод*.

МОДЕЛЬ (*model*) (в широком понимании) — упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их «заместителя» и средства оперирования. В естественных науках М. — описание объекта средствами некоторой научной *теории*. М. в фундаментальных и в прикладных науках обычно связывается с применением моделирования (*simulation*), т. е. с выяснением свойств какого-либо объекта, процесса или явления с помощью др. объекта, процесса или явления — его М. Некоторые авторы, например Р. Аткинсон, Г. Бауэр и Э. Кротерс (1969), рассматривают понятие «М.» как аналог теории для более узкого круга явлений; др. авторы (например, Р. Буш и Ф. Мостеллер) предпочитают использовать широкий термин «М.», обозначая теорию термином «общая М.». См. также *Математическое моделирование*.

МОНИТОРИНГ (*monitoring* — контроль, подслушивание, слежение) — отлаженная система и процесс периодического или непрерывного сбора определенной информации (например, экономической, метеорологической, сейсмической, медицинской и т. д.), ее оценки и прогноза развития событий.

МУЛЬТИВАРИАЦИОННЫЙ МЕТОД (*multivariate method*) — по Р. Кеттеллу, метод изучения личности, при котором одновременно исследуются взаимоотношения между тремя или более переменными; более предпочтительный, чем *бивариационный метод*.

НАУЧНЫЙ МЕТОД (*scientific method*) — метод науки, который, согласно нормативным представлениям, должен быть объективным и включать проверку теоретических взглядов исследователей с помощью эмпирических фактов.

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА, H_0 (*null hypothesis*) — статистическая гипотеза, утверждающая, что полученные выборки наблюдений (измеренных значений) являются случайными и относятся к одной и той же совокупности, в силу чего также случайными должны быть корреляции и различия между выборочными средними. Отказ от H_0 означает, что принимается альтернативная гипотеза. Синоним нуль-гипотеза. См. *Ошибка первого рода*.

ОБОБЩЕНИЕ (*generalization*) — индуктивное умозаключение (*inductive inference*) от определенного множества данных к более широкому

классу потенциальных наблюдений. Например, мы индуктивно умозаключаем, что обнаруженный факт в *случайной выборке*, с некоторой вероятностью, является верным и для *генеральной совокупности*, для которой эта случайная выборка репрезентативна. Подобные О. являются эксплицитно вероятностными. См. *Индукция*.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ (*objectivity*) — обязательная характеристика *научного метода*, требующая, чтобы знание базировалось на надежных, повторяющихся наблюдениях; это значит, что в процессе познания должны применяться методы, позволяющие разным исследователям независимо друг от друга приходиться к согласию, что имело место данное событие с определенными характеристиками. Против. субъективность.

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД (в психологии) (*objective method*) — 1) в широком смысле: совокупность принципов, средств и требований к психологическому исследованию, обеспечивающих максимальную однозначность и *надежность* получаемых результатов; 2) в узком смысле О. м. противопоставляется *интроспекции* — и обозначает способы изучения внешних, поддающихся регистрации произвольных и непроизвольных реакций испытуемых.

ОБЪЯСНЕНИЕ (*explanation*) — одна из важнейших задач науки, заключающаяся в поиске сущности явлений, особенно их причин.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (*operational definition*) — определение понятия или переменной путем точного описания операций, используемых для их создания или измерения.

ОПИСАНИЕ (*description*) — 1) задача науки, заключающаяся в точной классификации поведения или фиксации последовательности внешних стимулов и соответствующих им поведенческих актов; 2) в широком смысле, О. включает процедуры наблюдения и измерения, однако существует также традиция применения этого термина только к неизмерительным эмпирическим процедурам. См. *Дескриптивный*.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ (*descriptive theory*) — *теория*, которая дает системное и стандартизированное описание явлений, не раскрывая

их причин, т. е. О. т. не содержит *причинного объяснения*. Синоним дескриптивная теория.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (*descriptive studies*) — 1. Исследования, которые предназначены прежде всего для того, чтобы описать то, что происходит и что существует, а не для того, чтобы проверять некие теории и гипотезы о причинных или корреляционных связях. В этом смысле О. и. противопоставляются часто корреляционным и экспериментальным исследованиям, а их отличительной особенностью является отсутствие четкой гипотезы. Например, к О. и. относят опросы общественного мнения, когда исследователи стремятся лишь устанавливать и описывать пропорции людей, разделяющих различные мнения (ожидания, намерения и т. п.). Синоним дескриптивное исследование. 2. Однако существует и др. понимание термина О. и., когда его относят к эмпирическим *качественным исследованиям*, в которых не применяются строгие измерительные процедуры, т. е. это исследования типа натуралистического наблюдения или исследования отдельных случаев; именно такого рода исследования пропагандировал В. Дильтей в своей описательной психологии (см. *Описательная и объяснительная психология*).

ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*pilot study*) — пробное исследование, в котором проверяется работоспособность методики, например опросника, и проводится предварительный сбор данных. Проблемы, обнаруженные на этой стадии, позволяют усовершенствовать процедуру исследования и впоследствии избежать методологических ошибок. Синоним пилотаж. Ср. *Поисковое исследование*.

ПЛАН БЛИЗНЕЦОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (*twin design, twin study*) — исследование, в котором для оценки наследуемости некоторого признака определяется сходство по данному признаку в парах близнецов, отличающихся по зиготности (и, следовательно, степени родства — *kinship*). Синоним близнецовое исследование.

ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ (*adoption design*) — исследование, в котором приемные дети сравниваются с их биологическими родственниками и их приемными родителями для оценки наследуемости того или иного признака или признаков. В нашей стране закон за-

прещает использовать (в том числе в научных целях) информацию о родственных отношениях при усыновлении.

ПЛАН НАРРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (*narrative research design*) — тип эмпирического исследования, в котором акцент делается на устные сообщения (рассказы) участников исследования и их смысловой (герменевтический) анализ.

ПЛАН ПОПЕРЕЧНЫХ СРЕЗОВ (*cross-sectional design*) — см. *Поперечно-срезовой план*.

ПЛАН С ВРЕМЕННЫМ ЛАГОМ (*time-lag design*) — редкий план квази-экспериментального исследования в онтогенетических науках, состоящий в сравнении групп испытуемых одного возраста, но принадлежащих к разным когортам (поколениям). Подобно плану *лонгитюдного исследования* данный план также растянут на длительный период времени, что оправдывается целью оценки эффекта когорты.

ПЛАН С НЕЗАВИСИМЫМИ ГРУППАМИ (*independent groups design*) — *межгрупповой план*, в котором каждая группа подвергается воздействию только одного сочетания уровней независимых переменных; предполагается также, что участники случайным образом распределяются по группам (условиям).

ПЛАН С НЕЭКВИВАЛЕНТНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ ГРУППОЙ (*non-equivalent control group design*) — квазиэкспериментальный *межгрупповой план*, в котором участники не распределялись случайным образом между экспериментальной и контрольной группой и тем самым возникает угроза *внутренней валидности*. См. также *Квазиэксперимент*.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА (*behavioral assessment*) — акцент в диагностике на специфические действия, которые связаны с определенными ситуативными характеристиками. См. также *ABC-диагностика*.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ (*confirmation*) — тип исследования, которое состоит в эмпирической проверке теоретического высказывания (гипотеза, теория, закон и т. д.). Как следствие, вероятность высказывания

(утверждения или отрицания) может уменьшаться (неподтверждение, отсутствие поддержки) или возрастать (подтверждение, поддержка). Поскольку слово «П.» в первую очередь понимается как один из результатов данного исследования, то, во избежание двусмысленности, имеет смысл для обозначения собственно исследования применять термин «конфирмативное, или *конфирматорное исследование*». Отличается от исследования типа *репликации* тем, что последняя состоит в повторении (воспроизведении) метода прошлого исследования. См. *Конфирматорный факторный анализ*.

ПОИСКОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*exploratory study*) — в отличие от *конфирматорного исследования*, это исследование (корреляционное, экспериментальное и т. д.), в котором заранее не может быть выдвинута обоснованная гипотеза. Хотя некоторые российские авторы предпочитают термин «эксплораторное (или эксплоративное) исследование», но в данном случае основания для дискриминации термина «поисковый» отсутствуют. Синоним разведочное исследование. Вариант, который, к сожалению, иногда встречается в литературе — «исследовательское изучение». Иногда синонимично употребляют термин «*пилотажное исследование*» (сокр. *пилотаж*), однако последним также называют пробное исследование, предназначенное для проверки работоспособности и эффективности методики.

ПОИСКОВЫЙ ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ (*exploratory factor analysis*) весьма типичный вариант процедуры *факторного анализа*, в котором исследователь предварительно не формулирует и не испытывает точных гипотез о факторной структуре и факторной конфигурации. Противоположность конфирматорный факторный анализ. Синоним разведочный (или эксплораторный) факторный анализ.

ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*field research, field study*) — исследование, проходящее вне научной лаборатории; в том числе *натуралистическое наблюдение, естественный эксперимент* и *полевой эксперимент*. Противопоставляется *лабораторному исследованию*.

ПОПЕРЕЧНО-СРЕЗОВЫЙ ПЛАН (*cross-sectional design*) — план исследования возрастного развития, в котором ученый в одном периоде времени сравнивает (две или более) выборки индивидов разных воз-

растов, и делает выводы относительно процессов развития, которые лежат в основе обнаруженных межгрупповых различий (ср. *Лонгитюдное исследование*). Синоним метод генетических срезов, метод поперечных срезов, сравнительно-возрастной метод, синхронический метод, трансверсальная стратегия, *Исследование методом поперечных срезов* и т. п. Ср. также *Последовательный план*.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН (*sequential design*) — сложный план квази-экспериментального исследования в онтогенетических науках, в котором сочетаются план *лонгитюдного исследования с поперечно-срезовым планом* и *планом с временным лагом*, т. е. испытуемые **разных** возрастных групп несколько раз **повторно** изучаются на протяжении длительного периода (месяцы или годы), что позволяет оценить влияние факторов возраста, когорты и времени измерения.

ПРИЧИННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ (*causal explanation*) — объяснение какого-либо явления, демонстрирующее его причины, т. е. указывающее другие явления, которые производят или влекут за собой данное явление. Синоним каузальное объяснение.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ(Ы) (*hypothesis testing*) — статистическая проверка альтернативных предсказаний результатов опыта; заключается в сопоставлении некоторых статистических показателей (*критериев*), вычисляемых по данным выборки, со значениями этих показателей, определенными теоретически в предположении, что проверяемая *гипотеза* верна (критическое значение). При принятии решения об отклонении или принятии статистической *гипотезы* возможны два типа ошибок (см. *Ошибка первого рода* и *Ошибка второго рода*). При описании результатов П. г. необходимо точно указывать тип *критерия* (статистического теста); значение полученной *статистики* (например, $t = 2,43$); *степени свободы* и/или аналогичного показателя, необходимого для нахождения соответствующего *критического* значения (например, $df = 5$, $N = 32$); и оказалось ли полученное значение существенным (значимым). Если оно было существенным, сообщите на каком уровне (например, $p < 0,05$). Если оно не было существенно, то следует только написать, что оно было «не существенным» (в зарубежных источниках часто используется конвенциональное сокращение «ns» от «not significant»). Синоним тестирование гипотезы, статистическая проверка гипотез.

ПСЕВДОГИПОТЕЗЫ (*pseudohypotheses*) — утверждения, которые кажутся проверяемыми *гипотезами*, но фактически не являются таковыми.

РАЗВЕДОЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ — см. *Поисковое исследование*.

РАЗВЕДОЧНЫЙ ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ — см. *Поисковый факторный анализ*.

РЕПЛИКАЦИЯ (*replication*) — проведение повторного исследования, в котором, по возможности, точно повторяется метод первого. Р. проводится редко, обычно это делается в связи с теоретической значимостью оригинального исследования и наличии предполагаемых недостатков или ошибок в его проведении и описании, т. е. Р. необходима для проверки *валидности* первоначальных результатов. Сам факт репликации не означает еще *подтверждения* (конфирмации) результатов первого исследования.

САМО-ОЦЕНОЧНАЯ МЕТОДИКА (*self-report measure*) — любая методика, в которой информация о человеке получается от него самого посредством беседы, полуструктурированного интервью, нестандартизированного или стандартизированного опросника. Синоним само-отчетная методика. См. также *S-data*. Следует пояснить, что мы используем дефис в данных терминах не потому, что он есть в соответствующих англ. терминах, но прежде всего потому, чтобы не путать эти понятия с более узким понятием методик, в которых выявляется *самооценка* человека, как компонент его *Я-концепции*.

СКРЫТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (*unobtrusive measure*) — измерение характеристик поведения, когда участники не знают о наличии наблюдения за ними. Иногда *unobtrusive* переводят как «ненавязчивое» и «незаметное».

СТАНДАРТИЗАЦИЯ методик (*standardization*) — деятельность по унификации (установлению единообразия) параметров назначения, материалов, процедуры и способов получения итоговых показателей той или иной психометрической методики (например, теста), что является обязательной предпосылкой сопоставимости результатов исследований с помощью данной методики разными исследователями.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА — см. *Гипотеза, Альтернативная гипотеза, Нулевая гипотеза*.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА (*universal hypothesis*) — гипотетическое утверждение, согласно которому некоторое отношение между переменными справедливо без ограничений в течение всего времени и во всех местах. Ср. *Экзистенциальная гипотеза*.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ (*factor analysis*) — совокупность математических методов снижения размерности пространства измеряемых переменных путем идентификации тесно связанных друг с другом переменных и, напротив, переменных, независимых от других. Переменные, высоко коррелирующие друг с другом, образуют «*факторы*» (скрытые психологические переменные). Исходным материалом для применения Ф. а. служат **матрицы расстояний** между наблюдаемыми переменными (показателями разных тестов, показателями отдельных шкал и субшкал тестов, измерениями каких-либо характеристик испытуемых); в классических вариантах Ф. а. — это матрицы парных корреляций, в поздних модификациях — разнообразные меры расстояния. Основными алгоритмами Ф. а. являются метод главных компонент (точнее его вариант, который называется методом главных факторов) и *центроидный метод*. Наибольшую сложность представляет интерпретация результатов Ф. а. Многие методы *психодиагностики* и даже теории (например, теории личности, созданные Р. Кеттеллом, Г. Айзенком) создавались с помощью Ф. а. Ф. а. возник сначала в психологии, но теперь широко используется в различных науках, например археологии, физической антропологии, социологии.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (*functional analysis*) — см. *ABC-диагностика*.

ЦЕНТРОИДНЫЙ МЕТОД (*centroid method*) — один из популярных в прошлом методов *факторного анализа*, который разработал Л. Терстоун. Синоним метод центра тяжести. Ц. м. — является упрощенным вариантом метода главных факторов (главных компонент) с меньшим объемом вычислительных работ, дающим лишь приближенные результаты. В Ц. м. принимается, что первая координатная ось должна проходить через центр тяжести скопления точек, репрезентирующих признаки (переменные) в многомерном пространстве.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА (*existential hypothesis*) — предположение, которое утверждает, что некоторое отношение справедливо, по крайней мере, для одного случая. Ср. *Универсальная гипотеза*.

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНСТРУКТОВ (*construct explication*) — исследовательский процесс, с помощью которого устанавливается операция (процедура), необходимая для измерения абстрактного *конструкта*. В математике существует также понятие экспликации как перевода совершенно обыденных представлений в точные математические понятия.

ЭКСПЛОРАТОРНЫЙ ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ — см. *Поисковый факторный анализ*.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*empirical research*) — исследование с помощью эмпирических методов и нацеленное на сбор количественных и качественных данных, а также их обобщение, систематизацию, выведение законов и построение эмпирически валидных теорий. Э. и. основываются на так называемых «твердых (неопровержимых) данных» («*hard data*») и в большей степени придерживаются *научного метода* в противоположность др. исследовательским методологиям, таким как *натуралистическое наблюдение*, *архивное исследование* и др.

МЕТОД НАБЛЮДЕНИЯ (*observational method*) — 1) самостоятельный метод исследования событий так, как они происходят в естественных условиях, без экспериментального воздействия; например, длительное наблюдение за сообществом диких шимпанзе или за поведением детей во время игры; см. также *Виды наблюдения*, *Систематическое наблюдение*; 2) способ сбора данных, который может применяться в составе экспериментального плана как основной или дополнительный прием. В обоих случаях синонимично употребляется термин «обсервационный метод». В М. н. непосредственная регистрация интересующих событий производится либо техническими средствами, либо путем формального кодирования или ведения записей. См. также *O-data*.

L-data, L-ДАННЫЕ (от *Life*) — «жизненные данные»: информация о человеке, которую можно получить из фиксируемых в разных учреждениях и в разных документах записей о различных событиях его жизни. Например, для исследования связи между интеллектом и школьной успеваемостью, можно использовать отметки в классных журналах; в исследовании личности преступников можно использовать материалы судебных дел. Р. Кеттелл включал в категорию L-данных также результаты наблюдений за объектом в его естественной среде, однако удобнее такие данные выделять в особую категорию *O-данных*. См. также *Конкурентная валидность*.

LOTS (*множество*) — акроним для четырех типов данных: *L-данные*, *O-данные*, *T-данные*, *S-данные*.

O-data, O-ДАННЫЕ (от *Observer, Observation*) — данные наблюдений: информация, которую получают от наблюдателей. Возможны два типа такой информации: 1) протоколы наблюдений за людьми в их повседневной жизни специально обученными наблюдателями (например, воспитателями в детском саду, учителями в школьном классе и т. д.);

2) внешние оценки личности с помощью личностных шкал и вопросников (например, оценивание экстраверсии, навыков общения, уверенности в себе и т. д.). См. *Метод наблюдения*.

OT-data, OT-ДАННЫЕ (от *Objective Tests*) — в классификации Р. Кеттелла — объективные данные, или информация о личности, полученная из наблюдений за поведением в экспериментальных (тестовых) ситуациях. Ср. *T-данные*.

БАЙЕС НАБЛЮДАТЕЛЯ (*observer bias*) — искажение результатов наблюдений под влиянием предвзятых мнений, установок, желаний исследователя, осуществляющего процесс наблюдения; особенно его следует опасаться в исследованиях, в которых *метод наблюдения* предполагает необходимость интерпретации крупных единиц поведения (см. *Молярная система наблюдения*). Ср. *Байес экспериментатора*.

ВИДЫ НАБЛЮДЕНИЯ (*kinds of observations*). Как метод исследования, в психологии и гуманитарных науках используется 4 вида (неэкспериментального) экстероспективного *наблюдения*, которые выделяют и дифференцируют с точки зрения взаимоотношений наблюдаемых людей (или животных) и наблюдателя. Внешнее наблюдение (наблюдение со стороны) — наблюдатель фиксирует активность изучаемого объекта (например, *группы*) со стороны, не принимая участия в этой активности (см. *Натуралистическое наблюдение*). Такое наблюдение может быть: явным («обычным») или скрытым (например, с помощью полупрозрачного зеркала). *Включенное наблюдение* (участвующее наблюдение) — наблюдатель принимает участие в активности группы, становясь ее членом. При этом его роль исследователя-наблюдателя также может быть явной или скрытой, неизвестной членам наблюдаемой группы. В. н. можно дифференцировать и по др. признакам: например, по применению (или неприменению) записывающей, регистрирующей, измерительной аппаратуры; по длительности, периодичности. Принципиальное значение в психологии имеет деление на внешнее (экстероспективное) и внутреннее (интроспективное) наблюдение. См. *Естественный эксперимент*, *Косвенная процедура*, *Систематическое наблюдение*, *Скрытое наблюдение*.

ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ (*participant observation*) — описательный метод исследований, в которых исследователи-наблюдатели включа-

ются в состав изучаемой группы в роли ее членов с целью наблюдения за социальным поведением (нескольких индивидов или группы в целом). См. *Виды наблюдения*, *Наблюдение*.

ВЛИЯНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ (*observer influence*) — искажающее влияние присутствия наблюдателя на наблюдаемое поведение. Это искажение предотвращается в случае *скрытого наблюдения*.

ВНЕШНЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ — см. *Виды наблюдения*.

ВРЕМЕННАЯ ВЫБОРКА (*time sampling*) — методика организации *наблюдения* (или самонаблюдения), заключающаяся в получении информации о поведении и состоянии обследуемого объекта только в течение определенных (например, 10-минутных) интервалов времени, выбираемых в случайные моменты времени дня (суток). Ср. *Событийная выборка*.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ (*population*, или *universe*) — все возможные наблюдения, выполняемые согласно определенным правилам; полная совокупность всех возможных объектов (случаев), из которых делается *выборка* (например, все население страны, определенного региона или города). Характеристики Г. с. называются **параметрами**, а величины, которые характеризуют выборку, называются *статистикой*. См. *Выборочный метод*.

ЕСТЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ (*naturalistic observation*) — см. *Натуралистическое наблюдение*.

ИНТРОСПЕКЦИЯ (*introspection*) — получение эмпирических данных посредством наблюдения субъекта за его собственными психическими процессами и состояниями в момент их протекания или вслед за ним. Синоним самонаблюдение, метод самонаблюдения. Различные психологические школы предлагали разные концепции научно значимых вариантов И. В методе *аналитической интроспекции* В. Вундта и особенно его ученика Э. Титченера испытуемые проходили специальную подготовку для приобретения способности к изошренному интроспективному анализу. Вюрцбургская школа использовала похожий метод «**систематической интроспекции**», заключающийся в ретроспективном описании процесса решения интеллектуальных задач. Представители *гештальтпсихологии* заменили «аналитическую установку» на есте-

ственную, «**феноменологическую**», предполагающую свободное и непредвзятое описание переживаемых объектов и событий.

КОНТРОЛЬНЫЕ СПИСКИ ЕДИНИЦ ПОВЕДЕНИЯ (*behavior checklists*) — таблицы с *операциональными определениями*, которые исследователи должны использовать при наблюдении. См. *Молекулярная система наблюдения, Молярная система наблюдения*.

КОСВЕННАЯ ПРОЦЕДУРА (*unobtrusive procedure*) — любая эмпирическая процедура сбора данных, при которой наблюдаемые индивиды (люди или животные) не знают об этой процедуре. В это широкое понятие входят процедуры *скрытого измерения* и *скрытого наблюдения* объектов исследования (например, с помощью полупрозрачного зеркала или скрытых микрофонов), *естественные эксперименты*, а также *архивное исследование*, анализ физических следов (*physical traces analysis*) и продуктов деятельности. Термин *unobtrusive procedure* иногда переводится как «ненавязчивая процедура».

МЕЖНАБЛЮДАТЕЛЬСКАЯ НАДЕЖНОСТЬ (*interobserver reliability*) — степень взаимного согласия исследователей-наблюдателей, осуществляющих параллельное наблюдение одних и тех же событий. Близким понятием является *межэкспертная надежность*.

МОЛЕКУЛЯРНАЯ СИСТЕМА НАБЛЮДЕНИЯ (*molecular observational system*) — методика наблюдения с письменной регистрацией множества мелких деталей поведения: движений различных частей тела, поз, голосовых реакций без их обобщения и интерпретации (например, «морщит нос», «жмурится», «вздрагивает» и т. д.). Переводится иногда как «микросистема наблюдения». Исследователи отмечают, что М. с. н. и *молярная система наблюдения* не образуют четкой дихотомии, но являются относительными понятиями, поскольку возможны самые разные степени и уровни дробления потока поведения на единицы. Когда говорится о системе наблюдения, то предполагается, что заранее разработана классификация всех возможных единиц регистрации, которая дополняется, по необходимости, вербальными определениями этих единиц и пояснительными графическими схемами или фотографиями и фонограммами, а также созданы инструкции относительно экономных способов их записи. Подобные системы не-

обходимы для обучения наблюдателей и обеспечения надежности и валидности результатов наблюдения. См. также *Систематическое наблюдение*.

МОЛЯРНАЯ СИСТЕМА НАБЛЮДЕНИЯ (*molar observational system*) — методика наблюдения с письменной регистрацией крупных и обобщенных единиц поведения, основанных на субъективной интерпретации функций (смысла, мотивации) наблюдаемого поведения (например, «радуется», «стремится понравится», «выражает нетерпение» и т. д.). Переводится иногда как «макросистема наблюдения». См. также *Молекулярная система наблюдения*.

НАБЛЮДЕНИЕ (*observation*) — преднамеренное и целенаправленное восприятие, обусловленное задачей деятельности. Непосредственное или же технически опосредованное Н. составляют основу *метода наблюдения* — одного из главных методов сбора данных в исследованиях. См. *Включенное наблюдение*.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ (*naturalistic observation*) — эмпирический метод, в котором исследователь проверяет *гипотезы* посредством наблюдения людей и/или животных, когда они занимаются повседневными делами в своей *естественной среде* обитания (например, в лесу, дома, в школе, в офисе или на детской площадке); при этом обеспечивается минимальная *реактивность* обследуемых в отношении процедуры наблюдения. Н. н. может быть как внешним, так и включенным. См. *Виды наблюдения, Скрытое наблюдение*.

НЕЗАМЕТНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ — см. *Скрытое наблюдение*.

НЕРЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА (*nonrepresentative sample, biased sample*) — подгруппа, которая отличается существенными характеристиками от всей группы (или генеральной совокупности), к которой подгруппа принадлежит. См. *Проблема самоотбора, Смещение выборки*.

ОШИБКА НАБЛЮДАТЕЛЯ (*observer bias*) — см. *Байес наблюдателя*.

ПРОБЛЕМА САМООТБОРА (*self-selection problem*) — при проведении исследований на людях, если выборка состоит только из людей, добро-

вольно вызвавшихся участвовать в исследовании, то она может не быть репрезентативной. См. также *Смещение выборки*.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА (*representative sample*) — выборка, характеристики которой соответствуют характеристикам *генеральной совокупности*. Для обеспечения репрезентативности выборки чаще всего используется *случайный отбор* элементов. Предполагается, что при таком отборе (выборе) каждая возможная выборка фиксированного объема имеет одну и ту же вероятность выбора, а последовательные наблюдения взаимно независимы. См. *Случайная выборка*.

РЕТРОСПЕКЦИЯ (от лат. *retro* — назад + *specto* — смотрю). 1. Припоминание и анализ лично наблюдавшихся и пережитых событий, собственных действий и переживаний; рассказ о них. См. *Телескопический эффект*. 2. Особый метод *наблюдения* (с фиксацией фактов по памяти) и *интроспекции*, причем существует точка зрения, что самонаблюдение всегда есть в той или иной степени Р.

СВОБОДА ПОВЕДЕНИЯ (*response freedom*) — хар-ка ситуации, в которой индивиды ведут себя по-разному и спонтанно, что позволяет обнаруживать индивидуальные различия в поведении.

СЕРЕНДИПНОСТЬ (*serendipity*) — редкая интуитивная прозорливость исследователей, проявляющаяся в способности находить в полученных данных что-то неожиданное, сверх того, что планировалось в качестве первоначальной цели исследования, а также умение видеть оригинальные научные факты в повседневной жизни (например, данное свойство продемонстрировал К. Левин).

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ (*systematic observation*) — процедура наблюдения, в которой наблюдатели применяют определенную стандартизированную методику для кодирования происходящего во время наблюдения. См. *Метод наблюдения*.

СКРЫТОЕ НАБЛЮДЕНИЕ (*unobtrusive observation*) — наблюдение за объектами исследования (иногда в рамках *полевого эксперимента*), когда последние не догадываются о наличии наблюдения за ними. См. *Есте-*

ственный эксперимент, Косвенная процедура, Натуралистическое наблюдение, Скрытое наблюдение.

СМЕЩЕНИЕ ВЫБОРКИ (*sampling bias*) — фактор, систематически влияющий на процесс формирования *выборки* испытуемых или респондентов, из-за которого она не является репрезентативной *случайной выборкой* из *генеральной совокупности*, например выборка не из всего списка учащихся школы, а лишь из учащихся одного класса или исключительно из добровольцев. Синоним смещение отбора (*selection bias*). См. *Проблема самоотбора, Репрезентативная выборка*.

СОБЫТИЙНАЯ ВЫБОРКА (*event sampling*) — методика организации процесса наблюдения, в соответствии с которой наблюдатель производит регистрацию только в периоды, когда имеют место интересующие его события (например, определенные формы поведения). См. также *Выборка*.

СУБЪЕКТНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*subject variable*) — какая-либо характеристика испытуемых (респондентов, участников), которая, как, например, способности или черты личности, является продуктом уходящего в прошлое более или менее длительного процесса развития и зависящей от бесчисленного кол-ва факторов. Примеры С. п.: пол и возраст испытуемых, тип личности, IQ, кол-во зубов, успеваемость и т. д. В экспериментальных и квазиэкспериментальных исследованиях С. п. может быть представлена не только как *зависимая переменная*. Хотя в большинстве своем это переменные, которыми исследователь не способен управлять (манипулировать), в качестве независимой переменной они могут выступать как селекционные переменные.

ТЕЛЕСКОПИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ в памяти (*telescoping*) — явление, связанное с неточной датировкой прошедших событий, что необходимо учитывать при анализе ответов респондентов. Собственно Т. э. состоит в преуменьшении давности отдаленных во времени событий (более 2-х мес. давности), которые тем самым получают более поздние датировки.

ТИПЫ ДАННЫХ (*data types*) — типологии данных, которые чаще всего учитывают контекстную ситуацию («жизнь», «лаборатория») и инструментальные способы получения данных (например, опросники, наблюдение, аппаратурное измерение). Р. Кеттелл предложил делить данные на *L-данные, Q-данные* и *OT-данные*.

Глава 4 Эксперимент

МЕТОД ЭКСПЕРИМЕНТА (*experimental method*) — научно организованное наблюдение исследуемого явления в точно контролируемых условиях, позволяющих многократно воспроизводить его, управлять *независимыми переменными* и устанавливать их каузальное влияние на *зависимые переменные*, характеризующие исследуемое явление. В зависимости от места и внешних условий различают 2 основных вида эксперимента — *естественный эксперимент* и *лабораторный эксперимент*. См. также *Двойной слепой опыт*, *Экспериментальная психология*.

EXPERIMENTUM CRUCIS (лат.) — решающий, *критический эксперимент*. В буквальном смысле — пытка на кресте, применявшаяся в Древнем Риме как способ дознания истины.

АКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*action research*) — тип исследований в социальной психологии, введение которого приписывают К. Левину. Своей практической направленностью и экспериментальным характером А. и. похоже на известный в российской психологии тип исследования под названием «формирующий эксперимент». Главное отличие, видимо, было в том, что перед Левином стояла задача изменения сложившихся у людей аттитудов, а эта задача в большей степени является разрушительной, чем формировающей (например, в одном из А. и. необходимо было переубедить домохозяек в пользу сокращения потребления высокосортного мяса).

АНАГРАММА (*anagram*) — слово, словосочетание, бессмысленная комбинация букв, образованные перестановкой букв, составляющих др. слово. Задачи по разгадыванию А. используются в исследованиях мышления, мотивации, речевых способностей и в тестах интеллекта.

АРТЕФАКТ (*artifact, artefact*) — эффект в эксперименте, возникающий вследствие дефектов методики проведения опыта, влияния каких-либо

байесов. Так, в психологических экспериментах причинами А. могут быть невольные со стороны исследователя внушения испытуемому тех или иных показаний (см. также *Требуемые характеристики*), в электрофизиологии — токи от помех и т. п.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*association experiment*) — различные типы экспериментов, в которых в контролируемых условиях изучается актуализация вербальных ассоциаций, сформированных в прошлом опыте индивида. А. э. не имеет прямого отношения к *ассоцианизму*. Выделяют несколько типов А. э. Самыми известными из них являются следующие: 1. **Свободный А. э.** (первые варианты которого предлагали Э. Крепелин, К. Юнг, М. Вертгеймер и др.) — испытуемый в ответ на предъявленное экспериментатором слово-стимул отвечает как можно быстрее «первым пришедшим на ум» словом. 2. **Направленный А. э.** — отличие от свободного А. э. состоит в том, что испытуемому предлагают отвечать не любым словом, а словом из ограниченной области (например, ответное слово должно быть синонимом или видовым понятием и т. п.). 3. **Цепной А. э.** — испытуемому могут предложить в течение определенного времени, например 1—3 мин, произносить любые «приходящие в голову» слова («поток сознания»), однако возможен и вариант направленного цепного А. э. Эти типы А. э. поддаются двумерной дихотомической классификации по двум признакам: парный-цепной и свободный-направленный. Кроме научных целей (в исследованиях памяти или речи), А. э. применяется в *психодиагностике* личности, *психоанализе*, криминалистике для проверки ложных свидетельских показаний (входит в процедуру испытаний на детекторе лжи).

БАЙЕС ИСПЫТУЕМОГО (*participant bias*) — изменения в поведении участников исследования под влиянием их мнений о том, какое поведение соответствует целям и ожиданиям исследователя. Синоним байес участника. Явные или скрытые *требуемые характеристики* подсказывают участникам истинную цель экспериментов (или какую-то версию этой цели) и они могут более или менее сознательно стараться подтвердить гипотезу исследования (особенно если исследователем является симпатичный человек); т. е. знание о сути исследования может менять поведение испытуемых. Близким понятием является *хоуторнский эффект*, который формально определяется несколько иначе, но в реальности эти явления тесно сплетены друг с другом и с др. байес-

сами, особенно с *байесом социальной желательности*. См. также *Обман*, *Реактивность*.

БАЙЕС ЭКСПЕРИМЕНТАТОРА (*experimenter's bias*) — невольные искажения результатов исследования, возникающие вследствие не вполне объяснимого влияния ожиданий, желаний, заинтересованности экспериментатора в получении определенных результатов. Р. Розенталь эмпирически доказал, что подобные эффекты возникают не только в исследованиях на людях, но и в экспериментах на крысах. Синоним эффект Розенталя. Один из способов устранения эффектов ожиданий экспериментатора и испытуемого заключается в использовании стратегий «слепого» исследования, при которой только испытуемые («слепое» исследование) или испытуемые и экспериментаторы («двойное слепое» исследование) не знают, в какое из экспериментальных условий был помещен каждый испытуемый. См. также *Эффекты ожиданий экспериментатора*.

БЛОЧНАЯ РАНДОМИЗАЦИЯ (*block randomization*) — процедура *рандомизации*, используемая для осуществления квазислучайного распределения испытуемых по разным экспериментальным условиям при одновременном обеспечении их равного количества в каждом условии.

ВЕЛИЧИНА ЭФФЕКТА (*effect size*) — показатель, характеризующий силу экспериментального воздействия, т. е. влияния независимой переменной на зависимую. Одним из способов оценки В. э. служит показатель d , который определяется как разность между двумя средними значениями (например, для экспериментального и контрольного условий), деленная на общее *стандартное отклонение*. Примерные оценки: менее 0,2 — слабый эффект, около 0,5 — средняя В. э. и более 0,8 — сильные эффекты. Синоним сила эффекта. См. также *Мета-анализ*.

ВЕРОЯТНОСТНЫЕ ВЫБОРКИ (*probability samples*) — *выборки участников* исследования, созданные с помощью процедуры *рандомизации*. В равновероятных выборках у всех членов *генеральной совокупности* вероятность быть включенными в выборку одинакова (см. также *Случайная выборка*). В неравновероятных выборках — определенные категории генеральной совокупности представлены в большей или в меньшей степени. В этом случае должна быть определена доля этой категории в генеральной совокупности. В. в. позволяют повысить внешнюю ва-

lidность исследования, т. е. позволяют повысить обоснованность обобщений на генеральную совокупность.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ в факторном плане (*interaction in a factorial design*) — результаты эксперимента, показывающие, что характер связи *зависимой переменной* с одной из *независимых переменных* изменяется при изменении значений (уровней) др. независимых переменных; иначе говоря, это отсутствие однозначной связи между данной независимой переменной и зависимой переменной в силу того, что их связь модифицируется при изменении значений др. независимых переменных. См. также *Факторный план*.

ВНЕШНЯЯ ВАЛИДНОСТЬ (*external validity*) — степень обоснованности переноса (обобщения, расширения) результатов исследования, полученных на данной выборке испытуемых, на др. группы людей и на др. ситуации; короче, возможность обобщения выводов исследования на др. людей, условия и время. Ср. *Внутренняя валидность*.

ВНУТРЕННЯЯ ВАЛИДНОСТЬ (*internal validity*) — достоверность вывода, что именно манипуляция *независимой переменной* вызвала изменение в *зависимой переменной*. Главной угрозой для В. в. являются явные или скрытые *побочные переменные*. См. *Внешняя валидность*.

ВНУТРИГРУППОВЫЕ ПЛАНЫ (*within-subject designs*) — экспериментальные планы, в которых каждый участник подвергается воздействию всех уровней *независимой переменной* (или переменных), т. е. последовательно принимает участие в разных экспериментальных условиях. Синоним внутрисубъектный план; также используется термин «план с повторяющимися измерениями» (в уме приходится держать, что речь идет об измерениях в разных условиях). Одной из серьезных проблем, связанной с обеспечением *внутренней валидности* при В. п., является *эффект порядка*.

ВОЗДЕЙСТВИЕ (*treatment, experimental treatment*) — совокупность специальных факторов (или уровней факторов), эффект которых на зависимые переменные должен оцениваться. Условие с В. обычно противопоставляется контрольному условию или контрольной группе, на которую воздействие не оказывается. Синоним (экспериментальное) вмешательство. Английский термин *treatment* (*обработка*) является до-

вольно широким; первоначальное его использование в методологии, по всей видимости, связано с разработкой экспериментальных планов в области сельского хозяйства, где участки земли буквально «обрабатывались» разными комбинациями удобрений.

ДВОЙНОЙ СЛЕПОЙ ОПЫТ (*double-blind experiment, double-blind study, double-blind trial*) — контрольная процедура проведения эксперимента или *квазиэксперимента*, при которой фактическая последовательность условий остается неизвестной не только испытуемому (обычный слепой опыт; см. *Наивный, Ослепление, Слепой метод*), но также и экспериментатору (наблюдателю); например, поведение испытуемых оценивается людьми, которые не знают, кто из испытуемых подвергался экспериментальному воздействию. Использование Д. с. о. позволяет исключить возможное влияние (*байесов*) экспериментатора на результаты опыта и тем самым повышает объективность экспериментального исследования. Синоним дважды слепой метод.

ДЕБРИФИНГ (*debriefing*) — 1) Д. — этический принцип, согласно которому после эксперимента участникам необходимо разъяснить истинные цели исследования (особенно в случае их неполного информирования или обмана в ходе опытов); если опыты имеют индивидуальный характер, то Д. осуществляется в индивидуальных беседах с каждым участником; при групповых опытах Д. осуществляется на общем собрании, где исследователи дают разъяснения, отвечают на вопросы, извиняются за причиненные неудобства, устраняют стрессовые последствия опыта, просят не раскрывать какую-то информацию о процедуре (см. *Утечка*), сообщают о сроках окончания исследования и способе ознакомления с его результатами и т. д. См. также *Демистификация, Десенсибилизация, Обман*. 2) Д. — обсуждение результатов полевого исследования или пилотажного тестирования *анкеты*, проводимое совместно интервьюерами (помощниками) и аналитиками-исследователями с целью выяснения трудностей при проведении исследования и улучшения анкета и методики исследования.

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ (*dehoaxing*) — часть *дебрифинга*, в которой участникам объясняются истинные цели эксперимента. См. *Обман*.

ДЕСЕНСИТИЗАЦИЯ (*desensitizing*) — одна из задач и частей *дебрифинга*, в которой экспериментатор устраняет дестабилизацию психического со-

стояния испытуемых (тревогу, обиду, самообвинения и т. д.), вызванные процедурой эксперимента. Иногда переводится как «десенсибилизация».

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ (*voluntary informed consent*) — важный аспект *этики исследований* на людях, требующий, чтобы испытуемые, принимающие участие в исследовании, добровольно дали согласие на участие в нем, располагая при этом полной информацией о сущности исследования и предъявляемых к ним требованиях. См. также *Информированное согласие*.

ДОЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПЛАН (*nonexperimental design*) — план исследования, включающий экспериментальное воздействие, однако не имеющий той защиты от угроз *внутренней валидности*, которую обеспечивают экспериментальный или квазиэкспериментальный планы. Из-за грубых просчетов в планировании или элементарного пренебрежения методологическими нормами, результаты такого рода исследований в значительной степени лишены научной ценности. См. примеры: *План с неэквивалентными группами и лишь заключительным тестированием, План с одной группой и лишь заключительным тестированием, План с предварительным и заключительным тестированием на одной группе*.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*natural experiment*) — 1) исследование, в котором исследователь измеряет последствия воздействия некоторого естественным образом (независимо от воли исследователя) возникшего фактора (например, психологические последствия черепно-мозговой травмы или, как это ни странно, социокультурных изменений и различий). Синоним *квазиэксперимент*; 2) В рос. литературе Е. э. — особый вид психологического *полевого эксперимента*; разрабатывался рос. психологом А. Ф. Лазурским (1910; подробно описан в его книге «Е. э. и его школьное применение», 1918). Е. э. проводится в условиях обычной деятельности испытуемого, который (и это главное!) не знает, что является объектом исследования. Это позволяет избежать отрицательного влияния эмоционального напряжения и преднамеренности ответной реакции. *Наблюдение* нередко дополняется беседой с испытуемым. Социологи предпочитают использовать термин «активное наблюдение» по отношению к тому, что психологи называют «Е. э.».

ЗАБЛУЖДЕНИЕ (*false belief*) — устойчивое несоответствие знаний о чем-либо реальному положению дел. Если субъект не сомневается в истинности ложного представления об объекте, доверяет этому представлению, то оно и есть З. В психологических экспериментах исследователи иногда вынуждены вводить испытуемых в З. с помощью *обмана*.

ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*dependent variable*) — измеряемая в эксперименте переменная, которая, согласно *гипотезе* исследования, некоторым образом детерминируется одной или несколькими *независимыми переменными*.

ИМИТИРУЮЩАЯ КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА (*simulation control group*) — чтобы оценить возможное влияние *требуемых характеристик* в эксперименте, участников просят сделать вид, что они подвергались экспериментальной манипуляции (например, определенному внушению, которое применяют в гипнозе), и симитировать «требуемое» поведение. Синоним контрольная группа симуляции. Ср. *Плацебо группа*.

ИНСТРУМЕНТАЦИЯ (*instrumentation*) — условное обозначение одного из факторов, угрожающих *внутренней валидности*: незапланированные изменения, происходящие с экспериментаторами, наблюдателями или измерительными инструментами в ходе исследования, в интервале от одного наблюдения или измерения к другому, и влияющие на точность и правильность полученных данных. Синоним инструментальные факторы.

ИСПЫТУЕМЫЙ (*subject, S*) — традиционное название подопытного объекта исследования (человека или животного). В зарубежной литературе в настоящее время людей, принимающих участие в исследовании в качестве испытуемых, называют *участниками* исследования.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМАНДА (*research team*) — группа исследователей (часто состоит из преподавателей и студентов), совместно изучающих какую-либо научную проблему или решающих творческую практическую задачу. Синоним исследовательская группа.

ИСХОДНЫЙ УРОВЕНЬ (*baseline*) — 1) характеристики объекта исследования до экспериментального воздействия (вмешательства), выявляются с помощью *предварительного тестирования*; 2) в более узком смысле

ле, первая часть плана эксперимента с исходным уровнем, в котором подлежащее изменению поведение предварительно наблюдается для определения обычной его частоты возникновения. Синоним базовый уровень, базисная линия.

КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТ (*quasi-experiment*) — исследование, которое, как и эксперимент, направлено на проверку каузальной гипотезы, однако в нем не обеспечивается полный *контроль независимой переменной* и возможны нарушения в обеспечении эквивалентности групп. Понятие «К.» ввел Д. Кэмпбелл (1957), позднее оно разрабатывалось Кэмпбеллом и Стэнли (1963, 1966), которые представляли его как нечто среднее между управляемым *лабораторным экспериментом* и неуправляемым *естественным экспериментом*. См. также *Квазиэкспериментальный план*.

КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПЛАН (*quasi-experimental design*) — исследовательский план, который напоминает экспериментальный, но в нем нет случайного распределения *участников* по условиям и/или отсутствует *целенаправленная манипуляция* независимой переменной (она изменяется естественным образом). К. п. сталкиваются с недостатками внутренней валидности, тем не менее в них стремятся учитывать многие из угроз внутренней валидности. См. также *Естественный эксперимент* и *Полевой эксперимент*.

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*control variable*) — хар-ка объекта исследования или условий *эксперимента*, которую экспериментатор регистрирует (например, *зависимая переменная*) или устанавливает на определенном уровне и меняет от условия к условию (*независимая переменная*) или во всех условиях поддерживает на постоянном уровне.

КОНТРОЛЬ НЕЗАВИСИМОЙ ПЕРЕМЕННОЙ (*control of the independent variable*) — систематическое изменение *независимой переменной* согласно плану *эксперимента*, что является одной из определяющих характеристик эксперимента. Отсутствие такой *целенаправленной манипуляции* характерно для метода систематического наблюдения и др. *квазиэкспериментальных планов*.

КОНТРОЛЬ ПОБОЧНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ (*extraneous variable control*) — превентивные или коррекционные процедуры, направленные на пре-

дотвращение и нейтрализацию влияния *побочных переменных*, либо обеспечивающие учет их влияния на зависимую переменную в эксперименте. Такой контроль необходим ради того, чтобы исследование не утратило *внутреннюю валидность*.

КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА (*control group*) — группа испытуемых в *межгрупповом плане* экспериментального исследования, которая находится в нормальном (стандартном или нулевом) условии, без экспериментального воздействия. Ее главное назначение состоит в том, чтобы установить стандарт, в сравнении с которым должно оцениваться влияние экспериментального воздействия на зависимую переменную. Не следует смешивать К. г. с группой сравнения (*comparison group*): первый термин связан с методом эксперимента, тогда как второй обозначает некоторые группы участников, используемые для межгрупповых сопоставлений в неэкспериментальных исследованиях.

КОНТРОЛЬНОЕ УСЛОВИЕ (*control condition*) — условие в эксперименте, в котором не применяется экспериментальное воздействие и которое служит для сравнения. Понятие К. у. применяется как в случае межгрупповых, так и в случае *внутригрупповых планов*.

КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (*adjective check list, ACL*) — список личностных дескрипторов, применяющихся в качестве *само-оценочной методики* или для оценки др. людей. Наиболее известный К. с. п. Г. Гоха содержит 300 личностных прилагательных, расположенных в алфавитном порядке. Испытуемый инструктируется выбрать те из них, которые соответствуют объекту оценки.

КРИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*crucial experiment*) — эксперимент, в котором проверяются все возможные гипотезы одновременно так, что может быть установлена *истинная*. См. *Experimentum crucis*.

КУМУЛЯТИВНОЕ ЗАПИСЫВАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО (*cumulative recorder*) — аппарат для графической регистрации реакций (типа нажатия на клавишу) испытуемого при изучении оперантного научения. Каждая реакция вызывает небольшое отклонение пера самописца с движущейся бумагой. Если реакции следуют быстро одна за другой, то на бумаге получается линия с крутым наклоном. Синоним кумулятивный самописец.

ЛАБОРАТОРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (в психологии) (*laboratory experiment*) — тип исследования, позволяющий проверить *гипотезы* о каузальных отношениях между переменными, например, между внешними условиями и переменными задачи, с одной стороны, и характеристиками деятельности испытуемого или параметрами его психических состояний, с др., в специально организованной лабораторной среде (изолированной от посторонних влияний и нередко оснащенной специальными техническими средствами). Лабораторные условия позволяют обеспечить более полный и точный контроль (измерение и управление) независимых, зависимых и посторонних переменных, что необходимо для воспроизводимости изучаемого явления и проверки выдвинутых гипотез. См. *Метод эксперимента*.

МЕЖГРУППОВЫЕ ПЛАНЫ (*between-groups designs, between-subjects designs*) — экспериментальные планы, в которых имеются две или более независимые группы (участников), причем каждая группа получает различные значения независимой переменной, т. е. участвует в одном условии исследования. Противопоставляется планам с повторным воздействием, т. е. *внутригрупповым планам*. Синоним межсубъектный план.

МОНОТОННЫЙ ЭФФЕКТ (*progressive effect*) — *эффект порядка*, создаваемый неким монотонно изменяющимся на протяжении обследования фактором, характеризующим состояние испытуемого и влияющим на результаты измерений; например, М. э. создается усталостью.

НАИВНЫЙ (от лат. *nativus* — естественный, натуральный) — простодушный, по-детски непосредственный, доверчивый и неопытный. В экспериментальной психологии используется термин «Н. испытуемый» для обозначения испытуемого, который не знает настоящих целей эксперимента (см. *Двойной слепой метод, Слепой метод*).

НЕЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*independent variable*) — 1) переменная (например, характеристика стимулов, ситуаций, задач), которую исследователь систематически изменяет в эксперименте (контролирует посредством манипуляций), чтобы измерить ее воздействие на психические явления и поведение; 2) в *квазиэксперименте* — это переменная (как правило, *субъектная переменная*), разными уровнями которой отличаются группы испытуемых, специально сформированные экспери-

ментатором посредством отбора с целью оценки ее влияния на *зависимую переменную*; такую Н. п. можно назвать **селекционной** в отличие от Н. п. первого типа, которую можно назвать **управляемой** (регулируемой). В качестве синонима часто используется термин «*фактор*».

НЕКОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПЛАНЫ (*qualitative design*) — то же, что *Качественное исследование*.

НЕЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПЛАН (*nonexperimental design*) — см. *Доэкспериментальный план*.

ОБМАН (*deception*) — диктуемое логикой исследования преднамеренное введение участников в *заблуждение* относительно целей и каких-либо процедурных характеристик исследования. Нередко участникам не сообщают подробностей проведения эксперимента с целью избежать появления *требуемых характеристик* и, соответственно, *байеса испытуемого*. Синоним мистификация. См. также *Демистификация*.

ОБРАТНОЕ УРАВНОВЕШИВАНИЕ (*reverse counterbalancing*) — во *внутригрупповом плане* для компенсации *эффекта порядка* с каждым испытуемым проводят две серии опытов, причем порядок следования условий в двух сериях является обратным, т. е. (А-В)-(В-А) или (А-В-С)-(С-В-А) и т. п.

ОТКАЗ В БЛАГОТВОРНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ (*withholding treatment*) — этическая проблема, связанная со случайным распределением участников между группами в эксперименте, в результате чего одни испытуемые входят в экспериментальные группы и, возможно, подвергаются потенциально благотворному воздействию (например, у них развивают интеллектуальные или коммуникативные способности), а другая часть вынуждена служить только «фоном» и потому чувствует себя обделенной и обиженной.

ОТСЕВ ИСПЫТУЕМЫХ (*participant attrition*) — сокращение количественного состава экспериментальных и контрольных групп, первоначально сформированной выборки в течение времени проведения исследования (вследствие болезней и смерти, неявок, смены местожительства, незаполненных критериальных опросников и т. д.), что особенно ха-

рактерно для продолжительных лонгитюдных исследований и может приводить к снижению *внутренней валидности*.

ПИЛОТАЖНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*pilot experiment*) — пробное экспериментальное исследование, в котором проверяется работоспособность методики, в частности оценивается адекватность выбранного варианта уровней *независимой переменной* и способов регистрации *зависимой переменной*.

ПОБОЧНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*confounding variable, extraneous variables*) — переменная, уровни которой переплетаются (коррелируют) с уровнями *независимой переменной* и которая способна влиять на *зависимую переменную*. Иначе говоря, П. п. — любой неконтролируемый и не представляющий в данном исследовании интереса фактор, но реально или предположительно влияющий на зависимую переменную (результаты эксперимента). Существование П. п. ставит под угрозу *внутреннюю валидность* исследования, так как делает невозможной однозначную интерпретацию полученных эффектов как следствий номинального экспериментального воздействия. Это важное понятие в отечественной литературе скрывается под многими терминами, что, конечно, вызывает массу недоразумений и неудобств. Вот далеко неполный список синонимов (ради экономии опустим слово «переменная»): осложнитель, сопутствующая, вмешивающаяся, смешивающаяся, примешивающаяся, посторонняя, внешняя, паразитная, шумовая, третья, конкурентная, конкурирующая, альтернативная и т. п.

ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*field experiment*) — эксперимент (с некоторым контролируемым вмешательством и, возможно, случайным отбором и *случайным распределением* испытуемых по группам), который проводится в естественной среде (обстановке) типа дома, школы, детского сада или детской площадки. Если испытуемые не догадываются об участии в исследовании, то такой П. э. называется *естественным экспериментом*. С одной стороны, противопоставляется *натуралистическому наблюдению*, с другой — *лабораторному эксперименту*.

ПОЛНОЕ УРАВНОВЕШИВАНИЕ (*complete counterbalancing*) — при *внутригрупповом плане*, применение всех возможных последовательностей условий (вариантов) эксперимента, количество которых растет довольно быстро с ростом количества независимых переменных и их

уровней: при 2-х условиях возможны 2 последовательности, при 3-х условиях — 6 последовательностей, при 4-х — 24 и т. д. В связи с этим часто применяют *частичное уравнивание*, основанное на принципе *латинского квадрата* или еще более сокращенное *обратное уравнивание*. См. *Эффект порядка*.

ПОСТОЯНСТВО УСЛОВИЙ (*constancy of conditions*) — требование контроля переменных, не являющихся независимыми, и состоящее в том, чтобы поддерживать их на одном уровне во всех условиях на протяжении эксперимента. Нарушение этого требования ставит под угрозу *внутреннюю валидность* эксперимента и связано с проблемой *побочных переменных*.

ПРЕДВЗЯТОСТЬ — так нередко переводят на рус. язык термин *bias*, см. *Байес*.

ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕННОСТИ (*directionality problem, direction of effects problem*) — проблема, присущая всем корреляционным планам и выражающаяся в том, что в случае обнаружения корреляционной связи переменных *X* и *У* невозможно определить, какая из них должна рассматриваться как причина другой. См. также *Проблема третьей переменной*.

ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЕЙ ПЕРЕМЕННОЙ (*third variable problem*) — проблема, присущая всем корреляционным планам и выражающаяся в том, что в случае обнаружения корреляционной связи переменных *X* и *У* нельзя априори отрицать возможность, что эта связь объясняется одновременным влиянием третьей переменной на переменные *X* и *У*. Например, если установлена корреляция между количеством часов, которое студент проводит у компьютера, и его успеваемостью, то это не значит, что использование компьютера способствует учебе. В этом случае третьей переменной мог бы оказаться социо-экономический статус: понятно, что более состоятельные студенты имеют больше возможностей для использования компьютеров, но они вообще имеют больше ресурсов в своем распоряжении для хорошей учебы. См. также *Проблема направленности*.

ПРОВЕРКА ПО КРИТЕРИЮ СТЬЮДЕНТА ДЛЯ ЗАВИСИМЫХ ГРУПП (*t-test for dependent groups, related t-test*) — проверка гипотезы о значимо-

сти различий средних значений повторных измерений одной группы испытуемых (например, «до» и «после» экспериментального воздействия) или двух разных групп, которые могут быть объединены в пары (каждому члену одной группы соответствует определенный член другой группы) типа «брат — сестра», «муж — жена», «близнец 1 — близнец 2».

РАНДОМИЗАЦИЯ (*randomization*) — 1) процедура, с помощью которой каждый член *генеральной совокупности* имеет равную вероятность выбора для участия в исследовании; 2) (*random assignment*) — процедура случайного приписывания участников (испытуемых) к той или иной группе (к тому или иному условию). Если в исследовании участвует много испытуемых, то различия между группами должны усредняться (уравниваться), за исключением эффектов, производимых самим экспериментальным воздействием. Р. является одним из типов контроля в эксперименте, необходимым для обеспечения эквивалентности групп. См. *Эффект отбора испытуемых*.

РОЛЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО СУБЪЕКТА (*good subject role*) — вид *реактивности* и *байеса испытуемого*, который заключается в том, что, как правило, люди, добровольно участвующие в исследованиях желают помочь экспериментатору и науке, в связи с чем они стараются вести себя в соответствии с предполагаемыми ими *требуемыми характеристиками*.

СЛЕПОЙ МЕТОД (*single-blind method*) — экспериментальная процедура, в которой испытуемые не знают, находятся ли они в экспериментальном или контрольном условии; в более широком смысле, эксперимент, в котором участники не знают об уровне *независимой переменной*, воздействию которого они подвергаются. См. *Наивный, Двойной слепой метод*. Синоним слепой эксперимент (*blind experiment*).

СЛУЧАЙНАЯ ВЫБОРКА (*random sample*) — *вероятностная выборка*, которая создана на основе принципа равной возможности всем единицам генеральной совокупности быть отобранными. См. *Репрезентативная выборка*.

СЛУЧАЙНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*random variable*) — субъектная или внешняя переменная в эксперименте, уровень которой не фиксирован и не регулируется экспериментатором, но определяется случайными

факторами. В лучшем случае экспериментатор может надеяться на исключение систематического влияния такого рода переменных путем процедур *рандомизации* при формировании выборки, *случайного распределения* испытуемых по группам, варьирования порядка предъявления стимулов, задач, условий.

СОЗРЕВАНИЕ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ ВАЛИДНОСТИ (*maturation as a threat to internal validity*) — один из факторов, представляющих угрозу *внутренней валидности* исследования, связанный с естественной изменчивостью испытуемых, например процессом их спонтанного созревания и развития. Степень этой угрозы возрастает с увеличением длительности экспериментального воздействия и уменьшением возраста испытуемых. Следует заметить, что к категории созревания относят отнюдь не только процессы необратимого возрастного изменения испытуемых, но и непродолжительные и вполне устранимые состояния типа усталости, голода, недомогания.

ТАХИСТОСКОП (*tachistoscope*). Инструмент для кратковременного предъявления зрительных стимулов (слов, символов, изображений); иногда называется Т-скопом; широко используется, например, в исследованиях иконической и кратковременной памяти, микрогенеза восприятия и перцептивной защиты.

ТРЕБУЕМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (*demand characteristics*) — особенности экспериментальных условий и поведения исследователей, по которым испытуемые судят о том, что хотели бы получить и что ожидают исследователи; подобные подсказки могут влиять на поведение испытуемых. Например, если в исследовании по выявлению уровня анимистических ответов в качестве объектов используются преимущественно неживые объекты, то это может невольно подталкивать испытуемых давать анимистические ответы. Т. х. особенно очевидны в исследованиях с прямыми внушениями (в том числе в ситуации гипноза). Оригинальный англ. термин ввел М. Орни; по количеству вариантов перевода он может сравниться с термином «*побочная переменная*». Вот некоторые примеры: наводящий признак, требуемые результаты, предполагаемые требования, характеристики потребности, характеристики выдвигаемых требований. См. также *Имитирующая контрольная группа*, *Реактивность*.

УРАВНИВАНИЕ (*matching*) — контрольная процедура формирования эквивалентных групп испытуемых, при которой исследователи подбирают пары (тройки и т. д.) испытуемых, примерно равных по ряду характеристик («переменным отбора»), существенно связанных с зависимой переменной, а затем членов каждой такой пары (тройки и т. д.) случайным образом распределяют по разным группам. Идеальный случай У. достигается при участии в исследовании монозиготных близнецов. Синоним метод попарного подбора.

УРАВНОВЕШИВАНИЕ (*counterbalancing*) — при *внутригрупповых* планах исследования варьирование порядка следования экспериментальных условий с целью минимизации или устранения влияния *эффектов порядка*. См. также *Латинский квадрат*, *Обратное уравновешивание*, *Полное уравновешивание*, *Частичное уравновешивание*. Синоним контрбалансировка.

УТЕЧКА (*leakage*) — нежелательная передача информации о целях и процедуре эксперимента от одних *участников* исследования к другим, от одной группы к другой, в частности, от уже прошедших через эксперимент к будущим его участникам. См. *Дебрифинг*.

УЧАСТНИКИ (*participants, research participant*) — люди или животные, которые принимают участие в исследовании в качестве объектов наблюдения, воздействия, респондентов, информантов, конфедератов (т. е. ассистентов, помощников экспериментатора) и т. д. Ранее в западной литературе использовался термин *subjects* (*испытуемые*). Слово «испытуемый» якобы предполагает, что обозначаемые ими люди пассивны и реагируют на условия эксперимента во многом подобно тому, как реагируют химические вещества, когда их смешивают в лабораторной посуде, тогда как термин «У.» признает ту помощь, которую люди оказывают исследователям, принимая участие в исследованиях. Однако странно применять этот термин к испытуемым, которые даже не догадываются о своем участии в исследовании (см. *Естественный эксперимент*, *Скрытое измерение*, *Скрытое наблюдение*).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*functional experiment*) — эксперимент, нацеленный на *проверку гипотез(ы)* о виде функциональной зависимости между изучаемыми переменными; обычно требует использования большого множества уровней каждой *независимой переменной*.

ХОУТОРНСКИЙ ЭФФЕКТ (*Hawthorne effect*) — один из эффектов *реактивности*, состоящий в изменении поведения (деятельности) испытуемых, которое возникает лишь потому, что они участвуют в исследовании и к ним приковано внимание исследователей, а не вследствие влияния номинальной *независимой переменной*; название идет от города Хоуторн (штат Иллинойс), где на заводе компании «Вестерн электрик» с 1924 по 1933 гг. проводились исследования человеческих факторов производительности труда (сборка реле для телефонных станций), оказавшие влияние на организационную психологию.

ХРОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (*chronometric experiment*) — эксперимент, в котором показателем успешности действия является время его выполнения.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ (*purposive manipulation*) — систематический *контроль независимой переменной* в эксперименте. Противопоставляется контролю независимой переменной путем целенаправленного отбора значений независимых переменных.

ЧАСТИЧНОЕ УРАВНОВЕШИВАНИЕ (*partial counterbalancing*) — при внутригрупповом плане, применение ограниченного количества разных последовательностей прохождения испытуемыми через условия с разными уровнями *независимой переменной* (сочетаниями уровней нескольких независимых переменных) с целью минимизации *эффектов порядка*. См. также *Латинский квадрат*, *Обратное уравновешивание*, *Полное уравновешивание*.

ЧАСТОТА (*frequency*) — абсолютное или относительное количество появлений (наблюдений) того или иного значения измеряемой переменной.

ЧАСТОТА РЕАКЦИЙ (*rate of responding, rate of response*) — количество реакций (определенных единиц поведения), возникающих в течение данного периода времени или в единицу времени.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*ecological validity*) — степень, в которой эффекты, изучаемые в искусственной лабораторной среде, релевантны проблемам и явлениям, встречающимся в жизни; то, насколько полно в процедуре и материале исследования воспроизводятся (отражаются) процессы, которые происходят в естественной среде.

ЭКСПЕРИМЕНТ (*experiment*) — тип исследования, в котором исследователь контролирует *независимые переменные* (посредством селекции или манипуляции), обеспечивая запланированные их изменения от условия к условию, а также контролирует все др. условия так, чтобы устранить их влияние на *зависимые переменные*. Э. необходим для проверки гипотезы о причинно-следственной связи между экспериментальным воздействием (*независимой переменной*) и изменениями зависимой переменной, а также для получения информации о функциональной зависимости между независимой и зависимой переменными. См. *Естественный эксперимент*, *Квазиэксперимент*, *Лабораторный эксперимент*, *Метод эксперимента*.

ЭКСПЕРИМЕНТ С ИСХОДНЫМ УРОВНЕМ (*baseline experiment*) — см. *Исходный уровень*.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ГРУППА (*experimental group*) — при межгрупповом плане, совокупность индивидов, которые получают *экспериментальное воздействие*. Результаты, полученные в Э. г., сравнивают с результатами *контрольной группы*.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (*experimental control*) — шаги, предпринимаемые экспериментатором (например, *контрольная группа*, *рандомизация*, *ослепление*, *уравновешивание*), чтобы гарантировать, что все *побочные факторы*, которые могли бы влиять на *зависимую переменную* — почти эквивалентны в каждом экспериментальном условии; эти предосторожности предпринимаются ради того, чтобы экспериментатор был достаточно уверен, что изменения в зависимой переменной вызваны влиянием *независимой переменной*.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД (*experimental method*) — см. *Метод эксперимента*, *Эксперимент*.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПЛАН (*experimental design*) — особый план (схема, проект), определяющий способ формирования *выборки* и распределения участников по условиям, а также способы систематического изменения *независимых переменных* и регистрации изменений зависимых переменных. Собственно Э. п. не включает методы статистического анализа. Термин «Э. п.» также обозначает все шаги реализа-

ции экспериментального плана. Разработка Э. п. нацелена на то, чтобы гарантировать валидность его результатов и выводов, однозначную *проверку гипотез*. **Межгрупповой** Э. п. — разные группы, в том числе контрольная и экспериментальная группа. **Внутригрупповой** Э. п. (тестирование одной и той же группы до и после воздействия; одни и те же испытуемые во всех условиях факторного плана)

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ (*butterfly effect*) — термин, метафорически отражающий возможность серьезных последствий незначительных и непредсказуемых событий. Л. Росс и Р. Нисбетт объясняют его происхождение ссылкой на высказывание одного метеоролога о том, что бабочка, машущая крыльями в Пекине, при определенных обстоятельствах может повлиять на погоду, которая через несколько дней установится на западе США. Исследователь, имеющий дело с любыми сложными интерактивными нелинейными системами, должен быть готов к встрече с Э. б.

ЭФФЕКТ МОДЕРАТОРА (*moderator effect*) — изменение характера связи двух переменных друг с другом под влиянием третьей (промежуточной) переменной; например, при высоком уровне социальной поддержки взаимосвязь «стрессор-недуг» незначительна, тогда как при слабой социальной поддержке эта связь становится значительной. См. *Переменные-модераторы*.

ЭФФЕКТ ОТБОРА ИСПЫТУЕМЫХ (*subject selection effect*) — нарушение *внутренней валидности* исследования, возникающее вследствие неэквивалентности групп, что может быть вызвано отсутствием *рандомизации* или неудачной рандомизацией испытуемых при их распределении по группам.

ЭФФЕКТ ФАСАДА — см. *Байес социальная желательности*.

ЭФФЕКТЫ ОЖИДАНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРА (*experimenter expectancy effects*) — непреднамеренные влияния со стороны экспериментатора, которые показывают испытуемым, какое поведение от них ожидается в соответствии с имеющейся у экспериментатора гипотезой. Синоним эффект байеса экспериментатора (*experimenter bias effect*). См. также *Байес экспериментатора, Требуемые характеристики*.

Анкетирование Опрос Интервью

АНКЕТА (*self-administered questionnaire*; фр. *enquête* — расследование) — инструментальный *анкетного опроса*, включающий: а) указание организации, проводящей опрос, и его цели; б) инструкцию по заполнению А.; в) формулировки вопросов и (часто, но необязательно) возможные варианты ответов, из которых респондент должен выбрать наиболее подходящий; г) во вводной или в завершающей части А. задаются вопросы о *демографических характеристиках* респондента. А. обычно представляется в виде отпечатанного на бумаге текста, который заполняется рукописным способом. Однако все чаще используются А., составленные в электронном виде. Синоним вопросник, *опросник*, опросный лист.

ИНТЕРВЬЮ (*interview, interview survey*) — более или менее спланированная и структурированная беседа между исследователем (интервьюером) и испытуемым (респондентом), обычно в ситуации один на один, с целью получения той или иной научной информации (например, для исследования личности, для опроса о мнениях, аттитюдах и др.). С конца 1970 — начала 1980 гг. значительное развитие и методологическое осмысление получило **полуструктурированное исследовательское И.**, представленное многими методическими вариантами (например, нарративное И., центрированное на проблемах И. и др.) и которое выдвигается в качестве незаменимого эмпирического подхода для глубокого описания и понимания жизненного мира др. человека. Признание важности этого, в основном качественного (в смысле «неколичественного») подхода тесно связано с развитием антипозитивистской методологии гуманитарного знания, возникшей на почве *постмодернизма*. См. также *Транскрипция*.

ОПРОС (*survey*) — метод сбора данных, в котором *респонденты* отвечают на серию вопросов или высказываются по поводу набора утверждений на заданную тему. О. проводится либо в форме личной беседы либо посредством некоторых материалов и технических средств: *опросника, анкеты*, посылаемой по почте, компьютера, телефона и др. См. также *Интернет-опрос, Письменный опрос, Почтовый опрос*.

Q-data, Q-ДААННЫЕ (от *Questionnaire*) — согласно классификации Р. Кеттелла, это данные о личности, полученные с помощью опросников. Позднее эту категорию разделили между *L-данными* и *S-данными*.

S-data, S-ДААННЫЕ (от *Self-report*) — данные само-отчетов: информация, которую человек (испытуемый) дает о самом себе, в том числе с помощью само-отчетных опросников. Отчасти эта категория совпадает с понятием «*Q-данные*», которое ввел Р. Кеттелл. См. также *Само-оценочная методика*.

АНКЕТНЫЙ ОПРОС (*survey, survey research*) — один из двух основных видов опросных методов (второй — *интервью*), применяемый для получения информации, касающейся объективных или субъективных фактов (знаний, мнений, оценок, поведения). Исследование с помощью А. о. нередко охватывает большое число людей и проводится с помощью *анкет*.

АНОНИМНЫЕ ФОРМЫ ОПРОСА (*anonymous forms*) — *анкеты* и *опросники*, в которых респондентов не просят сообщать свои фамилии и имена, инициалы или иные потенциальные идентификаторы (например, дата рождения и домашний адрес), что гарантирует полную конфиденциальность опроса и большую степень открытости со стороны респондентов. В личном интервью анонимность гарантируется тем, что интервьюер в присутствии респондента запечатывает анкету в конверт без пометок и помещает его случайным образом в кучу подобных же конвертов.

БАЙЕС СОЦИАЛЬНОЙ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ (*social desirability bias, social desirability response set*) — при проведении само-оценочных опросов (см. *Само-оценочная методика*) — искажение ответа вследствие желания респондента произвести наилучшее впечатление, основанное на его представлениях о соц. желательности (одобряемости) / нежелательности (неодобряемости) тех или иных черт и поступков. Синоним *эффект фасада*. Б. с. ж. пытаются контролировать с помощью дополнительных шкал опросников, которые называются шкалами соц. желательности или шкалами лжи.

БАЙЕС, СВЯЗАННЫЙ С УКЛОНЕНИЯМИ ОТ ОТВЕТА (*nonresponse bias*) — смещение (искажение) результатов *опроса* вследствие того, что лица, вернувшие опросники, имеют заметные отличия по значимым

для исследования характеристикам от лиц, которые уклонились от участия в опросе.

БИПОЛЯРНЫЕ ВОПРОСЫ (*bipolar questions*) — вопросы, предполагающие ответ по биполярной шкале, которая имеет положительный и отрицательный полюс. В простейшем случае ответ на Б. в. сводится к выбору одной из двух-трех альтернатив (например, «одобряете / осуждаете» или, что более корректнее, «удовлетворен / безразличен / не удовлетворен»). Правильно поставленные Б. в. позволяют фиксировать интенсивность аттитюда в диапазоне от положительной до отрицательной величины с нейтральным средним значением. Ср. *Однополярные вопросы*.

ВОПРОС О ПРОШЛОМ (*recall question*) — вопрос, требующий воспоминания о прошлых событиях, свидетелем и/или участником которых был опрашиваемый. См. *Ошибки памяти, Телескопический эффект*.

ВОПРОС С ВЫНУЖДЕННЫМ ВЫБОРОМ (*forced-choice question*) — тип вопроса, при ответе на который респондента просят обязательно выбрать один из вариантов, который наиболее близок к его точки зрения, даже если ни один из предложенных вариантов не отражает его мнения в полной мере. См. также *Не знаю*.

ВОПРОС С МНОЖЕСТВЕННЫМ ВЫБОРОМ (*multiple-choice question*) — см. *Закрытый вопрос, Многоальтернативный вопрос*.

ВОПРОСНИК — см. *Анкета, Опросник*.

ВОПРОСЫ О ЗНАНИЯХ (*knowledge questions*) — вопросы для выяснения осведомленности респондента о текущих проблемах, людях или событиях, а также вопросы для оценки уровня образования и интеллектуального развития.

ВОПРОСЫ ОБ АТТИТЮДАХ (*attitude questions*) — вопросы, выясняющие отношение респондента к тем или иным проблемам или объектам.

ВОПРОСЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ОПАСЕНИЯ (*threatening questions*) — вопросы, на которые некоторые респонденты опасаются отвечать правдиво (например, «изменяете ли Вы мужу / жене?»; «являетесь ли Вы членом

компартии?», «употребляли ли Вы наркотики в течение последнего месяца?»). Подобные вопросы касаются социально одобряемых и не одобряемых форм поведения; кроме того, респонденты опасаются отвечать на вопросы относительно своего финансового положения, сексуального поведения и состояния здоровья. Обычно такие темы не обсуждаются с др. людьми. Синоним *сензитивные вопросы* или темы (*sensitive topics*). Для получения популяционных частот событий, о которых идет речь в такого рода вопросах, предложены разные варианты *метода рандомизированного ответа*. См. также *Нейтральные вопросы*, *Проективные вопросы*.

ГРУППОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОПРОСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (*group administration of surveys*) — одновременный опрос группы *респондентов* с помощью множества экземпляров *анкеты*.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (*demographic characteristics*) — основные классифицирующие переменные: пол, *возраст*, семейное положение, раса, этническое происхождение, этническая идентичность, уровень образования, профессия, доход, религиозная принадлежность и место проживания. См. *Анкета*, *Переменные*.

ДИХОТОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС (*dichotomous question*) — см. *Закрытый вопрос*.

ЗАКРЫТЫЙ ВОПРОС (*closed question, closed-ended question*) — часто используемый в опросах и тестах тип вопроса, в котором респонденту надо выбрать один или несколько вариантов ответа из прямо прилагаемого или подразумеваемого перечня различных ответов. В простейшем случае **дихотомического вопроса** респондент производит выбор из двух вариантов (например, «да» или «нет», «мужчина» или «женщина»). **Вопросы с множественным выбором** (см. также *Многоальтернативный вопрос*) включают более двух вариантов ответа: например «полностью согласен», «согласен», «не согласен», «полностью не согласен»; предельным случаем является вопрос, к которому придается графическая шкала, на которой респондент должен обозначить ответ точкой (меткой). Частным случаем вопросов с множественным выбором являются **вопросы-меню**, в которых респондент вправе выбрать более одного варианта ответов.

ИНТЕРНЕТ-ОПРОС (*internet survey*) — *опрос*, проводимый с помощью всемирной компьютерной сети. См. также *Онлайновое исследование*.

ИНФОРМАНТЫ (*informants*) — *респонденты*, которые дают информацию о др. людях, которых они знали, и событиях, свидетелями или участниками которых они были. См. также *Ключевые информанты*.

ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ (*informed consent*) — этическая норма, требующая предоставления потенциальным испытуемым (в случае маленьких детей — их родителям) достаточно полной информации об исследовании и получения от них письменного подтверждения на стандартном бланке, что человек дает согласие на участие в исследовании добровольно и со знанием о том, что в исследовании должно происходить. В опросных исследованиях эта норма является менее жесткой, так как от респондента не требуется письменного согласия, однако исследователь должен сообщить респонденту о целях исследования, свое имя, наименование организации, которую он представляет, ориентировочное время, необходимое на заполнение опросника или проведение интервью; кроме того, сообщается, что респондент имеет право не отвечать на «сензитивные» вопросы (см. *Вопросы, вызывающие опасения*). Синоним *добровольное информированное согласие*.

ИСКАЖЕНИЕ — см. *Байес*, *Смещение*.

КЛЮЧЕВЫЕ ИНФОРМАНТЫ (*key informants*) — *информанты*, предоставляющие информацию об организации, членом которой они являются и о деятельности которой они в силу своей ролевой функции хорошо осведомлены (например, это может быть тренер спортивной команды, директор школы, вождь племени и т. д.).

КОДИРОВАНИЕ (*coding*) — выбор способа преобразования ответов опросника в символическую (в частности, в числовую) форму для ввода в компьютер и последующей статистической обработки. Кодирование ответов на *закрытые вопросы* нередко производится еще на стадии проектирования опросника (предварительное кодирование).

ЛАТЕНТНЫЕ ЧЕРТЫ (*latent traits*) — 1) генетические черты, которые не проявляются в фенотипе индивида, но могут передаваться будущим поколениям; 2) черты личности, которые проявляются лишь в исключительных жизненных ситуациях; о них ни сам обладатель, ни окружающие долгое время не догадываются; возможно, что это те черты, которые были задавлены

воспитанием; 3) факторы, извлекаемые с помощью методов типа *факторного анализа*, или являющиеся теоретическими конструктами, опосредствованно измеряемыми с помощью соответствующих шкал опросников.

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПРОСНИК (*personal inventory*) — *опросник*, используемый в качестве *само-оценочной методики* или для оценивания личностных особенностей др. людей (индивидуально или стереотипно), состоящий из множества утверждений или вопросов о характеристиках *личности* и поведения, о которых человек решает, относятся они к целевому объекту. Стандартизированные Л. о., с помощью которых однозначно и количественно оценивается степень выраженности личностных черт респондентов или третьих лиц, часто относят к категории тестов. См. также *Проективный тест*, *Тест*, *Шкала лжи*.

ЛИЧНЫЕ ИНТЕРВЬЮ (*personal interviews face-to-face*) — интервью, в которых интервьюер задает вопросы, получает и записывает ответы в реальном режиме времени. С этой точки зрения телефонные интервью можно считать частным случаем Л. и., в то время как групповые интервью и анкетные опросы, в которых респондент сам заполняет анкету, хотя и проводятся в присутствии интервьюера, но не относятся к Л. и.

МЕТОД «ФОКУС-ГРУПП» (*focus group interviews*) — глубинное фокусированное *интервью* в форме серий групповых дискуссий, в ходе которых участников «фокусируют» на вопросах, интересующих исследователя с целью получения от них субъективной информации. Синоним фокусированное интервью, групповое глубинное интервью. Метод разработан американскими социологами Р. Мертоном и Р. Кендаллом (1944). Вскоре он стал активно использоваться не только в социологических, но и в психологических и экономических исследованиях, являясь неотъемлемой частью маркетинговых, рекламных и политических исследований.

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ — см. *Интервью*, *Метод «фокус групп»*.

МЕТОД РАНДОМИЗИРОВАННОГО ОТВЕТА (*randomized response technique*) — класс опросных методик, предназначенных для получения более точных популяционных пропорций различных вариантов поведения или установок, о которых идет речь в *вопросах, вызывающих опасения* у респондентов. М. р. о. гарантирует респонденту анонимность ответов

на эти вопросы. Первый вариант М. р. о. предложил экономист Ст. Уорнер (1965). Например, респонденту задают два вопроса, из которых один — сензитивный, т. е. вызывающий опасения, а второй — нейтральный. Сам Уорнер рассматривал вариант, в котором респонденту предлагают противоположные высказывания (например, «Вы являетесь шпионом» и «Вы не являетесь шпионом») и надо признать истинность или ложность одного из них. На каждый вопрос (высказывание) возможны два ответа: «да» или «нет». С помощью специальной процедуры рандомизации (своего рода жребий со смещенной вероятностью исходов, например 0,7 и 0,3), респондент решает, на какой из вопросов он должен дать ответ. Важным условием методики является то, что интервьюер не знает, на какой из двух вопросов отвечает респондент. В другом варианте этого метода предлагается один вопрос, но устройство рандомизации подсказывает, должен ли респондент отвечать правдиво или ложно.

МНОГОАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВОПРОС (*multiple-alternative question*) — *закрытый вопрос*, в котором респонденту (испытуемому) предлагается выбрать один из трех или более вариантов ответов. Вопросы, допускающие одновременный выбор двух и более вариантов ответа, называются «вопросы-меню».

НАВОДЯЩИЕ ВОПРОСЫ (*loaded questions*) — вопросы, специально или по небрежности сформулированные так, что внушают респонденту определенные ответы. Например считается, что вопрос, который начинается со слов: «Вы согласны, что...», является наводящим, поскольку он провоцирует согласие респондента. Как показал И. Левин (1987), респонденты одной группы давали более отрицательную характеристику говядине, которую им описывали как имеющую 25% жирность, по сравнению с респондентами другой группы, которые оценивали говядину на 75% постную. Н. в. могут специально использоваться для того, чтобы преодолеть затруднения респондента при ответах на вопросы, вызывающие опасения. Но нередко Н. в. применяются в целях манипулятивного давления на респондентов, чтобы получить нужные показатели общественного мнения.

НАПОЛНИТЕЛИ (*filler items, buffer items*) — вопросы (пункты) в *опросниках (анкетах)* для маскировки истинной цели опроса (особенно в опросниках на предубеждения). Например, исследователь хочет получить ответы на семь вопросов об отношении к гомосексуализму, а в со-

став анкеты может входить 43 вопроса-наполнителя по др. темам (например, отношение к утилизации отходов).

НЕ ЗНАЮ (*don't know*) — один из вариантов ответа, предоставляющий *respondentу* возможность отказаться от выбора содержательных альтернатив ответа. Аналогичные варианты: «не могу сказать точно», «не помню», «нет мнения», «нет ответа», «нет решения». Иногда некоторые из них объединяют в одном варианте ответа, но в некоторых случаях полезно их рассматривать отдельно (если, конечно, есть гарантия, что респонденты однозначно различают и толкуют семантические особенности этих вариантов).

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ (*nonverbal questions*) — вопросы (пункты опросников), использующие невербальные средства (например рисунки, фотографии, карты, музыкальные фрагменты или физические объекты), которые дополняют формулировку вопроса или предлагаемые респонденту варианты ответа.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ (*neutral questions*) — 1) вопросы, не содержащие в себе подсказки ответа и не затрагивающие главную тему опроса; 2) (*unrelated nonsensitive questions*) — вопросы, не вызывающие опасений у респондента (ср. *Вопросы, вызывающие опасения*).

ОДНОПОЛЯРНЫЕ ВОПРОСЫ (*unipolar questions*) — вопросы, предполагающие ответ по униполярной шкале, имеющей только положительный или отрицательный полюс. В простейшем случае ответ на О. в. сводится к выбору одной из двух альтернатив (например, «Вы одобряете X или нет?»; «Вы возбуждены или спокойны?»). О. в. позволяет фиксировать изменение установки от положительной к нейтральной или от отрицательной к нейтральной, но позитивная оценка не обязательно противопоставляется негативной. Ср. *Биполярные вопросы*.

ОН-ЛАЙНОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*on-line study*) — современный тип исследования, в котором сбор информации (тестирование, опрос) осуществляется с помощью глобальной сети Интернет.

ОПРОС ПО ТЕЛЕФОНУ (*phone survey*) — метод опроса, при котором исследователь задает вопросы и получает ответы по телефону. См. также *Система автоматизированного телефонного интервьюирования*.

ОПРОСНИК (*questionnaire*) — исследовательский инструмент, с помощью которого у обследуемых получают ответы на множество письменных вопросов; процедура применения О. может быть индивидуальной или групповой. Традиционно вопросник печатали на бумаге, но с появлением и широким распространением компьютеров их вводят в ЭВМ и предъявляют в электронной форме. В психологии стандартизированные О., с помощью которых количественно оценивается степень выраженности личностных черт (или др. психологические свойства) респондентов или третьих лиц, часто называют *тестами*. См. также *Анкета, Личностный опросник, Структурированное интервью*.

ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ (*open questions, open-ended question*) — тип вопроса, применяемый в *опросниках* и *интервью*; в отличие от *закрытых вопросов*, в них респонденту не предлагаются готовые варианты ответа; при этом, если специально не оговаривается, то респонденты могут формулировать свои ответы в свободной форме.

ОШИБКИ ПАМЯТИ (*memory error*) — невольные ошибки респондентов при ответах на вопросы о прошлых событиях, вызванные тем, что респондент забыл о к.-л. факте или вспоминает о нем неточно, с искажениями. См. *Вопрос о прошлом, Телескопический эффект*.

ПАНЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (*panel study*) — опросное исследование лонгитюдного типа, состоящее из нескольких повторных опросов на одной и той же выборке с помощью интервьюирования, опросников или заполнения дневников (см. *Дневники*). П. и. позволяет проследить индивидуальные изменения и получить более детальную информацию, чем при обычных однократных опросах.

ПЕРЕХОДНЫЕ ФРАЗЫ ИЛИ ВОПРОСЫ (*transitional phrases or questions*) — фразы или вопросы (в интервью, опросниках), которые информируют респондента об изменении темы, облегчая ему понимание последующих вопросов.

ПИСЬМЕННЫЙ ОПРОС (*written survey*) — метод опроса, при котором исследователь разрабатывает *опросник* (см. также *Анкета*), письменно заполняемый затем участниками эксперимента.

ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ (*semi-structured interview*) — метод проведения *интервью*, при котором интервьюер располагает достаточно четко установленной совокупностью вопросов, которые должны быть обсуждены и по которым должна быть получена информация, но их очередность и словесное оформление жестко не предопределены. См. *Структурированное интервью*.

ПОЧТОВЫЙ ОПРОС (*mail survey*) — *опрос*, проводимый путем рассылки вопросов по почте.

ПРАВО НА ВЫХОД (*right to withdraw*) — норма этики исследований, состоящая в информировании испытуемого (респондента) о его праве в любой момент отказаться от исследования (*опроса, эксперимента*) без объяснения причин.

ПРОЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ (*projective questions*) — форма вопросов в интервью или опросниках, которые на первый взгляд касаются мнений и установок др. людей, но предполагается, что в ответах (особенно по сензитивным темам) выражается точка зрения самого респондента. Такие вопросы нужны для преодоления барьеров при ответах на *вопросы, вызывающие опасения*.

ПРОЦЕДУРА СУЖЕНИЯ (*funneling procedure*) — такая последовательность вопросов (в опросном исследовании), при которой сначала задаются общие вопросы, а затем частные. Предполагается, что у большинства респондентов есть собственное мнение по общему вопросу; в противном случае следует применять обратную процедуру — расширения, т. е. начинать с частных вопросов.

РАНДОМИЗИРОВАННЫЙ ОТВЕТ (*randomized response*) — см. *Методика рандомизированного ответа*.

РАСШИФРОВКА ИНТЕРВЬЮ — см. *Транскрипция*.

РЕСПОНДЕНТ (*respondent*) — лицо, отвечающее на вопросы *анкеты* или *интервью*. См. *Анкетный опрос*.

СИСТЕМА АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ТЕЛЕФОННОГО ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ, САТИ (*computer-assisted telephone interviewing — CATI*) —

метод *телефонного опроса* с использованием компьютера: интервьюер читает вопросы и варианты ответов на дисплее, а ответы *респондента* сразу же вводит в компьютер.

СЛУЧАЙНЫЙ НАБОР НОМЕРА ТЕЛЕФОНА (*random digit dialing, RDD*) — формирование выборки для *телефонного опроса* с помощью случайного набора телефонных номеров. При этом первые цифры телефонного номера, определяющие территорию, где будет проводиться опрос, задаются фиксированными, тогда как последние четыре цифры номера генерируются случайным образом.

СТИЛЬ РЕАГИРОВАНИЯ (*response style*) — встречающаяся у некоторых испытуемых тенденция отвечать на вопросы теста (опросника) некоторым единообразным способом, который больше связан с формой вопросов (или ответов), чем с их содержанием. Например, ответив на первый вопрос «да» или «не уверен», респондент точно так же отвечает на многие др. вопросы, особенно если формулировки трудны для понимания или вопросы не вызывают интереса. Относится к *байесам* (или искажениям). Синоним установка на ответ (*response set*), байес реагирования (*response bias*). См. также *Установка на согласие*.

СТРУКТУРИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ (*structured interview*) — методика (техника) *интервью*, в которой всем участникам предлагают (в устной или письменной форме) одни и те же вопросы в одинаковом порядке, что позволяет сравнивать, объединять и статистически анализировать ответы. Во время С. и. исследователь использует специально заготовленный *опросник* (вопросник), в котором однозначно определены формулировки вопросов и их последовательность (структурированный опросник), тогда как в неструктурированном и *полуструктурированном интервью* используется лишь список тем, которые интервьюер должен обсудить с респондентами, варьируя по своему усмотрению формулировки и последовательность вопросов (неструктурированный опросник).

ТЕЛЕФОННЫЙ ОПРОС (*telephone survey*) — *опрос*, проводимый посредством телефонных *интервью*.

ТРАНСКРИПЦИЯ (*transcription*) — перевод (перекодирование) текста *интервью* из устной формы, зафиксированной с помощью диктофона или видео-

магнитофона, в форму письменного текста. Синоним расшифровка. Термин «Т.» и некоторые его синонимы часто используются двусмысленно, так как они означают как процесс, так и результат этого перевода. Однозначно на процесс Т. указывает термин «транскрибирование», который также используется при характеристике данного этапа исследования методом интервью.

УСТАНОВКА НА ОТВЕТ (*response set*) — см. *Стиль реагирования*.

УСТАНОВКА НА СОГЛАСИЕ (*acquiescence response set*) — один из стилей реагирования, для которого характерна склонность респондентов давать утвердительные (положительные) ответы на вопросы анкеты (теста) вне зависимости от их содержания; возможен также обратный эффект — предпочтение негативных ответов («нет», «не согласен» и др.). Респондентов, которые злоупотребляют ответами типа «да», «нравится» и «согласен», называют «поддакиватели», в противоположном случае — «негативисты».

УСТАНОВКА НА СОЦИАЛЬНУЮ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ (*social desirability response set*) — склонность (*байес*) давать социально одобряемые ответы на вопросы интервью или опросника.

ФИЛЬТРУЮЩИЙ ВОПРОС (*filter question*) — вспомогательный вопрос в интервью или анкете, который определяет, какие основные вопросы (интересующие исследователя) уместно задавать данному респонденту. Например, если исследователя интересует, о чем респонденты любят беседовать со своими детьми, то предварительно следует выяснить, имеются ли у них дети и какого они возраста.

ФОКУС-ГРУППА (*focus group*) — небольшая и относительно однородная группа людей для проведения групповой дискуссии по некоторой теме (ситуация на рынке товаров, соц. помощь, причины поражения на выборах). Члены Ф.-г. отбираются по определенным признакам (например, демографическим) релевантным целям исследования, однако они не являются представителями узкого круга специалистов и должны презентировать реакции широких слоев населения.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ВОПРОС (*empirical question*) — вопрос, ответ на который может быть получен с помощью методов наблюдения или эксперимента (*эмпирического исследования*).

Глава 6 Тестирование

ТЕСТ (*test*) — стандартизированная методика психологического измерения и диагностики выраженности психических и поведенческих свойств или состояний личности; иногда подчеркивается прикладной характер тестовых методик и упрощенный характер процедуры (что, конечно же, не общее правило). Классифицируются по разным основаниям, в частности: по характеру задач и способу ответа различают вербальные и практические Т. (еще в 1920-х гг. использовалось аналогичное деление на вербальные и немые Т.); по объекту измерения — Т. способностей (например, Т. интеллекта, Т. креативности, Т. специальных способностей), Т. достижений, личностные Т. (в том числе *личностные опросники*), тесты психических состояний; по характеру материалов и оборудования — бланковые (Т. «карандаш-бумага») и аппаратные (инструментальные), в том числе компьютерные; по способу обработки полученных данных — регистрационные (формализованный подсчет ответов) и интерпретационные (что характерно для *Проективных методов*); по ситуации применения — индивидуальные, в том числе самоприменяемые, и групповые Т.; по составу — монотрические и комплексные (тестовые батареи). Термин «умственный Т.» (*mental test*) предложен Дж. Кеттеллом (1890).

F-тест (*F-Test*) — отношение между двумя *дисперсиями*. Используется в *дисперсионном анализе*, чтобы определить, является ли экспериментальный эффект статистически значимым (чаще всего для того чтобы установить надежность различия между двумя или более группами). Синоним F статистика (*F statistic*).

T-data, T-ДАННЫЕ (от *Test*) — данные тестирования (тестовые данные): информация, полученная с помощью экспериментальных процедур или с помощью стандартизированных поведенческих тестов. Например, способность терпеливо переносить отсрочку удовлетворения же-

лания можно измерить, определив, как долго ребенок будет трудиться над заданием ради большего вознаграждения, сравнив эту ситуацию с той, где предлагается меньшее вознаграждение, но зато немедленно. Выполнение заданий по стандартизированным тестам, таким как тесты на интеллект, тоже может служить примером Т-данных. Эта категория во многом совпадает с понятием «ОТ-данные», которое ввел Р. Кеттелл.

t-test — статистический тест для проверки значимости различий между средними значениями двух выборок. Синоним t-критерий, критерий Стьюдента. См. *Проверка по критерию Стьюдента для зависимых групп*, *Проверка по критерию Стьюдента для независимых групп*.

БАТАРЕЯ ТЕСТОВ (*test battery*) — тест, являющийся набором субтестов, показатели которых могут объединяться для общей оценки индивидуальных или групповых особенностей.

ВАЛИДИЗАЦИЯ (*validation*) — 1) психометрическое исследование, направленное на определение *валидности теста* или др. измерительных инструментов; 2) проверка имеющейся информации посредством получения более точной информации (полученной др. и более точными методами). Синоним *Верификация*.

ВАЛИДНОСТЬ ТЕСТА (*test validity*) — любая из психометрических характеристик, показывающих точность, с которой тест измеряет то, для измерения чего он предназначен; чем меньше систематическая ошибка измерения, тем выше В. *Дискриминантная валидность*, *Конвергентная валидность*, *Конкурентная валидность*, *Конструктивная валидность*, *Критериальная валидность*, *Кроссвалидизация*, *Очевидная валидность*, *Прогностическая валидность*, *Содержательная валидность*.

ВНУТРЕННЯЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ (*internal consistency*) — вид *надежности* теста — гомогенность набора пунктов теста, т. е. степень, в которой конкретные пункты (например, опросника) оценивают один и тот же *конструкт*, насколько они измеряют одну и ту же переменную. Иногда синонимично употребляется английская калька — *консистентность*. Одним из видов оценки В. с. является *Надежность, определяемая расщеплением*. См. также *Коэффициент альфа*.

ДИСКРИМИНАНТНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*discriminant validity*) — оценка валидности, дополнительная по отношению к *конвергентной валидности*, причем оба вида валидности являются частными случаями *конструктивной валидности*. Если имеются теоретические представления о том, с какими др. свойствами (конструктами) связано и не связано свойство, измеряемое данным тестом, то высокие значимые корреляции последнего с тестами для связанных конструктов (конвергентная валидность) и низкие незначимые корреляции с тестами для несвязанных конструктов (Д. в.), повышают уверенность в конструктивной валидности этого теста. Таким образом, Д. в. есть степень статистической независимости данного теста с др. тестами (факторами, переменными), с которыми он, согласно теоретическим представлениям, не должен быть связан.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ (*posttest*) — измерение (и не обязательно с помощью тестов), проводящееся на заключительной стадии исследования, после того как члены экспериментальной группы подверглись экспериментальному воздействию. Синоним *посттест*. Полученные результаты сравниваются с результатами *претеста*.

ИСТОРИЯ (*history*) — условное название одного из факторов, угрожающих *внутренней валидности* исследования с предварительным и *заключительным тестированием*: состоит в том, что в интервале между претестом и посттестом помимо экспериментального воздействия на участников могут влиять некоторые исторические события. Например, отношение к терроризму резко меняется после очередного террористического акта.

КОНВЕРГЕНТНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*convergent validity*) — оценка валидности, дополнительная по отношению к *дискриминантной валидности*, причем оба вида валидности являются частными случаями *конструктивной валидности*. К. в. есть степень статистической зависимости (коррелированности) данного теста с др. тестами (факторами, переменными), с которыми он, согласно теоретическим представлениям, должен быть связан.

КОНКУРЕНТНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*concurrent validity*) — разновидность *критериальной валидности* тестов, которая оценивает, насколько точно

результаты измерения некоторой переменной, полученные с помощью данного теста, соответствуют общепринятому показателю этой переменной, который измеряется практически одновременно с применением данного теста в некоторой нормативной выборке. Например, К. в. нового теста интеллекта оценивается посредством сравнения с др. авторитетными тестами; К. в. сокращенного личностного опросника оценивается посредством сравнения с результатами, полученными с помощью полной формы данного опросника. Кроме того, типичным случаем является оценка К. в. теста на основе жизненных данных (см. *L-данные*), полученных в реальной (учебной, трудовой, семейной и т. п.) деятельности; в этом случае в качестве критерия нередко используется композитная переменная, составленная из ряда частных показателей. Синоним текущая валидность, статусная валидность (*status validity*), реже — диагностическая валидность. Ср. *Прогностическая валидность*.

КОНСЕНСУАЛЬНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*consensual validity*) — степень единогласия респондентов в поддержке какого-либо теоретического или практического положения. Этот термин относится не к психометрическим, а к социально-психологическим понятиям.

КОНСТРУКТНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*construct validity*) — степень обоснованности теории, положенной в основу создания данного *теста*. Понятие К. в. направляет внимание не на само измерительное средство, а на измеряемый *конструкт* и репутацию его теоретической интерпретации, которая зависит от применения и данного теста и всех прочих данных, релевантных данной теории. См. также *Конвергентная валидность* и *Дискриминантная валидность*.

КОНТРОЛЬНАЯ ПЛАЦЕБО ГРУППА (*placebo control group*) — то же, что *Плацебо группа*.

КОЭФФИЦИЕНТ АЛЬФА (*coefficient alpha*) — коэффициент для оценки надежности *внутренней согласованности*; пригоден для тестов, составленных из дихотомических или многоальтернативных вопросов (пунктов); определяется как ожидаемая *корреляция* одного теста с его параллельной формой, содержащей то же самое кол-во вопросов. Синоним коэффициент альфа-Кронбаха.

КОЭФФИЦИЕНТ ВАЛИДНОСТИ (*validity coefficient*) — корреляция между показателем теста и некоторым критерием, который этот тест предположительно предсказывает. К. в. используется для оценки текущей валидности, а также *прогностической валидности*.

КОЭФФИЦИЕНТ ДЕТЕРМИНАЦИИ (*coefficient of determination*) — для двух коррелирующих факторов — степень изменчивости одного фактора, вызванная изменчивостью второго фактора; вычисляется возведением в квадрат *коэффициента корреляции Пирсона*.

КОЭФФИЦИЕНТ КОНКОРДАНЦИИ (*concordance rate*) — процент случаев, в которых данный признак (например, диагноз шизофрении) присутствует у обоих членов пары близнецов; или, точнее, вероятность того, что он имеется у другого члена пары, если присутствует у одного из близнецов.

КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ (*correlation coefficient, coefficient of correlation*) — нормированный количественный показатель, изменяющийся в пределах от $-1,00$ до $+1,00$ и оценивающий силу и направление связи между двумя переменными. Отсутствие связи выражается величинами, близкими к нулю. Впрочем, какую величину К. к. считать существенной (значимой, неслучайной), зависит не только от абсолютной величины К. к., но и от размера выборки. При малой выборке даже К. к., равный $0,7$, может оказаться несущественным, а при большой выборке статистически значимым может быть К. к., равный $0,2$. См. примеры: *коэффициент корреляции Пирсона* и *коэффициент ранговой корреляции Спирмена*.

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*criterion validity, criterion-related validity*) — одна из форм валидности теста, которая оценивается корреляцией показателей теста с определенными внешними критериями измеряемого признака (например, школьные оценки служат внешним критерием для оценок *SAT*). Синоним: эмпирическая валидность (*empirical validity*). К. в. может быть представлена в виде *Конкурентной валидности* и *Прогностической валидности*. См. также *Критерий*, *Проблема критерия*.

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ — см. *Множественная линейная регрессия*.

КРИТЕРИЙ (*criterion*) — 1) эталонная переменная, с помощью которой оценивается *критериальная валидность* теста (как правило, предполагается, что назначение теста состоит в том, чтобы точно предсказывать эталонную переменную); 2) правило, заранее устанавливаемое для принятия решения о безуспешном и успешном завершении опыта: например, опыт может прекращаться в случае двух подряд неверных решений задачи или при отсутствии решения задачи в течение 10 мин; аналогично, в опытах с научением устанавливается тот или иной К. научения — например, определенное кол-во последовательных прохождений лабиринта без ошибок служит показателем, что лабиринт освоен; 3) К. статистической гипотезы — правило для принятия или отвержения гипотезы на основании характеристик выборки (см. *Проверка гипотезы*), например, *проверка по критерию Стьюдента* (см. *t-тест*), *критерию Вилкоксона*, *критерию хи-квадрат* и др.; часто термин «К.» используют и по отношению к *статистикам*, которые применяются в подобных правилах.

КРОССВАЛИДИЗАЦИЯ (*cross validation*) — процедура дополнительной проверки *валидности теста* или результатов исследования посредством применения теста на новой выборке или проведения исследования с др. группами испытуемых, а также с применением др. методов регистрации зависимых переменных. Иногда переводится как «перекрестная валидизация».

МЕЖЭКСПЕРТНАЯ НАДЕЖНОСТЬ (*interobserver reliability, interrater reliability, interjudge reliability*) — степень согласованности в оценках двух (или более) экспертов (судей, наблюдателей, оценщиков), параллельно воспринимающих, оценивающих и интерпретирующих некоторое поведение (например, согласованность их оценок агрессивности детей), одни и те же объекты, тесты, тексты и др. источники информации. Синоним межэкспертное согласие. См. также *Межнаблюдательская надежность*, *Надежность*.

МЕЖЭКСПЕРТНОЕ СОГЛАСИЕ (*interrater agreement*) — то же, что *Межэкспертная надежность*.

НАДЕЖНОСТЬ (*reliability*) — степень, с которой измерительный инструмент (методика) показывает согласованные (устойчивые, похожие)

результаты: 1) между разными моментами времени при условии постоянства измеряемой величины (см. *Ретестовая надежность*); 2) между разными наблюдателями (экспертами) (см. *Межнаблюдательская надежность*, *Межэкспертная надежность*); 3) между эквивалентными (параллельными) формами тестов (см. *Надежность параллельных форм*). Н. характеризует воспроизводимость измерений и величину случайных ошибок. Н. теста, как правило, оценивается с помощью *коэффициента корреляции* между двумя наборами тестовых показателей, объем выборки должен составлять не менее 200 испытуемых (об уровне некоторых отечественных исследований надежности свидетельствует след. факт: известный психолог оценивал ретестовую надежность опросника свойств нервной системы, предложенного Ю. Я. Киселевым, на двух испытуемых, одним из которых был он сам). См. также *Внутренняя согласованность*, *Надежность, определяемая расщеплением*. В измерение

НАДЕЖНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ СОГЛАСОВАННОСТИ (*internal consistency reliability*) — см. *Внутренняя согласованность*.

НАДЕЖНОСТЬ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ФОРМ (*alternative-form reliability*) — одна из форм *надежности* тестов (измерительных методик), которая характеризует степень согласованности в результатах применения двух или более версий определенного теста на одной и той же группе испытуемых; оценивается с помощью *коэффициента корреляции*. Синоним *надежность эквивалентных (взаимозаменяемых) форм*.

НАДЕЖНОСТЬ ПОВТОРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ (*test-retest reliability*) — то же, что *Ретестовая надежность*.

НАДЕЖНОСТЬ, ОПРЕДЕЛЯЕМАЯ РАСЩЕПЛЕНИЕМ (*split-half reliability*) — способ определения *надежности* теста (так называемой *внутренней согласованности*) путем разбиения одного теста (после его применения) на две части и вычисления корреляции между ними. Простой способ расщепления состоит в делении теста на группы заданий (вопросов) с нечетными и четными номерами. Синоним *расщепленная надежность*, *надежность частей теста*. В переводной литературе встречаются ошибочные способы перевода этого и производных терминов. Например, в книге «Лабиринты одиночества» (пер. с англ., 1989) пере-

водчики придумали выражения «надежность полураспада» и «коэффициент полураспада».

НОРМАТИВНАЯ ГРУППА (*norm group*) — группа испытуемых, результаты выполнения которыми некоторого *теста* служат в качестве стандарта (тестовых норм), позволяющего интерпретировать тестовые данные др. испытуемых.

ОСЛЕПЛЕНИЕ (*blinding*) — сокрытие от испытуемых (респондентов) и/или лиц, проводящих тестирование (наблюдение, обработку первичных данных) информации, способной спровоцировать возникновение определенных *байесов* и служить в качестве *требуемых характеристик*, например информацию о целях и гипотезах, а также о распределении испытуемых по условиям. Чтобы подчеркнуть метафоричность термина, его часто берут в кавычки.

ОЧЕВИДНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*face validity*) — отношение к тесту со стороны обследуемых, администрации, общественности, его воспринимаемая ценность. Например, низкая О. в. обнаружилась у тестов интеллекта, первоначально разработанных для детей, когда их стали применять для профессионального отбора взрослых людей.

ПЛАН С НЕЭКВИВАЛЕНТНЫМИ ГРУППАМИ И ЛИШЬ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ТЕСТИРОВАНИЕМ (*posttest-only design with nonequivalent groups*) — *доэкспериментальный план* с двумя группами испытуемых, в котором одна группа испытуемых подвергается воздействию одного уровня *независимой переменной*, а вторая группа, подобранная путем использования другого механизма отбора (без рандомизации), подвергается воздействию второго уровня (возможно, нулевого).

ПЛАН С ОДНОЙ ГРУППОЙ И ЛИШЬ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ТЕСТИРОВАНИЕМ (*one-group posttest-only design*) — *доэкспериментальный план*, в котором имеется лишь одна группа, которая подвергается экспериментальному воздействию и тестируется только один раз — после воздействия.

ПЛАН С ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ТЕСТИРОВАНИЕМ НА ОДНОЙ ГРУППЕ (*one-group pretest-posttest design*) — *до-*

экспериментальный план с одной группой и тестированием до и после воздействия; имеет весьма сомнительную *внутреннюю валидность*. К сожалению, многие отечественные исследования, проводившиеся по методу формирующего (или обучающего) эксперимента, использовали именно этот план. См. также *Предварительное тестирование*, *Заключительное тестирование*.

ПЛАН С ПОПАРНО УРАВНЕННЫМИ ГРУППАМИ (*matched groups design*) — межгрупповой план с двумя (или более) группами, которые составляются так, чтобы каждому члену одной группы соответствовал испытуемый другой группы со сходными значимыми характеристиками. При этом испытуемые, сходные (в идеале — эквивалентные) в отношении набора переменных, влияющих на результаты исследования, распределяются по группам случайным образом.

ПЛАЦЕБО (*placebo*; от лат. *placere* — нравиться) — индифферентный для организма препарат, имитирующий по внешнему виду (запаху, вкусу) каких-либо лекарственное вещество и применяемый в одной из групп (*плацебо группа* и *плацебо условие*) для контроля фактора внушения при клиническом исследовании действия новых препаратов. Термины «П.» и «*плацебо эффект*» давно вышли за пределы контекста фармакологических испытаний. По аналогии они могут применяться ко многим психотерапевтическим и социально-психологическим эффектам, которые обусловлены верой людей (и соответствующим внушением) в позитивное действие каких-либо факторов.

ПЛАЦЕБО ГРУППА (*placebo group*) — тип контрольной группы, которая участвует в *плацебо условии*, т. е. испытуемые, которые уверены в том, что они подвергаются экспериментальному воздействию некоторого фактора при отсутствии такового. Синонимы группа плацебо, контрольная плацебо группа.

ПЛАЦЕБО УСЛОВИЕ (*placebo condition*) — контрольное условие (в исследовании), в котором имитируется введение *независимой переменной* (у испытуемых создают впечатление и уверенность в существовании экспериментального воздействия), но изучаемый уровень *независимой переменной* при этом отсутствует (плацебо), например, испытуемому дается коктейль без алкоголя (или кофе без кофеина), если исследует-

ся эффект алкоголя (или кофеина) на поведение и самочувствие испытуемых. Можно сказать, что П. у. — это условие с мнимым фактором. См. *Плацебо эффект*.

ПЛАЦЕБО ЭФФЕКТ (*placebo effect*) — возникновение в *плацебо условии* (т. е. в условии с мнимым фактором Р) изменений зависимой переменной, похожих на те, которые первоначально вызывались реальным воздействием фактора Р. Например, если испытуемые уже знакомы с последствиями инъекции морфина, то иногда аналогичные результаты может вызывать и процедура, в которой морфин заменяют нейтральным веществом (хотя испытуемый уверен, что применяется морфин). П. э. показывает изменения (не только при химиотерапии), вызванные ожиданиями, установками, условнорефлекторными связями.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ (*pretest*) — измерение (причем не обязательно с помощью тестов), проводящееся в начале исследования, до того как члены экспериментальной группы подверглись экспериментальному воздействию. Синоним претест, констатирующая серия. См. также *План с предварительным и заключительным тестированием на одной группе, Заключительное тестирование*.

ПРЕТЕСТ — см. *Предварительное тестирование*.

ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ (*criterion problem*) — весьма типичная психометрическая проблема, связанная с трудностями нахождения общепризнанного эталонного критерия, с помощью которого можно было бы оценить *критериальную валидность* теста.

ПРОВЕРКА ПО КРИТЕРИЮ СТЬЮДЕНТА ДЛЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГРУПП (*t-test for independent groups*) — проверка гипотезы о значимости различий средних значений двух независимых выборок с помощью параметрического *t-теста*.

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*predictive validity*) — разновидность *критериальной валидности*, которая оценивает то, насколько успешно тест предсказывает критериальные характеристики будущей (учебной, трудовой и т. п.) деятельности испытуемых.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ (*projective methods*) — тесты, в которых испытуемому предъявляют материалы, допускающие широкое разнообразие интерпретаций (неясные, двусмысленные стимулы); предполагается, что ответы на такие неоднозначные стимулы обнаруживают важные для психодинамической оценки особенности личности респондента. Синоним проективные тесты (*projective test*).

ПРОЕКТИВНЫЙ ТЕСТ — см. *Проективные методы*.

ПРОФИЛЬ ТЕСТА (*test profile*) — представление показателей по ряду субтестов (субшкал) или вообще разнородных показателей для одного и того же индивида (или группы индивидов) на общем графике. Все типы показателей упорядочены вдоль абсциссы, а их числовые значения откладываются по ординате, причем эти значения соединены линией, так что можно легко видеть высокие и низкие показатели.

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ ТЕСТ (*psychometric test*) — тщательно разработанный стандартизированный инструмент для количественной оценки психологических особенностей; обычно это личностная или интеллектуальная шкала. Синоним психодиагностический тест. См. *Тест*.

ПУЛ УЧАСТНИКОВ (*participant pool*) — множество давших согласие на участие в исследовании людей (например, ответившие согласием студенты данного университета), из которых реально производится отбор в экспериментальные и контрольные группы. Иногда переводится как «фонд участников (или испытуемых)».

ПУНКТЫ ТЕСТА (*items of a test*) — отдельные тестовые задания, или вопросы в случае опросников. См. *Содержательная валидность*.

РАСПЦЕПЛЕННАЯ НАДЕЖНОСТЬ (*split-half reliability*) — см. *Надежность, определяемая расщеплением теста*.

РЕАКТИВНОСТЬ (*reactivity*) — изменения в поведении испытуемых, вызванные разнообразными мотивами, которые связаны с их знанием того, что за ними наблюдают, их изучают, от них ждут определенных результатов. Термин «Р.» объединяет множество разных понятий: *Байес испытуемого, Байес социальной желательности, Требуемые характе-*

ристки, Хоуторнский эффект. Р. обычно рассматривается как одна из угроз внешней и внутренней валидности. Например, дети нередко думают, что если они не решат задачу, то их будут считать глупыми (в терминах Розенберга, «эффект ожидания оценки»); и это особенно может сказаться на этапе *заключительного тестирования* (посттеста), поскольку дети (тем более взрослые) понимают, что от них ждут улучшения по сравнению с претестом.

РЕГРЕССИЯ К СРЕДНЕМУ (*regression to the mean, regression toward the mean*) — тенденция приближения крайне высоких или крайне низких показателей к групповому среднему значению при последующем измерении (тестировании); др. словами, если во время *предварительного тестирования* получены очень высокие или низкие оценки, то при *заключительном тестировании* оценки будут ближе к среднему, что может быть фактором, угрожающим *внутренней валидности*.

РЕТЕСТОВАЯ НАДЕЖНОСТЬ (*test-retest reliability*) — одна из форм *надежности* теста (измерительной методики), которая определяется путем повторного тестирования той же самой группы и подсчета *коэффициента корреляции* между двумя рядами результатов. Синоним *надежность повторного тестирования, тест-ретест надежность*.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ВАЛИДНОСТЬ (*content validity*) — одна из форм *валидности* теста, определяемая как соответствие (адекватность) содержания каждого и всех вместе *пунктов теста* измеряемым переменным. Процедура проверки и оценки С. в. не является формализованной; одна из целей состоит в отборе таких пунктов, которые без излишнего дублирования достаточно полно представляли бы разные проявления или стороны измеряемых черт или способностей. Синоним *валидность по содержанию*.

СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЙ ТЕСТ (*standartized test*) — тест, который в результате стандартизации, снабжен эксплицитными требованиями по его применению, соблюдение которых разными исследователями гарантирует более высокий уровень объективности получаемой информации и возможность пользоваться прилагаемой к тесту нормативной базой.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ТЕСТ (*statistical test*) — статистическая процедура *проверки гипотезы*, позволяющая решить, обладает ли некоторое событие *статистической значимостью*, а не является просто случайным результатом, например, различие между средними двух групп в отдельном эксперименте.

СТЕПЕНИ СВОБОДЫ (*degrees of freedom, df*) — величина, необходимая для вычисления и определения по таблице вероятности результатов статистического теста (например, *t-тестом*). Буквально, этот термин определяет кол-во независимых наблюдений, которые являются возможными источниками *вариативности* минус кол-во независимых параметров, которые использовались при вычислении этой вариативности. В дисперсионном анализе сумма квадратов (SS), деленная на число С. с. (df), называется средним квадратом (MS).

ТЕСТ БОНФЕРРОНИ (*Bonferroni test*) — процедура изменения (коррекции) установленного критерия отклонения *нулевой гипотезы* до более реалистического уровня, когда требуется провести больше, чем обычно, количество парных сравнений в эксперименте со множеством групп. Чтобы выполнить Т. Б., установленный уровень вероятности (например, 0,05) делят на число возможных сравнений (например, 3), а полученное значение (в данном случае 0,017) используется как критерий для отклонения нулевой гипотезы.

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ ВАЛИДНОСТИ (*testing as a threat to internal validity*) — изменение воздействия *независимой переменной*, обусловленное предшествующим воздействием на испытуемых процедуры тестирования; в экспериментальных планах с тестированием до и после экспериментального воздействия предварительное тестирование может играть роль *побочной переменной*, снижающей *внутреннюю валидность* исследования. См. *Заключительное тестирование, Предварительное тестирование*.

ЭФФЕКТ ПЛАЦЕБО (*placebo effect*) — см. *Плацебо эффект*.

ЭФФЕКТ ПОРЯДКА (*order effect, sequence effect*) — во *внутригрупповых планах* влияние порядка (прохождения испытуемых через экспериментальные условия) на зависимую переменную (результаты). Э. п. отсут-

ствуют при использовании межгруппового плана, в котором каждый участник получает только одно воздействие. Синоним эффект последовательности. Если все испытуемые тестируются в одном и том же порядке, то порядок становится дополнительной *побочной переменной*, создающей угрозу внутренней валидности. В основе Э. п. могут лежать **разные причины**: например, научение, установка, утомление, эффект контраста, практика. Так, если в исследовании физической аттрактивности испытуемых просят оценить привлекательность трех лиц, предъявляемых на фотографиях (слайдах, дисплее) всем испытуемым в одном и том же порядке, то оценка третьего лица вследствие контраста может быть сильно заниженной, если вторым предъявлялось изображение лица с высокой аттрактивностью. Некоторые причины, например усталость, являются монотонно усиливающимися факторами, в связи с чем используется термин «*монотонный эффект*» (*progressive effect*). Если устранить Э. п. невозможно, то можно попытаться нейтрализовать его влияние на среднегрупповые результаты, сделав порядок управляемой переменной, с тем чтобы различные испытуемые получали стимулы с разными порядками. Такая процедура называется *уравновешиванием* (*counterbalancing technique*). Синоним эффект последовательности. См. также *Полное уравновешивание*, *Частичное уравновешивание*.

Измерения в психологии

ИЗМЕРЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ (*measurements in psychology*) — процедуры получения числовых характеристик для свойств изучаемых в психологии явлений и объектов, например, моторных и речевых реакций, ощущений, способностей, мотивов, установок и поступков личности, ее статуса в группе. Разнообразные виды измерения в теоретическом плане формализуются с помощью понятия шкалы. **Шкала** — это множество чисел, отношения между которыми отражают отношения между объектами эмпирической системы; шкалой называют как результаты измерения, полученные определенной системой вопросов, заданных испытуемому, так и сам инструмент измерения (т. е. систему вопросов, опросник, тест). Шкалы разделяют по типу в соответствии с тем, какие отношения они отражают, и, что эквивалентно, теми допустимыми (математическими) преобразованиями, которые оставляют инвариантными соответствующие отношения. Широко известна простая типология шкал, предложенная американским психологом С. Стивенсом (1946): *шкала отношений*, *интервальная шкала*, *порядковая шкала* и *номинальная шкала*. Эти и многие др. типы шкал совместимы с широким определением **измерения** «как приписывания чисел объектам или событиям согласно правилам» (Стивенс). См. также *Многомерное шкалирование*.

ANOVA (*аббревиатура от ANalysis Of VAriance*) — процедура *дисперсионного анализа* с одной зависимой переменной и одной или более независимыми переменными.

SPSS (*аббревиатура от Statistical Package for the Social Science*) — статистический пакет программ для компьютерного анализа эмпирических данных в социальных науках (11-я версия появилась в 2002 г.).

АДДИТИВНОСТЬ (*additivity*) — статистическое предположение при использовании параметрической статистики, состоящее в том, что эф-

фекты (экспериментального) воздействия и эффекты ошибки в эксперименте аддитивны (складываются линейно).

АДДИТИВНЫЕ СИГНАЛЫ (*additive signals*) — сигналы, складывающиеся линейно, причем результирующий сигнал равен сумме всех действующих одновременно сигналов. Ср. *Мультипликативные сигналы*.

АНАЛИЗ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ (*time-series analysis*) — статистический анализ данных, полученных в исследовании единичного объекта (например, одного человека или одной группы), в котором последовательно и многократно производятся наблюдения или измерения одной или более переменных данного объекта. А. в. р. — это довольно широкое понятие, охватывающее множество различных математических методов: например, *дисперсионный анализ* с повторными измерениями, *автокорреляция*, *анализ Фурье*. См. также *План временных рядов*.

БАЗА ВЫБОРКИ (*sample frame*) — общий первоначальный список людей (групп, организаций), из которых «вытягивается» выборка.

БАЙЕС (*bias*) — 1) систематическая ошибка измерения, т. е. то же, что и *смещение*; 2) в более узком смысле, любая типичная тенденция в ответах испытуемых (респондентов, экспертов), искажающая результаты измерения (диагностики) целевых параметров и создающая *артефакты* (в результатах исследования). В этом смысле, термин «Б.» имеет также психологический смысл, поскольку речь идет о субъективных источниках систематической ошибки измерения. Примеры Б.: центральная тенденция (предпочтение середины шкалы оценок, когда испытуемые мало знают об оцениваемых объектах), тенденция к выбору более социально желательных ответов, склонность к согласию (см. *Стиль реагирования*) или к позитивным ответам и др. Существует большое количество слов, которыми переводчики пытаются заменить термин «Б.» (например, ошибка, погрешность, предубеждение, предвзятость, смещение, искажение, склонность, уклон); уже одно это разнообразие может служить аргументом в пользу предпочтения английской кальки.

БАЙЕС ПОДТВЕРЖДЕНИЯ (*confirmation bias*) — одна из типичных ошибок, свойственная многим исследователям и консультантам — тен-

денция селективно обращать внимание на информацию, которая подтверждает предварительно сформированные ожидания, мнения, в том числе и заблуждения, и игнорировать др. информацию, которая опровергает эти установки. Это, конечно, общее свойство людей, но долг профессионалов сознательно стремиться к минимизации этого фактора. Синоним подтверждающий уклон.

ВАЛИДНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКОГО ВЫВОДА (*statistical conclusion validity*) — обоснованность статистических выводов, осуществляемых в ходе анализа данных.

ВМЕШИВАЮЩАЯСЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*confounding variable*) — см. *Побочная переменная*.

ВЫБОРКА — 1. (*sampling*) — чаще всего имеется в виду процесс формирования группы обследуемых объектов, называемой **выборочной совокупностью**; этот процесс называют также «отбором»; 2. (*sample*) — сама выборочная совокупность (см. 1) наблюдаемых объектов (индивидов); 3. В. статистическая — множество значений изучаемой переменной, зарегистрированное в эксперименте. 4. Во многих исследованиях возникает необходимость производить и др. виды В.: временная выборка, событийная выборка; при создании материалов для эксперимента нередко приходится выбирать тексты, рекламные ролики, фотографии.

ДЕСКРИПТИВНАЯ СТАТИСТИКА (*descriptive statistic*) — см. *Описательные статистики*.

ДЕСКРИПТОР (*descriptor*) — ключевое слово или словосочетание, используемое для информационного запроса в информационно-поисковых системах.

ДИСКРЕТНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*discrete variable*) — переменная, которая может принимать лишь те числовые значения, которые различаются четко определенными шагами и их можно выразить целыми числами (например, 1, 2 и т. д.); др. словами, для Д. п. неверно, что между любыми значениями всегда найдется промежуточное. Синоним прерывная (*discontinuous*) переменная. Противоположность *Непрерывная переменная*.

ДИСПЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ (*analysis of variance*) — параметрический метод статистического вывода, используемый для анализа данных, полученных в факторном эксперименте или в однофакторном многоуровневом эксперименте; метод состоит в разделении (анализ) на компоненты полной *дисперсии*, обнаруженной в эксперименте. Посредством вычисления отношений между этими компонентами (*F-тест*) можно получать ответы на разные эмпирические вопросы, например о существенности различий между двумя и более группами в эксперименте. См. также *ANOVA*.

ДИСПЕРСИЯ (*variance*) — статистическая мера *вариативности* (изменчивости) какого-либо признака, среднее значение квадратов отклонений каждого значения от группового среднего (иначе говоря, стандартное отклонение, возведенное в квадрат).

ДИСПЕРСИЯ ОШИБКИ (*error variance*) — компонент общей *дисперсии*, оценивающий несистематическую вариативность значений какого-либо переменной, вызванную случайными факторами или индивидуальными различиями.

ИНДУКТИВНЫЕ СТАТИСТИКИ — см. *Статистики вывода*.

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ШКАЛА (*interval scale*) — одна из шкал измерения, которая помимо отношений, указанных для шкал наименований и порядка, отображает отношение расстояний (разностей) между парами объектов. Для нее допустимым является положительное линейное преобразование (изометрическое преобразование). Шкалы Цельсия и Фаренгейта, с помощью которых измеряется физическая температура, представляют примеры И. ш. В психологии к таким шкалам относят полученные методом парных сравнений шкалы измерения различных субъективных феноменов.

КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА (*Pearson product-moment correlation coefficient*) — статистика, используемая для измерения силы связи между переменными в интервальной шкале или в шкале отношений. Относится к классу параметрических статистик. Незначимость К. к. П. нельзя истолковывать как отсутствие связи между переменными, достоверно можно говорить лишь об отсутствии линейной связи. Синоним пирсоново *r* (*Pearson's r*).

КОЭФФИЦИЕНТ РАНГОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ СПИРМЕНА (*Spearman rank-order correlation coefficient*) — *непараметрическая статистика*, используемая для оценки силы связи между двумя переменными, измеряемыми в *порядковых шкалах*.

КРИВАЯ НОРМАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ (*normal curve*) — графическое представление *нормального распределения* вероятности.

КРИТЕРИЙ ВИЛКОКСОНА (*Wilcoxon matched-pairs signed-ranks test*) — *непараметрический критерий* статистического вывода о значимости различия двух зависимых выборок (например, измерений некоторой переменной в одной и той же группе испытуемых «до» и «после» экспериментального воздействия). Переменная может быть измерена в порядковой или более сильной шкале. Для вычисления статистики используются ранги абсолютных разностей между первым и вторым измерением: величина статистики определяется как сумма рангов для более редких сдвигов (положительных или отрицательных разностей). В российской литературе К. В. часто обозначают как критерий Т.

КРИТЕРИЙ ХИ-КВАДРАТ (*chi-square test*) — *непараметрический критерий* статистического вывода, который широко используется для сравнения частотных распределений, что означает его приложимость даже к данным в номинальной или порядковой шкале. Его можно применить в ситуации, где мы просто подсчитываем, сколько раз то или иное событие (например, некоторая форма поведения, то или иное заболевание и т. д.) имеет место в разных выборках или условиях (например, у мужчин и женщин; до воздействия и после воздействия). Если исходные данные являются количественными (*интервальная шкала* или *шкала отношений*), то их нетрудно преобразовать в шкалу с двумя-тремя порядковыми категориями (типа «низкий», «средний», «высокий»). Важный способ применения критерия — проверка связи между дискретными переменными (например, связаны ли курение и заболеваемость раком легких; есть ли связь между акцентуациями и социометрическим статусом), т. е. для анализа таблиц сопряженности. Синоним χ^2 -критерий, критерий согласия хи-квадрат (*chi-square goodness of fit*).

КРУГОВАЯ ДИАГРАММА (*pie chart*) — графический способ представления структурных данных в форме круга (круглого пирога) с сектора-

ми, размеры которых пропорциональны частям изображаемого целого (частотного распределения; распределения каких-либо ресурсов типа времени, денег и т. д.). Синоним секторная диаграмма.

ЛАТИНСКИЙ КВАДРАТ (*latine square, latin-square design*) — при исходно внутригрупповом плане способ формирования блоков с разным порядком предъявления условий (различающихся уровнем независимой переменной или сочетанием уровней нескольких независимых переменных). Для Л. к. характерно то, что количество блоков равно количеству условий, причем каждое условие эксперимента встречается в каждой позиции последовательности условий только один раз (например, при трех условиях латинскому квадрату будут соответствовать следующие три блока: ABC; BCA; CAB). Фактически, применение Л. к. для уравнивания эффекта порядка превращает внутригрупповой план в межгрупповой, поскольку испытуемые делятся на группы так, что в каждой группе применяется один из блоков. Результаты позволяют оценить величину эффекта порядка, а также статистически исключить его влияние на зависимую переменную путем объединения данных (по каждому условию), полученных в разных группах (блоках).

МЕРЫ ВАРИАТИВНОСТИ (*measures of variation, measures of variability*) — *описательные статистики*, служащие показателем того, насколько значения распределения «разбросаны» (рассеяны) вокруг той или иной меры центральной тенденции. К М. в. относятся дисперсия, размах, стандартное отклонение. Синоним показатели изменчивости (вариации).

МЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ (*measures of central tendency*) — статистические меры (*описательные статистики*) репрезентативного значения всех измерений в распределении, вокруг которого рассеяны др. измерения. Включает среднее, медиану и моду. Синоним показатели центральной тенденции.

МЕТОД БАЛЛЬНЫХ ОЦЕНОК — см. *Рейтинговая шкала*.

МНОГОВАРИАНТНЫЙ АНАЛИЗ (*multivariate analysis*) — совокупность методов математической статистики, предназначенных для исследования взаимосвязей множества (не меньше трех) переменных одновременно. Синоним методы многомерного анализа. В это понятие входят,

например, *множественная линейная регрессия* (и нелинейная тоже), множественный дисперсионный анализ (*MANOVA*), *многомерное шкалирование*, *кластерный анализ*, *факторный анализ*. Синоним многомерный статистический анализ.

МНОГОМЕРНОЕ ШКАЛИРОВАНИЕ (*multidimensional scaling*) — группа методов субъективного *шкалирования*, использующих различные типы данных о сходстве и различиях между стимулами. Процедура состоит в предъявлении пар стимулов и оценивании испытуемыми степени различия между ними с помощью, например, 10-балльной шкалы — от 0 (нет различия) до 9 (максимальное различие). На основе матрицы парных различий между стимулами решается задача по определению структуры базисного субъективного пространства минимально возможной размерности, в котором каждый стимул был бы представлен точкой (или вектором). См. также *Измерения в психологии*.

МНОЖЕСТВЕННАЯ ЛИНЕЙНАЯ РЕГРЕССИЯ (*multiple linear regression*) — математические методы аппроксимации зависимости переменной y (ее называют критериальной переменной) от нескольких независимых переменных x_i (так называемых предикторных переменных) с помощью линейной комбинации последних.

МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЕ СИГНАЛЫ (*multiplicative signals*) — перемножающиеся сигналы, причем результирующий сигнал равен произведению образующих его одновременно действующих сигналов. Ср. *Аддитивные сигналы*.

НЕПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ СТАТИСТИКИ и КРИТЕРИИ (*nonparametric statistics, nonparametric tests*) — статистики и статистические *критерии* для проверки *нулевой гипотезы*, которые не требуют 1) допущения о нормальном распределении измеряемого признака (переменной) в *генеральной совокупности* и 2) измерений в интервальной шкале или шкале отношений. Можно также сказать, что статистики, на которых основаны непараметрические критерии, используют не параметры распределений (типа среднего и дисперсии), а данные типа частот и рангов.

НЕПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ — см. *Непараметрические статистики и критерии*.

НЕПРЕРЫВНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*continuous variable*) — переменная, способная принимать бесконечное количество значений и способная изменяться на любую величину. Ср. *Дискретная переменная*.

НОМИНАЛЬНАЯ ШКАЛА (*nominal scale*) — самая слабая *шкала измерения*, которая отображает лишь отношение эквивалентности, посредством которого объекты группируются в отдельные непересекающиеся классы, причем номер класса фактически не имеет количественного содержания и может быть заменен названием, шифром и т. д. Примером шкалы такого рода может служить нумерация игроков спортивных команд. Синоним шкала наименований.

НОРМАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ (*normal distribution*) — вероятностное распределение, изображается в виде унимодальной симметричной кривой в форме колокола (*normal curve*), математически описывается формулой с двумя параметрами — средним значением и дисперсией. Используется для аппроксимации распределения выборочного среднего и статистических выводов при *проверке гипотез*.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИКИ (*descriptive statistics*) — статистические процедуры и показатели для экономного описания, анализа и обобщения данных; традиционно к О. с. относят *меры центральной тенденции* (например, медиана, мода и среднее) и *меры вариативности*. Синоним *дескриптивные статистики*.

ОШИБКА ПЕРВОГО РОДА (*type I error*) — при статистической *проверке гипотезы* неверное решение об отклонении *нулевой гипотезы*, H_0 (например, гипотезы об отсутствии различий средних значений, о независимости переменных), тогда как на самом деле вариабельность данных имела чисто случайный характер. Обратной стороной О. п. р. является признание наличия статистически значимого эффекта или факта зависимости при их отсутствии. Перед экспериментом исследователь определяет *уровень значимости* (обозначается греч. буквой « α ») — допустимую степень риска совершить О. п. р., т. е. вероятность того, что наблюдаемое изменение зависимой переменной произошло случайно. Обычно в качестве уровня значимости, при котором отклоняется нулевая гипотеза, выбирают $p = 0,05$ или $0,01$ (ненулевую гипотезу принимают, если p меньше выбранного уровня значимости). Синоним ошибка I рода.

ОШИБКА ВТОРОГО РОДА (*type II error*) — принятие *нулевой гипотезы*, когда реально она является неверной (равносильно: отклонение верной ненулевой гипотезы); например, О. в. р. возникает в тех случаях, когда принимается гипотеза об отсутствии изменения (различия), но в действительности оно имеет место. Вероятность допустить эту ошибку обозначают буквой греческого алфавита « β »; эта вероятность уменьшается с увеличением α (повышением *уровня значимости*) или объема выборки. Кроме того, вероятность О. в. р. можно снизить, уменьшая *дисперсию* внутри выборки или усиливая экспериментальное воздействие.

ОШИБКА ИЗМЕРЕНИЯ (*measurement error*) — случайная или систематическая ошибка измерения, вызванная любым фактором, создающим *смещение* измеряемого значения некоторой переменной.

ПАРАМЕТР (*parameter*) — величина (характеристика), вычисляемая по всем возможным наблюдениям в *генеральной совокупности*, например, генеральное среднее (μ) в отличие от выборочного *среднего M*.

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ (*parametric test*) — критерий статистического вывода, который требует допущения относительно вероятностного распределения переменной в *генеральной совокупности* (обычно предполагается *нормальное распределение*) и использует такие параметры этого распределения, как средние и дисперсии (например, *t*-критерий Стьюдента и критерий F). Ср. *Непараметрические статистики и критерии*.

ПЕРЕМЕННАЯ — см. *Переменные*.

ПЕРЕМЕННАЯ ЗАДАНИЯ (*task variable*) — типичная для психологических исследований *независимая переменная*, связанная с изменениями типа, уровня сложности или материала задач, которые решают в ходе исследования испытуемые (например, лабиринты с различными уровнями сложности, количество запоминаемого материала).

ПЕРЕМЕННАЯ УРАВНИВАНИЯ (*matching variable*) — переменная (как правило, субъектная), используемая для формирования попарно уравненных групп. См. *План с попарно уравненными группами*.

ПЕРЕМЕННЫЕ (*variables*) — характеристики (признак, качество), которые могут принимать два или более значения, измеряться и/или систематически варьироваться. В психологических исследованиях обычно имеют дело с тремя типами П.: 1) внешними (контекстуальными) П., которые относятся к условиям жизни, развития и поведения (например, культура, государство и эпоха — это тоже П.), 2) субъектными П., которые относятся к психическим процессам и чертам личности (например, объем кратковременной памяти, коэффициент интеллектуальности; половая, этническая и т. п. идентичности; родной язык); иногда к ним относят и организменные П. (например, частота пульса, группа крови, соматотип, черепной указатель, пол), 3) деятельностными и поведенческими П. (например, успеваемость, типичная скорость ходьбы, время реакции, а также целевые П. и *переменная задания*). Так называемые *демографические характеристики*, с точки зрения приведенной классификации, в основном относятся к субъектным П.

ПЕРЕМЕННЫЕ-МОДЕРАТОРЫ (*moderator variables*) — переменные (типа пола, возраста, социоэкономический статус и т. д.), которые влияют на связи (направление и силу связи) и возможные корреляции между другими переменными. Синоним модераторы. См. *Эффект модератора*.

ПЛАН ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ (*time-series design*) — одна из форм *внутригруппового плана*, при которой последовательно производится неоднократное измерение зависимой переменной при наличии и отсутствии экспериментального воздействия.

ПЛАН С ПОВТОРНЫМИ ИЗМЕРЕНИЯМИ (*repeated measures design, repeated-treatments design*) — то же, что *Внутригрупповой план*, т. е. экспериментальный план, в котором одну и ту же группу участников последовательно (см. *Эффект порядка*) подвергают воздействию всех уровней независимой переменной (всех сочетаний уровней переменных). См. также *Латинский квадрат*.

ПОРЯДКОВАЯ ШКАЛА (*ordinal scale*) — *шкала измерений*, которая отображает, кроме отношения эквивалентности, еще и отношение порядка; допустимым для нее будет любое монотонное преобразование. Примеры: балльные оценки успеваемости в школе, шкала твердости минералов (шкала Мосса). Синоним ранговая шкала.

ПСИХОМЕТРИКА (*psychometrics*) — раздел математической психологии, который изучает теоретические и методологические проблемы *измерений в психологии*; разрабатывает математические модели для методов психологического измерения (например, модель Терстоуна, модель *многомерного шкалирования*, модель латентных черт, *факторный анализ*) и обработки данных; определяет формальные требования для экспериментальной проверки психометрических свойств (*валидности, надежности* и др.) разнообразных методов психологического, в том числе психодиагностического, измерения. Термин «П.» появился в трудах немецкого философа Х. Вольфа. Синоним психометрия. См. *Психодиагностика*.

РАЗМАХ (*range*) — *мера вариативности*, разница между наибольшим и наименьшим значением в выборке.

РАЗМЕРНОСТЬ ФАКТОРНОГО ПРОСТРАНСТВА (*dimensionality of factor space*) — количество ортогональных факторов, извлеченных в результате *факторного анализа*.

РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ (*regression analysis*) — математический метод «подгонки» математической функции к статистическим данным. Простейшая задача состоит в приближении диаграммы рассеивания двух переменных линейной функцией $y = ax + b$. Уравнение, задающее линию регрессии, дает возможность для любого значения *независимой переменной* рассчитать соответствующее значение *зависимой переменной*. Термин «регрессия» ввел в науку Ф. Гальтон. Более сложным является случай *множественной линейной регрессии*.

РЕЙТИНГОВАЯ ШКАЛА (*rating scale*) — множество вербальных категорий (например, «никогда», «редко», «умеренно часто», «часто», «всегда»), чисел (например, 0, 1, 2, 3 и 4), геометрических точек, представленных в виде линейного отрезка, а также различные комбинации данных средств, позволяющие респонденту дать субъективную количественную оценку своего состояния и своих черт или свойств какого-либо другого человека, объекта, явления. Р. ш. может быть моно- или биполярной (например, «безобразный», «несимпатичный», «безразличный», «симпатичный», «красивый»; биполярные числовые шкалы, концы которых обозначены словами-антонимами используются в

семантическом дифференциале). Иногда переводится как «оценочная шкала». В российской литературе в качестве синонима для рейтинга используется термин «метод балльных оценок».

СЛУЧАЙНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ (*random assignment, random allocation*) — нормативный метод создания эквивалентных групп в рамках *межгруппового плана* посредством процедуры *рандомизации*, благодаря которой все испытуемые имеют равную вероятность попасть в ту или иную группу (и тем самым — в то или иное условие — контрольное или экспериментальное).

СЛУЧАЙНЫЙ ОТБОР (*random sampling*) — процедура отбора (выбора) испытуемых, при которой все представители изучаемой *генеральной совокупности* имеют равные шансы войти в *выборку*. См. *Случайная выборка*.

СМЕШАННЫЙ ФАКТОРНЫЙ ПЛАН (*mixed factorial design*) — *факторный план*, имеющий по меньшей мере одну внутригрупповую и одну межгрупповую *независимую переменную*.

СМЕЩЕНИЕ (*bias*) — систематическая ошибка измерения, наблюдения или оценивания, т. е. различие между предполагаемым (ожидаемым, оцениваемым) значением и истинным. Существует огромное множество причин (источников) и, соответственно, видов смещений (см., например, *Смещение выборки*). Следует заметить, что понятие «С.» широко и традиционно употребляется в общей теории измерения и в статистике, но в психологии человека и др. гуманитарных науках в дополнение к общенаучному смыслу данного термина добавляется большой класс эффектов С. субъективного характера, связанных с использованием людей в качестве респондентов (оценщиков, экспертов, судей), причем изучение этих эффектов может представлять самостоятельный интерес для психологии. В связи с этим представляется вполне целесообразным выделить субъективные эффекты С. в особую категорию, обозначив ее термином «*байес*».

СОПУТСТВУЮЩАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (*confounding variable*) — см. *Побочная переменная*.

СРЕДНЕЕ (*mean, average*) — одна из *мер центральной тенденции* распределения; в случае дискретного множества числовых данных С. вычисляются путем сложения всех значений и последующего деления суммы на количество значений. Синоним арифметическое среднее.

СТАТИСТИКИ (*statistics*) — количественные показатели двух типов: *описательные статистики*, которые обобщают выборочные данные (*среднее, стандартное отклонение и коэффициент корреляции*), и *статистики вывода* (или статистика для *проверки гипотез*), которые используются в статистических *критериях* и показывают, можно ли отказаться от *нулевой гипотезы* (например, F, t, U, T, χ^2). См. также *Статистическая значимость*.

СТАТИСТИКИ ВЫВОДА (*inferential statistics*) — статистические показатели (коэффициенты), которые позволяют определить вероятность того, что полученный результат является случайным (или наоборот); например, для определения *уровня значимости* различий между средними значениями двух или более групп. Синоним индуктивная статистика, статистика для *проверки гипотез*. Кроме *описательных статистик* при изложении результатов работы должны сообщаться итоги анализа статистической значимости, для чего и требуется С. в. Общее правило представления статистических данных указывает, что в каждом случае значения описательных статистик должны предшествовать данным о С. в. См. также *Непараметрическая статистика*.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ (*statistical significance*) — степень уверенности исследователя в возможности (правомерности) отклонения нулевой гипотезы; эта уверенность связана с величиной вероятности (*p*) того, что полученный результат мог бы быть получен вследствие действия лишь случайных факторов. Уверенность исследователя является оправданной (обоснованной), если эта вероятность меньше уровня значимости ($p < 0,05$ или $p < 0,01$). В этом случае говорят, что полученный результат обладает статистической значимостью или является статистически значимым (существенным).

СТАТИСТИЧЕСКАЯ РЕГРЕССИЯ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ ВАЛИДНОСТИ (*statistical regression as a threat to internal validity*) — см. *Регрессия к среднему*.

Т-ОЦЕНКИ (*T scores*) — итоговые оценки по ММРІ (см. в разделе 6), полученные путем преобразования сырых баллов посредством стандартизованных средних норм, чтобы облегчить сравнение и интерпретацию. Синоним Т-баллы, Т-показатель. В общем случае, перевод в Т-баллы осуществляется по формуле: $T = 50 + [10(X - M)/SD]$, где М — среднее первичных (сырых) показателей для нормативной выборки здоровых лиц, SD — стандартное отклонение для той же выборки, X — первичный результат конкретного обследуемого по той или иной шкале (в ММРІ). При нормальности распределения следует ожидать, что 95% случаев попадает в диапазон между 30 и 70 Т-баллами.

ФАКТОРНЫЙ ПЛАН (*factorial design*) — экспериментальный план, содержащий более одной *независимой переменной* (факторов). При этом если используются все сочетания («ячейки») фиксированных уровней независимых переменных, то Ф. п. называется полным. Общепринято обозначать тип полного Ф. п. с помощью сомножителей, указывающих количество уровней каждой независимой переменной: например, простейший факторный план обозначается как план 2x2 (читается: «2 на 2»); план 2x4, что значит наличие двух уровней первого фактора и четырех уровней второго фактора. Статистическая обработка результатов измерения *зависимой переменной* в различных ячейках, как правило, осуществляется с помощью *дисперсионного анализа ANOVA*, позволяющего оценивать главные эффекты и взаимодействия факторов.

ЧАСТОТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ (*frequency distribution*) — функция (функциональная зависимость), определяющая с какой *частотой* наблюдаются разные значения измеренной переменной. Эмпирические Ч. р. задаются с помощью таблиц и/или графиков, показывающих абсолютное или относительное количество случаев, приходящихся на каждое значение результата или на каждый из нескольких диапазонов (интервалов) значений переменной. Синоним распределение частот. Теоретические Ч. р. (вероятностные распределения) часто задаются аналитически. Многие явления имеют нормальное распределение вероятности.

ШКАЛА ИЗМЕРЕНИЙ (*measurement scales*) — это множество чисел, отношения между которыми отражают отношения между объектами эмпирической системы. В частности, Ш. и. можно назвать результаты

измерения, полученные определенной системой вопросов, заданных испытуемому, а также сам инструмент измерения (т. е. систему вопросов, опросник, тест). Шкалы разделяют по типу в соответствии с тем, какие отношения они отражают, или, что эквивалентно, теми допустимыми (математическими) преобразованиями, которые оставляют инвариантными соответствующие отношения. Широко известна простая типология шкал, предложенная американским психологом-психофизиком С. Стивенсом (1946): *шкала отношений, интервальная шкала, порядковая шкала и номинальная шкала*.

ШКАЛА ЛАЙКЕРТА (*Likert scale*) — 1. Ш. Л. — один из основных типов методик для измерения аттитюдов. Синоним: метод суммируемых оценок Лайкерта (Ликерта). Ш. Л. состоит из набора утверждений, отражающих различные степени и способы отношения к некоторому целевому объекту или явлению. Процедура измерения аттитюда заключается в идентификации респондентом степени своего согласия или несогласия с каждым пунктом с помощью 5 или 7-позиционной вербальной рейтинговой шкалы от «полностью согласен» до «совершенно несогласен». Эти варианты ответов переводятся в баллы, итоговый балл высчитывается как сумма полученных баллов по всем пунктам и именно он является оценкой аттитюда данного человека. 2. Так часто называют лишь вербальную рейтинговую шкалу, с помощью которой респондент выражает степень своего согласия с теми или иными утверждениями, в том числе и вне контекста измерения аттитюдов.

ШКАЛА ЛЖИ (*lie scale*) — контрольная шкала в ряде *личностных опросников*, предназначенная для оценки склонности обследуемого к «эффекту фасада» (см. *Байес социальной желательности*); состоит из пунктов, спрашивающих о весьма распространенных и социально нежелательных, но не слишком серьезных проступках (например: «Пользовались ли вы шпаргалками..?», «Приходилось ли когда-нибудь говорить неправду?»). Если испытуемый отрицает это, то он либо святой, либо не искренен.

ШКАЛА ОТНОШЕНИЙ (*ratio scale*) — *шкала измерения*, допустимым преобразованием которой является лишь преобразование подобия (умножение шкальных значений на константу). В физике этому типу шкалы удовлетворяют многие процедуры измерения, например, массы в кг,

длины в м, температуры в градусах Кельвина. Иногда в качестве синонима «Ш. о.» используется термин «абсолютная шкала», поскольку нулевая точка здесь не является произвольной и называется «абсолютным нулем». Однако термин «абсолютная шкала» имеет и более узкое значение, когда он применяется для обозначения шкалы, допускающей лишь тождественные преобразования и отображающую количество «неделимых» и «однородных» (дискретных) объектов, например, количество жителей города N, число зубов, объем кратковременной памяти и т. д. Синоним пропорциональная шкала.

ШКАЛИРОВАНИЕ (*scaling*) — в основном синоним термина «измерение», особенно прижившийся в психологии. См. *Измерения в психологии, Многомерное шкалирование*.

Вместо заключения

Иди туда, куда влечет тебя свободный ум.

А. С. Пушкин

Каждому положению может быть противопоставлена иная противоположная точка зрения. И это начало «диалектики», то есть мысленного собеседования с учетом, по возможности, всех логических возражений. И, можно сказать, это и было началом науки.

А. А. Ухтомский

Методология и искусство

Лучшая характеристика методологии принадлежит Р. Декарту. Методология — это правила для руководства ума, добавим, — ищущего и пытливого. Человеческий ум имеет дело с пространством, временем, вещами, образами, представлениями, действиями, чувствами, словами, мыслями, смыслами, обобщениями, операциональными и вербальными значениями, житейскими и научными понятиями, концептами культуры, концептуальными схемами, моделями, теориями, науками, их методами и с той же методологией, если ум рефлексивен. В последнем случае ум имеет дело со словами и с мыслями о мыслях. В двух словах, ум имеет дело с задачами и проблемами. Он же имеет дело с сомнениями, иллюзиями и заблуждениями. В нем накапливаются энергия познания и энергия заблуждения. Замечательна характеристика ума А. Ф. Лосева, данная В. В. Бибихиным. Это «все определяющий взгляд на мир, и знание, что с этим миром надо делать. Велик ли его набор идей? Есть ли они вообще? Есть *инструмент*, который высекает искры, встречаясь с чем бы то ни было. Какие искры это будут, ему может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то *внутренний кремень*»¹. В этой характе-

¹ *Бибихин В. В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 19.

ристике выражены свобода, универсальность, основательность и игра ума философа.

Множество объектов ума — это еще полбеды. Работа ума осложняется тем, что все его объекты обладают избыточными степенями свободы, допускающими или, скорее, предполагающими множественную интерпретацию, источником которой является свободный ум, который способен, если и не представить, то помыслить любую чушь. Поэтому одно из требований к уму — сомнение, в том числе и по поводу всеислия методологии. Сомнение не следует смешивать со скепсисом, как говорил Г. Г. Шпет, философский скептик — неудачник в любви. Свободу ума дисциплинирует и ограничивает методология, представляющая научный, философский или какой-либо другой тип рационально-рефлексивного сознания, направленного на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности.

Декарт говорил, что мы живем в Океане фактов, добавим — в Море понятий. И в этом океане есть островки, где факты научны. Но в океане есть ветра, течения, волны, закрывающие солнце и звезды тучи. Чтобы находить их, нужен компас. Теория и методология играют роль такого компаса. Методология и есть ориентация, точка зрения, с которой рассматривается объект изучения. Стрелка компаса может быть и нарисована, и направление указано (приказано) заранее. Тогда это — вера или идеология: шаг в сторону от стрелки — побег. Это методологическое принуждение, порождающее лженауку. Наука не может развиваться, а ученые не могут размножаться в неволе. Принуждение может называться марксизмом, системным подходом или еще как-то. При этом забыли давние и недавние предупреждения: лучше уж суеверие, чем системное верие (В. Ваккенродер); система — результат события мысли, а не ее предпосылка (П. А. Флоренский). В итоге начался бессистемный отход от системного подхода (Б. З. Мильнер), что, впрочем, было вполне ожидаемо. Системность нужна не для исследования. Ошибка в эксперименте может дать начало открытию (И. П. Павлов). Она нужна для научного изложения и обоснования. Не переоценивали роль системы и театральные деятели. Михаил Чехов сказал, что талант создает систему, а не система создает талант, и привел слова К. С. Станиславского: «Моя система только для талантливых», которым есть, что «систематизировать», — добавил М. Чехов.

Наука под диктовку — это мы уже проходили, печальный опыт имеется. Иное дело — осознание ценностей, лежащих в основе научного поиска. Есть взгляд, что психология, по сути, — перформативная наука, т. е. она рассматривает подведомственные ей содержания как побуждаемые ценностями ее создателей и потенциальных пользователей. В методологическом плане важен вопрос: следует ли положить в основу построения психологии принцип ценностного обоснования ее утверждений, должна ли аксиология рассматриваться как предпосылка движения психологического знания? Одно дело сказать: психология — перформативная наука (таково, быть может, исторически сложившееся положение дел), и совсем другое — заявить, что психология *должна быть* перформативной наукой. Не следует путать онтологическую и деонтологическую (ценностно-нормативную, «δέον» — должное) картины науки (В. А. Петровский).

Порой стрелка компаса становится безумной и крутится независимо от фактов, понятий, теорий, наук, становится автономной от науки и жизни системомыследеятельностью (Г. П. Щедровицкий). Может быть, при выборе методологии положиться на здравый смысл? Но он понимает только то, что здраво (Г. Г. Шпет), а по свидетельству ученых XX в., физике нужны сумасшедшие идеи, нужны люди, которые не знают, что нечто невозможно сделать и делают это. Происходящее в методологии (или с методологией) нужно оценивать оптимистически, как ее развитие. В том числе, как развитие впрок, характерное не только для математики, но и для других наук. В чем-то методология опережает развитие науки, в чем-то следует за ней или отстает от нее. Кто впереди, не столь существенно. Важнее, что исчезает монизм, уступая место диалогу, разговору, плюрализму методов и подходов.

В такой ситуации ученым-исследователям разобраться с методологическими изысками, пожалуй, сложнее, чем с непосредственным предметом своих исследований. Не удивительно, что некоторые из них предпочитают эклектику, другие переходят на «методологическое самообслуживание», формулируют имеющие всеобщее значение законы, принципы и теории, например, относительности, дополненности, неопределенности, утверждают объективность субъективного, случайного, спонтанного и пр. В 1907 г. Г. Г. Шпет писал, что в конце концов возникает вопрос о всеобщем в психологии значении закона относительности, а не только закона относительности, открытого Э. Вебером в середине XIX в. В. В. Бибихин

приводит слова А. Ф. Лосева: В подлунном мире «много нецелесообразного, хаотического. Хаос тоже входит в картину мира. Все эти относительные вещи, эти категории неабсолютного бытия — действительные силы, живые. Они красивые, действующие, никогда не мертвые; никакая вечность, никакая устойчивость им не мешает»². Далее Лосев говорит, что уже в аристотелевской системе есть и эстетика, и относительность. «Относительность фонтаном бьет в этой эстетике — все абсолютное бьет этим фонтаном»³. В этом смысле психология очень близка эстетике, или эстетика психологии.

А. Эйнштейн признавался, что для создания общей теории относительности творчество Достоевского дало ему больше, чем математика. Интересно признание сформулировавшего принцип дополненности Н. Бора о влиянии на его миропонимание идей Х. Гейфдингга — датского философа, психолога и педагога, с которым он был знаком в детстве и юности. Этот принцип хорошо бы распространить на отношения гуманитарных и естественных наук, произошедших и развивающихся из одного корня — гетерогенного слова, являющегося, согласно Г. Г. Шпету, главным *principium cognoscendi*. Соответственно, и методология научного знания должна быть если не общей для его различных ветвей, то служить в большей мере их соединению, чем разъединению. Из этого же корня развивается и искусство. Например, библейское Слово лежит в начале всего христианского искусства. Познавательную и эвристическую роль искусства не следует недооценивать. Искусство нередко на столетия опережает науку. В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам писал: «Будущее дантовского комментария принадлежит естественным наукам, когда они для этого достаточно изошрятся и разовьют свое образное мышление»⁴.

В современной России интересы психологической теории часто приносятся в жертву опытам хорошо бы изящной, но чаще — неряшливой словесности. Им, да не только... В. А. Петровский писал: «Если говорить о сегодняшнем дне “психологии личности” на Российских просторах, то приходится констатировать: интересы коллег все чаще ограничиваются контурами условного квадрата, четыре вершины которого: “психография” (т. е. сбор, а чаще всего диссертационное скла-

дирование и терминологическое кодирование эмпирических фактов), “психософия” (возвышенные размышления о душе), “психофилия” (любовь ко всему загадочному, необычному в психической жизни) и широкомасштабное “психотворчество” (попытки реализовать старый проект инженерии человеческих душ). Психология личности среди этих исканий занимает не столь уж видное место. Долгое время в общей психологии царил “методология”, совокупность подходов, так и не породивших теории. И сейчас, порою, в силу непобедимой силы инерции, методология — это затянущиеся роды теории»⁵. «Прямое замыкание» методологии на эмпирию приводит к тому, что поиск островка научных фактов ведется «без теоретического руля и ветрил».

Однако только теория способна делать открытия на кончике пера. Ее достоинство и функция, как и функция психики, вкупе с сознанием, состоит не в отражении, а в порождении. Теория вместе с методологией не только ищет в океане островков научных фактов, но и конструирует, создает новые островки, а иногда и целый архипелаг, состоящий из них. Экспериментальная наука создает условия для проверки теоретически сконструированных гипотез, притом такие условия, которые в наблюдаемой реальной фактологии, в жизни не встречаются. Поэтому нередко экспериментальные условия воспринимаются как абсурдные. К сожалению, не все красивые экспериментальные замыслы осуществимы. Конечно, и теории преходящи. Они нужны лишь до тех пор, пока их не сменяют другие — лучшие теории.

При всей важности методологии, не худо бы помнить завещание М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского: «Без онтологии тоска берет за горло». До них об этом же, но иначе писал Анри Бергсон: Наука (добавим: вкупе с методологией) может воспарить как угодно высоко, но, будучи брошенной на поле действия, она должна оказаться на ногах. Эти предупреждения не случайны. Их основанием является то, что «Догмат, понятия — это очки. От живого дыхания настоящего эти очки запотевают, и в ясных понятиях мы ничего не видим» (А. Белый). Об этом же В. Хлебников: *Это на око — ночная гроза, / Это наука легла на глаза.*

Соотношение методологии и научного исследования на метафорическом языке Л. С. Выготского можно выразить двояко. Пер-

² Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 63.

³ Там же.

⁴ Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 123.

⁵ Петровский В. А. Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории. М., 2010.

вый образ — улитки: в середине — мягкотелая наука, а сверху — методологический костяной покров. Подходит и образ черепахи, одетой в панцирь. Есть у Л. С. Выготского и второй, скрытый образ методологии, когда скелет помещен внутри организма, образуя его внутренний остов. Автор замечает, что второй тип организации представляется ему высшим не только для животных, но и для психологических монографий. Образы Выготского предполагают возможность свободного выбора: думайте сами, решайте сами...

Мышление, рацию, рассудок, разум не имеют монополии на решение проблем и принятие решений. Смысл учения Спинозы состоит в том, что ум без сердца дешево стоит, как, впрочем, и сердце без ума: *Верь тому, что сердце скажет, нет залогов от небес* (В. А. Жуковский). Спинозист Л. С. Выготский вымечтал единство аффекта и интеллекта. Тогда же В. И. Вернадский и Т. де Шарден вымечтали ноосферу, видимо, устав от человеческой глупости, которая уже тогда достигала космических высот. При разложении мира на разумно действующие силы единственно неразумным является человек, — заметил О. Мандельштам. Д. Канеман был удостоен Нобелевской премии за великое открытие того, что эмоции влияют на принятие экономических решений. Он еще раз доказал пушкинское: *ум с сердцем не в ладу. Сведение ума в сердце требует многолетней практики*, — говорил А. Ф. Лосев. Эмоциональное мышление и умные эмоции колеблются на острие меча, как, впрочем, и сама жизнь (А. А. Ухтомский). А жизнь (согласно ему же) есть требование от бытия смысла и красоты, которые сбалансированы и уходят от концептуализации. Правы Б. Пастернак и И. Бродский, говорившие, что жизнь это не продукт наших умозаключений.

Наш методологический выбор сделан в пользу культуры и истории. Еще в 1922 г. Г. Г. Шпет писал о новом взлете *культурно-исторической волны* в конце замечательного девятнадцатого столетия: «Наше время захотело быть орудием в руках злого гения истории и воздвигло поперек ее течения чудовищную военную плотину»⁶. После того как были написаны эти слова, все новые и новые плотины преграждали путь культурно-историческому течению (направлению, школе), но остановить его так и не смогли. Культура и история — это

⁶ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 184.

тоже своего рода методология, т. е. главные ориентиры для любой методологии, философии и для всех гуманитарных наук. Психологии в 30-е гг. XX в. невероятно повезло. Один из самых оголтелых критиков Л. С. Выготского, стремясь дискредитировать его теорию, сделал ей высший комплимент, сказав, что она представляет собой «так называемую культурно-историческую психологию». Возможно, он имел в виду труды Г. Г. Шпета, шельмование которого началось задолго до Л. С. Выготского. На том стоим и вслед за старшими поколениями научной школы культурно-исторической психологии стараемся оправдать это замечательное название. Не следует забывать и того, что Л. С. Выготский особо подчеркивал инструментальный характер своего подхода, понимая под этим опосредованную культурными артефактами природу высших психологических функций.

Конечно, приятно сознавать, что культурно-исторический подход (и метод) к изучению психики и сознания в последние десятилетия становится важным методологическим принципом развития не только психологии, но и гуманитарного знания как такового. Разумеется, в этом большую роль играют труды философов В. В. Библихина, Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, Э. Г. Юдина, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной и др.

В 80-е гг. XX в. культурно-историческую психологию с большим опозданием отнесли к неклассической науке (А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин). Можно добавить, что она является одной из провозвестниц неклассического идеала рациональности. Подождем, когда приставка «не» исчезнет и она станет такой же классической, как и старая, добрая классическая психология. Между прочим, она была культурной, исторической, когнитивной, гуманистической, экзистенциальной, позитивной и пр., хотя самонадеянно и самозвано не афишировала эти свои измерения.

Культурно-историческая психология рефлексивна и методологична по своей сути. Но при этом не следует забывать, что метод это познание мира, т. е. уступание себя миру, с тем, чтобы услышать его голос, его смысл, его истину: «наш» голос возмущает всю ситуацию поиска, «наше» слово не только не в состоянии «ухватить тайну», но даже приблизиться к ней. Только это уступание себя миру позволяет сделать первый шаг Судьбе, причем такой шаг, который еще позволяет человеку «уступившему себя миру» использовать свой шанс на встречу с истиной. «Уступание себя миру» есть акт любви. П. А. Фло-

ренский утверждал: «В любви и только в любви мыслимо действительное познание Истины»⁷. Обратим внимание на соседство двух слов: «истина» и «тайна». Смысл приведенных выше высказываний состоит в том, что к истине и тайне бесполезно подходить с предвзятыми рациональными или иррациональными (утопическими) схемами. П. А. Флоренский в *любви*, А. А. Ухтомский в *совести* видели *начальные* стадии давно желанной интуиции, без которой невозможно не только научное, но вообще никакое мышление. А там, где любовь, совесть, интуиция, там поэзия и искусство, которое Г. Г. Шпет назвал органом философии (думаем, что и психологии тоже)⁸. Уместно вспомнить и книгу М. К. Мамардашвили «Эстетика мышления». Искусство — не только один из предметов психологических исследований, но и важнейший источник психологических знаний, эвристик и интуиций. Смысловые поэтические формулы стоят математических. «Сказанное поэтически и сказанное мышлением никогда не тождественны; но то и другое иногда бывает тем же самым, а именно тогда, когда свободно и явно зияет пропасть между поэзией и мышлением. Это может произойти, когда поэзия высока, а мышление — глубоко»⁹. М. Хайдеггер иллюстрирует это положение строкой Гёльдерлина: «Кто о глубочайшем думал, любит живейшее» и примечательно комментирует: Любовь, приятие покоится в мышлении. Покоится ли любовь в мышлении или мышление — в любви, как утверждал П. Флоренский в конце концов не столь важно. Главное, чтобы они были вместе. Этот принцип должен стать важнейшим для современной психологии, в которой теория вырастает из опыта практикующих психологов, рефлексивно осмысливающих этот опыт. Тогда появятся любовь к познанию, «неутолимый голод мысли», «духовная жажда», а вместе с ними будут прирастать не только знание, но также «ученое незнание», являющееся движущей силой познания. Каков бы ни был путь к истине, к огорчению скептиков приведем оптимистическое и требовательное высказывание В. Гёте: «Истина давно обретаена и соединила высокую общину духовных умов».

⁷ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. С. 74.

⁸ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 183.

⁹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 44.

Методологическая «культура» или «санитарно-гигиенические» требования к исследователям-психологам

1. Признание наличия чуда, тайны (многих тайн), «ученого незнания», сохранение способности удивляться. Уважительное отношение к тайне: не раскрыть, а прикоснуться к ней, сделать более осязаемой (И. Кант).

2. Ценность и неповторимость индивидуальности. Внимание к case history: А. Р. Лурия, О. Сакс, Ф. М. Достоевский, В. В. Набоков. Длительный психоанализ, психотерапия. Мемуары, исповеди, эпистолярное наследие.

3. Доминанта на лицо другого. (А. А. Ухтомский, Эм. Левинас, М. Бубер, М. М. Бахтин, Ф. Д. Горбов: Лицо — слово. Лицо — душа тела. Я — другой, Я — Ты, Я — второе Я и т. д.).

4. Религия: вера — *на том стою и не могу иначе; верую, ибо абсурдно*. Наука: сомнение — *исследование психологов было бы более легким, более точным, если бы Бог не был неясной переменной величиной* (Американский психотерапевт Т. Грининг).

5. Чувство юмора. Ирония (к самому себе в первую очередь). Рефлексия! Преодоление тщеславия, гордыни. «Тщеславие — смерть мысли» (Л. Витгенштейн).

6. Принцип сочувствия в науке — отношение к коллегам. Не спешить с оценками других теорий, фактов, методов, рискованно отвергать их с порога (С. В. Мейен).

7. Открытость критике.

8. Помнить о том, что человек всегда больше того, что мы можем о нем сказать, узнать и понять.

9. Недопустимость «дикого» психоанализа и вообще поспешного самоанализа, как и поспешного построения Я—концепции.

10. Забота о себе и познание себя. *Нужно познавать себя не в зеркале, а в глазах других* (Платон). Или: ирония В. Гёте: *Познай себя. Что толку в том... / Познаешь, а куда бежать потом?* В античности забота о себе — не эгоистическое самоутверждение, не уход в себя, а совокупность требований духовности, все те преобразования себя, которые нужны для получения доступа к истине. А. А. Ухтомский называл внимание духу одной из главных доминант души. Что касается

предписания дельфийского оракула «познай самого себя», то это не принцип самопознания. А нечто вроде психотехнического приема: желательно скромной оценки успешности продвижения по пути заботы о себе, по сути, по пути самосозидания и самостроительства.

11. Многозначность понятий интериоризации и экстериоризации. Впечатывание и Осознание. Интериоризация — не только вращивание, но и выращивание; экстериоризация — завершающий акт творчества.

12. Доверие не только Рацио, но и Эмоции. Эмоциональный интеллект и интеллектуальные эмоции.

13. Помнить, что все живое упорно сопротивляется концептуализации, но живой взгляд ее условие. Как «живое вещество» (В. И. Вернадский) в сочетании с «живым движением» (Н. А. Бернштейн) порождает «живую душу»? Или: Душа это дар моего духа другому (М. М. Бахтин)?

14. Внимание к истории. Науку еще никому не удалось начать с себя. История психологии — не поле брани, усеянное телами умственно отсталых предшественников. Историзм столь же важен, как и самостоятельность. Без них вообще не может быть научной школы.

15. Помнить, что человек создан не для удобства экспериментаторов, управленцев, манипуляторов и других практиков. Пора преодолеть гордыню и претензию на формирование нового человека, личности (кто уполномочил и по чьему образу?). Личность — человек исторический, ее синонимом является свобода, притом не всякая, а сопровождаемая чувством ответственности и вины. Извне сформированная «личность» — это не более, чем наличность того, кто ее сформировал.

Проблематизация методологических принципов современной психологии

В нашей отечественной психологии до сих пор бытуют застарелые методологические принципы-заклинания советской психологии. Некоторые из них требуют ревизии, дополнения, другие — перевода из повелительного наклонения в дискуссионную, проблемную форму. Не надо «философствовать молотом» и «приравнять к штыку перо».

В истории человечества психология — первая наука. В прошлом она была наукой о душе, затем — наукой о ее отсутствии. Будем надеяться, что в будущем она вновь станет наукой о присутствии души и духа. Пока же остается справедливым давнее утверждение М. Хайдеггера: «В Америке и других странах логистика как собственно философия будущего начинает сегодня господствовать над духом. И в силу того, что логистика соответствующим образом смыкается с современной психологией, психоанализом и социологией, концерн грядущей философии становится отлаженным до совершенства»¹⁰. Возникающие неклассические формы рациональности еще не достигли такого уровня толерантности, чтобы вернуть душу в психологию. В такой ситуации требования строгости и точности, действительно, нужно воспринимать со щепоткой соли. Вспоминается старая шутка, что после богословия и медицины психология — самая точная наука, имеющая свои резоны. Впрочем, психология готова уступить это почетное место другим претендентам. Она и сама защищается от нападков в «не строгости» самыми изощренными статистическими методами.

Сегодня психология становится объективной наукой о субъективном мире человека и животных (П. Я. Гальперин). Это столь же верно, как и то, что на фундаментальных законах физики (и других естественных наук) лежит печать субъективности (А. С. Эддингтон), и все их можно характеризовать как субъективные науки об объективном мире. Это не эпатаж, а констатация. Как говорили А. Эйнштейн и Л. Инфельд: Человеческое мышление творит вечно изменяющуюся картину вселенной. В. Гейзенберг, который вывел фундаментальный принцип квантовой механики — соотношение неопределенностей, утверждал: поскольку мы признаем атомные объекты в отношении к макромиру, наше описание этих объектов не может быть объективным.

Относительность разделений на объективное и субъективное, на видимое и невидимое, на тело и душу, на внешнее и внутреннее, на значение и смысл. В человеческой жизни постоянно происходят противоположно направленные акты: овнешнение внутреннего, овнутрение внешнего; объективация субъективного и субъективация объективного; означение смысла, осмысление зна-

¹⁰ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 46.

чения; овнешнение, оплотнение (от плоти) души, одухотворение, одушевление, воодушевление тела.

Субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное (А. А. Ухтомский). Главная задача психологии — не изучение связей «объект — субъект», а изучение взаимоотношений «Человек — Мир» (С. Л. Рубинштейн, М. Хайдеггер, А. Н. Леонтьев, В. В. Бибихин).

В то время, когда психологи стремились к строгому детерминистическому описанию индивидуального поведения, истоков сложных человеческих потребностей в терминах естествознания, само естествознание стало обращаться к психологии, стремясь понять свободные (индетерминистические) явления, с которыми оно столкнулось. В объективном и субъективном мирах в равной степени объективно присутствуют неопределенность, индетерминизм, хаос, случайность. *Случай — Бог-изобретатель* (А. С. Пушкин); *Случай — псевдоним судьбы* (В. В. Набоков).

Жизнь в недоопределенном мире требует не реактивности, а активности, понимания и построения собственного субъективного мира, который по своей сложности должен быть равен или превосходить объективный мир.

Важнейшая функция психики — не только отражение (отбрасывание в раже): *Зеркало корчит всезнайку* (О. Мандельштам). Главное — порождение образа мира, образа не только настоящего, но также возможного, потребного будущего, которое может настать лишь при напряжении действия. Непотребное приходит само.

Принцип деятельности, при всей его значимости, не обеспечивает полноты психологического исследования. Он должен быть дополнен феноменологией сознания, переживания, анализом эмоционально-мотивационной и личностной сферы. Уход в тень — а не со сцены — деятельностного подхода — явление не уникальное. В той же тени оказались ассоцианизм, гештальтпсихология, бихевиоризм, реактология и рефлексология. Такая же судьба ожидает когнитивную, гуманистическую, экзистенциальную и пр. психологии. На смену им придут другие подходы и концептуальные схемы. Это означает лишь то, что наука жива и питается своими историческими и культурными корнями.

О живости и динамизме психологии свидетельствуют постоянная смена и увеличение числа единиц анализа психики: ассоциация,

гештальт, рефлекс, реакция, акция-действие, образ, значение, содержание, смысл, слово, переживание и т. д. В психологии развития предлагаются свои единицы: совокупное действие, слиянное общение. Постепенно строится таксономия единиц анализа и накапливаются аргументы в пользу их гетерогенности. Например, за действием стоят образ и слово, за образом — слово и действие, за словом — действие и образ. Равным образом, за сознанием и личностью стоят не только действие и деятельность, но и значащие переживания, рождающие новые жизненные и личностные смыслы. Ведь страдание — единственная причина сознания (Ф. М. Достоевский).

Сегодня заканчивается эпоха мононаук. Все больше появляется междисциплинарных контактов и территорий. Психология всегда была одной из самых привлекательных, даже заманчивых, с точки зрения междисциплинарных исследований наук. Возможно потому, что каждый человек считает себя немножко психологом. Но есть и такие, которые считают себя психологами больше, чем все психологи вместе взятые. Так образуется *редукционистский слалом* (В. Н. Порус). Изучение сознания тонет в море молекулярной теории (А. Р. Лурия). Можно сформулировать правило: чем больше варягов (обычно неудачников) из своих областей знаний приходит в психологию, тем разнообразнее (и нелепей) виды редукционизма в психологии. На роль законодателей психологии претендуют физиологи, физики, инженеры (кибернетики), математики, логики, социологи, лингвисты, теологи, даже политологи и пр. Как ни странно, но именно беспрецедентное разнообразие и количество форм редукции психики к тому, чем она не является, придает психологии устойчивость. Хотя она и сама раскачивается как верхушка Останкинской башни с амплитудой 12—14 метров, но поскольку каждый тянет в свою сторону, то своими усилиями только обеспечивает устойчивость, укрепляет ее положение. Разумеется, немало примеров и весьма плодотворного сотрудничества. Например, А. Р. Лурия назвал физиологию активности Н. А. Бернштейна психологической физиологией, о которой мечтал Л. С. Выготский.

Главным камнем преткновения психологии является человек *целостный*, человек собранный. Кажется, собрать его не проще, чем расщепленный атом. В *исцелении* (по К. Юнгу) нуждается не только человек, но и науки о нем. Психология, конечно, преуспела в аналитической работе, но сильно отстает работа синтетическая.

Вернемся к А. А. Ухтомскому (см. эпитафия) и обозначим противоположные точки зрения или болевые противоречия, являющиеся традиционным предметом дискуссий в психологии:

Душа — Тело; Слово — Дело; Психика — Мозг; Внешнее, внутреннее — Целое (обладающее внешней и внутренней формами); Детерминизм, казуальность — Свобода, неопределенность; Отражение — Порождение; Реактивность — Активность; Рефлекторность — Рефлексивность; Воспроизведение — Творчество; Дискурсия — Интуиция; Центрация — Децентрация; Объективность — Субъективность; Бытие и сознание — Единый континуум бытия сознания (участность сознания и мышления в бытии); Системность — Хаотичность (порядок из хаоса); Гомогенное — Гетерогенное (строение психических актов); Гомофония (одноколейность) — Полифония (мышления и сознания); Иерархия — Гетерархия (организации психических актов); Монологизм — Диалогизм (сознания); Натуральное — Культурное; Социальное — Биологическое; Синхрония — Гетерохрония (развития); Непосредственное — Опосредованное.

Психология столетиями находится на качелях между перечисленными и не перечисленными полярностями. Не пора ли остановить качели? Но если их остановить, исчезнет предмет разговора, и психология как наука кончится. Приведенные оппозиции переплетаются, частично перекрывают друг друга и образуют не иерархию, а гетерархию теоретико-методологических проблем психологии. Их обсуждение и вековые споры продолжаются, накапливаются и проблемы. В спорах принцип фальсификации действует сильнее, чем принцип сочувствия. Тем не менее сама длительность существования противоположных точек зрения должна свидетельствовать об их совместимости. Вольно или невольно мы держим эти противоположности в сознании, но значительно реже осознаем их продуктивный характер. По отношению к дискуссиям, ведущимся в науке, методология должна оставаться над схваткой. Методологическая культура — это, конечно, *культ разума*, а не культ насилия. Ее уроки предназначены для того, чтобы помогать наукам самим решать свои проблемы. Возможно, подготовка урока, посвященного проблеме совместимости / несовместимости различных схем, принципов, теорий и есть перспектива ближайшего и более отдаленного развития методологии гуманитарных наук.